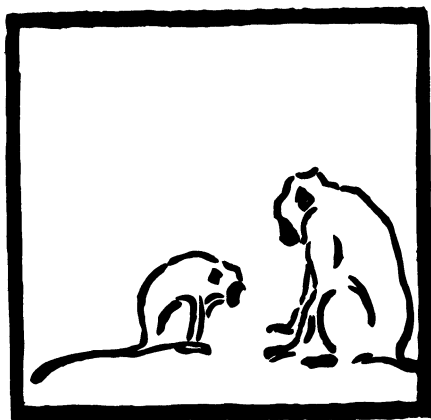

Игорь КОН

БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ?

МОСКВА
2012

УДК 316.6
ББК 88.5
К64

Дизайн, макет
Валерий Калныньш

Кон И. С.

К64 Бить или не бить? — М.: Время, 2012. — 448 с. — («Диалог»)
ISBN 978-5-9691-0721-2

«Бить или не бить?» — последняя книга выдающегося российского ученого-обществоведа Игоря Семеновича Кона, написанная им незадолго до смерти весной 2011 года. В этой книге, опираясь на многочисленные мировые и отечественные антропологические, социологические, исторические, психолого-педагогические, сексологические и иные научные исследования, автор попытался представить общую картину телесных наказаний детей как социокультурного явления. Каков их социальный и педагогический смысл, насколько они эффективны и почему вдруг эти почтенные тысячелетние практики вышли из моды? Или только кажется, что вышли? Задача этой книги, как сформулировал ее сам И. С. Кон, — помочь читателям, прежде всего педагогам и родителям, осмысленно, а не догматически сформировать собственную жизненную позицию по этим непростым вопросам.

ББК 88.5

ISBN 978-5-9691-0721-2

9 785969 107212

© Игорь Кон, 2012
© «Время», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

В далекие послевоенные годы, когда я учился на истфаке Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, у нас был большой курс истории педагогики. Читал его известный специалист в этой области профессор Е. Я. Голант (1888—1971). Читал хорошо, эмоционально, с отличным знанием дела. Все классики педагогики в его изложении были замечательными учеными и великими гуманистами. Но в какой-то момент каждой своей лекции Евгений Яковлевич глубоко вздыхал, грустнел и говорил: «Однако была у него одна ограниченность — телесные наказания детей он считал неизбежными». Поскольку это говорилось почти обо всех классиках педагогики (во всем остальном они друг с другом расходились и без этого не стали бы классиками!), мы смеялись, что, видимо, это единственная достоверно установленная педагогическая истина, которую от нас почему-то скрывают.

Повседневная жизнь это впечатление подкрепляла. Не то чтобы всех нас в детстве жестоко пороли — лично меня никто никогда пальцем не тронул, но шлепки и тычки считались нормальной частью повседневной жизни. Не были исключениями и профессора педагогики. Летом после второго курса я вместе с однокурсниками работал воспитателем в пионерском лагере, и в старшем отряде там оказались

два сына нашего профессора педагогики Леонида Евгеньевича Раскина (1897—1948). Это был замечательный человек, его курс — один из немногих, который я прослушал целиком, от начала до конца, потому что это было интересно. Однако сыновья его были большими неслухами, и когда в первое же воскресенье Раскин приехал в лагерь, он сказал моему приятелю: «Своих мальчишек я знаю, так что, если станет неважно и захочется дать ему подзатыльник, я в претензии не буду». Конечно, это была шутка, не думаю, что Леонид Евгеньевич на самом деле бил своих сыновей, да и мой однокурсник этим разрешением не воспользовался, но терпимость к телесным воздействиям была для нас нормальной.

Про Антона Семеновича Макаренко и говорить нечего. На словах он был против рукоприкладства, но мы все читали «Педагогическую поэму» и нисколько не сомневались в том, что, если бы Макаренко однажды не избил Задорова, ничего с этими хулиганами у него бы не получилось.

Практически на всем протяжении истории человечества порка считалась необходимым, а то и единственным эффективным средством воспитания. Не многим лучше обстоит дело и в современном мире. По данным многочисленных массовых опросов, 90% американских родителей «верят» в порку; даже среди семей среднего класса, которые значительно либеральнее рабочих и фермерских семей, «не верят» в нее лишь 17%. Достаточно широко распространены и соответствующие «педагогические» практики.

В то же время против телесных наказаний идет борьба. Их категорически осуждает Конвенция ООН о правах ребенка. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в 2004 г. провозгласила ни много ни мало *общеευропейский запрет на телесные наказания детей*.

С некоторым опозданием заговорили об этой проблеме и в России, причем на самом высоком государственном уровне:

«Поистине страшная проблема — насилие в отношении детей. По официальным данным МВД, в 2009 г. от преступ-

ных посягательств пострадали более 100 тысяч детей и подростков... Известно, что жестокость порождает встречную жестокость. Дети ведь усваивают ту модель поведения, которую обычно демонстрируют им взрослые, а затем, конечно, переносят ее в свою жизнь: школу, институт, армию и в собственную семью. Долг всего общества — сформировать атмосферу нетерпимости к проявлениям жестокого обращения с детьми, выявлять и пресекать подобные случаи» (Послание Президента РФ Федеральному Собранию 30 ноября 2010 г.).

Как либерал и гуманист я полностью разделяю эти идеи. Но насколько научно обоснованы и социально-педагогически реалистичны такие рекомендации? Мало ли в мире гуляет утопических идей, реализация которых заведомо невозможна, а попытки сделать это принесли бы больше вреда, чем пользы?

Чисто теоретический, историко-антропологический интерес к этой теме возник у меня еще в 1980-х годах. В книге «Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива)» (1988) я писал:

«Как же влияют телесные наказания на самосознание и чувство собственного достоинства ребенка? Сегодняшняя педагогика уверена, что отрицательно, и для условий, в которых порка выглядит исключительным, чрезвычайным событием, это заключение, вероятно, справедливо. Но ведь было время, когда порка детей была массовой. Можно ли сказать, что в таком обществе индивидуального достоинства вообще не было и быть не может? Вовсе нет.

Как уже говорилось, в средневековой Европе детей били и пороли повсеместно, но особенно распространенной была эта практика в Англии. Английские педагоги и родители XVI—XVII вв. славилась жестокостью на всю Европу. <...> Официально санкционированная порка сохранялась в английских школах, в том числе аристократических, вплоть до самого недавнего времени. Тем не менее никто не упрекал английских джентльменов в отсутствии чувства собственного достоинства. Напротив, указание на развитое личное

достоинство и гордость присутствует в любом иноземном стереотипе англичанина.

Чем объяснить этот парадокс? Может быть, порка, считающаяся нормальным элементом соционормативной системы, воспринимается индивидуальным сознанием не как что-то оскорбительное для личности, а как обычная рутинная процедура? Или психологический эффект порки снижается благодаря коллективной враждебности и ненависти воспитанников к деспоту-учителю, который может покарать, но не унижить, как не может унижить человека бездушная машина? Или психологический эффект имеет не столько способ наказания, сколько представления о его законности или незаконности, складывающиеся у ребенка в результате усвоения существующих независимо от его воли и данных ему школьных и иных правил?

Эта проблема ставится и в более общем социологическом плане. В 1958 г. У. Бронфенбреннер, проанализировав 15 проведенных между 1932 и 1957 гг. исследований о методах воспитания детей, пытался обобщить существующие в этой сфере классовые различия. Из этих данных вытекало, что родители из рабочей среды прибегают к телесным наказаниям чаще, чем представители средних слоев. По мнению последующих исследователей, это способствует большей распространенности в рабочей среде авторитарных установок, склонности к физическому насилию, жестокому обращению с детьми и поддержанию особой “субкультуры насилия” (драчливость, отождествление маскулинности с агрессивностью, высокий уровень преступности и т. п.). Однако детальный анализ позднейших исследований показал, что классовые различия в стиле воспитания детей существенно уменьшились, а основанные на них предположения, хотя и не утратили эвристического значения, не могут более считаться эмпирически обоснованными. Эта тема требует более детального изучения родительских ценностей и стиля воспитания в целом (надеюсь, что меня не заподозрят в желании реабилитировать порку)».

Всерьез заниматься этими вопросами я не собирался. Но несколько лет назад, когда я был в командировке в Швеции,

меня пригласили выступить в местной организации «Спасите детей» («Save the Children»). Это одна из самых влиятельных и активных международных организаций по защите детей от жестокого обращения и телесных наказаний.

Должен признаться, что при всей моей искренней симпатии к их целям и задачам деятельность подобных сообществ всегда вызывала у меня легкий скепсис. В мире существует множество организаций, стремящихся защитить всех от всего: животных от людей, людей от животных, женщин от мужчин, детей от взрослых, верующих от неверующих и т. д. и т. п. Все эти ассоциации исповедуют высокие нравственные принципы, но при ближайшем соприкосновении с ними они порой обнаруживают такую высокую степень догматизма и нетерпимости, что хочется отойти в сторонку.

Как говорили в позднесоветские времена, мировой войны не будет, но будет такая борьба за мир, что на Земле камня на камне не останется. К тому же некоторые защитники угнетенных живут по старому советскому анекдоту: «Что охраняем, то и имеем».

Однако шведские защитники детей никакого догматизма и экстремизма не излучали, разговаривать с ними было интересно и приятно. И я подумал: почему бы мне не заняться этой темой? Интересно, актуально, благородно, социально значимо и, в отличие от сексуального образования, на осиное гнездо не похоже (я просто был «не в теме»). Если уж спасти российских детей от неприятностей, порождаемых сексуальным невежеством, никак невозможно, может быть, их хотя бы бить станут меньше?

Бегло ознакомившись с мировой литературой, я с удивлением обнаружил, что ни в одной международной базе данных никаких сведений о состоянии дел в России нет, хотя до Октябрьской революции научных публикаций на эту тему было довольно много, а в русской классической литературе этот сюжет был одним из основных. Я решил попытаться восполнить пробел, и Российский гуманитарный научный фонд, который финансировал почти все мои предыдущие исследо-

вания, любезно предоставил мне грант № 08-06-00001а на тему «Телесные наказания в социально-педагогической перспективе».

Как и все прочие мои исследования, работа была задумана как глобальная, сравнительно-историческая и междисциплинарная, имеющая как минимум три взаимосвязанных автономных аспекта:

1. *Историко-антропологический* — насколько распространены в разных человеческих культурах и обществах телесные наказания, в чем они заключаются, каковы их социальные функции, с какими социально-структурными и этнокультурными факторами они связаны, как соотносятся друг с другом нормативный канон воспитания (представления о должном) и реализующие его конкретные телесные практики.

2. *Психолого-педагогический* — насколько эффективны эти телесные практики, каковы их непосредственные и отдаленные результаты, какое краткосрочное и долгосрочное влияние они оказывают на участников процесса, наказуемых и наказующих, а если порка является публичной, то и на зрителей, и как сказываются изменения соответствующих практик на морально-психологических свойствах детей и молодежи?

3. *Сексологический* — какова взаимосвязь телесных наказаний с тем психосексуальным комплексом, который психиатры и сексологи называют спанкинг-фетишизмом (потребностью в порке), БДСМ или садомазохизмом (СМ). Моралисты и защитники розги эту тему обычно стыдливо обходят, зато ее широко обсуждают психоаналитики и литературоведы, особенно в связи с биографиями знаменитых людей, на всю жизнь сохранивших привязанность к порке.

Разумеется, моя книга не является ни первой, ни исчерпывающей. Телесным наказаниям посвящена поистине необозримая научно-исследовательская и популярная литература. Моя задача состоит лишь в том, чтобы извлечь из нее социально-педагогический смысл и помочь читате-

лю, прежде всего педагогу и родителю, осмысленно, а не догматически сформировать собственную жизненную позицию по этим непростым вопросам. Исходя из этого, я старался сделать книгу максимально ясной и удобочитаемой.

В первой главе «Культурная антропология телесных наказаний» обсуждаются мировоззренческие, философские основы темы: что значит «телесное наказание», как оно соотносится с понятиями воспитания, дисциплины и насилия, как относятся к телесным наказаниям разные культуры и религии и как выглядят соответствующие социально-педагогические практики в сравнительно-исторической перспективе.

Вторая глава «Немного истории» посвящена истории телесных наказаний детей в странах Запада. Меня интересует не столько развитие педагогических теорий, сколько конкретные дисциплинарные практики и то, как они осуществлялись в семье и школе.

Вы можете спросить: зачем углубляться в историю, если всем и так известно, что детей всегда пороли? Однако без исторического экскурса невозможно понять не только прошлое, но и современное состояние общественного сознания. Существующая по затрагиваемым мною вопросам огромная научная литература фрагментарна, противоречива и широко читателю недоступна. Чтобы избежать утомительной скачки галопом по Европам, в качестве главного места действия я выбрал Англию, в которой телесные наказания существовали особенно долго, почти до конца XX в., и были, пожалуй, наиболее жестокими. Кроме того, в молодости я был специалистом по истории Англии XVII в. Затем коротко рассматривается история телесных наказаний во Франции и в Германии и более подробно — шведский эксперимент. Швеция стала первой страной, которая законодательно запретила телесные наказания не только в школе, но и в семье.

Меня интересуют не только и не столько сами наказания, что и как с детьми делали, сколько субъективная сторона

дела: как сами дети воспринимали, переживали и осмысливали порку и ее влияние на их позднейшую, взрослую жизнь. Ведь именно из ретроспективного осмысления детских переживаний постепенно вырастает идея прав ребенка и требование полного запрета телесных наказаний. Истории и реальным результатам, на основе международной статистики, этого движения, посвящены два последних параграфа главы.

Место действия третьей главы — дореволюционная Россия. Поскольку наказание детей по определению не может существенно отличаться от дисциплинарных методов, применяемых к взрослым, начинать приходится с сечения взрослых, которое было одним из устоев самодержавного крепостнического порядка, и отношения к нему государственной церкви и «просвещенных» слоев тогдашнего русского общества. Далее, с опорой на мемуарную и художественную литературу, описываются практики телесных наказаний в школах и других учебных заведениях XVIII—XIX вв., показывается, как долго и мучительно русская общественная мысль добивалась либерализации и гуманизации школьного воспитания (особенно важна в этой связи знаменитая полемика между Н. И. Пироговым и Н. А. Добролюбовым) и как эволюционировала русская семейная педагогика. Не будучи специалистом по истории России, я не претендую на научные открытия в этой области знания. Но систематических исследований этой темы нет, а без них невозможно разобраться в том, что же, собственно, представляет собой «отечественная традиция» и какое историческое наследие мы (не государство, а я и мой воображаемый читатель) хотели бы увековечить, а какое, наоборот, преодолеть.

Как и в предыдущей главе, я подробно излагаю и цитирую личные документы, автобиографии и художественные произведения. Многие из этих источников общеизвестны, некоторые даже хрестоматийны. Но собранные вместе они производят гораздо более сильное впечатление, чем это возможно в школьном курсе истории и литературы. Прочитав

этот сугубо описательный, нарративный материал, вдумчивый читатель не только лучше поймет прошлое, но и морально подготовится к его последующему теоретическому обсуждению.

Четвертая глава «Телесные наказания в советской и постсоветской России» является историко-социологической. Она открывается кратким очерком о проблеме телесных наказаний в советской школе и семье, о том, как соотносились в этом вопросе теория и практика и почему в 1980-х годах необходимость защиты детей от жестокого обращения и телесных наказаний была осознана и вышла на страницы советских изданий в качестве важнейшей социально-нравственной задачи. Затем описывается социальное положение детей в современной России, показывается, что насилие над детьми очень часто лишь притворяется наказанием. На основе анализа массовых опросов общественного мнения прослеживается, как исторически меняются отношение россиян к телесным наказаниям и их реальные дисциплинарные практики; какие социально-экономические слои и группы населения поддерживают, а какие осуждают телесные наказания детей; какие за этим стоят политические и идеологические интересы; как права ребенка соотносятся с правами человека и как все это связано с процессами модернизации России.

Пятая глава «Каков эффект телесных наказаний?» является преимущественно психологической и содержит критический анализ новейшей мировой научной литературы по этому вопросу (в России масштабных исследований этой темы нет, споры идут на уровне «мнений», ссылок на авторитеты и личный опыт). Оценивая данные и выводы специальных исследований, я пытаюсь ответить,

а) насколько эффективно телесное наказание с точки зрения поставленных перед ним частных задач по сравнению с другими методами дисциплинирования,

б) является ли оно успешной школой послушания и

в) каковы его побочные и долгосрочные психологические последствия.

Эта тема распадается на ряд подвопросов: как телесные наказания влияют на агрессивность ребенка и его склонность к насилию, на физическое и психическое здоровье ребенка, на взаимоотношения в семье, на когнитивные процессы и умственные способности ребенка. Поскольку научные исследования, как правило, не дают однозначных выводов типа «это хорошо, а это плохо», особое внимание уделяется оценке их методологии и степени доказательности.

Так как такого рода специальная литература у нас никогда и никем не анализировалась, эта глава особенно важна для практических психологов.

Последняя, шестая глава «Порка как удовольствие» рассматривает телесные наказания в сексологической перспективе. Какие эротические чувства вызывают телесные наказания у подвергающихся им детей и подростков и у осуществляющих эти наказания взрослых? Насколько вероятно закрепление этих чувств и переживаний в виде пожизненной привязанности к порке? Как объясняют и оценивают данные явления современная психиатрия и сексология? Можно ли «профилактировать» их возникновение или проще воздерживаться от телесных наказаний детей?

В заключительной главе «Так все-таки — бить или не бить?» подводятся теоретические итоги и делаются практические выводы.

Данная книга является по своему жанру научно-популярной и предназначена для широкого круга читателей, прежде всего для родителей. Поэтому я старался избегать технических терминов и объяснять рассматриваемые проблемы максимально просто и понятно. Но так как многие обсуждаемые в ней вопросы в России ранее не освещались, а актуальность их неуклонно возрастает, книга может заинтересовать и некоторых профессионалов.

Исходя из этой двойственности потенциального адресата, я применил двойной стандарт в библиографии. Чтобы не утяжелять основной текст книги, общеизвестные литературные источники, которые легко найти в Интернете, цити-

руются без точных библиографических ссылок. Напротив, использованные научные труды присутствуют в списке литературы достаточно полно, и профессионалу имеет смысл обращаться к первоисточникам.

Игорь Кон
Январь 2011

Глава 1

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ

О, детства солнечные дни!
О, годы счастья, где они?
Где розга золотая?

Адельберт Шамиссо

Что значит «ТЕЛЕСНОЕ НАКАЗАНИЕ»?

Понятию и сущности наказания посвящена необозримая философская, религиозная, юридическая, психолого-педагогическая, историко-антропологическая и социологическая литература. Последняя известная мне обобщающая философская статья на эту тему, опубликованная в Стэнфордской философской энциклопедии, датирована 2010 г. (Bedau, 2010), а отечественная кандидатская диссертация — 2009-м (Блюхер, 2009). Даже поверхностный обзор этой литературы, не говоря уж о содержательном ее анализе, явно превосходит мои возможности. В данном параграфе я ограничусь самыми общими определениями и формальными параметрами, без которых обсуждение и расчленение темы невозможно.

Толковые словари определяют «наказание» по-разному. В словарях Даля и Фасмера этого слова нет. Согласно словарю Ожегова, наказание — это «мера воздействия против совершившего преступление, проступок». По словарю Ушакова, это «взыскание, налагаемое имеющим право, власть или силу, на того, кто совершил преступление или проступок; кара». Английское *punishment* происходит от глагола *to punish*, впервые зафиксированного в 1340 г. и восходящего к старофранцузскому *puniss-*, в основе которого лежит латинский глагол *punire* — наказывать, причинять боль за какие-то нарушения. Более ранняя его форма — *poenire*, от слова *роена*, которое, возможно, вдохновлялось финикийским способом казни путем распятия.

В самом общем значении слова, наказание — это применение к человеку или животному каких-то неприятных или нежелательных для него мер воздействия, причинение ему страдания в ответ на неповиновение или нежелательное, антинормативное поведение.

Энциклопедические определения термина зависят от контекста.

В юридической, особенно уголовно-правовой, литературе «наказание» обычно рассматривается в связи с «преступлением». Согласно Словарю основных уголовно-правовых понятий и терминов (Баранов, Марфицин, 2001), наказание — «мера государственного принуждения, назначаемая от имени государства по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, и влечет лишение или ограничение прав и свобод этого лица...» «Большой юридический словарь» определяет наказание как «меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда».

В психолого-педагогической и этической литературе чаще фигурирует связка «поощрение и наказание», именно в этой последовательности. Речь идет не столько о том, кто и как осуществляет наказание, сколько о соотношении положительных и отрицательных мер воздействия, условиях их применения, степени эффективности и моральной обоснованности.

Свести это многообразие значений, смыслов и контекстов к какому-то общему знаменателю едва ли возможно, но можно выделить в них ряд универсальных формальных компонентов. Всякое наказание есть форма властного принуждения, которое предполагает определенное социальное, позиционное неравенство. В любом акте наказания присутствует несколько компонентов:

1. Агент, наказующий субъект, который предписывает и/или осуществляет наказание. Эти роли не обязательно совмещаются в одном и том же физическом или юридическом лице (законодатель, судья и палач — разные лица). Наказующий субъект может быть не только индивидуальным, но и коллективным, а его ответственность — разделенной и многоступенчатой.

2. Объект, реципиент наказания. Поскольку наказание применимо лишь к живым, обладающим сознанием существам (Ксеркс (486—465 до н. э.), воины которого выпороли развеявшее персидский флот непослушное море, — исключение), отношение между наказующим и наказуемым по определению является субъектно-субъектным. Наказать можно только того, кто способен испытывать страдания и осознать их связь со своими «неправильными» действиями. В этом смысле коррелятом наказания является «вина». Так как свобода наказуемого ограничена, нормативно он выступает не столько как действующее лицо, сколько как объект соответствующих манипуляций. Тем не менее, это всегда интерактивный процесс. Реакции наказуемого, будь то крики, слезы, просьбы о прощении или, напротив, сопротивление, брань и бесчувственность, подкрепляют или подрывают власть наказующего субъекта, вызывая у него ответные эмоциональные и иные реакции.

3. Действия, посредством которых осуществляется наказание. Диапазон их может быть очень широк, от словесного неодобрения или жеста неудовольствия до жестокой порки, пытки и даже смертной казни.

4. Инструменты, средства наказания, будь то слово, тюремная камера или розга.

5. Легитимация — способы обоснования наказания, доказательства его необходимости, правомерности и соразмерности.

Как уже сказано, всякое наказание предполагает принуждение: одна сторона причиняет страдания другой, заставляя делать то, чего той делать не хочется, или не позволяя делать то, чего хочется (ограничение свободы или материальных возможностей). Но в отличие от простого насилия, основанного на неравенстве физической силы, наказание есть часть социальной системы и нормативной культуры. Оно предполагает некоторую легитимность, соблюдение определенных правил, которые в той или иной степени признаются обеими сторонами отношения и третьими лицами. Даже расходясь в оценке справедливости и правомерности конкретного наказания, за

что и насколько адекватно оно применяется, люди в принципе признают правомерность таких действий и ролей. Там, где этого нет, налицо не наказание, а принуждение.

В основе легитимации лежит принцип иерархии, исторически конкретная вертикаль власти: высший, обладающий властью, имеет право наказывать низшего, зависимого. Начальник может наказывать подчиненного, победитель — побежденного, родитель — ребенка, учитель — ученика. Обратное же невозможно, это — бунт, нарушение не просто одного из правил, но подрыв всей властной вертикали. Именно поэтому оно так соблазнительно и всегда присутствует в воображении наказуемого. Социальные иерархии выстраиваются по-разному. В мальчишеских группах на первый план выступает физическая сила, в патриархальной семье — старшинство, порядок рождения (каждый старший может приказывать каждому младшему и наказывать его) и/или гендер (мальчик, как правило, влиятельнее девочки) и т. п. При этом границы власти и способы наказания тонко нюансируются.

В отличие от насилия, которое может быть произвольным, — это описывается социологическим термином «аномия» (отсутствие норм) или уголовной метафорой «беспредел», — наказание нормативно и тяготеет к системности и кодификации (это особенно наглядно в юриспруденции). Однако философия, социология и психология описывают эту нормативность по-разному и в разных терминах. В одних случаях на первый план выходят подразумеваемые интересы социума, общества как целого, в других — интересы отдельной социальной группы или общности (семьи, школы, учреждения), в третьих — социально-психологические закономерности диадического (парного) и группового взаимодействия индивидов.

Наказание является сознательным действием, наказующий субъект всегда преследует какую-то цель. Диапазон этих целей очень широк. Это может быть:

а) возмездие за причиненный материальный или моральный ущерб;

б) устрашение, чтобы наказуемый прекратил запретные действия и не повторял их в дальнейшем;

в) долгосрочное изменение ценностных ориентаций и мотивации наказуемого, побуждение его не только воздерживаться от отрицательных (осуждаемых) поступков, но и совершать поступки, которые его начальники или воспитатели считают правильными, желательными (просоциальное поведение).

Очень важный вопрос теории наказания — какое влияние оно оказывает не только на конкретного наказуемого, но и на других людей, которые находятся или могут оказаться в сходной жизненной ситуации (наказание как назидательный пример).

Философия, социология или психология наказания не являются самодовлеющими. Любая теория и практика наказаний прямо или косвенно опирается на принятую или имплицитную (молчаливо подразумеваемую) в данном социуме (культуре) теорию личности, включающую теорию мотивации, предполагаемую степень самостоятельности и индивидуальности, соотношение наказаний (отрицательное подкрепление) и поощрений (положительное подкрепление) и многое другое.

Поэтому любая, как житейская, так и научная, оценка принятой в обществе системы наказаний и конкретных случаев их применения является множественной и проводится с разных, зачастую несовпадающих, точек зрения:

а) с точки зрения принятой в данном обществе системы философско-нравственных ценностей, представлений о том, что можно и чего нельзя делать с человеком;

б) с точки зрения законности, соответствия наказания действующей системе права;

в) с точки зрения житейских норм справедливости, включая представления о соразмерности проступков и наказаний;

г) с точки зрения их эффективности — достигают ли наказания поставленных целей.

Ответ на последний вопрос, который для практической и социальной педагогики особенно важен, как правило,

неоднозначен. Во-первых, эффект наказания может быть неодинаковым в краткосрочной и в долгосрочной перспективе. Во-вторых, наказания, как и все прочие социальные институты, имеют не только явные, но и скрытые, латентные, функции. Строгие наказания за несанкционированные уличные шествия официально направлены на поддержание общественного порядка, но одновременно служат средством борьбы с политической оппозицией и подавления нежелательных для власти социальных инициатив. Отсюда и неоднозначность их результатов. С одной стороны, эти меры укрепляют власть, а с другой — подрывают ее авторитет и придают любой неофициальной инициативе потенциально деструктивный характер. Слабая, лишенная общественной поддержки власть устрашает наказания, усиливая тем самым сопротивление и способствуя политическому радикализму. Иными словами, авторитарная власть сама рубит сук, на котором сидит. В том же ключе можно рассматривать и более близкие к нашей теме проблемы школьной дисциплины.

Как выглядит в свете вышесказанного понятие телесных (или физических) наказаний?

Сколько-нибудь строго научно разграничить физическое, телесное воздействие на человека и психическое, обращенное к его сознанию, ни философски, ни психологически невозможно. Физическое наказание — это наказание путем причинения боли, но переживание боли неразрывно связано с общим психическим состоянием индивида, а душевные страдания зачастую бывают мучительнее телесной боли.

Однако, если рассматривать вопрос не в психофизиологическом, а в историко-антропологическом контексте, это разграничение отнюдь не бессмысленно. Проблематизация телесных наказаний, появление сомнений в их правомерности и требование их ограничения или запрета — важный показатель уровня развития и свободы личности. И начинается этот процесс не с детей, а с взрослых. Образ ребенка — всего лишь модальность, частный случай принятого культурой нормативного канона Человека. До тех пор, пока считается

допустимым физически наказывать, бить взрослых, разговор о том, что не следует бить детей, как правило, даже не возникает. В этом смысле историческая эволюция теории и практики телесных наказаний чрезвычайно поучительна.

Эмпирическая история наказаний вообще и телесных наказаний в особенности часто сосредоточивает внимание на поведенческих и инструментальных моментах, красочно описывая, чем и как людей били, пороли, пытали и т. д. Эти картины, вызывающие у читателей и зрителей не только эмоциональное, но и сексуальное возбуждение (чтобы испытывать его, совсем не обязательно быть садистом или мазохистом), неизменно пользуются коммерческим успехом. Но самыми сложными, проблематичными и исторически изменчивыми представляются не материальные, а культурно-символические аспекты наказания.

В древнейших человеческих обществах наказание практически не отличалось от мести. По отношению к чужакам, «врагам» применение насилия вообще не требовало оправдания, здесь действовало животное право сильного: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» Внутри собственного сообщества, связанного чувством «мы», тотальная война всех против всех была невозможна. Если кто-то из членов рода или общины нарушал принятые в ней правила общежития, он подлежал наказанию, которое понималось как отмщение. Последнее могло быть как групповым, родовым или семейным (кровная месть), так и индивидуальным. На определенном этапе развития религиозного сознания воплощением и персонификацией этой ретрибутивной (от латинского «ретрибуция» — воздаяние) справедливости становится Бог: «Мне отмщение и Аз воздам» (Второзаконие, 32: 35; Послание к Римлянам, 12:19). Затем эту функцию берет на себя государство.

Древнейшие наказания были телесными и крайне жестокими. Человек, у которого не было собственности, мог расплачиваться за свои преступления исключительно собственным телом. Причинение боли или ампутация какой-то части тела казались естественным способом воздаяния: око за око,

зуб за зуб. Однако свести проблему наказания к телесным манипуляциям общество не могло, болевые приемы сплошь и рядом непрактичны, племя не могло себе позволить увеличивать число физически неполноценных людей. С появлением собственности уже в древнейших человеческих обществах наряду с физическими наказаниями, а отчасти как их замена появляется дифференцированная система штрафов. За каждый проступок устанавливается определенная такса, на основании которой правонарушитель и его близкие могли «выкупить» (искупить) его вину.

Однако об отмене телесных наказаний в древности даже речи быть не могло. Пытка была одновременно карой и средством дознания, получения от обвиняемого необходимой информации и признания своей вины. Кроме того, казнь была публичным зрелищем, народным праздником. Мучения одного человека служили развлечением и доставляли радость многим другим. Историки спорят, чьи пытки и казни были более изощренными и мучительными — европейские, китайские, японские или в доколумбовых цивилизациях ацтеков и майя. Больше всего, естественно, привлекает экзотика, то, что отсутствует в собственной культуре.

Например, в Китае вплоть до XX в. самым распространенным видом наказания было битье батогами, которые изготавливались из особого вида «темного бамбука», сочетавшего высокую плотность ствола с гибкостью. Батог представлял собой палку длиной свыше полутора метров и толщиной около пяти сантиметров. Наказуемого клали на землю вниз лицом, чтобы нижняя часть спины выдавалась кверху. Один из экзекуторов держал жертву за голову, двое за руки и двое за ноги. Сбоку стоял экзекутор с батогами, еще один отсчитывал удары. Порка происходила публично, при большом скоплении народа. Наказуемый должен был кричать и просить пощады, иначе его поведение воспринималось как непризнание своей вины и злостное неповиновение, что было чревато новыми, еще более суровыми наказаниями. После экзекуции жертву тащили к начальнику, и она благодарила за оказанную милость.

Наказания были массовыми. Когда император Уцзун (1506—1521) собрался однажды совершить увеселительную поездку в Южный Китай, 107 придворных пытались отговорить его от путешествия. Император разгневался и приговорил их к пяти суткам стояния на коленях, а затем к тридцати палочным ударам. Те, кто и после этого остался при своем мнении, получили еще по сорок-пятьдесят ударов. Всего «придворными батогами» было наказано 146 человек, одиннадцать из них скончались (Книга дворцовых интриг, 2002).

Не отставала от Востока и христианская Европа. Английский словарь телесных наказаний наряду с общим, родовым понятием *flogging*, которое может обозначать любую серьезную порку (любое наказание битьем), от кнута до розги, включает *whipping* (сечение хлыстом или розгой), *birching* (сечение березовой веткой, отсюда и термин), *caning* (битье палкой или тростью), *spanking* (шлепанье ладонью или плоским предметом), *smacking*, *slapping* и т. п. Не говоря уж о таких серьезных наказаниях, как клеймение или отсечение отдельных частей тела.

Во второй половине XVIII в. в эпоху Просвещения европейская философия, а затем и практика наказаний стали меняться. Провозвестником этих перемен был итальянский мыслитель, публицист, правовед и общественный деятель Чезаре Беккариа (1738—1794). В своем знаменитом «Трактате о преступлениях и наказаниях» (1764) Беккариа писал:

«Из простого рассмотрения истин, изложенных выше, с очевидностью следует, что целью наказания является не истязание и доставление мучений человеку и не стремление признать совершившимся преступление, которое уже совершено. Может ли в политическом организме, призванном действовать, не поддаваясь влиянию страстей, и умиротворять страсти индивидов, найти приют бесполезная жестокость, орудие злобы и фанатизма или слабости тиранов? И разве могут стоны несчастного повернуть вспять безвозвратно ушедшее время, чтобы не свершилось уже свершенное деяние? Цель наказания, следовательно, заключается не

в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий. Поэтому следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей и не причиняли бы преступнику значительных физических страданий» (Беккариа, 2004).

Беккариа выступает не только против смертной казни, но и против пытки как инструмента дознания: «Пытка есть жестокость, освященная практикой большей части наций, тем не менее в процессе пыток продолжают выбивать признание в совершении преступления. Загоняя в ловушку противоречий, устанавливают соучастников, под видом очищения от позора бесчестия обвиняемому вменяют преступления, к которым он мог быть причастен, но обвинение в которых ему не предъявлено».

По мнению итальянского юриста, такая система дознания и доказательства неэффективна:

«Человек не может быть назван преступником, пока это не определено судебным решением... Дилемма не нова: факт преступления установлен или не установлен. Если установлен, то не нужно иных мер наказания, чем устанавливаемые законом, тогда бесполезны пытки, поскольку нет надобности в признании преступника. Если факт не установлен, то невиновного тем более нельзя пытаться, поскольку, согласно закону, он есть человек, преступления которого не доказаны».

«Позорная наковальня истины является памятником еще существующего древнего законодательства дикарей, когда пытки огнем и кипящей водой называли приговором Господа, словно кольца вечной цепочки, берущей начало с Божественного Первоначала, могут в любой момент распасться из-за людской прихоти. Единственная разница между пытками и убеждением при помощи огня и кипятка заключается, по-видимому, в том, что в первом случае эффект достигается тем, что зависит от воли преступника, а во втором — от чисто физического факта.

Разница, впрочем, иллюзорная, ведь не свободны признания, когда тебя душат, даже и без помощи кипятка.

Любое действие нашей воли пропорционально силе ощущаемого впечатления, своего источника. Однако чувствительность любого человека лимитирована. Следовательно, давление боли может, нарастая, заполнить его так, что не останется более никакой другой свободы, разве что выбрать кратчайший путь к прекращению мучений. Тогда ответ преступника будет по необходимости таким же, как эффект от кипятка или огня. Любое отличие между мерами воздействия исчезает в момент, когда думают, что получили искомый результат. Это самое надежное средство оправдать и раскормить отпетых злодеев и осудить невиновных. Таковы фатальные последствия претенциозного критерия истины, критерия, достойного каннибала, именно такие пытки римляне, а также варвары применяли только к рабам, жертвам их перехваленной добродетели».

Суждения итальянского мыслителя-правоведа о безнравственности и неэффективности телесных наказаний поддержал и развил английский философ Иеремия Бентам (1748—1832). Один из неустрашимых пороков телесных наказаний, по Бентаму, — исполнительский произвол. Даже если количество ударов четко зафиксировано в законе, их реальная сила целиком зависит от палача, который может извлекать из этого выгоду, в результате чего преступник будет наказан не соразмерно тяжести своего преступления, а в соответствии со своим имущественным положением.

Сами по себе новые философские идеи не могли, конечно, изменить повседневную жизнь, тем более что либералы никогда не были в обществе в большинстве, а народным массам жестокие телесные наказания импонировали. Но динамичная и индивидуализированная жизнь буржуазного общества не могла развиваться в рамках феодального права и морали. Речь шла не столько о смягчении наказаний, сколько об изменении их целей и смысла и, как следствие этого, о выборе других, более разнообразных и тонких средств и методов. Эмпирическая история этого процесса

описана во многих книгах, самую глубокую философскую его интерпретацию дал французский философ Мишель Фуко в своей знаменитой книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975 г.).

Прослеживая эволюцию уголовного наказания от средневековых казней к современным системам штрафов и изоляции преступников в тюрьмах, Фуко усматривает суть этого процесса в переходе от мщения, субъектом которого был монарх, к более практичным, утилитарным методам устрашения и реабилитации.

Традиционное наказание было, во-первых, телесным, от причинения боли до лишения жизни, и, во-вторых, публичным. Публичность усиливала эффект жестокости казни и унижения преступника. Но на общественное сознание это влияло неоднозначно. Фуко цитирует официальные документы, подробно описывающие одну из последних парижских публичных казней — казнили совершившего неудачное покушение на Людовика XV Робера-Франсуа Дамьена.

Второго марта 1757 г. его приговорили к публичному покаянию перед центральными воротами Парижского Собора. Дамьена «надлежало привезти туда в телеге, в одной рубашке, с горящей свечой весом в два фунта в руках», затем «в той же телеге доставить на Гревскую площадь и после раздирания раскаленными щипцами сосцов, рук, бедер и икр возвести на сооруженную там плаху, причем в правой руке он должен держать нож, коим намеревался совершить цареубийство; руку сию следует обжечь горячей серой, а в места, разодранные щипцами, плеснуть варево из жидкого свинца, кипящего масла, смолы, расплавленного воска и расплавленной же серы, затем разодрать и расчленив его тело четырьмя лошадьми, туловище и оторванные конечности предать огню, сжечь дотла, а пепел развеять по ветру» (Фуко, 1999).

Что и говорить, это было впечатляющее зрелище. Но кого и чем оно впечатлило? Народ, естественно, рукоплескал жестокой казни, тем более что даже Вольтер, «совесть эпохи», признал ее заслуженной. Но уважения к монархии эта казнь

не прибавила. Не прошло и сорока лет, как под восторженные крики толпы публичной казни подверглась королевская чета и многие аристократы.

В конце XVIII — начале XIX столетия, несмотря на отдельные яркие вспышки, это мрачное карательное празднество начинает угасать. Время публичных казней и телесных наказаний прошло, «казнимое, пытаемое, расчленяемое тело, символически клеймимое в лицо или плечо, выставляемое на публичное обозрение живым или мертвым», исчезло. Наказание постепенно перестает быть зрелищем. Церемониал наказания сходит со сцены, сохраняясь только как новый процедурный или административный акт.

Говоря словами Фуко, «наказание перестает быть театром, все, что остается в нем от зрелища, отныне воспринимается отрицательно, как будто этот ритуал, который “завершал” преступление, заподозрили в недолжном родстве с последним: словно заметили, что он равен, а то и превосходит по степени варварства само преступление, приучая зрителей к жестокости, тогда как он должен отвращать от нее. Публичная казнь выдает в палаче преступника, в судьях — убийц, она в последний момент меняет роли, превращая казнимого преступника в объект сочувствия или восхищения.

В свете этой новой философии наказание постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры; покидая область едва ли не повседневного восприятия, оно входит в сферу абстрактного сознания; эффективность наказания достигается его неотвратимостью, а не зрелищным воздействием; не ужасающее зрелище публичного наказания, а именно неизбежность наказания должна отвращать от преступления» (Там же).

Параллельно этому наказание перестает быть телесным. Телесные наказания взрослых в европейских государствах были отменены в начале XIX века (во Франции в 1791 году, в Пруссии в 1845-м, в Австрии в 1864-м) как подавляющие чувство человеческого достоинства в личности и способствующие грубости нравов. В Англии они были сохранены для несовершеннолетних и особо опасных взрослых пре-

ступников. Если прежде преступников подвергали пыткам, то в тридцатые годы XIX века их стали помещать под строгий тюремный надзор, исключаящий всякое насилие над телом. Это было не только и даже не столько смягчение наказания — длительное, не говоря уж о пожизненном, тюремное заключение для некоторых людей страшнее одномоментной смерти, — сколько изменение его социальной природы.

Формируется новое представление о субъекте преступления и новое, рационально-расчетливое отношение к человеческому телу. Субъектом преступления вместо тела преступника становится его душа. Наказание болью заменяется лишением свободы, которое не позволяет правонарушителю продолжать свои преступные деяния и побуждает его задумываться о своей ответственности. Утверждается, что усиление нетерпимости к преступлению может сочетаться с терпимостью к подсудимому, что для предотвращения преступлений важна не столько строгость наказаний, сколько убеждение граждан в их неотвратимости, обосновывается необходимость профилактики преступлений и т. д. и т. п.

Какое отношение все это имеет к педагогике?

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ДЕТЕЙ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ни одно древнее общество не рассматривало своих детей как врагов или преступников. Напротив, они везде были предметом заботы. Но традиционное общество не было и не могло быть детоцентристским. Для этого у него слишком мало материальных ресурсов. Слабый и зависимый ребенок — естественная жертва всех злоупотреблений не только родителей, но и любых старших. Его социализация, включая дисциплинирование, осуществляется принципиально теми же средствами, которые применяются к взрослым. Нормативный образ ребенка — плоть от плоти нормативного об-

раза взрослого человека, каким ребенок рано или поздно должен стать.

Однако историю детства невозможно представить как единый и однонаправленный эволюционный процесс. Именно эту ошибку совершает «психогенная теория истории» американского психоаналитика, основателя Института и Общества психоистории Ллойда Де Моза (см.: Де Моз, 2000).

В отличие от эмпирической, описательно-нарративной истории, психоистория, по Де Мозу, — независимая отрасль знания, которая не описывает отдельные исторические периоды и факты, а устанавливает общие законы и причины исторического развития, коренящиеся во взаимоотношениях детей и родителей.

«Центральная сила исторического изменения — не техника и экономика, а “психогенные” изменения в личности, происходящие вследствие взаимодействий сменяющихся друг друга поколений родителей и детей».

Этот общий тезис раскрывается в серии гипотез, подлежащих проверке на основе эмпирических исторических данных:

1. Эволюция взаимоотношений между родителями и детьми — независимый источник исторического изменения. Происхождение этой эволюции коренится в способности сменяющихся друг друга поколений родителей возвращаться (регрессировать) к психическому возрасту своих детей и разрешать связанные с этим возрастом тревоги лучше, чем они это делали в период своего собственного детства. Этот процесс похож на психоанализ, который также предполагает возврат к пройденному, давая личности второй шанс встретиться с ее детскими тревогами.

2. «Генерационное давление» к психическому изменению автоматически, само собой, вытекает из потребности взрослого человека вернуться к пройденной фазе своего развития и из стремления ребенка к контакту с взрослыми, независимо от каких бы то ни было социальных и технологических изменений. Поэтому его можно обнаружить даже в периоды социального и технического застоя.

3. История детства представляет собой последовательный ряд все более тесных сближений между взрослым и ребенком, причем каждое такое сокращение психического расстояния между ними вызывает новую тревогу. Уменьшение этой тревожности взрослых — главный стимул педагогической практики каждого периода.

4. Из предположения, что история означает общее улучшение ухода за детьми, вытекает, что чем глубже мы уходим в прошлое, тем менее эффективными будут способы, которыми родители отвечают на развивающиеся потребности ребенка. Так что, например, если в сегодняшней Америке жертвами плохого обращения являются меньше миллиона детей, то в прошлой истории должен быть такой момент, когда подобным образом обращались с большинством детей, и такое положение считалось нормальным.

5. Поскольку психическая структура всегда передается из поколения в поколение сквозь узкую воронку детства, воспитательные обычаи общества являются не просто одной из его культурных черт, а главным условием трансмиссии и развития всех прочих элементов культуры; они ставят определенные (четкие) пределы тому, что может быть достигнуто во всех других сферах истории. Специфический детский опыт — необходимая предпосылка поддержания соответствующих культурных черт, а как только меняются детские переживания, исчезают и связанные с ними черты культуры.

В соответствии с этими идеями Де Моз подразделяет всю историю детства на шесть периодов, каждому из которых соответствует определенный стиль воспитания и форма взаимоотношений между родителями и детьми.

1. Инфантицидный стиль (с древности до IV в. н. э.) характеризуется массовым детоубийством, а те дети, которые выживали, часто становились жертвами насилия. Символом этого стиля служит образ Медеи.

2. Бросающий стиль (IV—XIII вв.). Как только культура признает наличие у ребенка души, инфантицид снижается, но ребенок остается для родителей объектом проекций, ре-

активных образований и т. д. Главное средство избавления от них — оставление ребенка, стремление сбыть его с рук. Младенца сбывают кормилице, либо отдают в монастырь или на воспитание в чужую семью, либо держат заброшенным и угнетенным в собственном доме. Символом этого стиля может служить Гризельда, оставившая своих детей ради доказательства любви к мужу.

3. Амбивалентный стиль (XIV—XVII вв.) характеризуется тем, что ребенку уже дозволено войти в эмоциональную жизнь родителей, его начинают окружать вниманием, однако ему еще отказывают в самостоятельном духовном существовании. Типичный педагогический образ этой эпохи — «лепка» характера, как если бы ребенок был сделан из мягкого воска или глины. Если же ребенок сопротивляется, его беспощадно бьют, «выколачивая» своеволие как злое начало.

4. Навязчивый стиль (XVIII в.). Ребенка больше не считают опасным существом или простым объектом физического ухода, родители становятся к нему значительно ближе. Однако это сопровождается навязчивым стремлением полностью контролировать не только поведение, но и внутренний мир, мысли и волю ребенка. Это усиливает конфликты отцов и детей.

5. Социализирующий стиль (XIX в. — середина XX в.) делает целью воспитания не столько завоевание и подчинение ребенка, сколько тренировку его воли, подготовку к будущей самостоятельной жизни. Этот стиль может иметь разные теоретические обоснования, от фрейдовской «канализации импульсов» до скиннеровского бихевиоризма и социологического функционализма, но во всех случаях ребенок мыслится скорее объектом, чем субъектом социализации.

6. Помогающий стиль (начинается в середине XX в.) предполагает, что ребенок лучше родителей знает, что ему нужно на каждой стадии жизни. Поэтому родители стремятся не столько дисциплинировать или «формировать» его личность, сколько помогать индивидуальному развитию. Отсюда — стремление к эмоциональной близости с детьми, пониманию, эмпатии и т. д.

Де Моз не ограничился изложением своей теоретической концепции. Его первые работы содержали интересный фактический материал, а основанный им в 1973 г. журнал «History of Childhood Quarterly» способствовал активизации исследований истории детства. Ряд ценных моментов есть и в самой его теории: критика романтической идеализации положения детей в прошлые эпохи; указание на исторический характер педагогического гуманизма; констатация растущего понимания взрослыми автономии и субъектности детей; мысль, что образ ребенка всегда содержит в себе какие-то проективные компоненты, без изучения которых невозможна история детства.

Тем не менее, взятая в целом «психогенная теория истории» является весьма односторонней и не выдерживает критики (см.: Кон, 2003).

Прежде всего вызывает возражение тезис о «независимости» эволюции взаимоотношений родителей и детей от социально-экономической истории. Как справедливо указывали уже при обсуждении программной статьи Де Моза видные историки, многие отмеченные Де Мозом особенности отношения родителей к детям объясняются не столько «проективными механизмами», сколько экономическими условиями.

Это касается, например, инфантицида. Детоубийство — не наказание, а просто избавление от лишних, нежеланных детей. Почти все занимавшиеся им антропологи, демографы и историки связывают распространенность инфантицида в первобытном обществе прежде всего с низким уровнем материального производства. Человечество, как и всякий биологический вид, всегда придавало большое значение продолжению рода. Деторождение почти всюду оформляется особыми священными ритуалами. Многие религии считают бесплодие самой страшной божественной карой, но нам не известны проклятия, обрекающие на повышенную плодовитость. Иными словами, все народы по-своему заботятся о потомстве, любят и выращивают его. Но от инстинктивной потребности в продолжении рода до индивидуальной любви к ребенку, благополучие которого становится смыс-

лом и осью собственного существования родителей, — дистанция огромного размера.

Дело здесь не столько в психологии, сколько в экономике. Народы, стоящие на низшей ступени исторического развития, живущие собирательством, физически не могут прокормить большое потомство. Убийство новорожденных младенцев было здесь такой же естественной нормой, как убийство стариков.

«У бушменов мать кормит ребенка грудью до трех-четырех лет, когда можно будет найти подходящую для него пищу... Часто второй ребенок или даже несколько детей рождаются, когда мать еще кормит грудью первого. Но молока матери не хватает на всех детей, да и больше одного ребенка она не смогла бы носить на большие расстояния, которые проходит в поисках пищи. Поэтому нередко последнего новорожденного убивают сразу после появления на свет... Выжить могут только ребенок или дети, родившиеся после того, как первый новорожденный будет отнят от груди» (Бьерре, 1964).

Переход к производящей экономике существенно меняет дело. В хозяйстве, основанном на производстве пищи, детей уже в раннем возрасте можно использовать для прополки полей или для присмотра за скотом. Оседлый образ жизни и более надежная пищевая база также объективно способствуют более высокой выживаемости детей (см.: Чайлд, 1956). Отныне инфантицид перестает быть жестокой экономической необходимостью и практикуется не столь широко и в основном по качественным, а не по количественным соображениям. Убивали главным образом детей, которых считали физически неполноценными, или по ритуальным соображениям (например, близнецов). Особенно часто практиковался инфантицид девочек.

Сосредоточив все внимание на эволюции отношения родителей к детям и не всегда разграничивая реальную повседневную практику воспитания и ее символизацию в культуре, Де Моз упрощает проблему. Он не учитывает имманентной, универсальной амбивалентности отношения к детям, суще-

ствующей на всех этапах исторического развития и присущей всякому возрастному символизму. Образ ребенка и тип отношения к нему неодинаковы в разных обществах, причем это зависит как от уровня социально-экономического развития, так и от особенностей культурного символизма.

Периодизация Де Моза откровенно европоцентрична. Впрочем, даже в европейской культурной традиции существует несколько разных образов ребенка, каждому из которых соответствует свой собственный стиль воспитания. Однако ни один из этих стилей, точнее — ценностных ориентаций, никогда не господствовал безраздельно, особенно если иметь в виду не нормативный канон, а практику воспитания. В каждом обществе и на любом этапе его развития существуют разные стили и методы воспитания, в которых прослеживаются многочисленные сословные, классовые, региональные, семейные и прочие вариации. Даже эмоциональные отношения родителей к ребенку, включая их психологические защитные механизмы, нельзя рассматривать изолированно от прочих аспектов истории, в частности от эволюции стиля общения и межличностных отношений, ценности, придаваемой индивидуальности, и т. п.

Каждая культура имеет не один, а несколько альтернативных или взаимодополнительных (взаимодополняющих) образов детства. Известный английский историк Лоренс Стоун в одной и той же западноевропейской культуре выделил четыре альтернативных образа новорожденного ребенка:

1. Традиционный христианский взгляд, усиленный кальвинизмом: новорожденный несет на себе печать первородного греха и спасти его можно только беспощадным подавлением воли, подчинением его родителям и духовным пастырям.

2. Точка зрения социально-педагогического детерминизма: ребенок по природе не склонен ни к добру, ни к злу, а представляет собой *tabula rasa*, на которой общество или воспитатель могут написать что угодно.

3. Точка зрения природного детерминизма: характер и возможности ребенка предопределены до его рождения.

Такой взгляд типичен не только для вульгарной генетики, но и для средневековой астрологии.

4. Утопически-гуманистический взгляд: ребенок рождается хорошим и добрым и портится только под влиянием общества. Эта идея обычно ассоциируется с романтизмом, но ее защищали также некоторые гуманисты эпохи Возрождения, истолковывавшие в таком духе старую христианскую догму о детской невинности (Stone, 1979).

Другой автор (Sommerville, 1982) добавляет к перечисленным четырем образам еще один: будучи главным наследием, передаваемым из настоящего в будущее, дети, по выражению поэта Уолдо Эмерсона, — вечные мессии общества, воплощение его неотвратимого будущего.

Каждому из этих образов соответствует определенный стиль воспитания. Идее первородного греха соответствует репрессивная педагогика, направленная на подавление природного начала в ребенке. Идее социализации — педагогика формирования личности путем направленного обучения. Идее природного детерминизма — установка на развитие положительных и ограничение отрицательных задатков личности. Идее изначальной благости ребенка — педагогика саморазвития и невмешательства. Эти образы и стили не только сменяют друг друга, но и сосуществуют, причем ни одна из перечисленных ориентаций никогда не господствует безраздельно, особенно если речь идет о практике воспитания. В каждом обществе, на каждом этапе его развития сосуществуют разные стили воспитания, в которых прослеживаются многочисленные сословные, классовые, региональные, семейные и прочие вариации.

Жестокое, по современным меркам, обращение с детьми, которое Де Моз выводит из особенностей психики родителей, тесно связано с нормативной культурой общества. Наказания, в том числе телесные, — это не столько разные формы насилия над детьми (child abuse), зависящие преимущественно от степени индивидуальной «репрессивности» или «либерализма» учителей и родителей, сколько компоненты принятой в обществе системы дисциплинирования, причем не только детей, но и взрослых.

Уже в начале 1980-х годов, впервые познакомив отечественную науку с идеями Де Моза, я указывал на их спорность и ограниченность. К сожалению, некоторые российские педагоги и психологи восприняли эту теорию не как материал к размышлению, а как нечто авторитетное и основанное на фактах. Де Моз не историк детства, а психоаналитик. Уже в 1976 г. журнал «History of Childhood Quarterly» был переименован в «The Journal of Psychohistory», что отразилось на его содержании. «Психоистория» остается на Западе сугубо маргинальной, профессиональные историки, социологи и антропологи ее всерьез не принимают, а после того как обиженный Де Моз стал голословно обвинять своих противников в защите педофилии, его вообще перестали читать. По истории и антропологии детства, включая телесные наказания, существует гораздо более серьезная литература.

Прежде всего, что такое телесное наказание ребенка? Одно из лучших определений этого явления, широко распространенное в сравнительных исследованиях, принадлежит американскому антропологу Рональду Ронеру: телесное наказание — это «прямое или опосредованное причинение ребенку физического дискомфорта или боли родителем или другим лицом, обладающим властью над ребенком, обычно для того, чтобы остановить нежелательное поведение ребенка, предотвратить возобновление такого поведения или потому, что ребенок не сделал чего-то такого, что он/она должен был сделать» (Rohner, 2005).

Прямое причинение физического дискомфорта означает шлепанье, битье, порку или другие формы непосредственного манипулирования телом ребенка. Опосредованное причинение физического дискомфорта подразумевает требование к ребенку совершить некое болезненное действие, например заставить его стоять на коленях на гравии или горохе.

Чтобы понять природу и функции телесных наказаний, нужно определить степень их распространенности в разных странах мира и на разных стадиях социально-экономического развития общества и выяснить существующие в этой сфере жизни макроисторические тенденции: усиливаются

телесные наказания или ослабевают и как меняется приписываемое им значение и смысл. При этом необходим максимально широкий географический, желательно — весь мир, и хронологический, вплоть до самых древних и архаических, охват культур и обществ.

До последней трети XX в. этнографы и антропологи ограничивались качественными сравнениями отдельных обществ. Затем появились статистические кросскультурные исследования и базы данных, изучение которых позволяет сделать определенные теоретические обобщения (об этих исследованиях подобно написано в моей книге «Ребенок и общество»). Самая большая база данных, так называемая Региональная картотека человеческих отношений (Human Relations Area Files, сокращенно HRAF), создание которой началось в 1937 г., хранится в Йельском университете и содержит сведения о различных сторонах жизни многих народов мира, сгруппированных по культурам и по предметам.

Чаще всего ученые просматривают не всю эту базу данных, а ее часть, называемую Стандартной кросскультурной выборкой из 186 культур. В разделе о социализации детей там представлены и наказания, которые подразделяются на:

- 1) дразнение (обидные прозвища), насмешки по поводу плохого поведения;
- 2) выговоры, словесные оскорбления, брань;
- 3) предостережения, угрозы от имени сверхъестественных существ и посторонних;
- 4) телесные наказания.

Другое количественное исследование (упомянутого выше Р. Ронера) посвящено влиянию на личность ребенка отношения к нему родителей. Закодировав двенадцать важнейших личностных черт (враждебность, активная и пассивная агрессивность и способы их обуздания; зависимость; самооценка; эмоциональная реактивность, способность свободно и открыто выражать свои чувства; мировоззрение, прежде всего представление об окружающем мире как потенциально положительном, дружественном или отрицательном, враж-

дебном; эмоциональная устойчивость; потребность в достижении; самостоятельность; щедрость, заботливость, поведение в конфликтных ситуациях; ответственность), Ронер сопоставил эти характеристики с тем, насколько принимают (положительное отношение) или отвергают (отрицательное отношение) ребенка его родители в двухстах обществах из шести главных географических регионов, каждый из которых подразделяется на десять культурных зон.

Применительно к нашей теме в центре внимания ученых стоят три вопроса:

1. Насколько широко распространены в мире телесные наказания детей?

2. От каких социальных и культурных факторов предположительно зависит степень их распространенности и интенсивности (жестокости)?

3. Каковы их психологические корреляты, как они предположительно влияют на поведение и психику ребенка?

К последнему вопросу я вернусь позже, в пятой главе, а пока рассмотрим первые два.

Помимо многочисленных монокультурных и региональных исследований этой теме посвящены три статистических кросскультурных обзора (Barry et al., 1977; Levinson, 1989; Ember C. R., Ember M., 2005). Судя по их статистике, телесные наказания детей применяются во всех регионах мира, больше чем в 75% обществ. Однако частота их применения существенно варьирует от культуры к культуре. По данным Левинсона, «часто» телесные наказания применяются лишь в 20% человеческих обществ. Гораздо чаще родители используют другие, более мягкие техники дисциплинирования, такие как внушение и демонстрация примеров должного поведения, — они зафиксированы в 82% обследованных культур (Barry et al., 1977).

Практически все исследователи согласны с тем, что телесные наказания есть элемент пакетного соглашения «социализаторов» и «социализируемых», характер которого тесно связан с другими свойствами культуры и социума. Поэтому распространенность и/или интенсивность телесных наказа-

ний можно понять только в контексте. В каком именно контексте?

Чтобы не потеряться в частностях, воспользуемся последней обобщающей статьей ведущих американских специалистов в этой области знания Кэрол и Мелвина Эмбер «Объяснение телесного наказания детей: кросскультурное исследование» (Ember C. R., Ember M., 2005).

Под телесными наказаниями эти авторы понимают «битье, удары, причинение ран или синяков зависимому ребенку с целью его наказания, дисциплинирования или выражения неодобрения». Чтобы выяснить, от чего зависит распространенность таких практик, ученые разбили этнографические описания 186 доиндустриальных обществ (Стандартная выборка) на пять групп. В 1-й группе телесные наказания никогда не встречаются или встречаются редко, во 2-й — встречаются часто, но являются нетипичными, в 3-й — являются типичными, в 4-й — данные противоречивы, в 5-й — информация о телесных наказаниях отсутствует.

С помощью экспертов Кэрол Эмбер закодировала и распределила все эти культуры по трем категориям: 1-я — телесные наказания типичны, нормативны, 2-я — телесные наказания применяют часто, но они нетипичны, 3-я — телесные наказания встречаются редко.

Пример первого типа общества, в котором телесные наказания считаются важнейшим средством воспитания детей, — бедуины руала, живущие в Южной и Центральной Сирии и на северо-востоке Иордании. Этнограф Алоис Музил, описавший их быт в 1910-х годах (Musil, 1928), сообщает, что главным воспитателем детей до семилетнего возраста там является мать, причем и мать, и отец, и даже слуги обоего пола часто бьют детей. Телесные наказания не только широко применяются, но и идеализируются. Руала считают, что палка возникла в раю и способствует тому, чтобы люди туда вернулись. Мальчиков 14—16 лет отец бьет за непослушание не только палкой, но и саблей или кинжалом. Руала верят, что это укрепляет мальчиков для будущей жизни.

Другой тип культуры — чилийские индейцы мапуче (арауканы). Хотя мапуче иногда телесно наказывают своих детей, эта практика не считается у них обязательной и зависит от конкретных обстоятельств. Маленького ребенка, еще не умеющего ходить, здесь никогда не бьют и не шлепают. Вообще телесным наказаниям подвергают только особенно непослушных детей, когда другие методы не помогают.

Третий тип культуры — канадские эскимосы-инуиты (Copper Inuit). Они вообще не бьют своих детей, предоставляя им максимум свободы. Инуитского ребенка, который плохо себя ведет, могут дразнить или наказывать как-то иначе, но к словесным угрозам или физическому воздействию взрослые прибегают редко. Если ребенок игнорирует родительские замечания, родители просто перестают с ним общаться, и это действует безотказно. Причем такой стиль воспитания остается у инуитов неизменным с 1913—1916 гг., когда этнографы его впервые зафиксировали.

В среднем по выборке телесное наказание детей является частым или типичным в 40% обществ. От чего зависят эти различия и с чем они статистически коррелируют?

В предыдущих кросскультурных исследованиях самым важным предиктором — фактором, по которому можно предсказать наличие телесных наказаний, является социальная сложность (social complexity). Это понятие включает в себя целый ряд компонентов: наличие письменности и исторических хроник, оседлый образ жизни, развитие земледелия, определенный уровень урбанизации, технологическую специализацию, наличие наземного транспорта, денег, определенную плотность населения, степень политической интеграции и социального расслоения. Более сложная социальная структура и трудовая деятельность предполагают более строгий контроль за поведением взрослых, что побуждает родителей добиваться послушания и от ребенка, используя для этого и телесные наказания. Эмберы подтвердили эту закономерность: пять из десяти параметров социальной сложности (сельское хозяйство, деньги, плотность населения, политическая интеграция и социальная страти-

фикация) коррелируют у них с частотой телесных наказаний детей.

Второй существенный фактор и возможная причина телесных наказаний детей — культура насилия. Кросскультурные (как и экспериментальные) исследования показывают, что различные формы агрессии и насилия подкрепляют и порождают друг друга. Там, где есть одна форма насилия, почти наверняка появится и другая. Например, частые войны коррелируют с увеличением числа убийств, нападений, распространённостью соревновательного спорта, враждебной магии и строгих наказаний за преступления (Ember C. R., Ember M., 1994). Физическое наказание детей коррелирует с избиением жен, агрессией между братьями и сестрами, жестоким наказанием преступников и причинением боли в женских инициациях (Levinson, 1989). Иными словами, телесные наказания детей — это часть общей культуры насилия.

Данные о связи телесных наказаний связаны с ростом числа социализаторов, то есть людей, участвующих в воспитании детей, оказались противоречивыми. Старые американские данные указывали на то, что социальная изоляция родителей усиливает вероятность физического наказания детей (Там же). Однако, по данным Эмберов, увеличение числа людей, ответственных за воспитание детей, не уменьшает, а увеличивает вероятность телесных наказаний. Общества, где за детьми ухаживают не родственники, а чужие люди, имеют более высокий индекс телесных наказаний, чем те, в которых эти функции выполняются преимущественно родителями.

Более очевидный, но весьма существенный вывод заключается в том, что общества, находящиеся в состоянии войны, чаще других применяют и оправдывают телесные наказания своих детей, видя в этом средство воспитания смелости. Наказывая своих детей, родители считают, что таким путем они учат их преодолевать боль, а это пригодится им во время войны.

Если телесное наказание детей является для родителей осознанным или неосознанным способом подготовки их к жизни в условиях социального и властного неравенства

(power inequality), это будет проявляться и внутри одного и того же общества. Проверить эту гипотезу на материалах данного исследования Эмберы не могли, но высказали ряд предположений.

Во-первых, можно ожидать, что в социально стратифицированных обществах, вроде США, родители, находящиеся в низших слоях социальной иерархии, будут больше склонны прибегать к телесным наказаниям своих детей, чем высокопоставленные. На самом деле так оно и есть. Люди, находящиеся внизу социальной иерархии, сильнее ощущают давление социального неравенства и хотят подготовить к нему своих детей. Телесные наказания детей в английских аристократических школах этому, казалось бы, противоречат, но там наказание осуществляли не родственники, а штатные воспитатели, которые более склонны к применению телесных наказаний, чем родители.

Во-вторых, некоторые в прошлом эгалитарные народы, оказавшись под колониальным гнетом, склонны усиливать физическое воздействие на своих детей посредством телесных наказаний. Статистически доказать это трудно, потому что большинство этнографических описаний относится к тому времени, когда колониальная власть уже была установлена, но отдельные факты такого рода известны. Это можно объяснить тем, что в патриархальном деревенском обществе от ребенка не ждут ничего особенного, а социальное расслоение побуждает родителей ставить перед своими детьми более высокие цели и добиваться осуществления этих целей посредством побоев.

В целом, заключают исследователи, полученные «данные указывают на то, что телесное наказание детей более вероятно в обществах, отмеченных властным неравенством, вызванным наличием социальной стратификации, или высоким уровнем политической интеграции, или наличием внешней власти... Телесное наказание детей не выглядит результатом того, что общество подчеркивает необходимость обучения послушанию, обучение послушанию не является независимым предиктором в нашем множественном ре-

грессионном анализе (множественный регрессионный анализ — метод установления зависимости одной переменной от двух или более независимых переменных. — И. К.). Судя по тому, что общества, где заботу о детях осуществляют исключительно родители, стоят на низшей ступени по частоте применения телесных наказаний, а общества, где детей воспитывают неродственники, — на высшей, кажется, что биологическое расстояние увеличивает вероятность применения воспитателем телесных наказаний. Более частое нахождение в состоянии войны, что может отражать культуру насилия, также делает телесные наказания детей более вероятными».

Кросскультурные сравнения, проведенные супругами Эмбер, могут служить хорошей исходной базой для обсуждения проблемы телесных наказаний. Но исследования этого типа имеют и свои недостатки.

1. Прежде всего, встает вопрос, насколько полон и адекватно интерпретирован круг этнических общностей, сведения о которых подвергаются статистической обработке. В источниках данных могут быть существенные пробелы, обусловленные состоянием этнографической литературы или пристрастиями составителей. Между тем статистическое обобщение, основанное на неадекватной выборке, неизбежно будет односторонним. Наличие между сравниваемыми группами статистически значимой разницы средних показателей не обязательно подтверждает гипотезу исследователя относительно причин или сопутствующих обстоятельств выявленных различий; заключение от различий между выборками к различиям в представленных ими популяциях нельзя механически переносить на природу самого изучаемого социального или психологического явления.

2. Любая система кодирования культурных явлений прямо или косвенно отражает теоретические ориентации автора, здесь тоже возможен субъективизм. Непредвиденные вариации могут затруднить применение кодировочной системы или повлечь за собой искажение данных. Исследователь, опирающийся на ранее закодированные данные, может

по-разному группировать их, но не может выйти за пределы концептуальных представлений кодировщика.

3. Остро стоит проблема надежности первичной информации, большая часть которой была собрана людьми, во-первых, не владевшими современной техникой полевых исследований, и, во-вторых, в связи с другими задачами. Если о каком-то явлении (например, о телесных наказаниях девочек, в отличие от мальчиков) сведений мало или их вовсе нет, это может объясняться и тем, что данное явление объективно редко встречается, и тем, что соответствующие культуры уделяли ему мало внимания, и тем, что собиравшие полевой материал этнографы не замечали этого явления, не придавали ему значения или даже умышленно замалчивали его. Никакая статистическая техника не может исправить этот недостаток.

4. Кодировочные категории кросскультурных исследований обычно фиксируют типичные образцы («паттерны») поведения и верований данного общества в целом, не принимая в расчет многочисленные социально-классовые и индивидуальные различия между его членами. Между тем существующие внутри данного социума вариации могут быть не менее значительными и важными, чем интерсоциетальные, межкультурные, существующие между разными социумами или этносоциальными организмами.

5. Кросскультурные исследования часто по умолчанию исходят из предположения о неизменности изучаемых образцов, обычаев и структур, особенно когда речь идет о таком консервативном явлении, как воспитание детей. Между тем это допущение теоретически сомнительно, а к динамически развивающимся обществам и вовсе неприменимо.

6. Сами возможности корреляционного анализа ограничены: то, что переменная x имеет тенденцию к единой связи, к образованию целого с переменной y , вовсе не означает, что x является причиной y . Более того, x может так же и даже более значимо коррелировать не только с y , но и с z или s , с которыми y не имеет явной содержательной, логической связи.

Некоторые обобщения Эмберов и их предшественников, например связь распространенности телесных наказаний детей с культурой насилия, кажутся бесспорными, интуитивно понятными.

Но почему телесные наказания коррелируют с «социальной сложностью»? Усложнение социальной структуры и общественно-трудовых отношений действительно приводит и к усложнению процесса социализации и порождает повышенные требования к детям, подкрепляемые, в частности, телесными наказаниями. В таком обществе детей не просто «пасут», но и формируют у них сложную мотивацию, потребность в достижении цели. Однако более сложная деятельность требует также от ребенка большей самостоятельности. С помощью палки или ремня можно заставить ребенка выучить наизусть молитву, но научить его таким путем самостоятельно и творчески мыслить невозможно.

За разными социально-педагогическими принципами стоит изменение процессов и форм социального контроля. Традиционное общество стремилось как можно строже и во всех мелочах контролировать поведение человека, независимо от его возраста. По мере осознания ценности индивидуальности человека значительно больше внимания уделяется контролю за мыслями и внутренними побуждениями членов общества. Отсюда — принципиально иное соотношение наказаний и поощрений и установка на формирование развитого самоконтроля. Иными словами, социальная сложность должна способствовать не усилению телесных наказаний, а их ослаблению. А может быть, это разные категории «социальной сложности»?

Не совсем ясен и вопрос о количестве и отличиях применявших и применяющих телесные наказания социализаторов. То, что посторонние взрослые (неродственники), которым доверено воспитание детей, телесно наказывают их чаще и строже, чем родители, подтверждается многими этнографическими описаниями. Но что за этим стоит? То, что посторонние социализаторы меньше любят доверенных им детей, чем их собственные родители? Или у них больше по-

допечных детей и с ними труднее справиться? А может быть, сами дети чаще жалуются на телесные наказания со стороны посторонних, чем со стороны своих родителей, которых в традиционном обществе критиковать не принято? Обсуждая соотношение телесных наказаний в семье и школе, мы не сможем обойти этот вопрос и увидим, что разница здесь не столько количественная, сколько качественная.

Вообще, далеко не все можно описать статистически.

Как и любой другой аспект социализации, телесные наказания детей связаны с множеством социально-структурных, культурно-символических и иных факторов. Это и социально-классовая структура общества, и род занятий населения, и особенности его гендерного порядка, и принятый в нем стиль социализации детей.

Сравнивая национальные стили воспитания по степени их строгости и соотношению наказаний и поощрений, необходимо всегда учитывать качественную сторону дела: как именно распределяются и воспринимаются награды и кары.

Способы дисциплинирования ребенка всегда прямо или косвенно соотносятся с его возрастом, причем здесь также существуют межкультурные различия. Эмма Голдфранк (Goldfrank, 1945) различает по этому признаку четыре типа обществ:

1. Общества, где и в раннем, и в позднем детстве дисциплина слабая.
2. Общества, где и в раннем, и в позднем детстве дисциплина строгая.
3. Общества, где в раннем детстве дисциплина строгая, а в позднем — слабая.
4. Общества, где в раннем детстве дисциплина слабая, а в позднем — строгая.

Европейскую модель воспитания по этой схеме нужно отнести к третьему типу, поскольку европейцы считают, что в самом строгом и систематическом дисциплинировании нуждаются маленькие дети, а по мере взросления внешний контроль должен ослабевать и ребенку следует постепенно предоставлять самостоятельность. У японцев, малайцев, син-

галов и ряда других народов философия воспитания другая: маленьким детям здесь предоставляют максимум свободы, практически не наказывают и почти не ограничивают; дисциплина, и весьма строгая, устанавливается позже, по мере взросления ребенок усваивает нормы и правила поведения, принятые среди старших.

Важнейшим фактором философии воспитания детей в любом традиционном обществе является религия. Однако нормативные предписания различных религий относительно телесных наказаний не совсем одинаковы.

Библия, из которой исходят не только иудаизм и христианство, но отчасти и ислам, считает телесные наказания детей не только неизбежными, но и полезными для ребенка. Особенно жесткие предписания на сей счет формулирует Ветхий Завет (Притчи Соломоновы):

«Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (13:24).

«Не оставляй юноши без наказания; если накажешь его розгою, он не умрет.

Ты накажешь его розгою, и спасешь душу его от преисподней» (23: 13-14).

«Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери» (29:15).

«Глупость привязалась к сердцу юноши; но исправительная розга удалит ее от него» (22:15).

«Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его» (19:18).

Позднейшие христианские предписания, как правило, опираются не на слова Спасителя, а на ветхозаветные нормы. Эти нормы не свидетельствуют об отсутствии чадолюбия. Библия определенно рекомендует не наказывать детей в гневе, не вымещать на них зло и т. д. Но ничего похожего на «детоцентризм» Нового времени в ней нет. Безоговорочное послушание детей родителям — одновременно главная цель и необходимый способ воспитания. Телесные наказания в этом контексте принципиально неустраимы и даже благодетельны для ребенка. Они служат доказательством

родительской, особенно отцовской, любви. Впрочем, такие доказательства и не нужны: человек действует по воле Божьей и отвечает только перед Господом. Отцовство — типичная вертикаль авторитарной власти.

Строгие телесные наказания естественны и нормативны не только для иудаизма и христианства, но и для ислама. За большинство преступлений Коран рекомендует назначать телесные наказания, сила которых варьирует в зависимости от тяжести проступка (5:39), хотя они рассматриваются как крайняя мера, когда другие меры воздействия не помогли. Наказания должны быть публичными, чтобы служить примером для других (5:38). Особо говорится о наказании непослушных женщин (4:34). Хотя специальных призывов сурово наказывать детей в исламе, кажется, нет, в мусульманских школах порка учеников всегда считалась нормальным явлением.

В 1996 г. двое подростков-школьников, Насир аль-Шибани и Мухаммад Маджед аль-Шибани были приговорены в Саудовской Аравии соответственно к 210 и 150 ударам розгами, экзекуция была выполнена публично, на глазах у всех учителей и соучеников. Даже в сильно вестернизированном Египте телесные наказания школьников не запрещены законом. Нередки и злоупотребления учительской властью. В феврале 2010 г. один учитель математики сломал руку ученику начальных классов, а другой до смерти забил мальчика за невыполненное домашнее задание (<http://barenakedislam.wordpress.com/2010/03/03/egypt-corporal-punishment-of-students/>). Однако не все религии одинаково суровы к детям. Некоторые восточные религии даже ставят детей в привилегированное положение по отношению к взрослым. Например, буддизм категорически осуждает причинение боли другим людям и вообще живым существам, его главная ценность — сострадание. Это проявляется и в буддистской педагогике. Согласно индуисткой традиции ребенок — самая большая ценность, поэтому ему нужно позволить развиваться без физического, эмоционального или психологического насилия.

Значит ли это, что в педагогическом арсенале буддистов телесные наказания отсутствуют? Нет. Хотя телесные наказания здесь не предписываются и даже осуждаются, в реальной педагогической практике, например в некоторых тибетских монастырях, они допускаются ради укрепления духа воспитанников.

Противоречие между религиозной философией и практикой воспитания детей ярко проявляется в странах Юго-Восточной Азии.

Например, в Шри-Ланке воспитание детей до пяти лет, пока им занимаются матери, является очень мягким. Зато после пяти лет, когда мальчиками начинают заниматься отцы, картина меняется. Учащаются и телесные наказания, которым мальчиков подвергают не только и даже не столько отцы, сколько другие взрослые мужчины (de Zoysa et al., 2006).

Таиландское семейное воспитание в целом выглядит довольно мягким. Зато в школе положение меняется. Постоянно живущий в Таиланде и женатый на местной женщине европеец рассказывает:

«Мой тайский пасынок принес мне на подпись письмо, разрешающее учителям применять телесные наказания, и они их действительно применяют. Однажды сын пришел домой и взял 4 пары шортов и 3 пары трусов... Учитель предупредил ребят, что их ждет наказание. Весь класс, мальчики и девочки, получили по несколько ударов палкой. Мой сын оказался к этому хорошо подготовлен».

Короче говоря, хотя теоретически религиозно-философские установки и социально-педагогические практики подкрепляют друг друга, сплошь и рядом они не совпадают. Причем практика, как правило, выглядит более жесткой. Интересно посмотреть под этим углом зрения на Японию.

Традиционное японское воспитание, основанное на принципах конфуцианства, было очень суровым (Михайлова, 1988). Знаменитый японский ученый XVII в. Ямага Соко говорил, что как только учение начинает приносить удовольствие, его цель искажается, поскольку исчезает желание самосовершенствования. Это — полная противоположность мнению западноевропейских просветителей, в частности Локка.

Однако японский канон человека с его гипертрофированным чувством стыда и идеей множественности «Я» побуждает воспитателя к осторожности. «Для японских учителей и родителей “воспитывать” не значит ругать за то, что уже сделано плохо, а наоборот, предвидя это плохое, обучать правильному поведению. Даже в ситуации, явно требующей если не наказания, то хотя бы выговора, воспитатель избегает прямого осуждения, оставляя ребенку возможность “не терять лицо”. Плохое поведение не отождествляется с личностью ребенка, ему внушают веру в то, что он конечно же может управлять поведением, стоит только приложить усилие. Вместо воспитания-порицания детей обучают конкретным поведенческим навыкам.

Учителя не ставят задачу добиваться в каждый момент соответствия поведения детей конечным требованиям. Внимание обращается лишь на то, чтобы дети в процессе решения повседневных задач научились отличать “правильную” моральную позицию от “неправильной”. Считается, что чрезмерное давление, направленное на сиюминутное соответствие норме, может дать обратный результат» (Нанивская, 1983).

Судя по описаниям специалистов (я прочитал много научной литературы, в том числе новейшей, по этому вопросу, а также проконсультировался с крупными российскими учеными — антропологом С. А. Арутюновым, историком и религиоведом Л. С. Васильевым и историком педагогики А. Н. Джуринским), такого культа телесных наказаний, как в христианской Европе, в Японии никогда не было. Тем не менее телесные наказания (taibatsu) широко представлены в японской педагогической теории и практике (Miller, 2009). Японские ученые переводят это слово как

«наставление», «руководство», «наставничество», «тренировку» и «обучение». Как в других культурах и языках, соотношение воспитательного физического воздействия на ребенка и простого применения к нему физической силы трактуется неоднозначно и иногда описывается разными словами: *taibatsu* — телесное наказание, *chokai* — дисциплинарное наказание, *gyakutai* — насилие или *shitsuke* — обучение (Goodman, 2000).

В японской семье издавна применялись три типа воздействия на детей: телесное наказание, изоляция и изгнание (Hendry, 2003). Когда в середине 1980-х годов в стране всерьез заговорили о запрете телесных наказаний, один японский отец написал в газете: «При обучении собак и лошадей их поощряют, когда они ведут себя правильно, и бьют, когда они этого не делают. То же самое нужно делать с детьми. Дети — это животные, которых учат быть людьми».

В японских школах телесные наказания законодательно запретили раньше, чем во многих западных странах, однако далось это нелегко. Впервые запрет ввели еще в 1879 г., но в 1885 г. его отменили, в 1890-м восстановили, в 1900-м снова отменили, а в 1941-м опять восстановили. После Второй мировой войны, в 1948 г., Министерство юстиции окончательно запретило бить и шлепать детей, заставлять их подолгу стоять на коленях или в неудобной позиции, не разрешать посещать туалет или есть свой завтрак.

Полностью реализовать эти правила школьной администрации не удалось. Спектр применяемых японскими учителями телесных наказаний весьма разнообразен. 69% опрошенных в 1986 г. учителей назвали в их числе удары палкой или чем-то подобным, 63% — тычки и толчки, 60% — удары кулаком, 59% — принуждение ребенка долгое время сидеть на коленях в неудобной позе («позиция сейза»), 54% — шлепки и т. д. Десять лет спустя самой распространенной (ее назвали 58% опрошенных) формой тайбатсу стали шлепки. Между 1990-м и 1995 г. среднее ежегодное количество зарегистрированных телесных наказаний в японских школах составляло от 700 до 1 000 случаев, причем ни воспитатели, ни сами дети не считали эту практику особенно порочной. По данным одного опроса, 80% детей сказали, что родители или учителя их били, но 15% из них признали это наказание

справедливым и лишь 25% сочли, что их наказывали слишком сурово (Kobayashi et al., 1997).

По данным опроса шестисот матерей 13-летних школьников, проведенного научно-педагогическим центром Benesse Corporation, за годы учебы в начальной школе не подверглись телесным наказаниям лишь 44% детей. С возрастом число наказанных детей увеличивается, причем мальчиков наказывают чаще, чем девочек. Сами дети реагируют на телесные наказания неоднозначно. Почти половина считают полученное ими наказание суровым или слишком суровым. Половина школьников готовы принять или вытерпеть телесное наказание, но 30% опрошенных невзлюбили после этого своих учителей, а продолжают их любить только 5%. Что касается матерей, то 50% считают полученное их ребенком телесное наказание заслуженным, 16% так не думают, а протестовали против незаконных действий учителя только 20%. 14% матерей считают, что наказание было эффективным средством поддержания дисциплины, 68% одобряют эпизодическое наказание и лишь 17% осуждают его при любых обстоятельствах. Процент отцов, одобряющих телесное наказание, значительно выше, чем матерей (50 против 30). Многие родители, которые сами не любят наказывать своих детей, считают свои воспитательные методы слишком мягкими и даже просят учителей наказывать своих чад строже.

В последние годы японские власти усилили преследования злоупотребляющих властью учителей. В одном только 2005 г. министерство образования наказало за это 447 учителей. Но общественное мнение по этому вопросу разделилось. При интернет-опросе в июне 2008 г. 467 членов Club BBQ (78% из них люди от 30 до 50 лет) на вопрос: «Как по-вашему, должны ли быть телесные наказания в школе?» — положительно ответили 60% мужчин и 47% женщин (отрицательно — 21 и 16,5%). 76% опрошенных мужчин и 62, 5% женщин в бытность школьниками сами подвергались телесным наказаниям, причем поротые взрослые одобряют телесные наказания вдвое чаще, а осуждают втрое реже непоротых.

Многих родителей и педагогов, пугает тот факт, что в некоторых школах насилие со стороны учителей сменяется травлей

(буллинг) со стороны соучеников, причем эта травля чрезвычайно жестока. Количество зарегистрированных подростковых самоубийств на этой почве выросло с 14 в 1999 г. до 40 в 2005 г. (Dussich, Маекоуа, 2007). Некоторые авторы связывают это с ослаблением учительской власти.

Что касается японской семьи, то в ней телесные наказания пока остаются легальными. Сравнительные исследования японских, канадских и американских семей показывают, что разница между ними в этом отношении не столько количественная, сколько качественная. Чтобы выяснить, как молодые люди относятся к телесным наказаниям и другим методам дисциплинирования, а также каков их собственный опыт в этой сфере жизни, 227 студентам американских и японских колледжей предложили оценить четыре разных сценария воспитания. Оказалось, что практический опыт телесных наказаний у юных японцев и американцев более или менее одинаков: телесным наказаниям подвергались 86% японцев и 91% американцев. Однако американцев чаще, чем японцев, били каким-либо предметом, причем американские взрослые предпочитали бить детей по ягодицам и рукам, а японские — по голове и лицу. Кроме того, юные японцы точнее американцев знали, за какие именно проступки их наказывали (Chang et al., 2007).

Главные исторические сдвиги в японской, как и почти в любой другой семье, связаны с изменением отцовской и материнской ролей (Shwalb et al., 2010). Традиционный образ грозного отца, которого старая японская поговорка уподобляла землетрясению, грому и молнии, явно не соответствует современным условиям. Однако эти изменения касаются скорее нормативных образов и установок, нежели психологических черт японских мужчин.

По словам известного японского антрополога Тие Накане, традиционный отцовский авторитет поддерживался не столько личными качествами отца, сколько его положением главы семьи, тогда как фактическое распределение семейных ролей всегда было более или менее индивидуальным и изменчивым. Сегодняшняя культура скорее признает и закрепляет этот факт, видоизменяя традиционные социальные стереотипы, нежели создает нечто новое. Кстати, сравнительная холодность и наличие соци-

альной дистанции во взаимоотношениях ребенка с отцом, часто рассматриваемые как свидетельство снижения отцовского авторитета, — скорее пережитки нравов традиционной патриархальной семьи, в которой к отцу не смели приблизиться и сам он был обязан держаться «на высоте».

В 1969—1970 гг. ответы взрослых японцев (13 631 отец и 11 590 матерей) на вопрос, кто является главным авторитетом в семье — отец или мать, разделились примерно поровну. Другие исследования показывают, что роль матери в деле дисциплинирования детей, особенно младших, значительно выше, чем роль отца; матери отдают предпочтение от 65 до 73%, а отцу от 14 до 18% опрошенных взрослых. Тем не менее детям отцы по-прежнему кажутся более строгими, нежели матери. Это типичное и для Европы расхождение нормативных ролевых ожиданий и реального поведения. Из 542 городских подростков, отвечавших в 1973 г. на вопрос: «Говорит ли ваш отец, какой образ жизни вы должны вести сейчас и в будущем?» — только четверть (25,4%) ответили «да», почти три четверти (74,6%) респондентов сказали, что не говорят с отцами о подобных вещах и не следуют отцовским советам. Свыше 12 тыс. супружеских пар в середине 60-х годов отвечали на следующие вопросы: «Если ребенок не слушается, кто, по-вашему, должен делать ему замечание?», «Кто в вашем доме фактически делает это в подобной ситуации?». Оказалось, что от отца этого ожидают значительно чаще (53,8%), чем он фактически делает (30,8%), с матерью же дело обстоит наоборот (46,3% против 36,3%). Хотя матери чаще отцов наказывают своих детей, последние гораздо интенсивнее общаются (разговаривают) с ними, нежели с отцами (Wagatsuma, 1977).

Как же японские родители добиваются послушания? Может быть, они чаще европейцев прибегают к поощрению и похвале, чем к наказанию или осуждению? Нет. По наблюдениям Дж. Хендри (Hendry, 2003), японские матери сравнительно редко хвалят своих детей, нечасто упоминается похвала и в учебниках педагогики. Японские родители, учителя и спортивные тренеры чаще прибегают к критике, чем к похвале. Ребенок усваивает сделанные ему замечания и старается не повторять допущенных ошибок. Однако, в отличие от многих европейцев,

японцы стараются не задевать самолюбие и достоинство учащихся. Оценке подвергается не личность ребенка, а его конкретная деятельность, уровень компетентности и т. д. В последние десятилетия этот подход получает все более широкое признание и в западной психологии.

Мощным средством дисциплинирования японских детей является также ритуализация некоторых форм поведения. Общеизвестно, что японцы «одержимы» чистотой. В то же время в японских школах и спортивных учреждениях мало наемных уборщиков. Всю эту работу выполняют провинившиеся ученики, это служит одновременно наказанием и приучением к порядку. Такая же трудовая дисциплина существует и в семье. В чем-то это напоминает педагогику А. С. Макаренко.

Восприятие японскими детьми социальных ролей и поведения их отцов и матерей сегодня мало отличается от представлений австралийских, английских, североамериканских и шведских подростков (Goldman J., Goldman R., 1983; Bankart C. P., Bankart B. M., 1985). Это касается и распределения наказаний. Сравнение репрезентативной выборки японских и американских отцов и их детей-тинейджеров показало, что американские отцы, в соответствии с их медийными образами, проводят со своими детьми больше времени, чем японские, но оценка отцов японскими детьми меньше зависит от этого фактора, здесь действуют более тонкие зависимости. При сравнении группы канадских и японских семей (Steinberg, Kruckman, Steinberg, 2000) японские отцы выглядят более традиционными: они реже присутствуют при родах, реже берут на это время отпуск и т. д. Однако они заботятся о ребенке значительно больше, чем ожидали исследователи.

В XXI в. эти сдвиги усиливаются. Японская рекламная компания «Дентсу» в 2010 г. констатировала, что традиционное невнимание японских мужчин к маленьким детям уходит в прошлое. По данным проведенного фирмой опроса, 73,4% отцов детей младше 12 лет активно занимаются их воспитанием, а 86% неженатых 20-летних мужчин собираются в будущем последовать их примеру. «Дентсу» назвала этих новых мужчин Papa Danshi (мужчины-папы) (Japanese fathers become «Papa Danshi», 2010).

Разумеется, эти сдвиги не следует преувеличивать. По данным сравнительного международного исследования (International comparative research on «home education»), средний японский отец проводит со своими детьми в рабочий день лишь около трех часов, меньше времени тратят на своих детей только южнокорейские мужчины. Таиландские отцы уделяют детям почти шесть часов в день. Однако 40% японских отцов сожалеют о таком положении. Быть отцами в Японии стало модно. В отличие от прошлых поколений, молодые японцы охотно «выгуливают» своих малышей. В Токио возникло несколько журналов для молодых отцов (Shimoda, 2008). Более молодые, образованные и, главное, вовлеченные в реальное общение с детьми отцы менее склонны наказывать своих чад физически.

Постепенно это меняет и общественное сознание как на политическом, так и на бытовом, общинном уровне. Интересен в этом плане опыт расположенного в префектуре Танагава между Токио и Иокогамой города Кавасаки (<http://www.endcorporalpunishment.org/children/countries/japan/japan-research-2.html>).

Кавасаки — девятый в Японии по численности населения (около 1,4 млн. чел.) индустриально развитый город. В 2000 г. его муниципалитет по собственному почину принял «Правило о правах ребенка в городе Кавасаки». Этим правилом полностью запрещались телесные наказания детей где бы то ни было. Постановить, конечно, легче, чем осуществить. В марте 2002 г. городские власти провели профессиональный опрос 4 500 местных детей от 11 до 17 лет, из которых 2 061 ответил, в числе других, на два вопроса о телесных наказаниях. На вопрос о своем личном опыте телесных наказаний в семье 9,7% детей сказали, что подвергались им часто, а 27,9% — иногда. На вопрос, что они думают о телесных наказаниях, 25,2% детей ответили, что категорически против них, 7,5% считают их разумными, а 43,9% — приемлемым способом дисциплинирования детей. Среди 600 опрошенных городских чиновников против телесных наказаний детей в семье высказались 42,3%. Для чиновников это немало.

Городской совет этим не удовлетворился. В 2008 г. местные власти провели новое исследование с целью выяснить, как са-

моуважение детей и взрослых связано с условиями их развития, включая телесные наказания. Оказалось, что взрослые с высокой степенью самоуважения телесно наказывают своих детей почти вдвое реже тех, у кого самоуважения маловато. В частности, политики и чиновники с низкой степенью самоуважения наказывают своих детей физически значительно чаще, чем с высокой. Телесные наказания отрицательно сказываются и на детях. Дети с высокой степенью самоуважения чувствуют, что взрослые относятся к ним внимательно, выслушивают их и т. д. Зато дети с низким самоуважением значительно чаще испытывали телесные наказания со стороны своих родителей и опекунов. В целом исследование показало, что когда взрослые причиняют им боль, дети воспринимают это послушно и терпеливо. Но такая реакция типичнее всего для детей с низким самоуважением. Эти дети редко высказывают взрослым свои подлинные мысли и чувства. Иными словами, телесные наказания тормозят формирование гражданственности и социальной активности. Может быть, эта информация поможет дальнейшему смягчению нравов?

Остается пожелать городскому совету Кавасаки успехов в его трудной работе. Похоже, что там городские власти не используют детей для собственного пиара, а действительно любят их.

Подведем итоги.

1. Телесные наказания — древнейшая и универсальная форма дисциплинирования детей, однако оценить их смысл, функции и историческую динамику можно лишь в широком социокультурном контексте.

2. Подобно тому, как образ ребенка — плоть от плоти принятого в обществе образа человека, так и степень распространенности и интенсивности телесных наказаний детей — плоть от плоти принятых в обществе форм наказания и дисциплинирования взрослых.

3. Эволюция отношения к телесным наказаниям и соответствующих педагогических практик содержательно и статистически связаны с целым рядом социально-экономических и культурных факторов (социальная сложность, культура насилия, количество социализаторов, неравенство возмож-

ностей и власти и т. д.), соотношение которых проблематично.

4. Один из главных факторов, определяющих распространенность телесных наказаний детей, — религиозные установки и ценности, причем различные религии в этом отношении неодинаковы.

Глава 2 НЕМНОГО ИСТОРИИ

Цивилизации основывались и поддерживались теориями, которые отказывались подчиняться фактам.

Джо Ортон

ОТ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ

Если от кросскультурных, этнографических и религиоведческих исследований перейти к обычной нарративной истории, то телесные наказания детей представляются всеобщими, но далеко не единообразными. Особенно много вариаций наблюдается в приписываемых им смыслах и в способах их легитимации. Чем большая ценность и автономия приписывается ребенку и чем сложнее становится процесс его социализации, тем сильнее религиозный дискурс дополняется, а затем и вытесняется педагогическим, в фокусе которого стоит подразумеваемая забота о благе ребенка. Однако эмпирические данные на сей счет фрагментарны и выглядят скорее иллюстративными, нежели доказательными.

Уже в античной Греции стили воспитания детей и тем более методы их дисциплинирования не были единообразными.

В Спарте, где воспитание детей было коллективным и нацелено прежде всего на подготовку воинов, дисциплина была суровой и единообразной, причем следили за ней не только взрослые воспитатели пайдономы, но и их помощники из числа старших подростков — ирены, или эйрены. При посвящении в эйрены, 14-летних мальчиков подвергали различным болезненным испытаниям, в том числе публичной порке, которую они должны были вытерпеть без стонов и слез. После этого они становились помощниками пайдономов в физической и военной муштре остальных подростков и получали право физически наказывать их.

В Афинах система социализации детей была более дифференцированной и индивидуализированной. Мальчиков здесь воспитывали отдельно от девочек, а коллективное воспитание дополнялось домашним. Без телесных наказаний не обходилось ни то ни другое.

По словам Платона, «ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем меньше разум ребенка направлен в надлежащее русло, тем более становится он шаловливым, резвым и вдобавок превосходит дерзостью все остальные существа. Поэтому надо обуздывать его всевозможными средствами...» (Платон. Законы, 808 d).

Какими именно?

«Хорошо, если ребенок добровольно слушается; если же нет, то его, словно кривое согнувшееся деревцо, выпрямляют угрозами и побоями» (Платон. Протагор, 325 d).

О том, что детям по природе свойственно непослушание, которое приходится преодолевать силой, пишет и Аристотель (Политика, VII, 17)

Самые жестокие телесные наказания древнегреческая мысль ассоциирует не с родителями, а с учителями. В классической Греции «педагог» — это доверенный раб, часто иноземного происхождения, которому отец доверил уход за своими детьми. Так как родители поручали педагогу самую неприятную, «грязную» часть воспитательной работы, неприязнь ребенка обращалась прежде всего на него. Античные авторы часто пишут о педагогах иронически, как о ни к чему не пригодных угрюмых ворчунах и придирах. Позже появляется даже выражение «кислое и педагогическое лицо» (см.: Безрогов, 2008). Если прогрессивные авторы Нового времени сравнивали школу, основанную на принуждении, с казармой, то Ксенофонт, наоборот, сравнивает жестокого полководца Клеарха с учителем:

«В нем не было ничего привлекательного, он всегда был сердит и суров, и солдаты чувствовали себя перед ним, как дети перед учителем» (Ксенофонт. Анабасис, 2:12—13).

Важно иметь в виду, что педагог не столько обучал ребенка (этим занимались специально обученные профессиональ-

ные и дорогие учителя-наставники), сколько дисциплинировал его. Технику и инструменты порки античные авторы подробно не описывают (возможно, из уважения к свободнорожденным детям).

Хотя в целом телесные наказания считались нормальными, некоторые древнегреческие философы ставят под сомнение их эффективность, особенно применительно к обучению. Согласно Пифагору (VI в. до н. э.), «правильно осуществляемое обучение... должно происходить по обоюдному желанию учителя и ученика», «всякое изучение наук и искусств, если оно добровольно, то правильно достигает своей цели, а если недобровольно, то негодно и безрезультатно».

В дальнейшем это становится фундаментальным положением древнегреческой теории воспитания — пайдейи.

В отличие от раба-педагога, наставник-философ всегда описывается уважительно. Статусно-возрастные различия не исключают некоторого равенства. Это взаимоотношения свободных людей, ведущих диалог, в котором силовые аргументы не работают.

«Все античные тексты порицали тех, кто пытались вернуть (или сохранить) рестриктивный контроль педагога над повзрослевшим воспитанником — независимо от того, насколько этот контроль был полезен и защитителен» (Безрогов, 2008).

Понятие Учителя с большой буквы, к которому позже апеллирует христианство, формируется именно здесь.

Если качество учителя можно было обсуждать, то родительская, особенно отцовская, власть, какова бы она ни была, сомнению и критике не подлежала. Аристофан в комедии «Облака» описывает «модернового» сына Фидиппида, который после обучения у Сократа осмелился возражать своему отцу Стрепсиаду и даже поднял на него руку, в результате чего возник следующий диалог:

Стрепсиад

Но не в обычае нигде, чтоб был сечен родитель.

Фидиппид

А кто обычай этот ввел — он не был человеком,
Как ты, да я? Не убедил речами наших дедов?
Так почему же мне нельзя ввести обычай новый,
Чтоб дети возвращать могли родителям побои?
А порку, что досталась нам до нового закона,
Смахнем со счетов и простим за давностью срока.
Возьмите с петухов пример и тварей, им подобных,
Ведь бьют родителей у них, а чем они отличны
От нас? Одним, пожалуй, тем, что кляуз они не пишут.

Очевидно, что комедиограф не столько проблематизирует взаимоотношения отцов и детей, сколько пародирует не-симпатичные ему «современные» нравы.

Споры о целесообразности телесных наказаний детей шли и в Древнем Риме. Телесные наказания, сколь угодно жестокие, были неотъемлемым компонентом отцовского права жизни и смерти над всеми чадами и домочадцами, которого никто не оспаривал. Совсем другое дело — учитель. Философ Либаний (314 — около 393 г. н. э) говорил, что весла бьют по поверхности моря легче, чем плеть педагога по спине ребенка. По словам римского историка Светония (ок. 70 — ок. 140), к будущему императору Клавдию педагогом нарочно приставили варвара, бывшего конюшего, чтобы он его жестоко наказывал по любому поводу. «Твой гнев с трудом оставляет палку», — жаловался поэт Марциал.

Однако бить ребенка — значит уподоблять его рабу, воспитательный эффект этого весьма проблематичен. В поздней Римской империи противоречие между телесными наказаниями и свободой философски уже осознано. По мнению философа Сенеки, телесные наказания — законное, но самое крайнее средство воспитания. Для Плутарха ребенок не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь. В трактате о воспитании детей Плутарх писал, что поощрения и объяснения влияют на ребенка значительно лучше, чем удары или жестокое обращение. Больше подобая рабам, чем свободнорожденным, теле-

сные наказания делают детей робкими и нерешительными. В качестве положительного примера Плутарх ссылается на Катона, который говорил, что мужчина не должен налагать руки на то, что ему дороже всего, — жену и детей. Когда его сын подрос, Катон сам начал учить его чтению. У него был образованный раб, который с успехом учил других детей, но Катон не хотел, чтобы его сын выслушивал нотации со стороны раба, а если мальчик не выучит урок, чтобы раб драл его за уши.

Против телесных наказаний высказывается и знаменитый оратор Квинтилиан (ок. 35 — ок. 96). Квинтилиан согласен с тем, что дети «от природы склонны к худшему», и воспитание помогает побороть их дурные наклонности. Но воспитание должно формировать свободного человека. Ребенок — «драгоценный сосуд», с которым надо обращаться бережно и уважительно. При воспитании нельзя прибегать к физическим наказаниям, ибо битье подавляет стыдливость и развивает рабские качества.

В раннем Средневековье эти установки были надолго забыты и утрачены, особенно в школе. Учитель был немислим без розги. Блаженный Августин вспоминает, что в его начальной школе ни одного дня не обходилось без побоев. Первая его детская молитва была о спасении из этой «побойной школы», но Бог не внял этой мольбе. Августин сравнивает школу с испытаниями христианских мучеников. Этот печальный опыт навсегда сохранился в его памяти: «Кто бы не выбрал смерть, будучи спрошен, хочет ли он прекратить течение жизни или еще раз пережить детство?» (Августин. О граде Божием, XXI, 14).

Но это не мешает Августину, как и другим отцам церкви, видеть в детских проступках не проявление невинности, а подлежащий силовому лечению знак первородного греха.

Строгие наказания считались естественным и богоугодным делом. Карл Великий в одном из своих капитуляриев требовал лишать нерадивых учеников пищи. В церковных школах царила палочная дисциплина, учеников били по

щекам, губам, носу, ушам, спине и по голому телу. Эмблема «Грамматики» в Шартрском соборе изображает учителя, грозящего двум детям бичом. В Оксфордском университете присвоение звания Мастера грамматики сопровождалось ритуальным преподнесением розги и церемониальной поркой мальчика для битья. Знаменитый французский богослов Жан Жерсон (1363—1429) писал, что «учитель должен принуждать учеников при помощи розог»; «пусть знают, что за каждое прегрешение они будут биты розгами», но «никаких палок или иных инструментов для битья, которыми можно серьезно поранить» (цит. по: Арьес, 1999).

Англия — классическая страна телесных наказаний

Наиболее разработанная система телесных наказаний детей, вошедшая в традицию и сохранившаяся в течение всего Нового времени, существовала в Великобритании (см.: Chandos, 1984; Gathorne-Hardy, 1977; Gibson, 1978; Raven, 1986).

Первое, с чем английский мальчик сталкивался в школе, — это жестокость и злоупотребление властью со стороны учителей. Особенно изощренным ритуалом телесных наказаний, которые здесь называли «битьем» (beating) или «экзекуцией», славился основанный в 1440 г. Итонский колледж. Некоторые его учителя, например возглавлявший Итон в 1534—1543 гг. Николас Юдалл (1504—1556), были самыми настоящими садистами, которым избивание мальчиков доставляло сексуальное удовольствие. Английская эпиграмма XVII в. гласит: «Почесывая в штанах у школьника, педант удовлетворяет свой собственный зуд».

Связи Юдалла были настолько высоки, что даже после того, как его уволили и осудили за содомию, он через несколько лет возглавил другой, Вестминстерский колледж.

Воспитанников пороли буквально за все. В 1660 г., когда школьникам в качестве средства профилактики чумы предписали курение, одного итонского мальчика выпороли, «как

никогда в жизни», за... некурение. В Итоне с родителей учеников дополнительно к плате за обучение взимали по полгинеи на покупку розог, независимо от того, подвергался ли их отпрыск наказанию или нет.

Следует подчеркнуть, что дело было не только и не столько в личных склонностях воспитателей, которые, как и всюду, были разными, сколько в общих принципах воспитания.

Самый знаменитый «палочник», возглавлявший Итон с 1809 до 1834 г. доктор Джон Кит (John Keate) (1773—1852), который однажды за один только день собственно-ручно высек розгами 80 (!!!) мальчиков, отличался добрым и веселым нравом, воспитанники его уважали. Кит просто старался поднять ослабленную дисциплину, и это ему удалось. Многие наказываемые мальчики воспринимали порку как законную расплату за проигрыш, за то, что не удалось обмануть учителя, и одновременно — как подвиг в глазах одноклассников.

Избегать розог считалось дурным тоном. Мальчики даже хвастались друг перед другом своими рубцами. Особое значение имела публичность наказания. Для старших, 17—18-летних мальчиков унижение было страшнее физической боли. Капитан итонской команды гребцов, высокий и сильный юноша, которому предстояла порка за злоупотребление шампанским, слезно умолял директора, чтобы тот высек его наедине, а не под взглядами толпы любопытных младших мальчиков, для которых он сам был авторитетом и даже властью. Директор категорически отказал, объяснив, что публичность порки — главная часть наказания.

Ритуал публичной порки был отработан до мелочей. Каждый «Дом» в Итоне имел собственный эшафот — деревянную колоду с двумя ступеньками (flogging block). Наказываемый должен был спустить брюки и трусы, подняться на эшафот, стать на колени на нижнюю ступеньку и лечь животом на верхнюю часть колоды. Таким образом, его попа, расщелина между ягодицами, чувствительная внутренняя поверхность бедер и даже гениталии сзади были полностью обнажены и доступны для обозрения, а если осуществляющему порку

учителю будет угодно, и для болезненных ударов березовыми прутьями. Это хорошо видно на старинной английской гравюре «Порка в Итоне». В таком положении мальчика удерживали два человека, в обязанности которых входило также держать полы рубашки, пока провинившийся не получит всех назначенных ему ударов.

Какие переживания это зрелище вызывало у мальчиков, подробно описано в знаменитой итонской поэме Алджернона Суинберна (1837—1909) «Порка Чарли Коллингвуда». Поскольку русский перевод поэмы отсутствует, а я на это не способен, ограничусь кратким пересказом.

Чарли Коллингвуд — семнадцатилетний красавец, высокий, широкоплечий, с развитой мускулатурой и копной рыжих волос на голове. Он отлично играет во все спортивные игры, зато стихи и сочинения ему не даются. Поэтому пять, а то и шесть дней в неделю он оказывается жертвой, а затем его наказывают. Для младших мальчиков видеть порку Чарли Коллингвуда — настоящий праздник; следов березы на его заднице больше, чем листьев на дереве, такую попу приятно видеть. Но Чарли ничего не боится. Он идет со спущенными штанами, не издавая ни звука. Зрители переводят взгляд с красной розги директора на красный зад школьника: шрам на шраме, рубец на рубце. Директор выбивается из сил, но Чарли не впервой. Розга жжет все чувствительнее, по белым бокам Чарли, как змеи, ползут березовые узоры. На его голом белом животе видны красные узоры, а между белыми ляжками приоткрывается нечто волосатое. Учитель выбирает самые чувствительные места, как будто хочет разрубить Чарли на куски. «Конечно, ты слишком большой для порки, в твоём возрасте подвергаться порке стыдно, но пока ты здесь, я буду тебя сечь! Мальчик никогда не бывает слишком большим для битья!» Извиваясь от боли, Чарли в конце концов вскрикивает: «Ох!» — и младшие мальчики смеются, что розга таки заставила кричать большого парня. Но второго такого удовольствия они не дождутся. Учитель устает раньше. Чарли Коллингвуд поднимается с эшафота, краснолицый, со спу-

танными рыжими волосами, багровой поротой задницей, полными слез голубыми глазами и взглядом, который говорит: «Наплевать!» Затем он натягивает штаны и выходит из школы, окруженный толпой мальчишек, которые идут следом за своим героем и гордятся тем, что они видели порку Чарли Коллингвуда...

Тут есть все: учительский садизм, безусловная покорность и отчаянная бравада наказуемого, жестокий смех и одновременная героизация жертвы, с которой каждый из этих мальчиков по-своему идентифицируется. И прежде всего — табуируемый секс...

Из воспоминаний бывших итонцев:

«Меня поймали в часовне за распеванием грубых, непристойных стихов на мотив псалма и вызвали на расправу к Младшему Мастеру (некто вроде заместителя директора. — И. К.). Ты должен был снять брюки и трусы и стать на колени на колодку. Двое служителей тебя держали. Тебя пороли розгами по голой попе. Я все время дрожал, белый, как лист бумаги, абсолютно напуганный. Получил шесть ударов, в результате появилась кровь. Когда я вернулся обратно в класс, все закричали: “А где кровь, где кровь?” Мне пришлось задрать подол рубашки и показать кровавые пятна».

«Порка была просто частью жизни. После вечерней молитвы старшие мальчики официально вызывали тебя в Библиотеку. Хотя за мной не числилось особых провинностей, Капитан Дома решил, что я веду себя вызывающе и заслуживаю избиения. Это было чрезвычайно больно — настоящая старомодная порка до крови».

«Не помню, чтобы когда-нибудь в жизни я был так напуган, чем когда сидел в своей комнате, зная, что мне предстоит порка. Мой фаг-мастер сказал мне утром: “Боюсь, что ты заслуживаешь побоев”, и весь день я ожидал этого наказания. Будучи маленьким и хилым, я боялся особенно сильно. — “Спускайся к Библиотеке и подожди”. — Они заставили меня ждать четыре или пять минут. — “Входи”. — Ты

входишь и видишь, что вопрос решен, никакие оправдания тебя не спасут. Капитан Дома уже стоит со своей палкой. — “Это непростительно, ты трижды не зажег свет у своего фаг-мастера. Выйди”. — И снова ты должен ждать. Это была изощренная пытка. — “Входи!” — А затем они бьют тебя палкой, как будто выколачивают ковер».

«Моих деда и прадеда одинаково пороли в школе, причем... на одном и том же эшафоте. Учитывая, что их школьные годы разделяют 29 лет, мне это всегда казалось забавным. Ни мой дед, ни мой прадед не испытывали никаких сожалений или отрицательных чувств по поводу наказания, оно тогда было нормальной частью жизни. Как говорил мой дед, береза была способом “настройки духа”; хотя результаты могли выглядеть плачевно, кожа через три недели зажи-вала...»

Замечательные порочные традиции существовали в основанной в 1179 г. Вестминстерской школе. Самый знаменитый ее директор (он занимал эту должность 58 лет) Ричард Басби (1606—1695) хвастался, что собственноручно перепорол 16 будущих епископов англиканской церкви и что лишь один из его воспитанников не был выпорот ни разу. По мнению доктора Басби, порка формирует у мальчика здоровое отношение к дисциплине. Между прочим, его учительская карьера началась со скандала: Басби уличили в сексуальном соращении одного из учеников. В 1743 г. знаменитый поэт Александр Поп сатирически изобразил его в поэме «Новая Дунсиада». Но ценили Басби «не только за это»: ни одна английская школа не могла похвастаться таким количеством знаменитых выпускников, как Вестминстер эпохи Басби (архитектор Кристофер Рен, естествоиспытатель Роберт Хук, поэты Джон Драйден и Мэтью Прайор, философ Джон Локк и многие другие). Разве это не доказывает успехов порки? Кроме того, Басби собрал и подарил школе богатую библиотеку.

Традиции Басби бережно сохранялись. Весной 1792 г. на волне либерализма (в соседней Франции происходила рево-

люция) группа учеников Вестминстерской школы два с половиной месяца издавала сатирический журнал «Флагеллант». Вышло девять номеров, в общей сложности полторы сотни страниц, после чего журнал был запрещен, а его инициатор, будущий знаменитый поэт-романтик Роберт Саути (1774—1843), исключен из школы.

Двести лет спустя с журналом ознакомился русский писатель Игорь Померанцев, и вот что он пишет (Померанцев, 1998):

«Юноши спешили. Я буквально слышу, как неумоимо скрипят их перья весной 1792 года. В конце мая. В ту пору буйно цвел готический роман, входил в моду романтизм, но вестминстерские старшекласники модой пренебрегали. Их не зря учили риторике, так что писали они в духе трактатов Цицерона: доказывали свое, опровергали оппонента, точно выбирали слова, соразмерно строили фразы. В их сочинениях не различаешь тупого удара палки, нету в них пятен крови, ручейков слез. Но все же...

“У меня нет сомнений, что рука учителя не потянется к розге, если он уразумеет, что она изобретена дьяволом!!! Я взываю к вам, профессора порки! Кто был божеством античного язычества? Дьявол! Католический Рим — это рассадник предрассудков и суеверия. Разве протестант будет отрицать, что дикости монахов, и среди этих дикостей бичевание, от дьявола? Мы сбросили ярмо Рима, но розга еще властвует над нами!”

Другой автор “Флагелланта” обращается к родителям:

“Достопочтенные отцы! Дозвольте мне из отдаленного края оповестить вас об отношении к “Флагелланту”. Несовершенство моего стиля, чаятельно, загладится существом моего послания. Знайте же, праведные братья, что я пребываю под покровительством учителя господина Тэкама, чья рука тяжелей головы и почти столь же сурова, сколь его сердце. Когда мы получили первый номер “Флагелланта”, педагог осведомился, что за ахинею мы читаем. Мы ответствовали. Он схватил журнал и, сунув его в карман, воскликнул: “Ну и времена! Мальчишкам дозволено раз-

мышлять о себе!” Я часто слыхивал о праве помазанника божьего, монарха, и, признаюсь, испытывал сомнения. Но о том, что учитель — это тоже помазанник божий, я что-то не слыхивал!”

А вот воспоминания вестминстерского школяра из середины XIX в.:

“Наказывали за неуважение к старшекласникам, за то, что не сдержал слова или свалил на кого-то вину за содеянное, за карточное шулерство. Били рукояткой розги по ногам. Били по рукам. О, эти зимние утра! Я вытягиваю обветренные руки в цыпках, сейчас по ним полоснут линейкой. Как-то я приехал на каникулы домой, и мой отец отвел меня в ванную, долго мыл мне руки горячей водой и мылом, щеткой вычистил траур из-под ногтей, смазал жиром и дал пару лайковых перчаток. Я не снимал их двое суток, все раны затянулись, кожа стала мягкой, бледной... Во время порки было принято улыбаться. Никогда не слышал ни стона, ни всхлипа...

В Вестминстере почти не издевались попусту. Но все же случалось. Порой заставляли растопырить пальцы и положить ладонь тыльной стороной вверх на парту. После мучитель пером или перочинным ножиком часто-часто скакал между пальцами. Некоторые делали это мастерски, туда-назад, туда-назад. Но кончалось всегда одним: кровью”».

Все телесные наказания учащихся тщательно оформлялись. В школьной «Книге наказаний», которую вели старосты-старшекласники, сохранились имена всех наказанных, даты, мера и причины экзекуции. Игорь Померанцев цитирует некоторые записи 1940-х годов:

«М. наказан за сквернословие. Староста Стэмбургер сделал замечание классу, чтоб не орали. Когда Стэмбургер кончил, М. встал и сказал: “Пойду-ка посру”. Ему сказали, чтоб он придержал язык. Но вскоре все это повторилось. Я сказал М., что он заработал три удара. Он опротестовал решение. Мы обговорили это с директором и решили, что наказывать надо не просто за сквернословие, а за все вкупе. Правда, сошлись на двух ударах...»

Порка была органической частью школьной традиции, многие воспитанники на всю жизнь становились ярыми ее поклонниками. Бывший ученик школы Чартерхаус (основана в 1612 г.) вспоминает, что, когда в 1818 г. тогдашний ее директор доктор Рассел решил заменить телесные наказания штрафом, школа взбунтовалась:

«Розга казалась нам совершенно совместимой с достоинством джентльмена, а штраф — это постыдно! Школа восстала под лозунгом “Долой штраф, да здравствует розга!”, и старый порядок был торжественно восстановлен».

Конечно, не все ученики были поклонниками порки. Будущий премьер Уинстон Черчилль (1874—1965), который плохо учился в школе и к тому же отличался редким упрямством, был совсем не в восторге от своей подготовительной школы Сент-Джордж:

«Порка розгами по итонской моде была главной частью учебной программы. Но я уверен, что ни один итонский мальчик, ни, тем более, мальчик из Харроу не подвергался таким жестоким поркам, какие этот директор готов был обрушить на доверенных его попечению и власти маленьких мальчиков. Они превосходили жестокостью даже то, что допускалось в исправительных учебных заведениях... Два или три раза в месяц вся школа загонялась в библиотеку. Двое классных старост вытаскивали одного или нескольких провинившихся в соседнюю комнату и там пороли розгами до крови, а в это время остальные сидели, дрожа и прислушиваясь к их крикам. Как я ненавидел эту школу и в какой тревоге прожил там больше двух лет! Я плохо успевал на уроках, и у меня ничего не получалось в спорте» (Churchill, 1941).

Не испытывает ностальгии по порке и знаменитый оксфордский философ Алфред Джулс Айер (1910—1989). В его начальной школе «дисциплина была очень строгой. Палкой наказывал только директор, матрона распоряжалась розгами. Я получил одну или две порки розгами и один раз, в мой последний школьный год, за озорство в спальне, — порку палкой. Не помню, чтобы палок давали много, зато они были очень

чувствительны. После этого жертвы собирались в уборной, демонстрируя друг другу следы палок на своих задницах».

Об Итоне, где Айер учился в 1923—1928 гг., ему тоже есть что вспомнить:

«Обычным наказанием на невыполненные задания была порка капитаном спортивной команды... Виновного мальчика вызывали в комнату, в которой ужинали шестиклассники. Если он видел в центре комнаты кресло, он уже знал, зачем он тут. После того, как ему, без всякой необходимости, говорили, что предстоит порка, он снимал верхнюю одежду, становился на колени на кресло и получал положенные ему семь крепких ударов... Удары, особенно если их наносили сильные спортсмены, были очень болезненными, но ты должен был перенести их не плача и не дергаясь, а одевшись, попрощаться без дрожи в голосе...

Директорские порки были торжественными. При них присутствовали два отвечающих за дисциплину шестиклассника, они назывались *praepostors*. Виновника приводили со спущенными брюками, привратник укладывал его на специальную колоду. Затем директор складывал розги в пучок и обычно наносил не меньше шести ударов. Я присутствовал при одной такой порке и был рад, что мне не пришлось пережить ее самому» (Ayer, 1979).

Ритуалы порки менялись. В 1964 г. тогдашний директор Итона Энтони Ченевикс-Тренч (Anthony Chenevix-Trench, 1919—1979) заменил полупубличные порки розгами или тростью по голой попе приватным наказанием тростью в своем кабинете. Кстати, сделал он это не из гуманных соображений, а скорее по личным пристрастиям. Один ученик школы Шрусбери, где Тренч директорствовал раньше, рассказывал, что тот предлагал провинившимся на выбор: четыре удара тростью, что очень больно, или шесть ударов ремнем, что не так больно, зато со спущенными штанами. Несмотря на унижительность процедуры, чувствительные мальчики часто выбирали ремень, экзекуция явно доставляла Тренчу сексуальное удовольствие. Возглавив Итон, Тренч отменил традиционное право старших мальчиков публично

наказывать младших через штаны (провинившемуся даже предлагали являться на порку в старых штанах, потому что трость могла их порвать, сделав наказание еще более жестоким). Преемник Тренча эти реформы продолжил: сохранив обычай приватной порки мальчиков директором, он отменил необходимость спускать при этом штаны и трусы. Благодаря этому порка стала не только менее болезненной, но и менее унижительной и сексуальной. Но ведь на дворе были уже 1970-е годы...

В 1950—1960-е годы телесные наказания еще процветали в большинстве английских публичных школ:

«Меня пбили палкой за то, что я был не в школьном головном уборе. Это было в трех милях от школы и в двадцати ярдах от моего дома, на меня донес мой брат, который был старостой».

«Директор наказал меня палкой, потому что ему не нравилось, как я пишу букву “f”».

«Учитель музыки наказал меня палкой как часть еженедельного ритуала; в начале урока он порол весь класс, говоря: “Я знаю, что некоторые из вас будут безобразничать и не будут замечены. Однако наказания вы все равно не избежите!”»

Известный актер Адриан Эдмондсон (род. в 1957 г.) рассказал газете «Таймс», что за шесть лет (1964—1970) своего обучения в Поклингтонской школе (Восточный Йоркшир) он получил в общей сложности 66 палочных ударов. Директор бирмингемской Королевской школы для мальчиков заставлял каждого провинившегося лично пойти и купить трость, которой он будет высечен. Впрочем, наказывал только сам директор, исключительно за дело и без всякого садизма; большей частью наказание ограничивалось двумя ударами.

В 1950—1960-х годах наказание палкой или гибкой ратановой (бамбук для этого слишком жесткий) тростью (caning) постепенно стало уступать место порке резиновой спортивной туфлей или тапочкой (slippering). Это болезненно и одновременно звучно. В совместных школах мальчиков

чаще наказывали тростью, а девочек — тапочкой, в женских школах вообще предпочитали тапочку.

Характер наказаний зависел от типа учебного заведения. В государственных школах телесные наказания осуществлялись исключительно директором или его помощником и были сравнительно мягкими. В публичных школах, с их древними традициями, поддержание дисциплины, включая раздачу палок, было возложено на старшеклассников, капитанов «домов» или спортивных команд, «префектов» или «мониторов» (надзирателей). Число ударов зависело не только от серьезности проступка, но и от возраста воспитанника. Первоклассник мог получить четыре удара, второклассник — шесть, шестиклассник — до десяти ударов. Наказание было, как правило, публичным. В одной школе, прославившейся своими учебными достижениями, префекты вплоть до 1965 г. имели право наказывать спортивной туфлей провинившихся младшеклассников, но порой этого унижительного наказания не избегали даже 18—19-летние шестиклассники, которые могли быть по возрасту старше префектов.

Питер Таунсенд, муж принцессы Маргарет, ради которого она пожертвовала своим титулом, вспоминает школу Хейлсбери 1920-х годов:

«Меня били за пустяковые проступки шесть раз. Однажды, поняв, что мне предстоит, я, чтобы уменьшить боль, подложил под брюки шелковый платок. После беседы с директором, которая закончилась приказом “Приготовь спальную комнату!” — я побежал вдоль комнаты и заметил, что мой шелковый платок болтается, как вымпел, в одной из моих штанин. Этим я заработал лишний удар палкой.

Приговоренный сам готовил комнату. Это было, как рыть собственную могилу. Ты сдвигал всю мебель к одной стене, за исключением двух деревянных стульев, которые ставил спинками друг к другу, чтобы твоим палачам было удобнее тебя пороть. Для жертвы порка префектами была испытанием характера. Ты ожидал своих палачей; когда они прибывали и командовали: “Нагнись!” — ты, следуя благородной тра-

диции множества смелых мучеников, подымался на эшафот, становился коленями на один стул и наклонялся так, чтобы твоя голова касалась сиденья другого. Ты держал сиденье руками и ждал, пока разбежится первый из палачей, затем второй, третий и четвертый (максимальное число ударов, дозволенное префектам дома). Затем раздавалась команда: “Можешь идти!” Ты подымался со всем достоинством, какое мог собрать, и с высоко поднятой головой покидал комнату, с уверенностью, что если ты не вздрогнул, ты успешно выполнил еще одно упражнение на выживание» (Townsend, 1979).

В Королевской школе Кентербери, расположенной рядом со знаменитым собором (она была основана в 597 г. как церковная, а в 1541 г. Генрих VIII преобразовал ее в публичную; среди знаменитых ее воспитанников писатели Кристофер Марло и Сомерсет Моэм, физик Уильям Гарвей, фельдмаршал Монтгомери), в 1940-х годах все наказания распределяли капитан школы и мальчики-старосты. Старосты ловили нарушителей и затем, после вынесения приговора, били их палкой. Порка считалась ответственной экзекуцией: «Знаешь, это не просто так, ударить его палкой!» К ней заранее готовились. Старосты обычно собирались за пять минут до назначенного времени, надевали парадную красную мантию и тщательно изучали списки провинившихся, которые ждали своей очереди в соседней комнате. Шутить и смеяться в это время было запрещено. Порол нарушителя обычно тот староста, который заметил нарушение. Большинство старост откровенно наслаждались своей властью. Когда провинившийся входил в комнату, староста говорил ему: «Джонс, я накажу тебя за то, что ты бегал по коридору. Ты хочешь что-нибудь сказать?» Затем, не обращая внимания на слова осужденного, он приказывал ему стать на колени на кресло, лечь животом на его спинку, выпятить зад, приподнять и раздвинуть фалды пиджака и разгладить брюки. Младший староста ощупывал, хорошо ли натянуты брюки, после чего начиналась порка. При первом ударе наказываемый лишь молча вздрагивал, после третьего или четвертого удара он не

мог не вскрикивать. Если мальчик молчал, подозревали, что он подложил что-то под свои штаны, надел дополнительные трусы и т. п. Опытные старосты могли определить жульничество даже по звуку ударов. В этом случае количество ударов увеличивалось. По завершении экзекуции староста говорил: «Теперь ты можешь идти», на что выпоротый должен был ответить «спасибо!» или «спасибо, Симпсон!». Любое лишнее слово расценивалось как дерзость и могло повлечь дополнительное наказание.

Многих старост экзекуция сексуально возбуждала. Чтобы скрыть свою эрекцию, они прикрывали переднюю часть брюк мантией или держали руки в карманах, а после порки приватно «разряжались» в туалете. То же делали и некоторые наказанные. Не удивительно, что «старый мальчик», описавший практику Кентерберийской школы полвека спустя, не видит в ней ничего особенно жестокого и считает, что она «определенно улучшила» его характер и сделала его лучшим человеком и гражданином, чем он мог бы стать без нее.

Подтверждала ли это мнение педагогическая статистика? Первую попытку ответить на этот вопрос британская педагогика предприняла в 1845 г., когда школьный инспектор священник Фредерик Уоткинс представил Совету по воспитанию официальный отчет о телесных наказаниях в школах Северного округа. Из 163 обследованных школ телесные наказания практиковались в 145, отсутствовали в 18. Почти все школы второй группы были исключительно девичьими, «младенческими» (для детей от 4 до 7 лет) или смешанными (разнополыми) и к тому же маленькими. Несмотря на отсутствие телесных наказаний, в школах для девочек и в младенческих школах существовала превосходная дисциплина и высокая успеваемость. В других типах школ с тем и с другим были проблемы.

Когда же добросовестный Уоткинс отдельно проанализировал состояние 27 школ, в которых телесные наказания применялись чаще всего и были самыми жестокими, результат оказался вовсе плачевным. В 20 из этих школ дисцип-

лина была значительно хуже средней, а то и самой плохой в округе. В 15 школах моральная атмосфера и успеваемость также были плохими. Из остальных 7 школ, 3 были в хорошем состоянии и 4 — в посредственном. Как заключил инспектор, «дисциплина страха, а не любви» не способствует ни умственному, ни нравственному развитию.

Это было особенно верно для мужских школ:

«Среди обездоленных, некультурных и почти звероподобных обитателей наших школ для мальчиков есть натуры, которые подчиняются исключительно силе; но задача учителя состоит в том, чтобы попытаться завоевать их всеми другими средствами; очевидно, что чем чаще применяется розга, тем менее привлекательной она становится» (How They Were Taught, 1969).

Однако время отмены телесных наказаний еще не пришло. Известный британский педагог, директор Харлоу сэра Сирил Норвуд (1875—1956) писал об учителях XIX в.:

«Они “пропарывали” свой путь семестр за семестром, с высоким чувством исполненного долга. Пороли за незнание урока, за невнимательность, за порок. Часто учителя не знали ни мальчиков, которых пороли, ни за что они их пороли» (Norwood, 1929).

Заметное влияние на изменение отношения британской общественности к телесным наказаниям оказали два трагических случая.

Первый — смерть в 1846 г. в результате жестокой «военной порки» 27-летнего рядового гусарского полка Фредерика Джона Уайта. За нанесение в пьяной драке удара металлической палкой своему сержанту Уайт был приговорен к 150 ударам плетью. Порка прошла «нормально», в присутствии трехсот солдат, полковника и полкового хирурга; десять из присутствовавших на экзекуции рядовых, включая четверых опытных солдат, от этого жуткого зрелища потеряли сознание. В больнице, куда, в соответствии с инструкцией, сразу же отвезли Уайта, его исполосованная спина благополучно зажила, но почему-то у него появились боли в области сердца и через три недели после экзекуции рядо-

ной умер. Полковой врач признал смерть естественной, не связанной с поркой, но однополчане Уайта в этом усомнились, возникло настолько сильное напряжение, что полковнику пришлось на всякий случай даже отобрать у солдат патроны. Местный викарий разделил сомнения солдат и отказался разрешить похороны без вскрытия тела, а когда его провели, суд присяжных постановил, что рядовой Уайт умер в результате жестокой порки. К этому присяжные добавили следующий текст:

«Вынося этот вердикт, суд не может удержаться от выражения своего ужаса и отвращения к тому, что в стране существуют законы или правила, допускающие применение к британским солдатам возмутительного наказания в виде порки; жюри умоляет каждого человека в этом королевстве не пожалеть сил на то, чтобы написать и отправить в законодательные органы петиции с требованием, в самой настоятельной форме, отмены любых законов, порядков и правил, которые допускают, что позорная практика порки остается пятном на человечестве и на добром имени народа этой страны».

Несколько писем с аналогичными примерами опубликовала газета «Таймс». Петиция, требующая отмены порки, поступила в Палату лордов, которая 14 августа 1846 г. обязала правительство серьезно обсудить этот вопрос. По совету военного министра герцога Веллингтона, максимальное количество плетей было уменьшено до пятидесяти. Однако полного запрета порки не произошло, провалились эти попытки и в 1876—1877 гг.

Второй случай, гибель в 1860 г. от рук садиста-учителя 13-летнего школьника, выглядит еще более жутко (Middleton, 2005). Школьный учитель в Истборне Томас Хопли (1819—1876) был недоволен успехами «заторможенного мальчика» Реджиналда Кэнселлора и написал его отцу, попросив разрешения наказывать школьника «так сильно и так долго, как это необходимо, чтобы заставить его учиться». Отец согласие дал. Хопли привел мальчика поздно ночью в пустой класс и в течение двух часов избивал его тяжелым медным

подсвечником, после чего ребенок умер. Скрыть преступление учителю не удалось, его признали виновным в человекоубийстве. Суд постановил, что хотя Хопли имел законное право физически наказывать ученика, тем более с согласия отца, примененное им наказание было чрезмерным, по закону оно должно быть «умеренным и разумным». Но как определить грани того и другого?

Эволюция британской педагогики по этому вопросу была долгой и трудной. Первые голоса в пользу более гуманного воспитания раздавались в Англии еще в Средние века. Архиепископ Ансельм Кентерберийский (1033—1109), причисленный позже к лику святых, призывал к «умеренности в наказаниях» и осуждал злоупотребления телесными наказаниями детей. В эпоху Возрождения эти голоса усиливаются.

В XVI в. на английскую, как и на всю европейскую, педагогическую мысль оказал влияние Эразм Роттердамский (1469—1536). В книге «О достойном воспитании детей с первых лет жизни» (1529) он писал, что полностью «согласен с Квинтилианом в осуждении порки при любых условиях». «Не следует приучать ребенка к ударам... Тело постепенно становится нечувствительным к тумакам, а дух — к упрекам... Будем настаивать, повторять, твердить! Вот какую палкой нужно сокрушать детские ребра!»

Автор трактата «Школьный учитель» Роджер Эшем (1515—1568) писал, что многие мальчики убегают из Итона, потому что боятся порки, и что «любовь подстегивает детей к хорошей учебе лучше битья». Впрочем, сам Эшем в школе не работал, у него были только частные ученики. В XVII в. английская педагогика испытала благотворное гуманизирующее влияние Яна Амоса Коменского (1592—1670).

В конце XVII в. критический настрой по отношению к телесным наказаниям усилился, а к дидактическим доводам добавились социально-нравственные. Джон Локк в знаменитом трактате «Некоторые мысли о воспитании» (1693), выдержавшем до 1800 г. 25 изданий, не отрицая правомерности телесных наказаний в принципе, требовал применять их умеренно, так как рабская дисциплина формирует рабский

характер. «Этот метод поддержания дисциплины, который широко применяется воспитателями и доступен их пониманию, является наименее пригодным из всех мыслимых» (Локк, 1988. Т. 3).

Вместо убеждения порка «порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить», исподволь превращая ребенка в скрытное, злобное, неискреннее существо, чья душа оказывается, в конечном счете, недоступна доброму слову и позитивному примеру.

Одновременно Локк возражает против мелочной регламентации поведения ребенка. Юное существо не в состоянии запомнить многочисленные правила, которые предписывает этикет, добиваться от него этого с помощью телесных наказаний неразумно и предосудительно с этической точки зрения. Локк убежден, что ребенок должен быть естественен в своих проявлениях, ему не нужно копировать в своем поведении взрослых. «Кто желает, чтобы его сын относился с уважением к нему и его предписаниям, тот должен сам относиться с большим уважением к своему сыну» (Там же).

В XVIII в. эти идеи приобретают популярность у просвещенных британских родителей и воспитателей. В 1711 г. Джонатан Свифт написал, что порка ломает дух благородных юношей, в 1769 г. его поддержал Уильям Шеридан. Сэр Филипп Френсис, вручая в 1774 г. своего единственного сына воспитателю, писал:

«Поскольку моя цель — сделать его джентльменом, что предполагает свободный характер и чувства, я считаю несовместимым с этой целью воспитание его в рабской дисциплине розги... Я абсолютно запрещаю битье». Сходные инструкции давал лорд Генри Холланд: «Не надо делать ничего, что могло бы сломить его дух. Мир сам сделает это достаточно быстро» (цит. по: Stone, 1979).

Гуманизации нравов способствовала не только философия, но и художественная литература. В английской литературе XVIII в. домашние и школьные порки описывались как нечто вполне будничное, без всякого одобрения, но скорее с иронией, чем с возмущением. Генри Филдинг (1707—1754)

в романе «История Тома Джонса, найденныша» создал яркий сатирический образ домашнего учителя-богослова Твакома, «размышления которого были наполнены розгами». Родерик Рэндом из одноименного романа Тобайаса Джорджа Смоллетта (1721—1771) в детстве спокойно переносит множество заслуженных и незаслуженных пороков, зато однажды с группой одноклассников он сам выпорол палкой жестокого школьного учителя, который орал от боли, как бешеный бык. Первый учитель другого героя Смоллетта, Перегрин Пикла, полтора года регулярно порол мальчика дважды в день, после чего объявил его неисправимо тупым и упрямым. Вместо того чтобы исправить дурные наклонности ребенка, порка лишь укрепила их, сделав мальчика одинаково невосприимчивым и к страху, и к стыду. Зато в школе-интернате, куда затем попал Пери, методы воспитания, а соответственно и его результаты были другими.

О неэффективности порки говорят популярные британские «школьные повести» XIX в. Хотя героя повести Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» (1857) (в 2005 г. по этой книге был снят отличный фильм Дэйва Мура, имевший большой успех в России) и его друга в школе Харлоу иногда порют, мальчишки не придают этому особого значения. Впрочем, зла на учителей они тоже не держат. Один мальчик, которого жестоко выпороли за травлю соученика, через два года даже поблагодарил директора, признав порку гуманным актом, который стал поворотным пунктом в его судьбе.

Самым страстным и влиятельным противником телесных наказаний в английской литературе XIX в. был Чарльз Диккенс (1812—1870). Выросший в неаристократической и небогатой среде писатель далек от поэтизации порки и восприятия ее как школы маскулинности. Телесные наказания детей для него одновременно социальная (как часть культуры бедности и насилия) и психосексуальная (садизм) проблема. То и другое Диккенс описывает очень ярко.

Вот как вспоминает свою первую порку отчимом маленький Дэвид Копперфилд:

«Он вел меня навверх в мою комнату медленно и важно — и уверен, ему доставлял удовольствие этот торжественный марш правосудия, — и, когда мы там очутились, внезапно зажал под мышкой мою голову.

— Мистер Мэрдстон! Сэр! — закричал я. — Не надо! Пожалуйста, не бейте меня! Я так старался, сэр! Но я не могу отвечать уроки при вас и мисс Мэрдстон! Не могу!

— Не можешь, Дэвид? Ну, мы попробуем вот это средство.

Он зажимал рукой мою голову, словно в тисках, но я обхватил его обеими руками и помешал ему нанести удар, умоляя его не бить меня. Помешал я только на мгновение, через секунду он больно ударил меня, и в тот же момент я вцепился зубами в руку, которой он держал меня, и прокусил ее. До сих пор меня всего передергивает, когда я вспоминаю об этом.

Он сек меня так, будто хотел засечь до смерти. Несмотря на шум, который мы подняли, я услышал, как кто-то быстро взбежал по лестнице — то были моя мать и Пегготи, и я слышал, как мать закричала. Затем он ушел и запер дверь на ключ. А я лежал на полу, дрожа как в лихорадке, истерзанный, избитый и беспомощный в своем исступлении.

Как ясно помню я, какая странная тишина царила во всем доме, когда постепенно я пришел в себя! Как ясно вспоминаю, каким преступником почувствовал я себя, когда ярость и боль чуть-чуть утихли!»

Столь же непригляден первый встреченный Дэвидом директор школы:

«Мне кажется, на свете никто и никогда не любил своей профессии так, как любил ее мистер Крикл. Он бил мальчиков с таким наслаждением, словно утолял волчий голод. Я уверен, что особенно равнодушен был он к толстощеким ученикам; такой мальчик казался ему чрезвычайно лакомым, и он не находил себе места, если не принимался лупцевать его с самого утра. У меня были пухлые щеки — следовательно, кому же и знать, как не мне!»

Сдвиги в общественном мнении медленно, но верно подготавливали перемены и в педагогической практике. Задачей

был не отказ от телесных наказаний как таковых — в XIX в. мало кто допускал такую возможность, — а освобождение их от личного произвола и эмоций, *a la* Джон Кит.

Новую философию телесных наказаний предложил прославленный директор школы Рэгби Томас Арнолд (1795—1842) (в фильме «Школьные годы Тома Брауна» его играет Стивен Фрай). Арнолд считал, что телесные наказания нужно применять ответственно, исключительно в серьезных случаях, однако теоретических оснований для отказа от порки как таковой он не видит. По сравнению с взрослым мужчиной, мальчик по природе неполноценен, а там, где нет равенства, неизбежна иерархия, которая проявится и в наказаниях. «Исправление личности» мальчика, даже путем телесного наказания, не содержит в себе ничего оскорбительного или унижительного для наказуемого школьника. Побуждать детей так думать — значит подрывать не только школьный, но и всякий иной общественный порядок. А дабы поставить телесные наказания, как и всю школьную жизнь, на твердую правовую основу, Арнолд, опираясь на исторический опыт британских школ, предложил, чтобы большую часть наказаний осуществляли не директор и учителя, которые могут поддаться своим эмоциям, а сами учащиеся. Ведь у мальчиков так развито чувство справедливости!

Увы, как мы уже видели, в подобных случаях оно часто не срабатывает, дети способны злоупотреблять властью, зверствовать и сводить счеты друг с другом несколько не хуже учителей. Не говоря уж о том, что вертикаль власти (школьная администрация) может легко манипулировать горизонталью (ученическое самоуправление).

Теоретические воззрения и педагогическая практика Томаса Арнолда как нельзя лучше соответствовали имперской идеологии викторианской Англии и оказали сильное влияние на британскую педагогику. Но проблем, связанных с телесными наказаниями, они не разрешили. Уже в 1880-х годах сын Арнолда Мэтью (1822—1888), поэт и школьный инспектор, однозначно признал телесные наказания «устаревшим и неприемлемым» методом дисциплинирования:

«Можно сказать, что современный дух безвозвратно осудил порку как школьное наказание, поэтому она все больше будет казаться наполовину отвратительной, наполовину смешной, и учителю будет все труднее применять ее, не теряя самоуважения. На континенте это чувствуют очень остро. Во французских школах наказывают внушениями и ограничениями» (Arnold, 1912).

То, что во Франции детей воспитывали гуманнее и лучше, чем в Англии, признавал не один Мэтью Арнолд. Известный французский историк педагогики Жюль-Габриэль Компейре писал в конце 1870-х годов, что ему трудно понять приверженность английских учителей к старым и унижительным наказаниям розгой, и еще более удивительно, что эту практику поддерживают британские ученые. Но Англия любит свои традиции...

Главными цитаделями телесных наказаний вплоть до середины XX в. оставались школы-интернаты для мальчиков. В 1880 г. Кэмбриджский школьный совет обнаружил, что на 12 973 учившихся под его юрисдикцией мальчиков пришлось 10 973 случаев телесных наказаний.

В школах для девочек и в смешанных школах нравы были значительно мягче (см.: Hollowell, 2008). Разумеется, девочек тоже били в школе и дома. Шарлотта Бронте (1816—1855), подробно описывая в романе «Джен Эйр» (1847) Ловудский приют для дочерей священников, в которой ей с сестрой довелось учиться, рассказывает такой эпизод:

«Учительница только что отдала какое-то приказание, смысла которого я не уловила, — и Бернс немедленно вышла из класса и направилась в чуланчик, где хранились книги и откуда она вышла через полминуты, держа в руках пучок розог. Это орудие наказания она с почтительным книксеном протянула мисс Скетчерд, затем спокойно, не ожидая приказаний, сняла фартук, и учительница несколько раз пребольно ударила ее розгами по обнаженной шее. На глазах Бернс не появилось ни одной слезинки, и хотя я при виде этого зрелища вынуждена была отложить шитье, так как пальцы у меня дрожали от чувства беспомощного

и горького гнева, ее лицо сохраняло обычное выражение кроткой задумчивости.

— Упрямая девчонка! — воскликнула мисс Скетчерд. — Видно, тебя ничем не исправишь! Неряха! Унеси розги!

Бернс послушно выполнила приказание. Когда она снова вышла из чулана, я пристально посмотрела на нее: она прятала в карман носовой платок, и на ее худой щечке виднелся след стертой слезы».

Потом девочки разговорились.

«— Но ведь эта учительница — мисс Скетчерд — так несправедлива к тебе.

— Несправедлива? Нисколько. Она просто строгая: она указывает мне на мои недостатки.

— А я бы на твоём месте ее возненавидела; я бы ни за что не покорилась. Посмела бы она только тронуть меня! Я бы вырвала розги у нее из рук, я бы изломала их у нее перед носом.

— А по-моему, ничего бы ты не сделала, а если бы и сделала — мистер Брокльхерст тебя живо исключил бы из школы. А сколько горя это доставило бы твоим родным! Так не лучше ли терпеливо снести обиду, от которой никто не страдает, кроме тебя самой, чем совершить необдуманный поступок, который будет ударом для твоих близких? Да и Библия учит нас отвечать добром за зло.

— Но ведь это унизительно, когда тебя секут или ставят посреди комнаты, где столько народу. И ведь ты уже большая девочка! Я гораздо моложе тебя, а я бы этого не вынесла.

— И все-таки твой долг — все вынести, раз это неизбежно; только глупые и безвольные говорят: “Я не могу вынести”, если это их крест, предназначенный им судьбой.

Я слушала ее с изумлением: я не могла понять этой философии безропотности, и еще меньше могла понять или одобрить ту снисходительность, с какой Элен относилась к своей мучительнице. И все же я догадывалась, что Элен Бернс видит вещи в каком-то особом свете, для меня недоступном. Я подозревала, что, может быть, права она, а я ошибаюсь, но

не собиралась в это углубляться и отложила свои размышления до более подходящего случая».

Почему девочек физически наказывали реже и мягче, чем мальчиков? Школьная дисциплина в Англии, как и везде, была тесно связана с общей философией права и наказания, включая гендерные стереотипы. Так как женщины считались слабым полом, британский парламент уже в 1805 г. узаконил их освобождение от телесных наказаний. Гуманному примеру Англии вскоре последовала вся Европа, а затем и США. Из уголовного права принцип более снисходительного отношения к женщинам был перенесен и в школу.

В этой снисходительности была изрядная доля ханжества. Одним из главных доводов в пользу запрета телесных наказаний женщин была забота о соблюдении «скромности», нарушение которой могло отрицательно сказаться не только на наказываемых женщинах, но и на состоянии общественной нравственности в целом. Эти установки были приняты не только в Англии, но и в многочисленных британских колониях. Мужчины и мальчики, по этой логике, снисхождения не заслуживали. Во-первых, мальчикам стыдливость не свойственна. Во-вторых, порка, как никакое другое испытание, способствует формированию маскулинности: «укрепляя» мальчиков, она делает из них «настоящих мужчин». Это точка зрения отнюдь не исключительно британская. Тесная связь культа мачизма с телесными наказаниями обнаруживается не только в школьной дисциплине, но и в практиках закрытых юношеских сообществ, обрядов инициаций, студенческих братств и т. п. (см. подробнее: Кон, 2009).

Переход к совместному обучению существенно осложняет применение телесных наказаний. Приходится дифференцировать не только их интенсивность и форму, но и условия осуществления. Например, в совместной школе-интернате Родней в Ноттингемшире порка просуществовала вплоть до ее полного запрета в 1998 г., но мальчиков порол директор школы, а девочек — ее основательница миссис Джоан

Томас. Последний громкий случай такого рода произошел в марте 1991 г. Пять 11—12-летних девочек поймали ночью в мальчишеской спальне. Нарушение серьезное. Родителей уведомили и предложили на выбор: забрать дочерей из школы либо согласиться на то, что их выдерут. Все пять семей предпочли порку. Девочек вызвали в кабинет миссис Томас, которая дала им по пять ударов тростью по попе, а главной зачинщице безобразия — семь ударов. Подобно мальчикам, девочки на наказание не обижались. В одном телеинтервью в середине 1990-х годов миссис Томас рассказала, что однажды она наказала двух девочек, а на следующий день они принесли ей коробку шоколада. Удивленная учительница сказала: «Но я же вас вчера выпорола!» — на что девочки ответили: «Мы это заслужили».

Несколько лет назад на одном из британских Интернет-порталов состоялся забавный обмен мнениями, какие телесные наказания — публичные или приватные — лучше. По мнению открывшего диспут учителя, мальчику взбучка перед всем классом полезнее, это будет уроком не только ему самому, но и всем остальным. Кроме того, публичная порка уменьшает возможность сексуальных злоупотреблений со стороны учителя, не позволяет ему выйти за рамки принятых в школе правил и одновременно страхует его от ложных доносов со стороны учеников. Для мальчика публичная порка не была особенно унижительной или смущающей: «Мы все через это прошли и знали, что так может случиться с каждым». Другое дело — смешанная школа. Какой мальчик захочет, чтобы его пороли или шлепали на глазах у девочек?! А уж пороть девочек на глазах у мальчиков и вовсе нельзя, это слишком возбуждающее зрелище...

Самые серьезные общественные кампании против телесных наказаний в Англии проходили в защиту не школьников, а матросов. До 1860-х годов матросов пороли на борту судна по приказу капитана девятихвостыми «кошками», мальчиков (до 18 лет) — по голым ягодицам, а взрослых мужчин — по спине. Впрочем, если взрослый матрос поступал как-то особенно неприлично, «по-детски», то его, в порядке исключе-

ния, тоже могли выпороть по голой попе. Порка происходила публично, в присутствии всех членов команды. Во второй половине XIX в. «кошки» стали казаться слишком жестоким наказанием. В 1881 г. их применение, за исключением морских тюрем, «приостановили», но затем так и не восстановили, хотя формально это наказание для взрослых матросов стало незаконным лишь в 1949 г. «Мальчиков» же стали сечь розгами не по голому телу, а через штаны, сначала публично, а с 1906 г. — приватно, только за серьезные проступки и по приговору военно-полевого суда.

Все оформлялось очень тщательно, по специальной инструкции Адмиралтейства. Прежде чем быть выпоротым, юношу подвергали медицинскому освидетельствованию, врач осматривал его ягодицы и общее физическое состояние. Затем корабельный портной одевал его в сверхтонкие тропические белые полотняные брюки, под которыми не было нижнего белья, «чтобы удары трости были достаточно болезненными». Брюки могли быть свободными на ногах, но обязательно обтягивающими на ягодицах. Сама процедура была серьезной, медленной и торжественной. Максимальное число ударов составляло двенадцать, так что, с учетом интервалов, порка продолжалась около двадцати минут. Ратановая трость имела сорок дюймов в длину и полдюйма в диаметре. Это вдвое толще той трости, которой наказывали в то время школьников, но 16—17-летние «клиенты» морской порки были несколько старше школьников. Боль от порки сохранялась не меньше двух недель. Иногда в первые дни после экзекуции выпоротым мальчикам даже разрешалось есть стоя. Наказание считалось эффективным, переживать его вторично никто, как правило, не хотел.

Применялись телесные наказания довольно часто. В 1900 г. в британском флоте произошло 315 сечений розгами, а в 1909 г. — 1 500 порок тростью. Чаще всего наказывали юнг и курсантов военно-морских училищ. Последний приговор к сечению розгами был вынесен летом 1940 г. двум 17-летним юнгам, которых приговорили к восемнадцати уда-

рам каждого «за непристойность в отношениях друг с другом» (эвфемизм для обозначения гомосексуальных контактов), но поскольку их судно в это время находилось в Адене, где березы не растут, Лондон специальной телеграммой разрешил заменить восемнадцать розог двенадцатью ударами тростью, что и было сделано. Обратите внимание: 1940 год, идет Вторая мировая война, однако заменить розгу тростью можно только с согласия Адмиралтейства, и оно немедленно отвечает на запрос. Как ни суров был английский закон, зад британских юнг находился под надежной защитой, произвольно заменить одно наказание другим командир корабля не мог. Россиянам остается только снять шляпу перед британской Фемидой.

Английских либералов этот уровень гуманизма не удовлетворял. Созданная в 1891 г. Гуманитарная лига (The Humanitarian League), выпускавшая журнал «The Humanitarian», последовательно вела кампанию за запрет телесных наказаний матросов. Первый успех был достигнут в 1906 г., когда британский флот отказался от практики сечения розгой. Но порка тростью курсантов военно-морских учебных заведений была запрещена лишь в 1967 г. Другое гуманитарное сообщество, The Howard League for Penal Reform, с 1930-х годов добивалось запрета наказаний «кошками» и розгами в пенитенциарных учреждениях, что было сделано в 1948 г.

Не забывали и о школьниках. В 1968 г. в Англии возникло Общество учителей, возражающих против телесного наказания (The Society of Teachers Opposed to Physical Punishment, сокращенно STOPP). Эта маленькая, но весьма активная группа занималась лоббированием правительства, местных властей и других официальных учреждений, а также расследовала конкретные случаи телесных наказаний, помогала заинтересованным родителям доводить дело до суда и публиковала отчеты и газетные статьи на эти темы. После 1986 г. группа фактически перестала существовать, а ее названием STOPP воспользовались американские фундаменталисты, добивающиеся запрета планирования семьи. «STOPP International» означает «STOP

Planned Parenthood». Ничего общего между этими движениями, разумеется, нет.

Но вернемся к британским школам. В середине XX в. право выбора — применять телесные наказания или нет — уже принадлежало самим школам. По неформальным оценкам STOPP, в 1970-х годах около 20% массовых британских средних школ (secondary schools) уже полностью отказались от этой практики, в остальных же она варьировала от обязательного ритуала до редчайших исключений. Больше всего порка (тростью через штаны) была распространена в школах для мальчиков, причем главными ее «получателями» были ученики третьего, четвертого и пятого классов (от 13 до 16 лет включительно). Известный актер Адриан Эдмондсон в интервью «Times Educational Supplement» (апрель 2008 г.) рассказал, что в годы обучения в Поклингтонской школе с 1969 по 1975 г он получил 66 ударов палкой, не считая регулярного битья туфель (slippering). Впрочем, известны и случаи порки 17—18-летних шестиклассников.

Активисты STOPP хорошо документировали эту картину данными по школам Кройдона (округ Южного Лондона) 1970—1980-х годов (<http://www.corpun.com/purley.htm>). По требованию нескольких членов Кройдонского совета по образованию, возражавших против телесных наказаний, в декабре 1977 г. была впервые опубликована официальная статистика (записи в школьных журналах наказаний) по всем школам округа за 1976/77 учебный год. Оказалось, что из тридцати пяти средних школ Кройдона телесные наказания применялись в двадцати двух, из остальных тринадцати школ семь были исключительно для девочек. Всего за год было зарегистрировано 1 324 случая телесных наказаний: 286 за «нарушение школьных правил», 134 за прогул, 81 за курение и 69 за драку. В общей сложности порке подверглись 760 учеников, причем 200 из них были наказаны по несколько раз. Сенсацией стал тот факт, что самый высокий показатель (43,7 порки на 100 учеников) оказался в одной из лучших школ округа (Purley High School) для 14—18-летних мальчиков, насчитывавшей около 900 учеников, причем

среди выпоротых было шестеро 17—18-летних учащихся старшего, шестого класса.

Цифры вызвали публичный скандал. Либералы обвиняли директора школы, воспитанника Оксфорда, в жестокости и превышении служебных полномочий, но большинство родителей и журналистов встали на его защиту. Положительно отзывались о своей школе и сами выпоротые ученики. Один 18-летний шестиклассник в красном школьном блейзере с девизом «Божественное право и Родина» заявил: «Мальчики не считают, что их порют чаще, чем нужно. Меня выпороли дважды, один раз за глупое поведение, другой раз — за грубость учителю... Я считаю, что это было справедливое наказание».

Другой шестиклассник, Крис Эдвардс, сказал: «В общем, я считаю порку справедливой. У меня был трудный период в пятом классе, когда меня выпороли пять раз. Я считал это несправедливым, но думаю, что должна быть дисциплина. Я принимаю ее. Это очень хорошая школа».

В последующие несколько лет, может быть отчасти под влиянием скандала, старшеклассников стали пороть реже, но общие тенденции сохранились: порке подвергалась сравнительно небольшая часть учеников, зато многие из них получали ее в течение года неоднократно. Почему? Общество STOPP видело в этом доказательство неэффективности телесных наказаний, которые не удерживают мальчиков от новых проступков. Создатель главного всемирного «пóрочного» сервера Колин Фаррелл, обобщивший все эти данные, с такой интерпретацией не согласен. По его мнению, цифры, скорее, доказывают, что информация о порке соучеников удерживает большинство мальчиков от совершения подобных поступков, тогда как меньшинство, состоящее из наиболее упрямых мальчиков, нуждается для усвоения урока во второй или третьей порции (<http://www.corpun.com/purley.htm>).

Опровергает Фаррелл и миф, будто запрещения телесных наказаний добивались сами учащиеся. Как правило, этого требовала небольшая и крайне нерепрезентативная

часть школьников, которыми манипулировали более старшие молодые люди левых убеждений. Согласно опросу 453 молодых людей, проведенному в 1977 г. газетой «Observer», половина из них (222 человека), включая 102 юношей, которые сами подвергались порке, высказались за сохранение в школе телесных наказаний (<http://www.corpun.com/counuks.htm>).

Тем не менее многим мальчикам порка не импонировала. Вот как отвечал на вопросы журналиста Владимира Познера (26. 12. 2010 г.) популярный британский рок-музыкант и актер Стинг (родился в 1951 г.), учившийся в католической школе:

Стинг: Я был хорошим учеником, я упорно занимался, но это было не самое лучшее образование, совсем даже.

Познер: В то время — не знаю, как сейчас, — в ходу были телесные наказания. Вас били?

Стинг: В каком-то классе я за год получил сорок два удара розгами. Это почти как порезы от ножа — они очень тонкие, и учителя нас частенько били. За раз можно получить шесть ударов, три можно вынести, четвертый — это мучительно, на пятом ты хочешь убить того, кто делает это с тобой, на шестом ты теряешь всякое уважение к авторитетам. Это было очень жестоко, почти как в Средневековье — я не испытываю ни к кому за это благодарности.

Познер: Это как-то воздействовало на вас? Помимо физической боли?

Стинг: Безусловно. Это заставило меня усомниться в самой идее милосердного Бога, как минимум в его наместниках на Земле — это казалось мне очень жестоким. Я по-прежнему переживаю.

Расставание Великобритании с телесными наказаниями сильно затянулось. В государственных школах и в частных, получавших частичное финансирование от государства, они были законодательно запрещены в 1987 г. На частные школы запрет распространился лишь в 1999-м в Англии и Уэльсе, в 2000-м в Шотландии и в 2003-м в Северной Ирландии, причем не все британцы его одобряют. Каждый пятый (22%)

из опрошенных в 2008 г. 6 162 британских учителей, сказал, что в крайних случаях порка необходима. Многие британцы даже считают, что запрет телесных наказаний способствовал общему снижению дисциплины в школе. Что же касается телесных наказаний в родительской семье, то они в Англии до сих пор остаются легальными, за что ее постоянно критикует Совет Европы. Тем не менее процесс пошел.

Эмпирические данные о степени распространения в Англии телесных наказаний противоречивы. Судя по результатам большого исследования, проведенного министерством здравоохранения в 1990-х годах, телесные наказания детей, порой жестокие, в английских семьях часты. В целом такой опыт имели 91% детей. Лишь 25% младенцев до одного года матери никогда не шлепали, 14% шлепали «умеренно», а 38% — чаще, чем раз в неделю. Старших детей физически наказывают реже. Проведенный Национальным обществом по предотвращению жестокого обращения с детьми опрос 1 000 взрослых (апрель 2007 г.) показал, что 77% взрослых считают, что шлепанье детей стало менее приемлемым, чем раньше. Хотя 41% респондентов в последние полгода видели, как матери шлепают своих детей в магазинах, 93% хотели бы, чтобы такие действия пресекались. В другом опросе, проведенном в Шотландии, 7% взрослых признали шлепанье детей оправданным, 20% прибегали к нему в последние полгода, а 36% угрожали детям, что нашьлепают их; однако 90% респондентов сказали, что предпочитают «обсуждать» со своими детьми возникающие проблемы, не прибегая к силе.

Не вызывают восторга силовые методы и у детей. Согласно проведенному в 2000 г. обществом «Спасите детей» опросу 1 319 шотландских детей от 6 до 18 лет (анкета дополнялась несколькими фокус-группами), 93% детей считают, что родители могли бы дисциплинировать их и без помощи ударов, а 76% — что взрослые вообще не должны бить детей. Большинство детей считают, что шлепки и удары не столько сознательные воспитательные действия, сколько проявление родительского гнева, раздражения или стресса (<http://www.endcorporalpunishment.org/pages/frame.html>).

В странах континентальной Европы школьные телесные наказания «деинституционализировались» раньше, чем в Англии, но это тоже была долгая история.

В Средние века педагогические принципы по всей Европе были общими, их диктовала церковь. Так сложилось исторически: школы первоначально были составными частями монастырей и жили по тому же уставу. Дисциплина в них была очень строгой. Помимо надзора со стороны учителей, всячески поддерживалось и насаждалось взаимное доносителство учеников друг на друга.

Например, в школе Нотр-Дам, которой руководил Жан Жерсон, ученик грамматического класса был обязан донести на товарища, если тот говорит не по-латыни, а по-французски, лжет, ругается, недостойно или нескромно себя ведет, валяется по утрам на кровати, пропускает молитвы, болтает во время церковной службы. За недонесение наказывали так же, как за сам проступок. Львиную долю наказаний составляли порки. По мнению Филиппа Арьеса, их удельный вес от XIV до XVI в. увеличился, а сами они стали более жестокими. Если в XV в. розги использовались лишь для пресечения насилия и касались преимущественно младших школяров, то в XVI в. ограничения исчезают.

«Порка становится самым характерным “школьным наказанием”: именно этот эвфемизм используется для ее обозначения. Теперь розги предназначаются не только для младших, бедных и совершивших акт насилия. Отныне выпорот может быть каждый, независимо от возраста, вплоть до самых старших. <...> С начала XVI века розги применяются направо и налево, далеко выходя за рамки, предусмотренные уставом» (Арьес, 1999).

В иезуитских коллежах публичная порка осталась классическим школьным наказанием для учащихся всех возрастов и в XVII в.

«В анналах того времени можно найти множество примеров, когда молодых людей семнадцати-двадцати лет при-

говаривают к наказанию розгами, и это с учетом того, что мы знаем лишь о случаях самой вопиющей непокорности» (Там же).

Палочная дисциплина распространялась даже на принцев крови. Будущего Людовика XIII впервые выпороли в два года, в дальнейшем это делали регулярно. Его отец Генрих IV был добрым и любящим отцом, тем не менее он писал воспитательнице королевских принцев госпоже де Монглан:

«Я должен сделать Вам замечание: Вы не сообщили мне, что высекли моего сына розгами. Я желаю и приказываю Вам пороть его каждый раз, как только он проявит упрямство или непослушание, зная очень хорошо по себе, что ничто в мире не принесет ему столько пользы, как это. Я знаю по собственному опыту, что розги были мне очень полезны, потому что в его возрасте меня часто пороли. Вот почему я Вас прошу сечь его и заставить его понять, за что» (Hunt, 1970).

Эту практику не изменило даже восшествие Людовика на престол: 15 мая 1610 г. мальчик был коронован, а 17 сентября того же года «довольно жестоко высечен».

Подобно своим английским коллегам, французские гуманисты начали эту систему критиковать. По словам Монтеня, коллежи — «это настоящие тюрьмы для заключенной в них молодежи... Зайдите в такой коллеж во время занятий: вы не услышите ничего, кроме криков — криков школьников, подвергаемых порке, и криков учителей, ошалевших от гнева» (Монтень, 1954. Т. 1).

Розги, утверждает философ, приносят детям только вред и порождают ненависть, причем они особенно вредны для мальчиков, которые самой природой «предназначены к известной независимости» (Там же. Т. 2).

«Обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда, вместо того, чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения...» (Там же. Т. 1).

Столетием позже эту линию продолжил французский священник и педагог, святой Жан-Батист де ла Саль (1651—

1719). В своей школе он не запрещает розги, но советует их не применять:

«Побой — это признание собственного дурного настроения или бессилия. Порка есть постыдное наказание, унижающее душу, если даже она исправляет, что сомнительно, самый распространенный результат ее применения — черствость» (Аррьес, 1999).

Главным оплотом телесных наказаний во Франции XVII — начала XIX в. оставались религиозные школы и училища. Вот как описывает такую школу (Вандомский лицей) в своей, во многом автобиографической, повести «Луи Ламбер» Оноре де Бальзак:

«Между учителями и учениками постоянно шла борьба, беспощадная борьба. Не считая крупных проступков, для которых существовали другие наказания, ремень был в Вандоме *l'ultima ratio partum* <...>. Нужно было подняться со скамьи и стать на колени около кафедры под любопытными, часто насмешливыми взглядами товарищей. <...> В зависимости от своего характера одни кричали, плача горькими слезами, до или после удара, другие претерпевали боль со стоическим спокойствием, но в ожидании наказания даже самые мужественные едва могли подавить конвульсивную гримасу на лице».

По мере секуляризации французского школьного образования, системные телесные наказания, типа ритуальной публичной порки, из государственной школы постепенно исчезли. Ослаблению учительского произвола способствовал также переход от интерната к экстернату: дневная школа, в которой дети учатся, но не живут, не является «тотальным институтом» и легче поддается внешнему, родительскому и государственному, контролю. В случае злоупотребления властью нередко возникают публичные скандалы, которые школьная администрация и церковь уже не могут замять.

Ослабление и даже полный отказ от физических наказаний не отменяют ни учительской власти, ни школьной дисциплины. Просто формы ее поддержания становятся иными

(Сокулер, 2001). Как показал Мишель Фуко, физическая сила заменяется организацией пространства, где каждому индивиду приписано определенное место. Причем это не просто место, а одновременно ранг. Примером может служить организация школьного класса. Главной формой организации школьников в XVIII в. становится «выстраивание в ряд» — в классе, в коридоре, во дворе. При этом каждый ученик получает определенное место в зависимости от выполнения им любого задания; эти ранги устанавливаются изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Ученик постоянно перемещается из одной последовательности в другую. Место, занимаемое им в пространстве класса, соответствует его месту в иерархии знаний и способностей.

Приписывая каждому определенное место, школьная дисциплина делает возможным непрерывный контроль за всеми и каждым. Школьное пространство начинает функционировать как механизм обучения и одновременно — надзора, наказания или поощрения. Дисциплинарная власть контролирует не только пространственное размещение, но и время индивидов. Моделью опять-таки служили средневековые монастыри. В подтверждение Фуко цитирует предлагаемый распорядок дня начальной школы: «С последним ударом часов все школьники становятся на колени со скрещенными руками и опущенными глазами. После окончания молитвы учитель дает один знак, чтобы ученики поднялись, второй — чтобы они перекрестились, и по третьему они должны сесть за парты».

В другом школьном расписании, относящемся к началу XIX в., по минутам расписаны вхождение учителя в класс, звонок, вхождение детей, молитва, усаживание за парты и т. д.

Строгая организация школьного пространства и времени делает эмоциональные и отчасти спонтанные телесные наказания излишними, позволяя поддерживать учительскую власть и дисциплину другими средствами. В семье, где отношения более индивидуальны и интимны, это сделать труднее, она хуже поддается законодательному регулированию.

Эволюция системы государственных, школьных и семейных наказаний имеет общую логику, но в разных учреждениях это происходит не синхронно. Во французских пенитенциарных учреждениях телесные наказания давно уже стали незаконными, закон требует уважения к человеческому достоинству, запрещает применение к задержанным насилия и «жестокие, бесчеловечные или унижительные наказания», однако прямого и недвусмысленного законодательного запрета телесных наказаний во Франции не существует. Нет и формального запрета телесных наказаний в школе. В 1889 г. Верховный суд признал за учителями некое «право на коррекцию», но в 2000 г. было разъяснено, что это не распространяется на бытовые и «непедагогические» телесные наказания.

В январе 2010 г в Национальную ассамблею внесен законопроект № 2244, который требует полного запрещения всех телесных наказаний детей. Однако далеко не все французы с этим предложением согласны, а их семейные дисциплинарные практики не всегда гуманны.

Например, при опросе в 2001 г. 130 тулонских школьников только каждый десятый сказал, что дома его никогда не били; 72 учащихся сказали, что их бьют умеренно, а 19 — что сильно.

По данным проведенного Европейским Союзом семей в 2007 г. опроса 776 детей, 856 родителей и 685 прародителей, какие-то формы телесных наказаний пережили 95% детей и 96% взрослых, причем дедушки и бабушки шлепали детей на 3% реже, чем родители (это не опечатка). Каждый десятый родитель признался, что прибегал к помощи «ремешка», 30% детей сказали, что испытали его на себе. Чьи ответы точнее, родительские или детские, неизвестно, но разница значительна. На вопрос, почему они бьют своих детей, 77% родителей сказали, что делают это в воспитательных целях, а 7% признались, что ради эмоциональной разрядки. На вопрос, как они собираются дисциплинировать собственных детей, когда станут родителями, 64% детей ответили: «так же, как дисциплинировали меня». Характерно, что 61% прароди-

телей, 53% родителей и 39% детей сказали, что они против законодательного запрета телесных наказаний детей (Pour ou contre les fessées, 2007). То есть поколенческие сдвиги налицо, но старшие поколения не хотят ограничения своей власти и каждый четвертый ребенок против этого не возражает.

В ноябре 2009 г. две трети (67%) опрошенных родителей сказали, что телесно наказывали своих детей (2% — часто, 19% — иногда и 46% — в исключительных случаях), никогда этого не делали 33%.

Расходятся французы и в понимании сущности телесных наказаний. Для 45% опрошенных взрослых (и 42% родителей) это «воспитательное средство, которое нужно использовать, чтобы научить ребенка уважению к авторитету», а для 52% (и 55% родителей) это действие, которого следует избегать, потому что оно маскирует применение силы и насилия по отношению к ребенку.

За расхождением в оценке телесных наказаний стоят социальные и политические различия. Как и везде, среди сторонников порки преобладают люди правых политических взглядов (60%), рабочие (51%) и мужчины (51%), а среди их противников — левые (60%), профессионалы (61%) и женщины (58%). В целом, хотя больше половины французов согласны с тем, что телесных наказаний детей нужно избегать, 82% не хотят, чтобы они были запрещены законодательно (Les Français et la fessée, 2009).

СДЕЛАНО В ГЕРМАНИИ

Несколько иначе выглядит ситуация в Германии.

В средневековой Германии телесные наказания, как и везде, процветали и были довольно жестокими, особой строгостью отличались наиболее религиозные и авторитарные родители. Мартин Лютер (1483—1546) вспоминал годы своего детства:

«Нельзя наказывать детей слишком сурово. Однажды мой отец высек меня розгами так сильно, что я убежал от

него, а потом при виде его вздрагивал от страха, пока он [постепенно] не приучил меня к себе». «Мои родители держали меня в строгости, доходящей до запугивания. Мать за незначительнейшую провинность секла меня до крови. И таким строгим воспитанием загнали они меня в конце концов в монастырь; хотя по простоте душевной они хотели лишь держать меня в страхе. Они не могли сочетать [поощрение] естественных способностей [ребенка] и наказание. Нужно наказывать так, чтобы рядом с розгой лежало яблоко».

Такова была общая практика того времени. Обида на излишнюю строгость своих родителей нисколько не мешала Мартину искренне почитать и любить их. Впрочем, ему и в школе было не лучше. В «Застольных речах» Лютер вспоминает, что однажды его в один и тот же день за разные проступки выпороли пятнадцать раз! Да и как еще можно было обращаться с таким непослушным мальчишкой? Историки до сих пор спорят, почему Лютер породил церковный раскол и Реформацию. Одни думают, что он сделал это из протеста против телесных наказаний, так что лучше бы его не пороли, а другие, наоборот, что Лютера недопороли.

Так как Германия долго оставалась раздробленной, ситуация с телесными наказаниями в разных странах и в XIX в. оставалась неодинаковой. Многое зависело и от типа школы. В церковных школах и семинариях телесных наказаний, которые нередко сочетались с сексуальным насилием, было больше, чем в обычных гимназиях. Это хорошо отражено в мемуарной и художественной литературе.

В конце XIX в. в немецкой педагогике об этом много спорили. Хотя сфера применения телесных наказаний к этому времени уже сузилась, многие учителя были этим недовольны. К. А. Левинсон цитирует такое заявление:

«Борцы за гуманность и всеобщее счастье народа, которые вечно кричат: “Воспитание свободы!”, “Воспитание самостоятельности!”, отвергают всякое телесное наказание и хотят, чтобы оно было полностью устранено из школ. Практические же школьные работники, у которых за спиной

долголетний опыт, почти все выступают за телесное наказание, но при его разумном применении и мудром ограничении. Они знают, что только тот ребенок может быть поистине свободным и самостоятельным человеком, который с самой ранней юности привык к строгому повиновению и самообладанию, каковые, если иначе нельзя, достигались энергичным и чувствительным наказанием. <...> От чего гибли или приближались к упадку государства и народы, если не от изнеженного, нелепого воспитания, которое было не воспитанием свободы и самостоятельности, а воспитанием разнузданности, развязности и безнравственности, — таким, какое сегодня многие снова хотят ввести? Поэтому не будем обращать внимание на писанину <...> и болтовню так называемых современных борцов за гуманность и свободу, которые хотят изгнать из школы палку без того, чтобы дать нам в руки для известных случаев другие действенные средства. Мы знаем лучше, чем герои гуманности, которая оборачивается величайшей негуманностью, как следует применять [палку] в известное время и при подходящем случае в качестве *ultima ratio* и каких при мудром употреблении можно достигать с ее помощью результатов. <...> Чтобы из молодежи вышли годные на что-нибудь, дельные люди, надо использовать нужным способом и в нужное время также и строгие средства, а в худшем случае и телесное наказание».

В 1886 г. «Всеобщая германская учительская газета» перепечатала статью противника телесных наказаний, но сопроводила ее редакционным примечанием: «Мы предлагаем нашим читателям эти рассуждения великодушного автора, хотя нас они не убедили в том, что в начальной школе можно полностью обойтись без телесных наказаний» (Левинсон, 2010).

Большинство педагогов времен Веймарской республики придерживались мнения, что телесные наказания в лучшем случае бесполезны, а то и вредны. Тем не менее они практиковались. Мнения учеников и родителей по этому вопросу отчасти зависели от классовой принадлежности. Еврейский

мальчик из провинциальной буржуазной семьи Марсель Райх-Раницкий (родился в 1920 г.), не знавший дома телесных наказаний и столкнувшийся с ними в берлинской школе, на всю жизнь проникся страхом «перед немецкой палкой, немецким концентрационным лагерем, немецкой газовой камерой. Короче говоря, страхом перед немецким варварством». А дети из рабочих семей реагировали на побои спокойно.

Нацисты верили, что телесное наказание укрепляет дух учеников, и, придя к власти, все ранее принятые ограничения на сей счет отменили. Тем не менее, вопреки распространенным сообщениям, в официальный список допустимых в Германии школьных наказаний телесные наказания не входили, хотя неофициально многие грубости разрешались (Schumann, 2007). Зато в тюрьмах и молодежных исправительных заведениях практика формальной порки по голым ягодицам (максимум 25 ударов) по внутренним дисциплинарным резонам существовала легально. В дальнейшем она распространилась на концентрационные лагеря. Основанный на насилии тоталитарный режим без пыток и телесных наказаний немыслим.

Не удивительно, что после разгрома нацизма телесные наказания в любой форме стали рассматриваться в Германии как проявления фашизма и авторитаризма. Это способствовало их законодательному запрещению. Первой немецкой землей, полностью запретившей телесные наказания в школе, в 1946 г. стал Гессен, примеру которого, с некоторыми ограничениями, последовали Северный Рейн-Вестфалия и Бавария. В 1970-х годах тенденция к запрету телесных наказаний в школе ускорилась, между 1975 и 1983 годами этот запрет стал всеобщим.

Меньше телесных наказаний стало и в семьях. Проведенный в 2001 г. национальный опрос 3 000 родителей с детьми моложе 18 лет и 2 000 родителей 12—18-летних подростков плюс 1 074 представителей государственных и общественных организаций продемонстрировал глубокие сдвиги в общественном мнении. Около 28% опрошенных родителей сказа-

ли, что редко применяют дисциплинарные санкции и стараются, «насколько возможно», избегать телесных наказаний; 54% часто используют «малые», но никогда «серьезные» телесные наказания, типа битья или порки; часто применяют «серьезные» телесные наказания лишь 17% опрошенных. При этом мальчиков бьют значительно чаще и сильнее, чем девочек. Сравнение с результатами предыдущих опросов показало существенное снижение как частоты телесных наказаний, так и степени их суровости. Если в 1996 г. 33,2% родителей сказали, что бьют своих детей по попе, то в 2001 г. — лишь 26,4% (Federal Ministry of Justice..., 2003).

Репрезентативные опросы немецких детей с 12 до 18 лет в 1992 и 2002 гг. также демонстрируют значительное снижение числа телесных наказаний, особенно — наиболее суровых. За 10 лет количество детей, которых легко били по лицу, уменьшилось с 81 до 69%, сильно битых по лицу — с 44 до 14%, битых палкой по попе — с 41 до 5%, а битых до синяков — с 31 до 3% (Bussman, 2004).

Опросы, проведенные в разные годы в пяти европейских странах — Германии, Австрии, Швеции, Франции и Испании, в каждой из которых опрашивали по 1 000 взрослых, имеющих в доме хотя бы одного ребенка моложе 18 лет, и по 1 000 взрослых, имеющих 12—18-летних подростков (Bussmann et al., 2009), также показывают положительные сдвиги. В поколении немцев, родившихся до 1962 г., доля выросших без телесных наказаний составляла лишь 9,2%, в то время как 55,5% их ровесников наказывали довольно круто. Среди нынешних 29-летних немцев доля непоротых достигла 14,1%, а процент поротых снизился до 38,1. Во Франции и Испании таких больших сдвигов не наблюдается.

Медленно, но верно меняются и родительские установки. На вопрос, считают ли они легально допустимыми мягкие телесные наказания (шлепки), в 1996 г. положительно ответили 83% опрошенных немцев, в 2001-м — 61%, в 2005-м — 48%, а в 2007-м — лишь 25%. Еще быстрее растет нетерпимость к более жестким телесным наказаниям. На вопрос, допустимо ли сильно пороть детей, в 1996 г. утвердительно ответили

35% немецких родителей, в 2001-м — 19%, в 2005-м — 9%, а в 2007-м — 8,5%.

Чтобы понять глубинные тенденции развития, немецкие исследователи (Halle Family Violence Study) разделили своих испытуемых на группы в соответствии с налагаемыми на детей дисциплинарными санкциями, в список которых наряду с телесными наказаниями вошли такие наказания, как отлучение от телевизора, отказ разговаривать с ребенком или просто крик. Испытуемые распределились следующим образом.

Родительство без санкций или без телесного наказания. В 2007 г. эта группа составила 28,5% всех участников с детьми моложе 18 лет. Эти родители обходятся вообще без телесных наказаний, дисциплинируя своих детей вербально или с помощью психологических санкций.

Конвенциональное родительство. 57,5% этих родителей кроме нефизических санкций иногда прибегают и к телесным наказаниям, но избегают таких суровых методов, как битье или порка.

Суровое силовое родительство. К этой группе принадлежит 14% родителей, которые наказывают своих детей часто, используя как психологические, так и жесткие физические санкции.

Самое интересное здесь — историческая динамика: неуклонное уменьшение числа родителей, прибегающих к суровым физическим наказаниям (в 1996 г. их доля составляла 23,3%), и увеличение числа тех, кто вообще обходится без телесных наказаний (в 1996 г. их было лишь 13,1%). Под влиянием роста негативного отношения к любому насилию уменьшается и число «конвенциональных» родителей.

В общем и целом, это соответствует международным трендам (Straus, Stewart, 1999). Принадлежность родителя к каждой из этих групп или к той или иной группе коррелирует с его образовательным уровнем и уровнем дохода. В 2007 г. среди родителей низшего класса воспитывали своих детей без телесных наказаний 26,5%, среднего класса — 29,5%, высшего класса — 28,9%. К числу конвенциональных

родителей относятся 61% представителей низшего класса, 55,5% — среднего и 57% высшего класса. То есть более образованные родители выглядят более либеральными. Однако суровые телесные наказания родители среднего и высшего класса практикуют чаще (соответственно 15 и 14%), чем представители низшего класса (12%).

Тенденция, которая состоит в том, что одинокие родители применяют силу чаще и интенсивнее, чем обычные супружеские пары, в немецком исследовании не проявилась, разница составила всего 1%. Зато четко выявлена связь родительских практик и отношения к телесным наказаниям с собственным жизненным опытом респондентов, включая их партнерские (супружеские) отношения: родители, которые в детстве испытали сильные телесные наказания, значительно чаще других применяют их к собственным детям, разница достигает 34%. Сходные тенденции обнаружены и в других странах, что подтверждает наличие воспроизводящегося из поколения в поколение «цикла насилия» (Albrecht, 2008), который существует во всех слоях общества и преодолевается с большим трудом.

ШВЕДСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Своеобразной лабораторией педагогического либерализма стала во второй половине XX в. Швеция. В 1957 г. там было отменено положение Уголовного кодекса, оправдывавшее родителей, причинивших легкие повреждения своему ребенку, а в 1966 г. — положение Кодекса об обязанностях родителей и опекунов, в соответствии с которым им разрешались «внушения». С тех пор шведское законодательство больше не разрешает родителям прибегать к телесным наказаниям, а положения уголовного законодательства о противоправном нападении стали применяться и к актам насилия в отношении детей, совершаемым «в дисциплинарных целях». Так как этих «незаметных», «тихих» реформ оказалось недостаточно, в 1979 г. Швеция стала первой в мире

страной, категорически запретившей любые телесные наказания. Шведский Кодекс обязанностей родителей и опекунов гласит: «Дети имеют право на заботу, безопасность и хорошее образование. С детьми следует обращаться, уважая их человеческое достоинство и их индивидуальность. Они не могут быть подвергнуты телесным наказаниям или же любому другому унижительному обращению».

Шведы не просто приняли новый закон, но и довели его до массового сознания. Уже через год после издания закона его содержание было известно 90% шведского населения. Продолжилась и массовая пропагандистская кампания, разъясняющая незаконность телесных наказаний не только родителям, но и совсем молодым людям. Важную роль в этой кампании играют неправительственные общественные организации, особенно «Save the Children Sweden».

Закон и созданный им прецедент были восприняты в мире неоднозначно. Шведские, а особенно американские и британские консерваторы предсказывали, что запрет долго не продержится и будет иметь катастрофические последствия. В кампании по дискредитации шведского эксперимента участвуют не только служители культа, политики и журналисты, но и некоторые видные психологи, например Роберт Ларзелер и Диана Баумринд (Larzelere, Baumrind, 2010). Не прошло и года после принятия закона, как противники сообщили о его провале.

Это были не голословные упреки, а целые исследования со ссылками на шведскую и мировую статистику. В многочисленных статьях на эту тему можно прочитать, что после отмены телесных наказаний шведские дети стали жертвами беспомощного и неэффективного родительства. В результате количество случаев сексуального насилия против детей с 1984 по 1994 г. в Швеции якобы выросло на 489%, а насилия в среде несовершеннолетних — на 672%. В начале 1990-х годов, когда первые непоротые дети стали подростками, Швеция столкнулась с немыслимым до того масштабом молодежной преступности. Чудовищно выросло насилие в школах (буллинг). Воспитанные без телесных наказаний

юные шведы прибегают к насилию, потому что не понимают, когда нужно остановить опасное поведение. Они вообще не признают никаких границ и наказаний. Половина шведских подростков думают, что родители не имеют права даже ограничивать их карманные деньги. Короче говоря, полный апокалипсис, по сравнению с которым разгул преступности в США кажется раем.

Однако серьезная социальная статистика этих прогнозов и оценок не подтверждает. Швеция имеет самые низкие в мире показатели по семейному насилию против детей. В 1950-х годах 94% шведских родителей шлепали своих детей, причем треть — практически ежедневно. К 1995 г. доля телесных наказаний снизилась до 33%, а ежедневные шлепки — до 4% (Durrant, Rose-Krasnor, Broberg, 2003). В 1950-х годах 55% матерей 4-летних девочек и 20% матерей 8-летних мальчиков физически наказывали своих детей как минимум раз в неделю, причем 13% матерей 3—5-летних детей пользовались при этом каким-то предметом (ремнем и т. п.). Напротив, 86% подростков, рожденных в 1980-х годах, не были физически наказаны ни разу, а с большинством других это случилось один-два раза. Законодательный запрет телесных наказаний был не началом, а завершением процесса, начатого еще в 1958 г. Только поэтому он и оказался успешным. А детская смертность в результате насильственных действий в Швеции всегда была намного ниже, чем в Канаде и США.

От смягчения телесной дисциплины шведские дети хуже не стали. Рост показателей насилия над детьми с 1970-х годов характерен для всего мира, эти цифры отражают не увеличение абсолютного числа подобных случаев, а выросшую нетерпимость к ним общества. То же самое наблюдается в США. В начале 1960-х годов там было официально зарегистрировано всего 300 случаев плохого обращения с детьми, а в 1993 г. эта цифра составила почти 3 млн. Значит ли это, что за эти годы отношение американцев к детям ухудшилось в 10 000 раз или что в 1960-х годах жертвами плохого обращения были лишь 300 детей? Просто социальная статистика

стала лучше. Тем более это верно относительно Швеции, где обращают внимание на самые незначительные нарушения прав детей.

А как же уличное насилие и школьный буллинг? Эти явления в подростковой среде существовали всегда и везде. Общественное мнение и реальная статистика далеко не одно и то же. 66% взрослых считают, что число подростков, совершающих насильственные преступления, за последние 10 лет выросло, 25% — что оно осталось таким же, и лишь 5% — что оно снизилось. Между тем, по данным шведской государственной статистики, достоверность которой никто не оспаривает, между 1990 и 2000 годами молодежная преступность в стране снизилась на 56%, ее уровень — самый низкий за последние четверть века (Durrant, Janson, 2005).

Именно потому, что шведский эксперимент себя оправдал, ООН и Совет Европы начали его изучать и пропагандировать. Но все ли страны к этому готовы?

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ — ВНЕ ЗАКОНА!

Если в Новое время телесные наказания детей стали проблематичными, то в XXI в. их признают неприемлемыми, потому что они несовместимы с идеей прав ребенка.

Это понятие сложилось не сразу. В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла всеобщую Декларацию прав человека, провозгласившую, в частности, что каждый человек (женщины, мужчины, дети) имеет право на жизнь без насилия. В 1959 г. ООН приняла на этой основе Декларацию прав ребенка, объявив, что ребенку принадлежат все права, указанные в Декларации прав человека. Еще через тридцать лет, в 1989 г., Генеральная Ассамблея ООН одобрила международную Конвенцию о правах ребенка, которая в СССР вступила в силу уже в 1990 г. Ряд статей Конвенции предусматривает специальные меры для обеспечения прав ребенка на здоровое развитие, защиту от разного рода посягательств, включая

жестокое обращение и сексуальное совращение, и предоставление помощи детям, пострадавшим от насилия, в том числе совершенного родителями.

В новом столетии наступление на телесные наказания продолжилось.

В 2004 г. Рекомендацией 1666 Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) провозгласила Общеввропейский запрет на телесные наказания детей:

«1. Парламентская Ассамблея отмечает, что, по мнению Европейского комитета по социальным правам, в соответствии с Европейской социальной хартией и пересмотренной Социальной хартией государства должны ввести запрет на все виды телесных наказаний и любые другие формы унижительных наказаний или плохого обращения с детьми. Пять государств-членов не смогли выполнить эти условия, поскольку не ввели категорический запрет на все виды телесных наказаний. В отношении других пяти государств-членов были поданы коллективные жалобы на тех же основаниях.

2. Ассамблея также отмечает, что Европейский суд по правам человека в ряде своих решений указывает, что телесные наказания нарушают права ребенка, признаваемые за ним Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Эти решения первоначально касались телесных наказаний в колониях для малолетних преступников, затем в учебных заведениях, включая частные школы, и в последнее время в семье. Более того, как Европейская комиссия по правам человека, так и Суд особо подчеркивают, что введение запрета на телесные наказания не является вмешательством в личную или семейную жизнь и не нарушает свободы вероисповедания.

3. Все государства-члены ратифицировали Конвенцию ООН по правам ребенка, которая налагает на них обязательства по защите детей от всех видов физического или психологического насилия, когда они находятся на попечении взрослых. Комиссия по правам ребенка, которая контролирует соблюдение этой Конвенции, последовательно трактует ее как требующую от государств как запрещения всех видов телесного наказания детей,

так и просвещения и информирования общества по этому вопросу.

4. Ассамблея приветствует глобальную инициативу, направленную на прекращение всех видов телесного наказания детей, и желает внести свой вклад в оказание поддержки, уже осуществляемой ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Верховным комиссаром ООН по правам человека, Комиссаром по правам человека Совета Европы, Европейской сетью уполномоченных по правам детей и рядом национальных и международных организаций, защищающих права человека, и неправительственными организациями по всей Европе.

5. Ассамблея считает, что любое телесное наказание детей является нарушением их основополагающего права на человеческое достоинство и физическую неприкосновенность. Сам факт, что такие телесные наказания находятся в рамках закона в ряде государств-членов, нарушает равное основополагающее право детей на защиту, аналогичную той, которой пользуются взрослые. Нанесение побоев человеку является недопустимым в европейском обществе, а дети являются людьми. Терпимому отношению к телесным наказаниям детей в обществе и праве должен быть положен конец.

6. Ассамблея с озабоченностью отмечает, что до сих пор только меньшая часть из 45 государств-членов официально запретили применение телесных наказаний в семье и во всех других общественных институтах. Хотя во всех этих государствах введен запрет на применение телесных наказаний в школах, включая частные школы и другие учебные заведения, этот запрет не распространяется в обязательном порядке на детские дома и другие воспитательные учреждения. Но даже и эти запреты не соблюдаются повсеместно и полностью.

7. В этой связи Ассамблея предлагает Комитету Министров Совета Европы приступить к проведению во всех государствах-членах единой скоординированной кампании, направленной на всеобщую отмену телесных наказаний детей. Ассамблея отмечает достижения Совета Европы в деле отмены смертной казни, и теперь Ассамблея призывает как можно скорее превратить Европу в зону, где отсутствуют телесные наказания детей.

8. Ассамблея призывает Комитет Министров и другие заинтересованные институты Совета Европы принять в качестве приоритетной задачи выработку стратегии, а также мер технической поддержки, направленных на достижение этой цели в сотрудничестве с государствами-членами, обращая особое внимание на:

i. информирование детей, живущих и работающих в этих государствах, и общество в целом о существовании всеобщего запрета на телесные наказания и другие формы унижающего и негуманного обращения с детьми;

ii. обеспечение всеобщего признания основополагающего права детей на соблюдение их человеческого достоинства и физической неприкосновенности;

iii. поддержку позитивных, исключающих применение насилия, форм воспитания детей, обучение разрешению конфликтов родителей, в том числе будущих, а также других лиц, занимающихся воспитанием детей, и общество в целом;

iv. предоставление детям и молодежи возможности выражать свои взгляды и участвовать в планировании и осуществлении деятельности по искоренению телесных наказаний;

v. обязательное предоставление родителям, особенно испытывающим трудности в воспитании детей, необходимой консультативной помощи и поддержки;

vi. предоставление детям конфиденциальных рекомендаций, консультативной помощи и юридической поддержки с тем, чтобы они могли защитить себя в случае применения в отношении них насилия;

vii. обеспечение эффективных и адекватных мер защиты детей, особенно беспомощных перед опасными и унижительными наказаниями, таких, как дети-инвалиды и дети, находящиеся в воспитательных и исправительных учреждениях;

viii. гарантировать, что телесные наказания и другие опасные и унижительные виды дисциплинарных наказаний, применяемых в отношении детей, будут классифицироваться как бытовое или семейное насилие и что стратегия борьбы с жестокими наказаниями детей составит неотъемлемую часть стратегии борьбы с бытовым или семейным насилием.

9. В заключение Ассамблея призывает Комитет Министров рекомендовать государствам-членам:

i. принять соответствующие законодательные акты, налагающие запрет на телесные наказания детей, особенно в семье;

ii. вести наблюдение за эффективностью отмены телесных наказаний путем проведения регулярных исследований случаев проявления насилия в отношении детей в семье, школе и во всех других местах, а также за эффективностью служб по защите детей, поведением родителей и за реакцией на насилие, проявляемое в отношении детей;

iii. обеспечить в полном объеме выполнение недавних решений Европейского суда по правам человека и заключений Европейской комиссии по социальным правам».

ООН не только поддержала идею законодательного запрещения телесных наказаний детей, но и дала этому понятию самое широкое определение. В выпущенном Комитетом ООН по правам ребенка в 2006 г. Общем замечании к Конвенции, которое дает официальное толкование обязательств государств в свете предъявляемых им требований, содержится следующее определение:

«Телесное наказание — это любое наказание с применением физической силы и намерением причинить наказуемому физическую боль любой степени интенсивности или же неудобство, даже если оно незначительно. В большинстве случаев подобные наказания детей включают в себя побои (в виде “шлепков”, “подзатыльников”, “порки”), осуществляемые рукой или же с помощью соответствующих орудий, как то: прут, трость, ремень, тапок, линейка и т. д. К телесным наказаниям также относятся пинки, встряски, толкание ребенка, нанесение ему царапин, щипки, сдавливание, укусы, таскание за волосы, оплеухи, вынуждение ребенка сохранять продолжительное время неудобную позу, прижигания, ошпаривание, принуждение к принятию внутрь, например, слишком горячих, острых продуктов питания или же промывание рта ребенка мылом. С точки зрения Комитета ООН по правам ребенка, телесные наказания неизменно унижают че-

ловеческое достоинство. Кроме того, существуют и другие формы наказания, которые — не будучи физическими и телесными — все же являются жестокими и унижительными, а поэтому они несовместимы с Конвенцией ООН о правах ребенка. Они наносят удар по самооценке ребенка и направлены на то, чтобы унижить его, оскорбить, очернить, внушить чувство виновности, запугать, терроризировать или же высмеять».

Отвечая на вопрос: «Почему мы должны искоренить телесные наказания детей?» — ООН перечисляет несколько причин.

Во-первых, телесные наказания нарушают права ребенка на соблюдение его физической неприкосновенности, человеческого достоинства, а также его права на равную судебную защиту. Во многих случаях телесные наказания могут подорвать права ребенка на образование, развитие, охрану его здоровья и даже само право на жизнь.

Во-вторых, они могут принести серьезный вред физическому и психологическому состоянию ребенка.

В-третьих, они приучают ребенка к тому, что насилие — вполне приемлемый и подходящий метод решения спорных вопросов и получения от других желаемого.

В-четвертых, они неэффективны как мера дисциплинарного воздействия. Существуют позитивные методы обучения, исправления поведения или же дисциплинарного воздействия на ребенка. Они в большей степени способствуют его развитию и построению отношений с внешним миром, основанных на доверии и взаимоуважении.

Наконец, трудно оградить детей от телесных наказаний в том случае, если они остаются узаконенными. Подобное положение вещей подразумевает, что некоторые формы и степени насилия в отношении ребенка допускаются.

Гуманитарную инициативу ООН поддержали мировые религиозные лидеры. В работе VIII Всемирной ассамблеи Всемирной конференции религий за мир (ВКРМ) в японском городе Киото в августе 2006 г. участвовали около двух тысяч представителей буддистских, христианских, индуистских,

джайнистских, иудаистских, мусульманских, сикхских, синтоистских, зороастрийских и местных религиозных общин из ста стран. Участвовала в ней и делегация РПЦ, одним из сопредседателей этой межрелигиозной миротворческой организации избран нынешний глава РПЦ, в то время — митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

В числе других документов ВКРМ приняла Декларацию о насилии против детей, озаглавленную «Многорелигиозное обязательство противостоять насилию над детьми» в поддержку принимаемых ООН мер по борьбе с насилием против детей:

«Мы призываем наши правительства принять законы, запрещающие все формы насилия против детей, включая телесное наказание, и обеспечить полноправие детей в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и другими международными и региональными соглашениями» (Киотская Декларация о насилии над детьми, пункт 6).

Твердая позиция ООН и Совета Европы побудила многие страны изменить в этом направлении свое национальное законодательство. Список стран, в которых любое телесное наказание детей запрещено, на конец 2010 г. выглядит так:

Швеция — с 1966 г., окончательно — в 1979 г.

Финляндия — с 1983 г.

Норвегия — с 1987 г. (допускается легкий шлепок сразу же после проступка)

Австрия — с 1989 г.

Кипр — с 1994 г.

Дания — с 1997 г.

Латвия — с 1998 г.

Болгария, Хорватия, Германия, Израиль — с 2000 г.

Венгрия — с 2004 г.

Исландия — с 2003 г.

Румыния, Украина — с 2004 г.

Греция, Нидерланды, Новая Зеландия, Португалия, Испания, Уругвай, Венесуэла — с 2007 г.

Коста Рика — с 2008 г.

Молдова — с 2009 г.

Польша, Кения, Тунис — с 2010 г.

Этот список продолжает пополняться. Летом 2010 г. о готовности запретить телесные наказания детей заявил президент Бразилии.

Легко заметить, что перечисленные страны довольно неоднородны.

Первая группа — это традиционно либеральные и толерантные скандинавские страны, Нидерланды и активно преодолевающая свое тоталитарное прошлое Германия.

Вторая группа — это страны Восточной и Центральной Европы, население коих не отличается особой толерантностью, но власти которых очень хотят доказать свое соответствие европейским стандартам.

Третья группа — это Испания, Португалия и разные по своим политическим системам, но четко ориентированные на социальное обновление страны Латинской Америки.

В то же время некоторые страны с прочными демократическими традициями (Франция, англосаксонские страны, и особенно США), которым ничего доказывать не нужно, не торопятся с юридическим запретом телесных наказаний. Причем позиции консерваторов, выступающих в защиту традиционной сильной родительской власти, иногда в какой-то степени совпадают там с позициями либералов, опасющихся расширения вмешательства государства в частную жизнь. Помимо неоднозначности и даже поляризации общественного мнения в этих странах, существенным фактором «задержки» является также озабоченность юристов и социальных работников практическими вопросами, как конкретно обеспечить материализацию подобных запретов, чтобы не превращать закон в декларацию о намерениях. Не тащить же родителей в полицию за каждый шлепок? Большие надежды в этой связи возлагаются на ювенальную юстицию. В странах, где правовая система недостаточно разработана или малоэффективна, подобные вопросы людям просто не приходят в голову.

Независимо от политического смысла и культурного контекста этих споров, они стимулировали множество национальных и международных исследований того, как в разных странах обращаются с детьми и что люди об этом думают.

Вот как выглядят картина по данным отчета «Глобальной инициативы положить конец всякому телесному наказанию детей» (Global Initiative to End All Corporal Punishment of Children) (последнее обновление произведено в феврале 2011 г.; документ содержит ссылки на конкретные исследования).

В Бельгии, согласно телефонному опросу 1 070 взрослых, 77% думают, что родители могут бить своих детей (17% — всегда, 60% — при некоторых обстоятельствах), но 19% считают это абсолютно неприемлемым.

В Греции в рамках большого исследования были опрошены 546 студентов из Афин и Салоник. 73% сказали, что пережили телесные наказания в семье. Чаще всего (54%) это были шлепки открытой ладонью по попе, на втором месте (45%) удары по рукам или ногам, на третьем (31%) — удары по лицу, голове или надирание ушей.

В Дании, по данным Национального института социальных исследований, в 1968 г. телесным наказаниям «иногда» подвергались 40,2% детей от 9 до 12 лет, с тех пор эти цифры резко снизились; в 2000 г. лишь 12% опрошенных датчан шлепали своих 3-летних детей, да и то «иногда» или «редко».

В Испании, по данным национального опроса 2004 г., 25,6% взрослых сказали, что для поддержания дисциплины детей необходимо шлепать, 74,4% считают это необязательным, но 58,9% из них думают, что иногда это необходимо. В целом за последние годы поддержка телесных наказаний в стране уменьшилась с 47 до 27%.

В Италии аналогичное интервью в 2004 г. (опрошено 1 009 взрослых) показало, что родительскую порку считают допустимой 69% опрошенных (7% — всегда, 62% — при некоторых обстоятельствах), четверть — категорически против. Согласно проведенному в 1999—2000 гг. более

масштабному опросу семей с детьми, три четверти (77%) родителей и опекунов признались, что в течение года перед опросом так или иначе били своих детей, каждый одиннадцатый ребенок (8%) подвергался более тяжким телесным наказаниям.

В Польше, согласно опубликованному в 2001 г. национальному опросу, 80% взрослых в детстве испытывали дома телесные наказания, причем мальчики подвергались им чаще, чем девочки. Каждый пятый подвергался также телесным наказаниям со стороны учителей. Чем выше уровень образования респондентов, тем реже они испытывали телесные наказания и тем реже они применяли их к собственным детям. Чаще всего телесные наказания применялись к детям от 7 до 14 лет. Почти половина (48%) респондентов убеждены, что телесные наказания в семье подлежат запрету. Однако 54% считают порку детей ремнем приемлемой, а 77% — что на детей можно кричать и угрожать им. Почти половина (44%) согласилась с суждением, что дети — собственность родителей, 24% — с суждением, что «ребенок должен бояться своих родителей и не существует воспитания без битья»; 30% — с тем, что «суровое воспитание делает ребенка сильнее и благотворно для ребенка»; 27% признали, что дети заслуживают телесных наказаний.

В Португалии в 2004 г., согласно телефонному опросу 809 взрослых, 83% считают родительскую порку приемлемой; каждый шестой уверен, что она приемлема всегда, а две трети (67%) — лишь при некоторых обстоятельствах. Абсолютно недопустимой считают порку 13% опрошенных.

В Сербии, по данным ЮНИСЕФ, в 2005—2006 гг. 73% детей от 2 до 14 лет испытали физическое наказание и/или психологическую агрессию, 41% — и то и другое, 21% — только психическую агрессию и 11% — только физическое наказание. В общей сложности физическое наказание испытали 52% детей.

В Словакии, при обследовании в 2000 г. 2 433 тринадцатилетних детей, телесные наказания сочли «нормальными» лишь 2,2%. Иногда их испытывали 38%, никог-

да — 59,2%. При опросе в 2002 г. 856 взрослых 98,6% сказали, что родители могут иногда шлепать детей по попе, удары «в отдельных случаях» допускают 75,3%, битье какими-то предметами «в особых случаях» оправдывают 41,7%, регулярные порки считают оправданными 22,9%.

В Чехии при опросе общественного мнения в апреле 2007 г. три пятых респондентов высказались против принятия закона, запрещающего телесные наказания детей родителями. Почти три четверти (71,5%) сказали, что в детстве их самих били, 25% родителей признались, что периодически или регулярно бьют своих детей. Никогда не делали этого лишь 31%. В 2006 г. 25% из 636 респондентов поддерживали даже применение телесных наказаний в школе, но это чаще делали 45—50-летние люди, чем родители детей школьного возраста.

В Финляндии, согласно национальному опросу 1 000 взрослых (2007 г.), физическое наказание детей в исключительных условиях считает приемлемым каждый четвертый (в 2004 г. так ответил каждый третий). Однако 73% женщин и 68% мужчин признали, что иногда применяли такое наказание.

В Швейцарии интервью (в 2004 г.) 1 240 родителей, имеющих детей младше 16 лет, показало, что по сравнению с 1990 г. частота телесных наказаний заметно уменьшилась, люди склонны думать, что это плохое средство воспитания. Тем не менее они не исчезли, особенно для маленьких детей. По подсчетам исследователей, 13 000 швейцарских детей младше 2,5 лет испытали шлепки, 18 000 детей дергали за волосы и около 1 700 били какими-то предметами.

ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ ВОЛНУЕТ НЕ ТОЛЬКО ЕВРОПЕЙЦЕВ

Много опросов на эту тему проводилось в Канаде. Судя по опросу 1 000 взрослых в январе 2004 г., 64% канадцев признают право родителей шлепать своих детей, но абсолютное

большинство против того, чтобы разрешить это делать посторонним людям, включая учителей. В англоязычных провинциях защитников порки больше, чем во франкоязычных. Данные национальных опросов о степени фактической распространенности телесных наказаний расходятся. Проведенный в 1998—1999 гг. почтовый опрос 1 643 родителей, имеющих детей младше 6 лет, показал, что телесные наказания применяют 51% родителей (1% — часто, 39% — редко, 11% — иногда), 49% этого никогда не делают. Значимой разницы между отцами и матерями не обнаружилось, но одинокие матери прибегают к телесным наказаниям реже, чем родители, состоящие в браке, а родители с низким образованием — чаще, чем более образованные. В 2001 г. 10% родителей признали, что применяют физические наказания, когда их дети нарушают правила. Согласно опросу 2002 г., легкие телесные наказания применяют 50%, а тяжелые — 6% родителей. Среди университетских студентов в Британской Колумбии и Манитобе, опрошенных в 2000 г., испытали в детстве физические наказания 75%, из них 37% ударяли по голове, 34% били каким-то предметом и 18% пороли. Среди опрошенных матерей дошкольников в Манитобе (2005 г.) в предыдущие две недели 59% использовали телесные наказания.

Настоящей цитаделью телесных наказаний остаются США. По данным министерства образования, в 2006/07 учебном году телесным наказаниям в школе (paddling) подверглись 223 190 детей, особенно часто это происходит с маленькими афроамериканцами: хотя они составляют лишь 17% учащихся государственных школ, среди поротых их 36%. Почти 40% всех телесных наказаний приходится на два штата — Техас и Миссисипи. Согласно телефонному опросу 600 взрослых в 50 штатах (август 2005 г.), шлепанье как законную форму родительского дисциплинирования поддерживают 72% опрошенных (от 55% в Вермонте до 87% в Алабаме), 23% признают это право и за учителем (разброс от 8% в Нью-Хэмпшире до 53% в Арканзасе и Миссури). Согласно национальному телефонному опросу ABC (1 015 взрослых,

2002 г.), шлепанье детей в семье одобряют 65%, осуждают 31%. Однако 72% думают, что учителя права на это не имеют. В 2005 г. последняя цифра выросла до 77%.

В Австралии, по данным опроса родителей в Квинсленде в 2007 г., иногда шлепают своих детей 71% мам и пап; в 43% случаев это одноразовый шлепок голой рукой, но 10% делают это чаще. По данным национально-репрезентативного телефонного опроса 720 взрослых в 2006 г., 43% считают разумным, чтобы телесное наказание оставило след на теле ребенка (в 2002 г. так ответили 55%). Каждый десятый допускает также применение для битья палки, ремня или туфли, а каждый седьмой (14%) — деревянной ложки. Две пятых (41%) считают телесные наказания эффективным средством для изменения поведения ребенка, а каждый десятый распространяет это и на тинейджеров. Тем не менее поддержка телесных наказаний ослабевает. В 2002 г. с мнением, что упрямого ребенка нужно иногда бить, согласились 75%, а в 2006 — 69%.

В Новой Зеландии, согласно телефонному опросу 1 000 взрослых в 2001 г., 80% родителей считают шлепки голой рукой легально допустимыми, но 85% высказались против применения деревянной ложки или ремня; 98% думают, что нужно запретить удары по голове и по шее. Наказания, которые оставляют следы, синяки или увечья, неприемлемы для 95% опрошенных. Что касается оптимального возраста для телесных наказаний, то 62% полагают, что физически нужно наказывать детей от 2 до 5 лет, 52% — от 6 до 10 лет, 43% — от 11 до 14 лет и 16% — 15—17-летних. Маленьких детей чаще считают нужным наказывать женщины, а повышенную «строгость» к тем, кто постарше, проявляют мужчины (применительно к 6—10-летним гендерная разница составляет 9%, к 11—14-летним — 16%, к 15—17-летним — 4%). Физическое наказание детей младше двух лет приемлемо лишь для 23%. Во время национального опроса 2004 г. (612 родителей и 539 опекунов детей до 5 лет) применение телесных наказаний признали 51% родителей и 21% опекунов. Причем у родителей эта склонность положительно

коррелирует с низким уровнем образования и многодетностью, а у опекунов — с низким уровнем дохода и повышением собственного возраста. Самая распространенная форма наказания — шлепки по попе, их практикуют 45% родителей и 32% опекунов. 25% родителей, применяющих телесные наказания, не заинтересованы в получении информации об эффективном родительстве — им и так все ясно.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ — СЕРЬЕЗНАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ СТРАН АЗИИ

В Китае, судя по опросу в 1998 г. 483 школьников четвертых — шестых классов, уровень применения телесных наказаний со стороны учителей высок (51, 1%), но в семье он еще выше (70, 6%). Согласно итогам большого сравнительного исследования ЮНИСЕФ (2001 г.), охватившего 10 073 детей от 9 до 17 лет в странах Восточной Азии и Тихого океана, 14% китайских детей сказали, что родители их бьют, а 4% не находят контакта со школьными учителями, потому что те их тоже бьют. Из опрошенных 331 педиатра восточного Китая 97% подтвердили, что китайские родители часто бьют своих детей. 76% этих педиатров такую практику в принципе не одобряют, но более молодые врачи не одобряют значительно чаще, чем пожилые.

На Филиппинах, по данным уже упомянутого сравнительного исследования ЮНИСЕФ, телесным наказаниям в семье подвергаются 24% детей, причем родительские наказания нередко весьма жестоки. Это хорошо документировало и проведенное в 2005 г. организацией «Save the Children!» обследование 3 332 детей и 1 000 взрослых в восьми странах Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна.

В Таиланде, по данным ЮНИСЕФ, телесным наказаниям со стороны родителей подвергается 26% детей. Другие исследования приводят более высокие цифры. Согласно данным обследования в 2001 г. 9 488 детей и подростков в шестнад-

цати тайландских провинциях, 45,9% из них подвергались вербальному и физическому насилию со стороны родителей и старших родственников. Небезопасна для детей и школа. Хотя формально телесные наказания в тайской школе запрещены, проведенный в 2006 г. опрос 1 300 учителей из разного типа школ показал, что они применяются довольно широко. 60% учителей убеждены, что это правильный и эффективный метод обучения.

Из опрошенных ЮНИСЕФ индонезийских детей 34% сказали, что родители их били, почти половина детей по той же причине испытывает трудности в общении со школьными учителями. Это подтверждает и более детальное (опрошены 813 детей из городских, сельских и отдаленных районов страны плюс 16 взрослых) исследование организации «Save the Children!» в 2005 г.

В Индии первое общенациональное исследование насилия над детьми, основанное на опросе 12 447 детей от 5 до 18 лет из тринадцати штатов плюс 2 324 молодых взрослых (от 18 до 24 лет) и 2 449 государственных и иных служащих, имеющих отношение к этой сфере, проведенном в 2007 г. (Kacker, Varadan, Kumar, 2007), установило широкую распространенность телесных наказаний. Их испытали 69% всех опрошенных детей. Чаще всего их жертвами становятся мальчики (54,68%) и маленькие дети (48,29%). В семье детей чаще всего бьют родители (88,6%), причем матери — чаще отцов (50,9% и 37,6%). На втором месте стоят учителя (44,8%). Разница между мальчиками и девочками в этом отношении невелика, зато возрастные различия существенны. Больше всех достается младшим, 5—12-летним. Самое распространенное наказание — удары и пинки (63,67%), затем идет избиение палкой или каким-то другим предметом (31,31%). Когда чиновников спросили об их отношении к телесным наказаниям, 44,54% признали их необходимым средством дисциплинирования детей, 25,45% с этим не согласились и 30,01% мнения не высказали. Более мелкие и локальные исследования отражают те же тенденции, то есть телесные наказания остаются общепринятой практи-

кой во всех школах и общинах. Домашнее насилие в равной мере затрагивает мальчиков и девочек, но мальчиков бьют чаще. При опросе в 2001 г. студентов университетов 91% юношей и 86% девушек сказали, что в детстве подвергались телесным наказаниям.

Жесткие телесные наказания, причем не только детей, но и взрослых, существуют во многих мусульманских странах.

В Саудовской Аравии в 2003 г. 59,5% опрошенных взрослых высказались за восстановление телесных наказаний в школе (против — 38,5%).

В Сирии, по данным ЮНИСЕФ, в 2005—2006 гг. 87% детей от 2 до 14 лет пережили в разных сочетаниях физическое наказание и/или психическую агрессию.

В Пакистане, согласно отчету «Save the Children!» и ЮНИСЕФ (2005 г., обследованы 3 582 ребенка от 6 до 14 лет из разных типов школ и проведены беседы с 1 211 родителями и 486 учителями), не нашлось ни одного ребенка, который не подвергался бы телесным наказаниям. В общей сложности дети насчитали в семье 28 видов наказаний (чаще всего это избивание каким-то предметом), а в школе — 43. Как в семье, так и в школе телесные наказания чаще применяются к детям младших возрастов. Существенных гендерных различий не обнаружено. Дома детей чаще всего наказывают дядья и тетки (27,31%), дед и бабушка (24,04%), родители (20,22%), старшие братья и сестры (18,91%). В школе это делают учителя (49,6%) и старшие ученики (14,7%). По данным Пакистанской педиатрической ассоциации и ЮНИСЕФ (2003 г.), телесным наказаниям подвергаются четыре ребенка из пяти, мальчики — значительно чаще девочек. При опросе в 2001 г. 4 200 школьников из разных регионов, включая детей из изолированных приграничных племен, все опрошенные сказали, что подвергались телесным наказаниям в семье. Чаще всего это были удары по лицу (54%), по спине (29%), палкой (16,6%), пинки (12,3%) и т. д. Мальчиков чаще наказывают отцы (78%), матери (42%) и старшие братья (47%), а дево-

чек — матери (74%), за ними идут отцы (60%), старшие братья (44%) и старшие сестры (21%). В качестве причин чаще всего фигурирует плохое поведение (47% мальчиков, 41% девочек), игры (18% мальчиков, 25% девочек), непослушание (37% и 16%), шум (по 12%), забытое важное поручение (8% и 4%), плохая учеба (22% и 25%). В 17% случаев наказание оценивается как очень суровое, в 52% — как суровое и в 31% — как мягкое.

Этот отчет нельзя назвать полным. Про некоторые страны в нем говорится, что о них «нет данных за последние 10 лет», по другим таковые вообще отсутствуют, хотя в международных базах такую информацию иногда можно найти. Учитывая неоднородность выборок, различие задач, методов и характера обсуждаемых вопросов, широкие «страноведческие» сопоставления выглядят не особенно информативными. Я привожу их только для того, чтобы стало понятно, насколько пестра и разнообразна картина современного мира и как трудно реализовать поставленную ООН задачу.

Утопия или руководство к действию?

Декларировать еще не значит сделать. Когда ООН предложила сделать 2009 г. годом законодательного запрещения телесных наказаний, авторитетный английский журнал «The Economist» назвал эту резолюцию «последним образчиком утопической одержимости ООН». Так думают многие. Но ведь все новое начинается с деклараций о намерениях.

Постановка вопроса о неприемлемости телесных наказаний не фантазия, а закономерный результат развития общества, необходимый, имеющий глубокие социально-экономические и духовные предпосылки аспект процесса модернизации.

Если начать с философии, нельзя не заметить, что вместо старого, привычного принципа господства и подчинения, согласно которому человек властвует над природой, мужчина над женщиной, старший над младшим, Запад над Востоком, город над деревней и т. п., сегодня на первый план все чаще

выступает экологически обоснованный принцип ответственной взаимозависимости, предполагающий уважительное отношение к субъектности и особенности (инаковости) всякого Другого. Это понимание, сначала как нравственный императив, а затем и как практическая целесообразность, формируется медленно, но неотвратимо.

Это имеет свои социально-экономические предпосылки.

Дисциплина голода может быть не менее жесткой, чем палочная, однако рыночная экономика, в отличие от рабства и крепостничества, не позволяет бить наемных работников.

Крушение мировой колониальной системы не допускает истребления, обращения в рабство, дискриминации и нарушения прав представителей других рас или религий.

Гендерная революция подрывает старый принцип господства мужчины над женщиной, делая морально и юридически неприемлемыми любые формы насилия, как бы широко они ни были распространены и почитались «нормальными» в историческом прошлом.

Понимание единства мироздания не терпит жестокого обращения с животными. О них все чаще говорят не только как о пищевом ресурсе и рабочей силе, но и как о братьях наших меньших. В Красную книгу занесены даже заведомо опасные для человека виды животных. Как только люди научились относиться к животным по-человечески, оказалось, что с ними можно дружить, и даже дрессировать их эффективнее не битьем, а поощрением и лаской. Когда вы покупаете щенка, вам объяснят, что бить его, а до какого-то возраста даже кричать на него, не следует. Он грызет ваши тапки и гадит где попало не по злому умыслу, а потому что он еще не умеет контролировать свое поведение. Удары и раздражение только портят характер и нервную систему щенка. Человеческий детеныш, у которого детство продолжается значительно дольше, требует еще более сложной дисциплины.

Социализация детей, одним из аспектов которой является дисциплинарная система, не падает с неба в готовом

виде, а формируется и развивается вместе с обществом (см.: Мудрик, 2010). Более динамичное общество требует от человека большей степени самостоятельности в принятии решений, а так как соответствующие качества закладываются в детстве, жесткое силовое воспитание этому не способствует.

До тех пор, пока школьное обучение концентрировалось на механическом заучивании формальных правил и текстов, ребенка можно было удерживать в классе только силой. Как только зубрежка уступает место «учению с увлечением», телесные наказания становятся неэффективными и контрпродуктивными. Они больше не нужны ни ученику, ни учителю.

Образование и обучение лишь небольшая часть процессов социализации. Но в сфере нравственности автономия ребенка еще больше, чем в обучении. Современная философия создала гораздо более многогранный образ ребенка, чем когда бы то ни было в прошлом.

Прежде всего, детей стали больше ценить. Их воспитание сегодня обходится родителям и обществу значительно дороже, чем раньше. Это обусловлено удлинением сроков социализации, объективным усложнением содержания и методов образования, и т. д.

К экономическим соображениям присоединяются демографические: с уменьшением рождаемости в развитых странах детей становится меньше, отсюда — повышение ценности каждого отдельного ребенка, требование индивидуального подхода к нему и т. п. Дорогую хрупкую вазу вы не станете швырять так же небрежно, как жестяную кружку.

Изменился и характер внутрисемейных отношений. Жалобы на слабость «современной семьи» подчеркивают прежде всего ее неустойчивость. Но это — прямое следствие ускорения ритма жизни и роста индивидуальной избирательности и вариативности. Самое благополучное общество по этому критерию — то, где господствует крепостное право: ни тебе легкомысленных переездов с места на место, ни

текучности рабочей силы, ни разводов, ни завышенных притязаний.

Современные семейные ценности, как и сами семьи, весьма дифференцированы. По мере того как некоторые старые экономические и социальные функции семьи (семья как производственная единица, как ячейка потребления и как институт первичной социализации детей) отмирают или приобретают подчиненное значение, увеличивается ценность психологической близости между членами семьи, будь то супруги или родители и дети. Коль скоро внутрисемейные отношения стали более интимными, повышается автономия и значимость каждого отдельного члена семьи.

Глобальный сдвиг в брачно-семейных отношениях заключается в изменении критериев их оценки: формальные количественные (например, продолжительность брачного союза) показатели сменяются качественными. На первый план выходит понятие субъективного благополучия (subjective well-being). Счастливой считается лишь та семья, в которой хорошо всем ее членам.

Меняется и институт родительства. Сравнительные международные исследования показывают, что индивидуальные свойства каждого родителя психологически важнее, чем их соответствие традиционным гендерным ролям и стереотипам («строгий отец» и «любящая мать»). Вариации индивидуальных родительских практик, которые раньше оценивались по тому, насколько они соответствовали традиционному поляризованному канону отцовства и материнства, в современном обществе все чаще признают естественными. Появились понятия «новое родительство» и «новое отцовство» (см.: Кон, 2009; Майофис, Кукулин, 2010).

Особенно сильным коррективом подвергается институт отцовства, который издавна считался цитаделью телесных наказаний.

Когда-то в мире существовала вертикаль власти. На небе был всемогущий бог, на земле — всемогущий царь, а в семье — всемогущий отец. И всюду был порядок.

Но это было давно и неправда. Именем бога спекулировали жуликоватые жрецы, именем царя правили вороватые чиновники, а отец, хотя и порол своих детей, от повседневного их воспитания уклонялся.

Потом все изменилось. Богов стало много, царя сменила республика, а отцовскую власть подорвали коварные женщины, наемные учителя и непослушные дети.

И теперь мы имеем то, что имеем.

Многим людям кажется, что раньше было лучше, и они призывают нас вернуться в прошлое.

Какое именно?

Авторитетным родителям телесные наказания практически не нужны, а авторитарным родителям они не помогают, отчасти потому, что перегибают палку. Новое отцовство — ключевой фактор отказа от телесных наказаний. Отец не хочет превращаться в наказательную машину.

Повышение социальной и психологической ценности ребенка означает усиление интереса к его внутреннему миру. Мировые историко-социологические данные свидетельствуют, что за последние полвека родительские ценности существенно изменились: личную автономию и самостоятельность ребенка в развитых странах ценят выше, чем послушание и конформность. Ребенок — не просто объект социализации, а самосознательный, активный субъект жизнедеятельности. И это не просто философско-нравственный постулат, типа «относись к другому человеку так, как ты хотел бы, чтобы он относился к тебе», а важнейший теоретико-методологический принцип.

Ременная педагогика в эту систему взглядов не вписывается.

Не случайно самые горячие ее защитники — религиозные фундаменталисты, которые отвергают современный мир и хотели бы вернуть человечество в (воображаемое) прошлое.

Американские критики телесных наказаний подметили, что аргументы сегодняшних апологетов порки слово в слово повторяют аргументы, которые в XIX в. приводили противники отмены рабства.

Те и другие утверждают, что Бог на их стороне и что Библия говорит то же, что они. Только защитники порки цитируют Соломоновы притчи («Кто жалеет розги своей» и т. д.), а защитники рабства — книгу Левита (Левит 25: 44—46).

Те и другие ссылаются на право собственности: «Это мои рабы/дети, я их купил/породил, и никто другой не может ими распоряжаться!»

Те и другие уверены, что африканцы/дети радикально отличаются от других людей, поэтому с ними нужно обращаться иначе.

Те и другие ссылаются на пример великих людей, которых порол или которые владели рабами, и это им не повредило.

Те и другие уверяют, что рабство/порка полезны для своих жертв. Рабов порка облагораживает, а детей очеловечивает.

Те и другие уверяют, что все, что они делают со своими детьми/рабами, направлено исключительно к пользе последних.

Чтобы понять, откуда ноги растут и откуда, точнее, куда дует ветер, это очень полезное наблюдение.

Тем не менее вопросы остаются. Если телесное наказание — часть нашего исторического педагогического арсенала, можно ли отказаться от части, не меняя целого? Из того, что нечто привилось и оказалось успешным в Швеции, никоим образом не вытекает, что то же самое получится в Китае или в Тунисе. Национальная педагогика не существует вне национальной культуры.

Подведем итоги.

1. В архаических и патриархальных обществах телесное наказание было всеобщей и универсальной формой дисциплинирования детей, обеспечивавшей поддержание вертикали власти и межпоколенную трансмиссию культуры.

Философы спорили лишь о допустимой степени жестокости наказания и условиях его применения.

2. В связи с усложнением содержания и методов социализации и появлением философии гуманизма в начале Нового времени этот подход подвергается все более резкой критике, но эта критика касается больше школы, чем семьи, и скорее обучения, нежели воспитания.

3. Эволюция телесных наказаний в западноевропейской школе, отчетливее всего прослеживаемая в Великобритании, включала: а) смягчение жестокости, б) появление формальной регламентации, ослабление учительского произвола и в) попытки координации вертикальной учительской власти и горизонтальной власти соучеников, которые зачастую конфликтовали друг с другом и действовали разнотелено.

4. К концу XIX — началу XX в. под влиянием ряда макросоциальных факторов и развития самой системы образования, включая появление женского образования и совместных (смешанных) школ, в государственных школах большинства европейских стран телесное наказание маргинализируется или запрещается (в церковных школах оно сохраняется). Семейные отношения оставались вне сферы государственного контроля, за исключением случаев явного физического насилия над ребенком.

5. После Второй мировой войны, на волне общей демократизации мира и с появлением понятия «права ребенка», начинается мощное международное движение за полный запрет телесных наказаний, достигшее кульминации в начале нового столетия, когда Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) провозгласила Общеввропейский запрет на телесные наказания детей, который законодательно поддерживали 27 государств.

6. Опыт Швеции и нескольких других стран, последовавших ее примеру, показывает, что новое законодательство, в сочетании с активной разъяснительной работой, находит сочувственный отклик у населения, а изменение дисциплинарных практик положительно сказывается на условиях

жизни детей. Однако эта инициатива не может быть осуществлена только политическими и административными мерами.

7. Хотя телесные наказания детей в современном мире стали проблематичными, далеко не все люди и страны поддерживают их законодательный запрет. По этим вопросам идет острая полемика. Нормативные установки и реальные родительские дисциплинарные практики сплошь и рядом не совпадают. Кроме того, они различаются не только у населения разных стран, но и в разных социально-экономических и культурных слоях одного и того же общества.

8. Темп соответствующих изменений зависит не только от степени модернизации каждого конкретного общества, но и от исторических особенностей его традиционной, прежде всего религиозной, культуры. Механическое копирование чужого опыта может вызвать отторжение и эффект бумеранга.

9. «Запрет телесного наказания» выглядит простым и понятным политическим лозунгом. Но любая дисциплинарная форма функционирует и имеет смысл лишь в рамках целостной системы социализации детей, стилей родительства и т. д., которые не могут быть изменены по щучьему велению.

10. Смягчение или полный отказ от привычной для общества практики телесных наказаний ставит перед ним многочисленные новые социально-педагогические и психологические проблемы.

Глава 3 КОГО И КАК ПОРОЛИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ?

Розги — ветви с древа знания!
Наказанья идеал!
В силу предков завещания
Родовой наш капитал!

Василий Курочкин

СЕЧЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ

Если верить модным псевдоисторическим сочинениям, наши предки были самым чадолюбивым и добрым народом в мире. Его единственная беда — злые и завистливые соседи. Действительность, подробно описанная в дореволюционной правовой, исторической и этнографической литературе (Сергеевский, 1887; Таганцев, 1874—1880; Тимофеев, 1897; Жбанков, Яковенко, 1899; Евреинов 1917) и некоторых недавних публикациях (Рогов, 1995; Анисимов, 1999; Покровская, 2004)^{*}, выглядит совсем не так благостно.

Выдающийся режиссер и театральный деятель Николай Николаевич Евреинов (1879—1953) темпераментно писал в 1901 г. в своем выпускном сочинении в Императорском училище правоведения (в 1913 и 1917 гг. этот пронизанный духом предреволюционных 1900-х реферат был опубликован отдельной книгой, в 1994 г. вышло ее факсимильное издание): «Наши предки воспитывались около плах и эшафотов, никогда они не собирались в большем многолюдстве, чем в дни торговых казней или военных экзекуций, их песни, их игры и забавы проникнуты потехой битья, “не бить” значило долгое время “не властвовать”, “не учить”, то есть быть не тем, чем похвально быть, “Домострой», основанный на плетях

^{*} Не будучи специалистом по истории русского права, я излагаю соответствующие факты, не претендуя ни на научную новизну, ни на всесторонность анализа. Они нужны мне только для того, чтобы вписать телесные наказания детей в более широкий социальный контекст.

и сокрушении ребер, вошел в их плоть и кровь...» (Евреинов, 1994).

Главное различие между Россией и Европой обнаруживается не столько в положении детей, которых в Средние века и в начале Нового времени одинаково жестоко наказывали практически везде, сколько в положении взрослых. Затянувшееся до 1861 г. крепостное право, в сочетании с деспотической государственной властью, отрицало человеческое достоинство как таковое, позволяя пороть, пытать и забивать насмерть взрослых мужчин и женщин, причем ни каратели, ни жертвы ничего противоестественного и унижительного в этом не видели. Дискутировались лишь вопрос о *допустимой мере жестокости* и *сословные привилегии*: кого можно, а кого нельзя пороть. Да и эти споры возникли только в XVIII в.

Американский историк Эбби Шрадер, автор монографии «Языки порки. Телесное наказание и идентичность в имперской России» (Schrader, 2002), прослеживающей историю телесных наказаний в России с 1785 по 1863 г., показывает, что эволюция русского уголовного права была не просто одним из аспектов модернизации и «вестернизации» страны, но и продуктом развития ее собственной политической культуры. Телесное наказание и освобождение от него были теми средствами, с помощью которых государство формировало и маркировало социальный порядок, в котором привилегированные и угнетенные различались по тому, что можно и чего нельзя было делать с их телами.

Древнерусское право практически не знало сословных различий. Все люди были одинаково государевыми рабами. Телесным наказаниям подвергались и высшие духовные особы, и занимавшие высшие государственные должности светские чины. В русских летописях имеется немало рассказов про то, как князья секли на площади провинившихся горожан. Широко практиковалось отрезание (отрубание) рук, ног и т. п. Как и в любом древнем праве, господствовал принцип «око за око, зуб за зуб».

К моменту составления в 1649 г. Соборного уложения телесные увечья были уже распространенным видом наказания в уголовном праве. Они имели двоякий символический смысл (Коллманн, 2006). С одной стороны, наказание предполагало увечье именно той части тела, которая непосредственно «принимала участие» в преступлении: всякий, кто нанес другому увечье, должен сам в качестве наказания пострадать от такого же увечья. Зачастую это вело к значительному ограничению физических возможностей преступника. Уложение, например, приговаривало к отсечению руки всякого, кто в присутствии царя ранит кого-то или «вымет на кого оружие», или совершит кражу из дворца. Наказание было публичным и преследовало цель устрашения зрителей. Подписанный Алексеем Михайловичем указ требовал «отсеченные руки и ноги у больших дорог прибавить к деревьям и у тех же рук и ног написать вины и приклеить, что те ноги и руки воров и разбойников и отсечены у них за воровство, за разбой и за убийство, <...> чтобы всяких чинов люди знали про их преступления».

С другой стороны, Уложение 1649 г. предусматривало менее суровые увечья, целью которых было «маркировать» преступника, оставив на его теле некий знак. Так, предусматривалось отсечение левого уха для тех, кто впервые был осужден за татьбу или разбой и приговорен к ссылке, и отсечение правого уха — для уличенных в этом преступлении повторно. Иногда физическое увечье заменялось клеймом. Например, по указу 1637 г. татям и разбойникам, уличенным в преступлениях мелкой и средней тяжести, на щеках следовало выжигать буквы. Разбойникам — «Р» на правой щеке, «З» — на лбу и «Б» — на левой щеке, а татям — на правой щеке «Т», на лбу — «А» и на левой щеке — «Ж». Таким образом, всякий, посмотрев на преступника, мог узнать о его преступлении. Особенно часто эта мера наказания стала применяться при Петре I, который заменил смертную казнь за простые преступления ссылкой на принудительные работы.

Главным средством наказания был *кну́т*, состоявший из деревянного кнутовища и прикрепленного к нему упру-

гого плетеного кожаного стержня с кольцом или кожаной петлей, к которому был прикреплен хвост — засушенный в виде желобка и твердый, как кость, сыромятный ремень; этим хвостом и наносились удары. О наказании кнутом упоминает уже Судебник 1497 г., особого распространения оно достигло в XVII в., причем именовалось «жестоким наказанием». Для усиления устрашающего эффекта приговора, как правило, приводились в исполнение публично — на рыночной, «торговой» площади. Это называлось «торговой казнью».

Вот как описывал такое зрелище наблюдавший его в 1634 г. голштинский путешественник Адам Олеарий (1600—1671):

«Батогами каждый господин может наказать своего слугу или всякого, над кем он хоть сколько-нибудь властен. Преступника раздевают, снимая с него кафтан и одежду, вплоть до сорочки; потом он должен брюхом лечь на землю. Затем два человека садятся на него: один на голову, другой на ноги — и гибкими лозами бьют его по спине; получается такое же зрелище, как при выколачивании скорняками мехов [...]. Подобного рода наказание не раз применялось среди русских, сопровождавших нас во время нашего путешествия.

Битье кнутом в наших глазах было варварским наказанием [...]. Подобное наказание 24 сентября 1634 года я видел примененным к восьми мужчинам и одной женщине, нарушившим великокняжеский указ и продававшим табак и водку. Они должны были перед канцеляриею, именуемую Новою четвертью, обнажить свое тело вплоть до бедер; затем один за другим они должны были ложиться на спину слуги палача и схватывать его шею руками. Ноги у наказуемого связывались, и их особый человек придерживал веревкою, чтобы наказуемый не мог двигаться ни вверх, ни вниз. Палач отступал позади грешника на добрых три шага назад и стегал изо всей своей силы длинным толстым кнутом так, что после каждого удара кровь обильно лилась. В конце кнута привязаны три ремешка длиною с палец, из твердой недубленой лосиной кожи; они режут, как ножи. Несколько

человек таким образом (ввиду того, что преступление их велико) были забиты кнутом до смерти. Служитель судьи стоял тут же, читая по ярлыку, сколько ударов должен был каждый получить; когда означенное число ударов оказывалось исполненным, он кричал: “Полно!”, т. е. достаточно. Каждому дано было от 20 до 26, а женщине 16 ударов, после чего она упала в обморок. Спины их не сохранили целой кожи даже с палец шириною; они были похожи на животных, с которых содрали кожу. После этого каждому из продавцов табаку была повешена на шею бумажка с табаком, а торговцам водкою — бутылки; их по двое связали руками, отвели в сторону, а затем под ударами выгнали из города вон и потом опять пригнали к Кремлю.

Говорят, что друзья некоторых из высеченных кнутом натягивают на израненную спину теплую шкуру с овцы, только что зарезанной, и таким образом исцеляют их. В прежние времена, после вынесенного преступниками наказания, все опять смотрели на них как на людей столь же честных, как и все остальные; с ними имели сношения и общение, гуляли, ели и пили с ними, как хотели. Теперь, однако, как будто считают этих людей несколько опозоренными» (Олеарий, 2003).

Очень похоже описывает это наказание и беглый русский подьячий Григорий Котошихин (умер в 1667 г.) в своей книге «О России в царствование Алексея Михайловича»:

«А устроены для всяких воров, пытки: сымут с вора рубашку и руки его назади завяжут, подле кисти, веревкою, обшита та веревка войлоком, и подымут его кверху, учинено место что и виселица, а ноги его свяжут ремнем; и один человек палач вступит ему в ноги на ремень своею ногою, и тем его отягивает, и у того вора руки станут прямо против головы его, а из суставов выдут вон; и потом ззади палачь начнет бити по спине кнутом изредка, в час боевой ударов бывает тритцать или сорок; и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножом мало не до костей. А учинен тот кнут

ременной, плетеной, толстой, на конце ввязан ремень толстой шириною на палец, а длиною будет с 5 локтей. И пытав его начнут пытать иных потомуж. И будет с первых пыток не вина, и их спустя неделю времени пытаются вдругорядь и в-третье, и жгут огнем, свяжут руки и ноги, и вложат меж рук и меж ног бревно, и подымут на огонь, а иным розжегши железные клещи нарасно ломают ребра. <...>.

А бывают мужскому полу смертные и всякие казни: головы отсекают топором за убийства смертные и за иные злые дела, вешают за убийства ж и за иные злые дела; живого четвертают, а потом голову отсекают за измену, кто город здаст неприятелю, или с неприятелем держит дружбу листами, или и иные злые изменные и противные статьи объявятся; жгут живого за богохульство, за церковную татьбу, за содомское дело, за волховство, за чернокнижство, за книжное преложение, кто учнет вновь толковать воровски против Апостолов и Пророков и Святых Отцов с похулением; оловом и свинцом заливают горло за денежное дело, кто воровски делает, серебряником и золотарем, которые воровски прибавливают в золото и в серебро медь и олово и свинец; а иным за малые такие вины отсекают руки и ноги, или у рук и у ног пальцы, ноги ж и руки и пальцы отсекают за конфедерацтво, или и за смуту, которые в том деле бывают маловинни, а иных казнят смертию; также кто на царском дворе, или где нибудь, вымет на кого саблю, или нож, и ранит или и не ранит, также и за церковную за малую вину, и кто чем замахиваетца бить на отца и мать, а не бил, таковы ж казни; за царское бесчестье, кто говорит про него за очи бесчестные, или иные какие поносные слова, бив кнутом вырезают язык. Женскому полу бывают пытки против того же, что и мужскому полу, окроме того что на огне жгут и ребра ломают. А смертные казни женскому полу бывают: за богохульство ж и за церковную татьбу, за содомское дело жгут живых, за чаровство и за убойство отсекают головы, за погубление детей и за иные такие ж злые дела живых закопывают в землю, по титки, с руками вместе и отоптывают ногами, и от того умирают того ж дни или на другой и на третей день, а за царское бес-

честве указ бывает таков же что мужскому полу» (Котошин, 1884. Гл. 7, статья 34).

Уложение 1649 г. различало четыре вида кнутования: 1) простое; 2) нещадное и жестокое; 3) публичное на торгу, при многих людях, в проводку или на козле (кобыла, столб с перекладиной); 4) завершавшееся ссылкой.

В XVII в. число ударов не определялось даже в судейском приговоре, а предоставлялось на рассмотрение исполнителей. Позже Свод законов предписывал, чтобы в судебном приговоре точно означалось число ударов кнутом, сообразно вине, но судейскому произволу никаких пределов положено не было.

Наказание совершалось медленно и требовало от палача высокой квалификации и большого напряжения сил. По мнению графа Н. С. Мордвинова (1754—1845), для 20 ударов потребен целый час. Число ударов было значительно. По свидетельству князя М. М. Щербатова (1733—1790), даже в XVIII в. кнут назначался без счета, иногда до 300 ударов и более. Одному из убийц любовницы Аракчеева Настасьи Минкиной было назначено 175, а женщине, не достигшей 21 года, — 125 ударов. Кнутование часто заканчивалось смертью осужденного. Это зависело не столько от числа ударов, сколько от их силы и способа нанесения. Иногда палач с первых трех ударов перебивал позвоночник, так что преступник умирал на месте; в других случаях он мог пережить 100 и даже 300 ударов.

Более легким считалось битье *батогами*, то есть палками или прутьями в мизинец толщиной, с обрезанными концами. Батогами секли за самые различные преступления — воровство, ложный донос властям и т. п. Наказываемого клали лицом на землю, один палач садился ему на шею, другой на ноги, били по спине и нижней части тела, бить по животу запрещалось. Наказываемый должен был кричать «виноват», а по окончании порки — кланяться в ноги палачам. Зрелище была рассчитано на толпу, и старались не допустить идентификации зрителя с наказуемым преступником.

Плети в XVII в. употреблялись лишь в семейном быту и среди духовенства. В следующем столетии их стали применять публично, понемногу заменив ими батоги и отчасти кнут. Удары плетью были очень болезненными, но в отличие от кнута они не прорезали кожу. Опытный палач с двух-трех ударов мог вызвать потерю сознания.

В послепетровскую эпоху, по мере европеизации России, характер телесного наказания постепенно меняется.

Прежде всего, оно становится сословным. В отличие от петровского «подбатожного» равенства, в конце XVIII в. появляются привилегированные социальные группы, представителей которых нельзя было высечь, потому что они обладали сословным достоинством и самоценностью. Жалованная грамота дворянству от 21 апреля 1785 г. постановляла, что «телесное наказание да не коснется благородного». В том же году это изъятие было распространено на купцов первых двух гильдий и именитых граждан, а в 1796 г. — на священнослужителей. С остальным населением власть не церемонилась.

Появление сословных привилегий усугубляло социальное неравенство, делая телесные наказания не только болезненными, но и, по европейским стандартам, унижительными. После Французской революции и наполеоновских войн это стало особенно очевидным.

Подражая просвещенной Европе, Александр I начинает смягчать телесные наказания для преступников. Указом от 18 января 1802 г. судам было запрещено употреблять в приговоре слова «нещадно» и «жестоко», а в 1812-м было предписано точно указывать назначенное число ударов. В 1817 г. император учредил в Москве Особый комитет об отмене торговой казни, которая была названа в указе «бесчеловечною жестокостью». Это породило в обществе определенные иллюзии.

Будущий декабрист барон Владимир Иванович Штейнгейль (1783—1862), в то время адъютант Московского генерал-губернатора графа А. П. Тормасова (1752—1819), написал в 1817 г. записку «Нечто о наказаниях», доказывавшую крайнюю жестокость и практическую нецелесообраз-

ность наказания кнутом, где все зависит от усмотрения палача. Ненужным считал Штейнгейль и наказание плетью, предлагая заменить кнут и плети вечным заточением или вечной ссылкой в каторжную работу или на поселение и сечением розгами у позорного столба. Либеральные по духу записки Штейнгейля возвращались автору без последствий, по «ненадобию» (именно такую резолюцию наложил на одной из них всеильный Аракчеев).

Открывая работу Особого комитета, Тормасов сказал:

«Государь Император, обращая внимание на употребляемые донныне телесные наказания кнутом и рвание ноздрей с постановлением знаков и находя, что сие наказание сопряжено с бесчеловечною жестокостью, каковой нет примеров ни в одном европейском государстве, что жестокость сия, будучи отдана, так сказать, на произвол палача, не токмо не удовлетворяет цели правосудия, которая при определении наказания требует, чтобы оно было в точной соразмерности с преступлением, но большею частью находится с оною в противоположности, и наконец, что такое ужасное наказание, от которого преступник нередко в мучительнейших страданиях оканчивает жизнь, явно противоречит уничтожению смертной казни, повелел войти в рассмотрение, каким образом эти наказания можно было бы заменить другими, которые, не имея в себе ничего бесчеловечного, не менее того удерживали бы преступление и служили бы для других предохранительным примером» (цит. по: Евреинов, 1994).

Однако председателем Особого комитета был не Тормасов, а Аракчеев. По зрелом размышлении комитет решил, что, «хотя по изменению состояния нравов и можно бы было заменить кнут плетью», в случае отмены торговой казни народ может по недоразумению вообразить, что всякое уголовное наказание отменяется. Поэтому отмену торговой казни отложили до издания нового Уложения.

В 1824 г. вопрос об отмене кнута возник снова. Адмирал Николай Семенович Мордвинов подал в Государственный Совет записку, в которой писал:

«С того знаменитого для правосудия и человечества времени, когда европейские народы отменили пытки и истребили орудия ее, — одна Россия сохранила у себя кнут, коего одно наименование поражает ужасом народ российский и дает повод иностранцам заключать, что Россия находится еще в диком состоянии. Кнут есть мучительное орудие, которое раздирает человеческое тело, отрывает мясо от костей, режет по воздуху кровавые брызги и потоками крови обливает тело человеческое; мучение лютейшее всех других, ибо все другие, сколь бы болезненны они ни были, всегда менее продолжительны, когда для 20-ти ударов кнутом потребен целый час, а иногда мучение продолжается от восходящего до заходящего солнца... Пока сохраняется кнут, бесполезно реформировать наши законы: правосудие будет всегда оставаться в руках палача. Необходимо как можно скорее отменить это кровавое зрелище, карая преступников выставлением у позорного столба в цепях и особых одеждах» (Там же).

Обсуждая проект нового уголовного законодательства, Государственный Совет учел и предложения Особого комитета 1817 г. Но, хотя за отмену кнута проголосовали тринадцать членов, а за его сохранение — лишь четверо и один воздержался, никаких практических последствий обсуждение не имело.

После 1825 г. эта задача стала и вовсе неактуальной. В отличие от своего старшего брата Николай I считал либеральные реформы ненужными и опасными. Новый Свод Законов (1832) сохранил торговую казнь, хотя ограничил сферу ее применения пятьюдесятью самыми опасными преступлениями. По двадцати девяти статьям преступления, ранее каравшиеся торговой казнью (оскорбление должностного лица, сопротивление властям, тяжкие раны и увечья, скотоложство, лживая присяга, злостное банкротство и т. п.), теперь стали наказываться плетью, причем публичное наказание плетью обычно сопровождалось ссылкой, отправкой в арестантские роты и смирительные дома.

Кроме того, появилось такое исправительное наказание, как сечение *розгами*. Розгу делали из десяти-пятнадцати тонких прутьев около метра длиной, связывая их в пучок веревкой. Для наибольшей болезненности прутья использовали не слишком свежие, но и не слишком сухие. Одной розги хватало на десять ударов, после чего ее заменяли. Применялись розги практически везде.

Свод Законов 1832 г. освободил от телесных наказаний дополнительные категории населения: жен и детей купцов 1-й и 2-й гильдии и представителей еврейского и магометанского духовенства. Мещане и купцы 3-й гильдии теперь могли быть телесно наказаны лишь по приговору уголовного суда. Некоторые льготы получили и дети: до 17-летнего возраста их стало нельзя публично наказывать кнутом или плетью, детей от 10 до 15 лет могли наказывать только розгами, а от 15 до 17 лет — также и плетью. Остальное население осталось во власти кнута. Александр Полежаев писал в стихотворении «Четыре нации» (1827):

В России чтут
Царя и кнут,
В ней царь с кнутом,
Как поп с крестом:
Он им живет,
И ест и пьет.
А русаки,
Как дураки,
Разиня рот,
Во весь народ
Кричат: «Ура!
Нас бить пора!
Мы любим кнут!»

Зато и бьют
Их как ослов,
Без дальних слов
И ночь и день,
Да и не лень:

Чем больше бьют,
Тем больше жнут,
Что вилы в бок,
То сена клок!
А без побой
Вся Русь хоть вой —
И упадет,
И пропадет!

Как ни жесток был закон, правоприменительная практика оказывалась еще страшнее. Людей нередко наказывали по ошибке. В «Былом и думах» Герцен рассказывает, что в 1843 г. в Москве происходили странные пожары, а поджигателей найти не могли:

«Комиссия, назначенная для розыска зажигательств, судила, то есть секла — месяцев шесть кряду — и ничего не высекла. Государь рассердился и велел дело окончить в три дня. Дело и кончилось в три дня; виновные были найдены и приговорены к наказанию кнутом, клеймению и ссылке в каторжную работу. Из всех домов собрали дворников смотреть страшное наказание “зажигателей”. Это было уже зимой, и я содержался тогда в Крутицких казармах. Жандармский ротмистр, бывший при наказании, добрый старик, сообщил мне подробности, которые я передаю. Первый осужденный на кнут громким голосом сказал народу, что он клянется в своей невинности, что он сам не знает, что отвечал под влиянием боли, при этом он снял с себя рубашку и, повернувшись спиной к народу, прибавил: “Посмотрите, православные!”

Стон ужаса пробежал по толпе: его спина была синяя полосатая рана, и по этой-то ране его следовало бить кнутом. Ропот и мрачный вид собранного народа заставили полицию торопиться, палачи отпустили законное число ударов, другие заклеямили, третьи сковали ноги, и дело казалось оконченным. Однако сцена эта поразила жителей; во всех кругах Москвы говорили об ней. Генерал-губернатор донес об этом государю. Государь велел назначить новый суд и особенно

разобрать дело зажигателя, протестовавшего перед наказанием.

Спустя несколько месяцев прочел я в газетах, что государь, желая вознаградить двух невинно наказанных кнутом, приказал им выдать по двести рублей за удар и снабдить особым паспортом, свидетельствующим их невинность, несмотря на клеймо. Это был зажигатель, говоривший к народу, и один из его товарищей».

Лишь на следующем витке развития русского уголовного права, тринадцать лет спустя, в Уложении 1845 г., кнут был наконец отменен, палачам было приказано зарыть свои орудия производства в землю или уничтожить. Отныне самым тяжким наказанием стала публичная экзекуция плетью, сопровождаемая клеймением и ссылкой на каторгу, причем были точно определены порядок и тяжесть наложения наказания. Было выделено семь степеней наказания: самые опасные преступления карались 100 ударами плетью и бессрочной каторгой, далее, по степеням, количество ударов уменьшалось до 30—40 в соединении с работами на заводах от 4 до 6 лет. Изменился и порядок применения розог, которыми стали сечь за то, за что раньше полагалась плеть: вместо каждых 10 ударов плетью стали давать по 20 ударов розгами, максимум был установлен в 100 ударов.

Уложение 1854 г. (вслед за Уложением 1845 г.) окончательно сделало основными телесными наказаниями битье плетью и розгами. Шпицрутены все еще применялись, но определенно обозначилась тенденция к сокращению и отмене таких экзекуций. За этим стояла новая европейская философия наказаний, ориентированная на то, чтобы вместо причинения физической боли клеймить преступника позором.

Тем не менее телесные наказания оставались массовыми и жестокими. Перед ссылкой на каторжные работы или на поселение в Сибирь преступника публично наказывали плетью (до 100 ударов), а перед отправкой в арестантские роты — розгами. «Нормальное», по закону, число ударов в начале николаевской эпохи определялось в 6 000, позже

негласно предписано было давать не более 3 000, а при воцарении Александра II — не более 1 000 ударов. Однако сам закон оставался неизменным. Избиение плетью или шпицрутенами, когда наказуемого прогоняли сквозь строй, нередко заканчивалось для него смертью.

Зверские наказания вытекали как из общей жестокости нравов и отсутствия уважения к человеческой личности, так и из понимания наказания как средства устрашения и возмездия. Усомниться в продуктивности такой установки могли только люди, сами прошедшие через этот ад или по свойствам своего характера способные сопереживать чужой боли.

В «Записках из Мертвого дома» (1861—1862) Достоевский рассказывает:

«Я заговорил теперь о наказаниях, равно как и об разных исполнителях этих интересных обязанностей, собственно потому, что, переселясь в госпиталь, получил только тогда и первое наглядное понятие обо всех этих делах. До тех пор я знал об этом только понаслышке. В наши две палаты сводились все наказанные шпицрутенами подсудимые из всех батальонов, арестантских отделений и прочих военных команд, расположенных в нашем городе и во всем его округе. В это первое время, когда я ко всему, что совершалось кругом меня, еще так жадно приглядывался, все эти странные для меня порядки, все эти наказанные и готовившиеся к наказанию естественно производили на меня сильнейшее впечатление. Я был взволнован, смущен и испуган. Помню, что тогда же я вдруг и нетерпеливо стал вникать во все подробности этих новых явлений, слушать разговоры и рассказы на эту тему других арестантов, сам задавал им вопросы, добивался решений. Мне желалось, между прочим, знать непременно все степени приговоров и исполнений, все оттенки этих исполнений, взгляд на все это самих арестантов; я старался вообразить себе психологическое состояние идущих на казнь. Я сказал уже, что перед наказанием редко кто бывает хладнокровен, не исключая даже и тех, которые уже предварительно были много и неоднократно биты. Тут вообще находит

на осужденного какой-то острый, но чисто физический страх, невольный и неотразимый, подавляющий все нравственное существо человека. Я и потом, во все эти несколько лет осторожной жизни, невольно приглядывался к тем из подсудимых, которые, пролежав в госпитале после первой половины наказания и залечив свои спины, выписывались из госпиталя, чтобы на завтра же выходить остальную половину назначенных по конфирмации палок. Это разделение наказания на две половины случается всегда по приговору лекаря, присутствующего при наказании. Если назначенное по преступлению число ударов большое, так что арестанту всего разом не вынести, то делят ему это число на две, даже на три части, судя по тому, что скажет доктор во время уже самого наказания, то есть может ли наказуемый продолжать идти сквозь строй дальше, или это будет сопряжено с опасностью для его жизни. Обыкновенно пятьсот, тысяча и даже полторы тысячи выходят разом; но если приговор в две, в три тысячи, то исполнение делится на две половины и даже на три. Те, которые, залечив после первой половины свою спину, выходили из госпиталя, чтоб идти под вторую половину, в день выписки и накануне бывали обыкновенно мрачны, угрюмы, неразговорчивы. Замечалась в них некоторая отупелость ума, какая-то неестественная рассеянность. В разговоры такой человек не пускается и больше молчит; любопытнее всего, что с таким и сами арестанты никогда не говорят и не стараются заговаривать о том, что его ожидает. Ни лишнего слова, ни утешения; даже стараются и вообще-то мало внимания обращать на такого. <...>

И, однако, те же арестанты, которые проводили такие тяжелые дни и ночи перед самым наказанием, переносили самую казнь мужественно, не исключая и самых малодушных. Я редко слышал стоны даже в продолжение первой ночи по их прибытии, нередко даже от чрезвычайно тяжело избитых; вообще народ умеет переносить боль. Насчет боли я много расспрашивал. Мне иногда хотелось определительно узнать, как велика эта боль, с чем ее, наконец, можно сравнить? Право, не знаю, для чего я добивался этого. Одно только помню, что не из праздного любопытства. Повторяю, я был взволнован и потрясен. Но у кого я ни спрашивал,

я никак не мог добиться удовлетворительного для меня ответа. Жжет, как огнем палит, — вот все, что я мог узнать, и это был единственный у всех ответ».

Болью испытывались не только ссыльнокаторжные, но и «защитники отечества» — солдаты и матросы, которых за малейшую провинность или дерзость били шпицрутенами. *Шпицрутены*, гибкие прутья длиной метр и толщиной около двух сантиметров, были заимствованы Петром I из Германии. Расставляли два длинных ряда солдат и каждому давали шпицрутен. Осужденному обнажали спину, привязывали его руки к ружью, повернутому к нему штыком, и за это ружье проводили его по рядам, «сквозь строй», а солдаты, стоя живым коридором, били его по спине. Иногда забивали до смерти.

Хрестоматийное (не знаю, как сейчас, раньше оно входило в школьную программу) художественное описание экзекуции дал Лев Толстой в рассказе «После бала» (1903):

«— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, глядя в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидал посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, подсыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведущие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад...

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я слышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосер-

дуйте. Братцы, помилосердуйте". Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидал между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец».

На флоте шпицрутены заменяли куски каната с узлами — линьки. По свидетельствам очевидцев, это наказание, которое применялось почти ко всем матросам за дисциплинарные провинности, было легче кнута и батога, но тяжелее «кошек».

Понимая варварский характер подобных наказаний солдат, Александр I старался их смягчить или хотя бы ограничить. В 1806 г. право высших военных начальников — начальников инспекций и командиров корпусов (а с 1816 г. и командиров отдельных корпусов) — утверждать приговоры и принимать по ним окончательные решения было ограничено преступлениями, за которые присуждалось 5 000 шпицрутен. Ограничены были и права начальников дивизий («не более 6 раз.сквозь комплектный батальон», то есть 3 000 шпицрутен) и начальников бригад (не более 1 500 шпицрутен). Командиры полков и батальонов права утверждать приговоры комиссий военных судов вообще не имели. Однако при Николае I реформы остановились.

Лишь много лет спустя, в ходе военной реформы Александра II, шпицрутены были полностью отменены, а дисциплинарное наказание розгами оставлено только для так называемых «штрафованных» по решению полкового суда

солдат, причем число ударов не могло быть более пятидесяти. По указу от 17 апреля 1863 г. телесные наказания на военных судах стали применяться как дисциплинарное взыскание только по суду.

Впрочем, нижние чины не очень-то верили в возможность отмены порки. В написанном по свежим следам рассказа «Отмена телесных наказаний» (1867) Константин Михайлович Станюкович (1843—1903) так описывает реакцию матросов на зачитанный им указ:

«— Не верь ты эфтому ничему, Гришка... Право, не верь...

— Тебе, что ли, дураку, верить? — осердился Шип.

— Дурак-то выходишь ты, а не я...

— Это как же?

— А так же! Пуцай бумага вышла, а будет нужно выдрать, выдерут! — тоном глубокого убеждения говорил Архипов. — Те перче ты марсафала вовремя не отдал или, примерно, сгрубил... Ну как тебя не выдрать как Сидорову козу? Или опять же, рассуди сам, умная голова, что с тобой делать, ежели ты пьян напился и пропил казенную вещь? Ведь не в Сибирь же... Разденут, да и всыплют...

— Врешь... В “темную” посадят.

— Какие еще выдумал “темные”? — насмешливо кинул Архипов.

— Карцырь, значит, такой будет...

— Карцырь?! — переспросил Архипов.

— Да, брат... Вчерась старший офицер наказывал его ладить. И сказывал Плентий плотник: “Будет этто каморка в трюме темная и узенькая; не повернуться, говорит, в ей”. Ты пьян напился или в другом проштрафился — и сиди там один на хлебе и воде... Это заместо порки...

— Заместо порки?

— Да.

С усмешкой поглядел Архипов на товарища и с победоносным видом сказал:

— А ежели двадцать матросов наказать надо? Тогда как с карцырем?

Шип задумался.

“В самом деле, как тогда?”

— Говорю тебе, Гришка, не верь... Бумага бумагой, а выпороть надо — выпорют... Переведут в штрафные и исполосуют спину... Тогда ведь можно?..

— Штрафных можно...

— То-то оно и есть. А то еще карцыри выдумал. Нешто ребенки мы, што ли?.. Без линька, братец, никак невозможно».

Недоверие было не беспочвенным. После введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности применение розог резко пошло на спад. В 1874 г. телесным наказаниям было подвергнуто 6 452 нижних чина, в 1878-м — 1 233, в 1882-м — 475, в 1899-м — 256. Тем не менее розги оставались «в законе» вплоть до 1904 г. (см.: Романов, 2003).

Наличие в армии телесных наказаний, независимо от частоты их применения, возмущало все более широкие слои русского общества, давая лишний повод говорить о палочной дисциплине. Однако многие влиятельные генералы даже в начале XX в. считали отмену телесных наказаний ошибочной. Хотя в то время уже далеко не все рисковали высказываться в защиту палочной традиции публично, при опросе, проведенном на рубеже 1907—1908 гг. одним из подразделений военного министерства, почти половина опрошенных генералов, в том числе знаменитый впоследствии А. А. Брусилов, выступили за введение телесных наказаний в военное время, «дабы избежать потом нужды в расстреливании» (Там же).

Иными словами, генералы не верили в возможность дисциплинировать своих подчиненных иначе, как с помощью физической силы. Спрашивается, могла ли подобная армия выиграть сколько-нибудь серьезную войну?

Хотя высшее военное начальство регулярно издавало благонамеренные приказы, направленные на устранение произвола, рукоприкладства и поборов, все эти меры разбивались о круговую поруку и саботаж офицерского корпуса. Феодалная армия не могла и не хотела модернизироваться. Одним из главных психологических препятствий на пути модерни-

зации русской армии были патриархально-крепостнические традиции. Российские воинские уставы предписывали офицерам «по-отечески» опекать своих подчиненных. Это звучало ласково и гуманно, но заведомо исключало правовое равенство, превращая побои и оскорбления в бытовые «внутрисемейные» происшествия.

Как ни печально было положение преступников и защитников родины, массовыми жертвами телесных наказаний были не они, а самый многочисленный класс населения — крестьяне. В отличие от каторги и солдатчины, где действовали хоть какие-то правила, для порки крепостных не требовались ни специальные законы, ни исполнители, ни контрольные инстанции. Все зависело от доброй воли и настроения барина.

Как вспоминал в «Пошехонской старине» (1888) Салтыков-Щедрин, «нормальные отношения помещиков того времени к окружающей крепостной среде определялись словом “гневаться”. Это было как бы естественное право, которое нынче совсем пришло в забвение. Нынче, всякий так называемый “господин” отлично понимает, что, гневается ли он или нет, результат все один и тот же: “наплевать!”; но при крепостном праве выражение это было обильно и содержанием и практическими последствиями. Господа “гневались”, прислуга имела свойство “прогневлять”. Это был, так сказать, волшебный круг, в котором обязательно вращались все тогдашние несложные отношения. По крайней мере, всякий раз, когда нам, детям, приходилось сталкиваться с прислугой, всякий раз мы видели испуганные лица и слышали одно и то же шушуканье: “барыня изволят гневаться”, «барин гnevаются”...».

Художник Николай Николаевич Ге (1831—1894) вспоминал: «Отец мой выносил наказание, которое называлось субботники, то есть сечение всех в субботу, виноватых за вину, а невинных, чтобы они не портились. Это было в начале столетия» (Ге, 1893).

Избиение крепостных, особенно дворни, было частью повседневной жизни. Иногда это был откровенный садизм.

Знаменитая Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха (<http://ru.wikipedia.org/wiki/1730—1801>), до смерти замучившая несколько десятков своих крепостных, была далеко не единственной.

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859) в своей «Семейной хронике» (1856) под именем Михайла Максимовича Куролесова красочно описывает одного из своих предков:

«Избалованный страхом и покорностью всех его окружающих людей, он скоро забылся и перестал знать меру своему бешеному своеволию. Он выбрал себе из дворовых и даже из крестьян десятка полтора головорезов, достойных исполнителей его воли, и образовал из них шайку разбойников. Видя, что барину все сходило с рук, они поверили его всемогуществу, и сами, пьяные и развратные, охотно и смело исполняли все его безумные приказания. Досаждал ли кто Михайлу Максимовичу непокорным словом или поступком, например, даже хотя тем, что не приехал в назначенное время на его пьяные пиры, — сейчас, по знаку своего барина, скакали они к провинившемуся, хватали его тайно или явно, где бы он ни попался, привозили к Михайлу Максимовичу, позорили, сажали в подвал в кандалы или секли по его приказанию. <...> Бывали насилия и похуже и также не имели никаких последствий. <...>

...Впрочем, от лютости Михайла Максимовича страдали преимущественно дворовые люди. Он редко наказывал крестьян, и то в случаях особенной важности или личной известности ему виноватого человека; зато старосты и приказчики терпели от него наравне с дворовыми. У него не было пощады никому, и каждый из его приближенных, а иной и не один раз, бывал наказан насмерть. Замечательно, что, когда Михайла Максимович сердился, горячился и кричал, что бывало редко, — он не дрался; когда же добирался до человека с намерением потешиться его муками, он говорил тихо и даже ласково: “Ну, любезный друг, Григорий Кузьмич (вместо обыкновенного Гришки), делать нечего, пойдем, надобно мне с тобой рассчитаться”. С такими словами об-

ращался он к главному своему конюху, по прозванию Ковляге, который, неизвестно почему, чаще других подвергался истязаниям. “Поцарапайте его кошечками”, — говорил с улыбкой Михайла Максимович окружающим, и начиналась долговременная пытка, в продолжение которой барин пил чай с водкой, курил трубку и от времени до времени пошучивал с несчастной жертвой, покуда она еще могла слышать... Меня уверяли достоверные свидетели, что жизнь наказанных людей спасали только тем, что завертывали истерзанное их тело в теплые, только что снятые шкуры баранов, тут же зарезанных. Осмотрев внимательно наказанного человека, Михайла Максимович говорил, если был доволен: “Ну, будет с него, приберите к месту...” и делался весел, шутив и любезен на целый день, а иногда и на несколько дней. Чтобы довершить характеристику этого страшного существа, я приведу его собственные слова, которые он не один раз говаривал в кругу пирующих собеседников: “Не люблю палок и кнутьев, что в них? Как раз убьешь человека! То ли дело кошечки: и больно и не опасно!”»

Даже в 1855 г., через много лет после описываемых событий, царская цензура запретила печатать этот текст, да и родственники Аксакова считали, что незачем выносить сор из семейной избы.

Замечательный рассказ И. С. Тургенева «Бригадир» (1868) обычно воспринимается как повесть о безответной любви, русский аналог истории кавалера де Грие и Манон Леско. Но это также история крепостной тирании. Изменив имена и отдельные факты, Тургенев рассказал в нем подлинную историю Аграфены Лутовиновой, родной тетки своей матери Варвары Петровны Тургеневой. Тульский литературовед Николай Михайлович Чернов (1926—2009) нашел и опубликовал подлинные документы этого следственного дела.

«Капитанша Шеншина содержит своих подданных скудно, выдавая им хлеба весьма мало, а щи и кашницу приказывала варить не в каждый день. Била их нещадно палкой, поленом и чем ни попало без всякой вины и причины. Малолетнюю

крепостную девку Авдотью Иванову ударила железным аршином, от чего та сделалась больна и месяца через четыре умерла. В 1804 или 1805 году другая дворовая девка, Михеева, по приказанию госпожи сечена розгами так, что от сего заболела и была служителями барыни выброшена в сени, где лежала до 29 генваря, а в сие время замерзла. Того ж числа ночью она, Шеншина, велела внести замерзшее тело в избу, а повару Терентию нагреть котел воды для того, чтобы растаять то тело, ибо оное в гроб положить по согнутию никак невозможно».

«В 1806 или 1807 году крепостная девка Варвара Васильева от жестокостей госпожи Шеншиной удавилась на чердаке. Девка Марья Михайлова за невыполнение приказа Шеншиной прикована была в сенях, а после от нестерпимых побоев выбросилась в слуховое из дома окно, бежала из Тульской губернии, Чернской округи в село Пашутино. Будучи же оттуда по пересылке возвращена, в 1811 году зимним временем от жестокостей г-жи Шеншиной умерла. Крестьянина села ее Пашутина Андрея Ястребкова по злобе за принесенную братом его Никитою жалобу в жестокостях ее, вытребовав из села, держит при доме с двумя его дочерьми. А жена его, Ястребкова, с двумя оставшимися при ней малолетними детьми ходит там по миру.

Дворового человека Ивана Черкесова в 1811 году по сомнению в подговоре к побегу повара Терентия она держала раздетого и разутого пять недель со связанными назад руками, да две недели заклепанного в наручниках, а когда повар был пойман, то обоих их сковала по ноге, продержала в сем состоянии все лето, а потом высекла розгами нещадно. Лет тому за тридцать прежде, во время жительства Шеншиной в Тульской губернии в городе Черни, она для сокрытия законпреступной ее связи с помещиком Ергольским приказала принадлежавшего ему человека, ловчего Алексея Фунтика, проводить из города в деревню, напоить его пьяным и у пьяного отрезать язык. Что и исполнено — язык вытасчен клещами и отрезан, а несчастный умер. Тело его зарыто в землю близ реки и полою водою унесено неизвестно куда» (Чернов, 2003).

По сравнению с этими архивными документами, — крепостному человеку довести до суда дело против помещика было неизмеримо труднее, чем современному россиянину дойти до Страсбургского суда, — тургеневский рассказ «Два помещика» (1852) кажется просто милой шуткой:

«Между тем воздух затих совершенно. Лишь иногда ветер набегал струями, и, в последний раз замирая около дома, донес до нашего слуха звук мерных и частых ударов, раздававшийся в направлении конюшни. Мардарий Аполлоныч только что донес к губам налитое блюдечко и уже расширил было ноздри, без чего, как известно, ни один коренной русак не втягивает в себя чая, — но остановился, прислушался, кивнул головой, хлебнул и, ставя блюдечко на стол, произнес с добрейшей улыбкой и как бы невольно вторя ударам: “Чюки-чюки-чюк! Чюки-чюк! Чюки-чюк!”

— Это что такое? — спросил я с изумлением.

— А там, по моему приказу, шалунишку наказывают... Васю буфетчика изволите знать?

— Какого Васю?

— Да вот, что намерен за обедом нам служил. Еще с такими большими бакенбардами ходит.

Самое лютое негодование не устояло бы против ясного и кроткого взора Мардария Аполлоныча.

— Что вы, молодой человек? что вы? — заговорил он, качая головой. — Что я, злодей, что ли? Что вы на меня так уставились? Любит да наказует: вы сами знаете».

Вскоре, уезжая от гостеприимного хозяина, автор встретил только что наказанного Васю и подозревал его:

«Что, брат, тебя сегодня наказали? — спросил я его.

— А вы почему знаете? — отвечал Вася.

— Мне твой барин сказывал.

— Сам барин?

— За что же тебя велел наказать?

— А поделом, батюшка, поделом. У нас по пустякам не наказывают; такого заведенья у нас нету — ни, ни. У нас барин

не такой; у нас барин... такого барина в целой губернии не сыщешь».

Художник Василий Васильевич Верещагин (1842—1904) вспоминает:

«С крестьянами, как и отец мой, дядя не был жесток, но как тот, так и другой иногда отечески наказывали их “на конюшне”; парней, случалось, отдавали не в очередь в солдаты, а девок выдавали замуж за немилых, придерживаясь пословицы: “стерпится — слюбится”. Эти последние случаи, впрочем, бывали чаще у нас, где мамаша брала всецело на себя заботу о согласии и счастье молодых людей, а папаша ей не перечил» (Верещагин, 1895).

В XIX в. повышенное внимание привлекает телесное наказание женщин. В начале XVIII в., как показывает Э. Шрадер, подобные факты воспринимались как «естественные». Постепенно картина меняется.

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

С фактической точки зрения, в этом знаменитом стихотворении Некрасова, написанном около 1848 г., все неверно (комментарий О. А. Проскурина). Поэт не мог быть свидетелем истязания, так как к женщинам наказание кнутом вследствие его особой опасности не применялось, а в 1845 г. вообще было отменено. На Сенной площади в Петербурге не производились публичные наказания, а находилась полицейская часть, в которой секли розгами (втайне от посторонних глаз) совершивших проступки дворовых, пьяниц, мелких воришек и т.

п. В основе стихотворения — зрительное сходство между зачеркнутыми красными чернилами крест-накрест в цензурном ведомстве рукописями и исполосованными кнутом и кровоточащими спинами жертв палача. Стихотворение, по словам О. А. Проскурина, «обобщенный символ страданий, включающий истязания над народом и над поэзией, которая вступает за его судьбу и разделяет его участь (“иссеченная муза”)» (см.: Некрасов Н. А. Избр. соч. М.: Худ. лит., 1989. С. 564).

Однако массовое сознание воспринимало сцену буквально. Впрочем, даже гуманное требование не подвергать женщин телесным наказаниям можно обосновать по-разному. Как показывает Шрадер, в 1830-х годах чиновники объясняли необходимость освобождения мусульманских женщин от телесных наказаний их низким культурным уровнем, а в 1850-х — тем, что они биологически слабы и тяготеют к материнству, вследствие чего более высокая цивилизация должна проявлять к ним снисходительность. Логика разная, но предпосылкой рассуждения в обоих случаях является женская и этнокультурная неполноценность.

Улучшали ли телесные наказания нравственные качества народа? О незлобivosti русских крестьян, принимавших телесные наказания как должное, писали многие.

Гоголевский кучер Селифан в ответ на угрозу высесть его говорит Чичикову: «Как милости вашей будет завгодно, коли высесть, то и высесть; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посесть; коли за дело, то на то воля господская. Оно нужно посесть потому, что мужик балуется, порядок нужно наблюдать».

«В нем много человеческого достоинства, но, как крепостной человек, с детства привыкший к порке, он повествует о своих бесчисленных сечениях без всякого возмущения, стыда или даже обиды, а только отмечая степени: то его высекли легко, потому что ему надо было садиться на лошадь, то так, что он встать не мог, и его унесли на рогожке», — резюмирует образ лесковского Ивана Северьяныча Б. Я. Бухштаб (1983).

Согласно популярному изречению Достоевского, русский народ любит страдать. Вот ему и предоставляли такую возможность. На что тут жаловаться?

До тех пор, пока порка была обязательной частью их обыденной жизни, возмущаться ею было бессмысленно. Зато во время крестьянских бунтов мужики охотно перевертывали привычный уклад, придавая самосуду над помещиками форму телесных наказаний и усугубляя физическую боль жертвы чувством унижения и безвозвратной утраты своего сословного и личного достоинства. Например, в 1840 г. крестьяне били батогами посетившего свое новгородское поместье дворянина Головина. В 1843 г. был высечен розгами капитан Шлихтинг, после чего крестьяне взяли с него расписку об отпуске их на волю.

Много шума наделала рассказанная Герценом и ставшая достоянием гласности история порки крепостными крестьянами статского советника, камергера Двора Его Величества Петра Андреевича Базилевского (1795—1863). Проживая летом 1850 г. в своем имении в Хорольском уезде, Базилевский замучил крестьян разного рода придирами и поборами. Выведенные из себя люди явились в усадьбу и, отведя помещика на конюшню, выпороли его арапником, после чего взяли с него расписку, что он сохранит происшедшее в тайне. Вместо того чтобы сдержать слово, статский советник через пару лет решил свести счеты с наказавшими его крестьянами и велел вне очереди отдать в солдаты одного из парней, участников экзекуции. Тот возмутился, явился к местному предводителю дворянства и рассказал ему, что барин сдал его в рекруты за то, что он его больно сек, а в качестве доказательства предъявил собственноручно написанную Базилевским расписку. Реноме статского советника было уничтожено в одночасье. О порке доложили Николаю I, который повелел Базилевскому выехать за границу и не возвращаться «до особого указа». Молва о «поротом камергере» преследовала Базилевского и там, на него смотрели как на «потерявшего лицо». Хотя пороли его по другой части тела.

В середине XIX в. либеральным мыслителям стало ясно, что отмена телесных наказаний — необходимый элемент и даже одна из предпосылок модернизации России. Но, как писал известный исследователь истории телесных наказаний в России А. Г. Тимофеев, «привычка бить вошла, с одной стороны, в плоть и в кровь представителей администрации, с другой, долговременный опыт научил низшие сословия безропотно переносить начальственные распоряжения... В начальные периоды слышался даже протест в защиту старого пути, с которым выступило правительство, проникнутое западными началами и веяниями» (Тимофеев, 1904).

Вслед за Тимофеевым хочу особо подчеркнуть, что важнейшим фактором ограничения телесных наказаний, как и всех прошлых, настоящих и будущих российских реформ, была *оглядка на европейское общественное мнение* и забота о государственном имидже.

Российская бюрократия не любила и боялась своих подданных, но хотела выглядеть цивилизованной за рубежом. Обмануть Европу было не так легко. В 1832 г. сын французского маршала Даву купил в Москве у «запличного мастера» кнут и вывез его на родину. Европа ужаснулась варварству русской правящей элиты. Реакция в России оказалась типично российской: было издано секретное предписание кнутов иностранцам не продавать и запличных дел мастеров не показывать.

Историю на эту же тему рассказывает в своих воспоминаниях князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1793):

«Когда граф Марков (имеется в виду А. И. Морков (1747—1827), дело было в 1784—1786 гг. — И. К.) был посланником в Стокгольме, назначен был к нему секретарем Д***, добрый и порядочный человек, но ума недалекого. Однажды после обеда, который Марков давал в честь дипломатического корпуса, заметил он, что собрался кружок дипломатов около Д***, который с большим жаром твердил: “И вот так, и вот этак” (et comme si et comme ça) и размахивал руками. Марков почуял беду. Он подошел к кружку и спросил одного из слушателей, о чем идет речь. “Господин секретарь, — отве-

чал тот, — изволит объяснять нам, как производится сечение кнутом в России”» (Вяземский, 1999).

Крепостники-помещики считали порку одним из главных национально-религиозных институтов России. Один такой «помещик-тож» написал в «Земледельческой газете» в феврале 1857 г.:

«Власть помещика — власть родителя над детьми, а по нашим православным понятиям дети принимают без ропота наказания от своих родителей. Наказание розгами не заменить никакими заморскими затеями, потому что розги в руках благонамеренного и доброго помещика — истинное благодеяние для крестьян».

Герцен процитировал и прокомментировал этот текст в заметке в «Колоколе» <Сечь или не сечь мужика?> В 1860 г. он даже обратился к «образованному меньшинству» дворянства со статьей «Розги долой!», в которой предлагал организовать «Союз воздержания от телесных наказаний» (Герцен, 1956. Т. 7).

После Манифеста 19 февраля 1861 г., который объяснял отмену крепостной зависимости «уважением к достоинству человека и христианской любовью к ближним», телесным наказаниям, казалось бы, не осталось места. Но многие люди во власти так не думали. В своей знаменитой статье от 19 февраля/3 марта 1861 г. бывший декабрист Николай Иванович Тургенев (1789—1871) писал по этому поводу:

«Что должны мы думать о нашей родной земле, которую мы любим всеми чувствами, всеми силами души, когда мы видим, что между 15 или 20 людьми, избранными — и здраво избранными, между самыми образованными и просвещенными нашлась половина, которая, совещаясь об освобождении самого достойного, самого почтенного сословия в государстве, присудила предоставить бывшим помещикам освобожденных крестьян — или кому бы то ни было — проклятое право сечь их розгами, сечь женщин розгами! Можно еще понять, что помещики, набив, так сказать, руку и защищая помещичье право, придерживаются и плетей и розг. Но те, кои пишут законы? О! Это непостижимо. И если бы это

было постижимо, то тогда неминуемо следовало бы заключить, что бедная Россия стоит ниже всех не только христианских, но даже и магометанских народов» (Тургенев, 1961).

Инициатор перемен князь Николай Алексеевич Орлов (1827—1885) в 1861 г. подал государю записку: «Об отмене телесных наказаний в России и в Царстве Польском», в которой доказывал, что телесные наказания — зло «в христианском, нравственном и общественном отношениях». Приближается тысячелетие России, крепостное право уничтожено, «остается дополнить спасительное преобразование отменой телесных наказаний». По приказу царя записка Орлова рассматривалась в комитете, учрежденном для составления проекта нового воинского устава о наказаниях. Мысль Орлова о своевременности отмены телесных наказаний как не соответствующих ни духу времени, ни достоинству человека и лишь ожесточающих нравы горячо поддержали Великий князь Константин Николаевич, сенатор Д. А. Ровинский, обер-прокурор московских департаментов сената Н. А. Буцковский и военный министр Д. А. Милютин.

Однако против них категорически выступил митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1782—1867). В пространной записке от 13 сентября 1861 г. «О телесных наказаниях с христианской точки зрения» Филарет доказывал, что вопрос об употреблении или неупотреблении телесного наказания в государстве стоит в стороне от христианства: «Если государство может отказаться от сего рода наказания, находя достаточными более кроткие роды оно, христианство одобрит сию кротость. Если государство найдет неизбежным, в некоторых случаях, употребить телесное наказание, христианство не осудит сей строгости; только бы наказание было справедливо и нечрезмерно».

По мнению Филарета (1887), наказания вообще, не исключая и телесных, нравственности в людях не разрушают:

«Преступник убил в себе чувство чести тогда, когда решился на преступление. Поздно в нем щадить сие чувство во время наказания. Тюремное заключение виновного менее ли поражает в нем чувство чести, нежели телесное наказа-

ние? Можно ли признать правильным такое суждение, что виновный из-под розог идет с бесчестьем, а из тюрьмы — с честью? Если какое сознание подавляет виновного, производит в нем упадок духа и тем препятствует ему возвыситься к исправлению, то это сознание сделанного преступления, а не понесенного наказания».

Как можно считать телесное наказание разрушающим нравственность, если оно установлено самим Богом, узаконившим его через Моисея — «четыредесят ран да наложут ему» (Второзаконие, XXV, 3)? Нельзя считать телесное наказание и бесчестным, ведь ему подвергались и апостолы, например, апостол Павел. Опровергает Филарет и мысль о том, что христианские святители восставали против телесных наказаний.

Богословские аргументы подкрепляются соображениями практического порядка: при замене телесного наказания тюремным заключением потребовалось бы при многолюдном городе построить и содержать почти город тюремный, налагая через сие новую тягость на невинных, и т. д. и т. п.

Н. Н. Евреинов расценил страстное выступление митрополита Филарета, вызвавшее у него негодование и недоумение, как «глумление над доводами записки Орлова» (яркие воспоминания об этом иерархе оставили такие разные люди, как А. И. Герцен, Н. С. Лесков и С. М. Соловьев). Но патриарх Алексей I (1877—1970) с позицией митрополита полностью солидаризировался (Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей, 2005), в 1994 г. РПЦ Филарета канонизировала.

К счастью, на тот момент противники отмены телесных наказаний в комитете остались в меньшинстве, и после получения отзывов разных ведомств проект закона поступил на рассмотрение Государственного Совета. Сделанное при рассмотрении в Государственном Совете предложение о сохранении розог было отвергнуто большинством — 17 голосов против 6. Интересна мотивировка этого решения:

«Наказание розгами, определяемое взамен других низших исправительных наказаний, вовсе не соответствует

своей цели: ибо, будучи лишено жестокости совершенно отмененных уже шпицрутен и плетей, оно для большинства нашего народа, привыкшего с малолетства к грубому со всех сторон обхождению (курсив мой. — И. К.), весьма малозначительно и не только не возбуждает, говоря вообще, особенного между виновными страха, но, напротив того, весьма часто предпочитается лишению свободы, уплате денежного взыскания или отдаче в общественные работы. Из опыта известно, что наказание это представляет в сущности даже почти безнаказанность: ибо виновный, получив известное число ударов, отпускается на свободу и имеет всю возможность к дальнейшему удовлетворению могущих быть у него порочных склонностей. Между тем телесные наказания не могут не быть признаны положительно вредными, препятствуя смягчению нравов народа и не позволяя развиваться в нем чувству чести и нравственного долга, которое служит еще более верной охраной общества от преступлений, чем самая строгость уголовного преследования (курсив мой. — И. К.)» (цит. по: Евреинов, 1994).

Нетрудно заметить, что аргументация эта была не столько либеральной, сколько охранительной: телесные наказания перестали сдерживать преступность, нужно искать другие пути! Интересна и ссылка на привычку народа «с малолетства к грубому со всех сторон обхождению», по сравнению с которым розга уже никого не пугает.

Обнародованный 17 апреля 1863 г., в день рождения государя, указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» был компромиссным. Хотя самые бесчеловечные наказания (шпицрутен, плети, кошки, наложение клейм) были отменены, в качестве уступки многочисленным противникам гуманизации, опасавшимся, что полная отмена телесных наказаний «разнуздает» низшие слои населения и будет понята ими как потачка преступлению, розги «временно» сохранились. От телесного наказания были освобождены:

- а) женщины;
- б) духовные лица и их дети;

- в) учителя народных школ;
- д) окончившие курс в уездных и земледельческих и, тем более, в средних и высших учебных заведениях;
- е) крестьяне, занимающие общественные должности по выборам.

В то же время розга было оставлена:

- а) для крестьян по приговорам волостных судов;
- б) для каторжников и сосланных на поселение;
- в) в виде временной меры, до устройства военных тюрем и военно-исправительных рот, для солдат и матросов, наказанных по суду.

Новые правовые нормы были непоследовательными и продолжали вызывать споры. В 1898 г. граф С. Ю. Витте писал царю, что необходимо отменить право волостных судов приговаривать к порке, ибо розги «оскорбляют в человеке Бога». К тому же особые полномочия волостного суда противоречат как общему правовому сознанию, так и правовым нормам страны: «Любопытно, что если губернатор высечет крестьянина, то его судит Сенат, а если крестьянина выдерут по каверзе волостного суда, то это так и быть надлежит» (Витте, 1960).

На самом деле своя логика в этом была. Если воспользоваться «школьной» метафорой о двух системах власти — вертикальной и горизонтальной, государство пыталось переложить ответственность за свои репрессивные действия на органы крестьянского самоуправления: пусть мужики сами порют друг друга, а урядники будут за ними наблюдать. Но эти хитрости были шиты белыми нитками.

Главная проблема заключалась в том, что российская бытовая практика вообще мало считалась с законами. По мнению Шрадер, судебная реформа смягчила телесные наказания в европейской части России, зато в Сибири по отношению к рецидивистам и беглым каторжникам они стали еще суровее.

О том, что там происходило в 1890 г., подробно рассказывал А. П. Чехов в своих путевых заметках «Остров Сахалин» (глава XXI):

«Чаще всего провинившемуся дают 30 или 100 розог. Это зависит не от вины, а от того, кто распорядился наказать его, начальник округа или смотритель тюрьмы: первый имеет право дать до 100, а второй до 30. Один смотритель тюрьмы всегда аккуратно давал по 30, когда же ему пришлось однажды исполнять должность начальника округа, то свою обычную порцию он сразу повысил до 100, точно эти сто розог были необходимым признаком его новой власти; и он не изменял этому признаку до самого приезда начальника округа, а потом опять, так же добросовестно и сразу, съехал на 30. Наказание розгами от слишком частого употребления в высшей степени опошилось на Сахалине, так что уже не вызывает во многих ни отвращения, ни страха, и говорят, что между арестантами уже немало таких, которые во время экзекуции не чувствуют даже боли.

Плети применяются гораздо реже, только вследствие приговоров окружных судов. Из отчета заведующего медицинскою частью видно, что в 1889 г. «для определения способности перенести телесное наказание по приговорам судов» было освидетельствовано врачами 67 человек. Это наказание из всех употребляемых на Сахалине самое отвратительное по своей жестокости и обстановке, и юристы Европейской России, приговаривающие бродяг и рецидивистов к плетям, давно бы отказались от этого наказания, если б оно исполнялось в их присутствии».

Вот как описывает Чехов порку рецидивиста Прохорова:

«Идем все в “помещение для надзирателей” — старое серое здание барачного типа. Военный фельдшер, стоящий у входа, просит умоляющим голосом, точно милостыни:

— Ваше высокоблагородие, позвольте посмотреть, как наказывают!

Посреди надзирательской стоит покатая скамья с отверстиями для привязывания рук и ног. Палач Толстых, высокий, плотный человек, имеющий сложение силача-акробата, без сюртука, в расстегнутой жилетке* (в примечании говорится, что «он был сослан на каторгу за то, что отрубил своей жене голову». — И. К.)

кивает головой Прохорову; тот молча ложится. Толстых не спеша, тоже молча, спускает ему штаны до колен и начинает медленно привязывать к скамье руки и ноги. <...>

Наконец Прохоров привязан. Палач берет плетъ с тремя ремennыми хвостами и не спеша расправляет ее.

— Поддержись! — говорит он негромко и, не размахиваясь, а как бы только примериваясь, наносит первый удар.

— Ра-аз! — говорит надзиратель дьячковским голосом.

В первое мгновение Прохоров молчит и даже выражение лица у него не меняется, но вот по телу пробегает судорога от боли и раздается не крик, а визг.

— Два! — кричит надзиратель.

Палач стоит сбоку и бьет так, что плетъ ложится поперек тела. После каждых пяти ударов он медленно переходит на другую сторону и дает отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже после 5—10 ударов тело, покрытое рубцами еще от прежних плетей, побагровело, посинело; кожа лопаается на нем от каждого удара.

— Ваше высокоблагородие! — слышится сквозь визг и плач. — Ваше высокоблагородие! Пощадите, ваше высокоблагородие!

И потом после 20—30 удара Прохоров причитывает, как пьяный или точно в бреду:

— Я человек несчастный, я человек убитый... За что же это меня наказывают?

Вот уже какое-то странное вытягивание шеи, звуки рвоты... Прохоров не произносит ни одного слова, а только мычит и хрипит; кажется, что с начала наказания прошла целая вечность, но надзиратель кричит только: “Сорок два! Сорок три!” До девяноста далеко. Я выхожу наружу. Кругом на улице тихо, и раздирающие звуки из надзирательской, мне кажется, проносятся по всему Дуэ. Вот прошел мимо каторжный в вольном платье, мельком взглянул на надзирательскую, и на лице его и даже в походке выразился ужас. Вхожу опять в надзирательскую, потом опять выхожу, а надзиратель все еще считает.

Наконец девяносто. Прохорову быстро распутывают руки и ноги и помогают ему подняться. Место, по которому били, синевато-багрово от кровоподтеков и кровоточит. Зубы стучат, лицо желтое,

мокрое, глаза блуждают. Когда ему дают капель, он судорожно кусает стакан... Помочили ему голову и повели в околоток.

— Это за убийство, а за побег еще будет особо, — поясняют мне, когда мы возвращаемся домой.

— Люблю смотреть, как их наказывают! — говорит радостно военный фельдшер, очень довольный, что насытился отвратительным зрелищем. — Люблю! Это такие негодяи, мерзавцы... вешать их!»

Снижают ли телесные наказания преступность? По мнению Чехова, с которым солидаризировались позднейшие историки и криминологи, — нет.

«От телесных наказаний грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании. Исключения не составляют даже образованные люди. По крайней мере я не замечал, чтобы чиновники с университетским образованием относились к экзекуциям иначе, чем военные фельдшера или кончившие курс в юнкерских училищах и духовных семинариях. Иные до такой степени привыкают к плетям и розгам и так грубеют, что в конце концов даже начинают находить удовольствие в дранье. Про одного зрителя тюрьмы рассказывают, что, когда при нем секли, он насвистывал; другой, старик, говорил арестанту с злорадством: “Что ты кричишь, господь с тобой? Ничего, ничего, поддержишься! Всыпь ему, сыпь! Жигани его!” Третий велел привязывать арестанта к скамье за шею, чтобы тот хрипел, давал 5—10 ударов и уходил куда-нибудь на час-другой, потом возвращался и давал остальные».

С фактической стороны свидетельство Чехова было достоверным, командированные на остров высокопоставленные чиновники Министерства юстиции и Главного тюремного управления его подтвердили.

В конце 1880-х — начале 1890-х годов в России началась новая кампания за отмену телесных наказаний, в которой приняли участие видные юристы (А. Г. Тимофеев, В. Л. Биншток), историки (В. И. Семевский), врачи (Д. Н. Жбанков, Д. И. Ростиславлев), писатели и педагоги.

Большой общественный резонанс имела статья Л. Н. Толстого «Стыдно», напечатанная 28 декабря 1895 г. с большими искажениями и сокращениями в петербургской газете «Биржевые ведомости».

Для Толстого «сечение взрослых людей одного из сословий русского народа» — это «преступление всех законов божеских и человеческих», которое нельзя обсуждать спокойно «со стороны гигиены, школьного образования или манифеста. Про такие дела можно или совсем не говорить, или говорить по существу дела и всегда с отвращением и ужасом. Ведь просить о том, чтобы не стегать по оголенным ягодицам только тех из людей крестьянского сословия, которые выучились грамоте (И почему именно этот глупый, дикий прием причинения боли, а не какой-нибудь другой: колоть иголками плечи или какое-либо другое место тела, сжимать в тиски руки или ноги или еще что-нибудь подобное? — *Примеч. Л. Н. Толстого*), все равно, что если бы, где существовало наказание прелюбодейной жене, состоящее в том, чтобы, оголив эту женщину, водить ее по улицам, — просить о том, чтобы наказание это применять только к тем женщинам, которые не умеют вязать чулки или что-нибудь подобное.

Про такие дела нельзя «почтительнейше просить» и «повергать к стопам» и т. п., такие дела можно и должно только обличать».

Цитированный выше толстовский рассказ «После бала» (1903), несмотря на его исторический сюжет, написан в том же контексте. Состоявшийся в 1896 г. в Киеве VI съезд русских врачей в память Н. И. Пирогова обратился к правительству с ходатайством об отмене телесных наказаний.

Телесные наказания для крестьян были отменены лишь 11 августа 1904 г.

В периоды крестьянских волнений, когда порки становились массовыми, никакие законы не соблюдались. В рассказе Горького «Экзекуция» (1935) описана одна такая расправа при участии реального нижегородского генерал-губернатора Н. М. Баранова (1837—1901), имя которого неоднократно

упоминается в дневниках В. Г. Короленко, в частности в связи с расправой, учиненной им в деревне Дубенки.

«Двое полицейских уже подвели Лобова к скамье.

— Раздевайся.

— Нет сил со страха, — спокойно сказал Лобов. — Снимайте штаны сами, коли это нужно вам.

Пристав сказал губернатору:

— Ваше превосходительство, он упорствует, не хочет...

— Еще бы он хотел! Дать ему десять лишних! Нет, барабана не надо, поручик, мы — без церемоний! Мы — просто, да!

Лобов лег вдоль скамьи, вытянув шею за край ее и упираясь в край подбородком. Двое полицейских, откинув корпуса, держали его за руки и за ноги, как будто растягивая человека. Казалось, что именно от этого красноватые ягодицы грузчика так неестественно круто вздулись. Солнце освещало ягодицы так же заботливо, как губернатора и все другое.

— Раз, два, три, — торопливо и звонко начал считать становой тихий свист в воздухе и сухие шлепки прутьев по человеческой коже, но губернатор хозяйственно сказал:

— Не так часто, реже!

Лобов молчал, лежа неподвижно, только мускулы под лопатками вздрагивали. Кожа его покрылась темно-красными полосами, а к последним ударам покраснела сплошь, точно обожженная. Когда кончили сечь его, он так же молча спустил со скамьи ноги, сел, тыкая в землю изуродованной ногой, растирая ладонями подбородок и щеки, туго налитые кровью.

— Котомина Евдокия, — вызвал пристав.

— Не пойду, — закричала Авдотья, вырываясь из рук урядника, схватившего ее сзади за руки. Лобов, поравнявшись с нею, сказал:

— Упрись подбородком в край скамьи — кричать не будешь.

Но она уже кричала:

— Бесстыдники... Да что вы? Не хочу...

Урядник толкал ее коленом в зад, головой в плечи. Ему помогли, но перед скамьей Авдотья снова начала сопротивляться, выкрикивая:

— Ваше благородие, избавьте срама. Прошу же вас.

— Живее! — резко приказал губернатор.

Авдотью уже притиснули на скамью, но она все еще извивалась, точно щука, и, только когда обнажили ноги, спину ее — замолчала на минуту, но после первых же ударов начала выть:

— За что-о? Мучители.

— Гляди-ко ты, — пробормотал Плотников, толкнув локтем Сераха. — Дуняшка-то — стыдится! А ведь бесстыдно живет...

— Чужие, — кратко откликнулся Серах.

Начальство очень внимательно рассматривало, как на стройном, желтоватом, точно сливочное масло, теле женщины вспыхивали розовые полосы, перекрывая одна другую. Тело непрерывно изгибалось, толкая и покачивая полицейских, удары прутьев падали на спину, на ноги, полицейские встряхивали Авдотью и шлепали ею по скамье, как мешком.

— Довольно, — крикнул губернатор на двадцатом ударе, но полицейский не удержал руку и ударил еще раз.

Авдотья вскочила на ноги,правила юбку и побежала прочь, подняв руки к голове, пряча растрепанные волосы под платок.

Вызвали Плотникова. Этот пошел, расстегивая на ходу штаны, криво усмехаясь, говоря:

— И не знаю — какая моя вина? Человека нету смирнее меня!

— Ваше сиятельство, — плачевно закричал он, сняв штаны и падая на колени, — брат мой, Василий, верой-правдой служит вам — всеизвестный охотник...

— Двадцать пять, — сказал губернатор сухо и четко.

В начале порки Плотников аккуратно на каждый удар отвечал звонким голосом “о-ой!” Но лежал смирно, не двигаясь, и прутья погружались в его тело, как в тесто. Только при последних ударах он стал кричать тише, не в такт ударам, а когда кончили пороть его, пошевелился не сразу.

— Вставай, — сказал полицейский, стирая ладонью пот со лба.

Плотников встал, покачнулся, лицо его дрожало, из глаз текли слезы, шевелилась борода, он облизал губы и сказал по привычке шута балагурить:

— Дай бог впрок!»

Горький не был очевидцем описываемых им событий и мог что-то присочинить, но Н. Н. Евреинов приводит много похожих документальных свидетельств, относящихся к концу XIX — началу XX в. Во время подавления Московского восстания в декабре 1905 г. студентов и интеллигентов избивали даже более жестоко и злобно, чем рабочих:

«Нас, обреченных на сечение, вывели на двор, окружили солдатами, вызваны были 4 казака с нагайками, им было приказано сечь изо всей силы, иначе им угрожали их сечь... Скидывались брюки, на голом снегу укладывали лбом в землю. Один солдат придерживал прикладом голову, а 4 казака секли так, что волосы становились дыбом... Я видел руки двух высеченных студентов. Они сначала напоминали рубленые котлеты, а потом вспухли до ужаса» (Евреинов, 1994. С. 223).

Подобные расправы отнюдь не делали народ более законопослушным, зато аккумулировали в массах жестокость и ненависть. Эбби Шрадер приводит случаи, когда от участия в экзекуциях уклонялись и отказывались, не без риска для себя, священники, врачи, солдаты... В годы Гражданской войны красные нередко, ради вящего унижения, подвергали порке пленных белогвардейских офицеров. Как говорится, долг платежом красен.

История телесных наказаний в целом выходит за рамки нашей темы. Но телесные наказания взрослых создавали тот нравственный климат, в котором формировались народная педагогика и общее отношение к детям. И это прекрасно понимали современники. Дмитрий Николаевич Жбанков писал:

«В самом деле, зачем учащему персоналу стесняться в различных телесных воздействиях на учеников, когда даже их отцы, взрослые и седые братья и родственники подвергаются самому позорному телесному наказанию — наказанию, производимому иногда в присутствии тех же детей и учеников? Могут ли телесные наказания, применяемые в школах, встретить какой-либо отпор со стороны самих учеников или их родителей, когда последние сами живут под постоянным

Дамокловым мечом — быть опозоренными перед всей деревней и своими собственными детьми? А какое вредное, развращающее влияние оказывает сечение взрослых на детей! В деревне одной южной губернии был наказан жестоко один крестьянин, до которого давно добирался старшина, и на другой день в той же деревне был жестоко высечен один мальчик своими товарищами, чего раньше никогда не бывало. Одна учительница также передавала, что из ее школы, расположенной рядом с волостным правлением, ученики бегали смотреть на порку, а потом устраивали игру в волостной суд и порку... Естественно, ученики смотрят на побои в школах как на должное и неизбежное, и родители их, кроме редких случаев, не только не протестуют, но даже иногда сами просят учителей быть строже с их детьми и наказывать их побольше. Есть много и других причин, почему учителя прибегают к телесным наказаниям... но, повторяем, главная причина этого грустного явления в существовании телесных наказаний для крестьян, и с отменой их вся огромная область незаконных побоев и истязаний и взрослых, и учеников отойдет мало-помалу в область преданий: бьющая рука не будет иметь законного оправдания в возможности наказывать телесно и надругаться над людьми низших сословий» (Жбанков, 1905).

ОСНОВЫ РЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Юридические споры о телесных наказаниях взрослых формально детей не касались. Как и в любом другом феодальном обществе, в древнерусской культуре дети занимали подчиненное положение. Отношения в семье, как и в обществе, были суровыми и авторитарными.

«Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений... Чем благочестивее был родитель, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже... Слова почитались недо-

статочными, как бы убедительны они ни были... Домострой запрещает даже смеяться и играть с ребенком» (Костома-ров, 1887).

«Изборник» 1076 г. учит, что ребенка нужно с самого раннего возраста «укрощать», ломать его волю, а «Повесть об Акире Премудром» (XII в) призывает: «от биения сына своего не воздержайся» (Долгов, 2006). Это обосновывалось тем, что в ребенке сидит неуправляемое злое начало; выражение «чертенок» не просто шуточная метафора.

Педагогика «сокрушения ребер» подробно изложена в «Домострое», учебнике семейной жизни, сочиненном духовником Ивана Грозного протопопом Сильвестром. Некоторые русские традиционалисты до сих пор считают эти правила, утверждающие безусловное господство мужа над женой и родителей над детьми, незыблемыми.

«Следует мужьям воспитывать жен своих с любовью примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о всяком порядке, о том, как душу спасти, Богу и мужу угодить и дом свой подобру устроить и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с любовью и страхом внимать и исполнять по его наставлению. Заботиться отцу и матери о чадах своих; обеспечить и воспитать в доброй науке...

А со временем, по детям смотря и по возрасту, учить их рукоделию, отец — сыновей, мать — дочерей, кто чего достоин, какие кому Бог способности дал. Любить и хранить их, но и страхом спасать.

Наказывай сына своего в юности его, и успокоит тебя в старости твоей. И не жалея, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на нее напавь свою строгость, тем сохранишь ее от телесных бед: не посрамишь лица своего, если в послушании дочери ходят <...>. Воспитаи детей в запретах и найдешь в них покой и благословение. Понапрасну не смейся, играя с ним: в малом послабишь — в большом пострадаешь скорбя. Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не

станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней...

Чада, любите отца своего и мать свою и слушайтесь их, и повинуйтесь им во всем... С трепетом и раболепно служите им» (Домострой, 1990).

Как и Ветхий завет, Домострой не исключает чадолюбия и не пропагандирует жестокость ради жестокости. Непослушных детей рекомендуется «плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине». «И за любую вину ни по уху, ни по глазам не бить, ни под сердце кулаком...»

Устанавливается взаимосвязь между тяжестью проступка и суровостью кары: «Плетью же в наказании осторожно бить, и разумно и больно, и страшно и здорово, но лишь за большую вину и под сердитую руку, за великое и за страшное ослушание и нерадение, а в прочих случаях, рубашку содрав, плеткой тихонько побить, за руки держа и по вине смотря...»

Тем не менее юридически дети оставались беззащитными. Согласно Уложению 1649 г., дети не имели права жаловаться на родителей. Убийство сына или дочери каралось всего лишь годичным тюремным заключением, зато детей, посягнувших на жизнь родителей, закон предписывал казнить «безо всякие пощады». Это неравенство было устранено только в 1716 г., когда Петр I собственноручно приписал к слову «дитя» добавление «во младенчестве», ограждая тем самым жизнь новорожденных и грудных детей.

Очень сложным для русского, как и любого другого, права было понятие «совершеннолетия». По Уложению 1649 г., детей, как и взрослых, казнили, подвергали пытке или наказанию кнутом. При Петре I наказания для детей были смягчены. В 1716 и 1722 гг. Сенат постановил, что максимальным наказанием для преступников моложе 12 лет будет не смертная казнь, а тюремное заключение, детей было запрещено пытать или наказывать кнутом. Однако двадцать лет спустя возник юридический казус. Четырнадцатилетняя крестьянка Прасковья из деревни Горбуново предстала

перед судом по обвинению в убийстве двух других девочек: во время драки она ударила одну из них по спине, повалила на землю и нечаянно задушила, а когда вторая девочка пригрозила, что расскажет матери, Прасковья убила и ее. Судьи решили, что смертная казнь чересчур суровая кара для столь юной девочки, и переадресовали свой вопрос в Сенат. Посоветовавшись, сенаторы согласились, что смертная казнь или даже наказанием кнутом — чрезмерное наказание за преступление, совершенное по «глупости и младоумию». Решено было, что отныне совершеннолетие будет начинаться не с 12 лет, а с 17.

Два года спустя это решение оспорил Синод: по церковным законам вступать в брак можно было с 13 лет. Императрица Елизавета встала на сторону Синода и вновь опустила возраст совершеннолетия до 12 лет, тем более что на тот момент смертной казни в России, по крайней мере официально, не существовало, Елизавета Петровна ее отменила. Малолетних правонарушителей, совершивших тяжкое преступление, секли кнутом, заковывали в кандалы и на семь лет отправляли на перевоспитание в монастыри, а за менее серьезные проступки — просто секли и отпускали.

В 1765 г. Екатерина Вторая вновь подняла возраст совершеннолетия до 17 лет и заодно установила дифференцированные наказания для разных возрастных групп: малолетних преступников от 15 до 17 лет секли плетью, от 10 до 15 лет — розгами, а детей младше 10 возвращали родителям для «домашней расправы».

В 1845 г. в законодательство о наказаниях для несовершеннолетних были внесены новые поправки. «Малолетство» стали считать возрастом, когда подсудимый еще не вполне понимает свойство своего преступления. Детей до 10 лет по-прежнему возвращали опекунам или хозяевам для домашнего наказания. Детей от 10 до 14 лет, совершивших преступление, за которое взрослый мог подвергнуться лишению всех прав состояния, порке кнутом и ссылке в Сибирь, лишали прав и ссылали, но без телесного наказания. Считалось, что детские тела слишком слабы, чтобы выдержать наказа-

ние кнутом. За менее серьезные проступки несовершеннолетних могли приговорить к тюремному заключению без ссылки или вообще к домашнему аресту. В то же время возрастная планка вновь была опущена до 14 лет. Юридические (по суду) телесные наказания несовершеннолетних были запрещены только в 1863 г.

Впрочем, «законные» наказания составляли лишь небольшую часть избиений, которым дети подвергались в быту, в родительской семье и в школе. Опиравшаяся на православный канон русская народная педагогика была чрезвычайно суровой. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы, типа «за дело побить — уму-разуму учить», «это не бьют, а ума дают».

«Силовое наделение разумом» предписывается прежде всего отцу:

«Какой ты есть батька, коли твой детенок и вовсе тебя не боится»; «люби детенка так, чтобы он этого не знал, а то с малых лет приучишь за бороду себя таскать и сам не рад будешь, когда подрастет он».

Особенно полезно порка для сыновей:

«Жалеть сына — учить дураком»; «ненаказанный сын — бесчестье отцу»; «поменьше корми, побольше пори — хороший парень вырастет» (Холодная, 2004).

Соответствующие правила проникают в нравоучительные книги и родительские поучения. Даже в петровскую эпоху, когда педагогика «сокрушения ребер» стала кое-где подвергаться сомнениям, строгость и суровость остаются непререкаемыми нормами.

«Ни малые воли ему не давай, но в велицей грозе держи его», — поучает своего сына Иван Тихонович Посошков (1652—1726) (Посошков, 1893).

По словам Василия Никитича Татищева (1686—1750), младенец (до 12 лет) «упрям, не хочет никому повиноваться, разве за страх наказания; свиреп, даже может за малейшую досаду тягчайший вред лучшему благодетелю учинить; непостоянен, зане как дружба, так и злоба не долго в нем пребывают» (Татищев, 1979).

Тем не менее в XVIII в. в русской педагогике появляются новые веяния, причем изменение отношения к детям было тесно связано с критическим отношением к власти государственной.

Александр Николаевич Радищев (1749—1802) призывает отказаться от родительской власти как принципа воздаяния за «подаренную» детям жизнь: «Изжените из мыслей ваших, что вы есте под властью моею. Вы мне ничем не обязаны. Не в рассудке, а меньше еще в законе хошу искати твердости союза нашего. Он оснуется на вашем сердце» (Радищев, 1952).

Хотя подобные взгляды были не правилом, а исключением и основывались на европейских теориях, иногда их даже пытались реализовать. Иван Иванович Бецкой (1704—1795), вслед за Руссо, категорически требовал «никогда ни за что не бить детей», а учить их «хорошим примером» (см. о нем: Веселова, 2004). В своих рекомендациях по воспитанию кадет Бецкой устранял практику единоличного принятия решения о наказании, а о телесных наказаниях писал: «Желательно б было, чтоб не только телесные, но и всякого рода наказания вовсе уничтожить, но как, может быть, найдутся такие, которые пренебрегли такое неоцененное милосердие и, позабывши свою должность, будут впадать в преступления, порочные дворянству, что таковые имеют быть наказуемые выговорами при собрании своих товарищей, штрафным столом, сажанием под арест и на осла, лишением постели и подушек, одеванием в китель, содержанием прочих кадетам во время кушанья, сажанием на хлеб и воду, лишением на время мундира, заключением в железа».

Последовательным врагом телесных наказаний, со ссылками на Локка, выступает в своем трактате «О воспитании и наставлении детей. Для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия» и другой русский просветитель Николай Иванович Новиков (1744—1818).

На практике все было гораздо сложнее.

Хотя об истории телесных наказаний в русской школе нет солидных монографий, они подробно описаны в огромной мемуарной и художественной литературе, эти описания воспроизводятся в многочисленных биографических исследованиях. Ценную информацию содержат также книги и статьи, посвященные жизни военно-учебных заведений и других типов школ (Азовский, 2008; Зуев, 2005). Хочу особо отметить курсовую работу студентки второго курса РГГУ И. Л. Максименко «Культурно-бытовой облик учащихся общеобразовательной начальной и средней школы в XIX — начале XX века» (2003). Пройдясь по ее сноскам, я нашел много интересных дореволюционных публикаций.

Церковные школы

Самой массовой школой в России XVIII — начала XIX в. была церковная. Православный канон воспитания считает телесные наказания детей полезными и необходимыми, а неоднократно поротые воспитатели с особым удовольствием вымещали свою злость на беззащитных детях.

Эту преемственность поколений, связывающую воедино традиционализм и вертикаль власти, отлично сформулировал в 1861 г., имея в виду нравы, царившие в его родной нижегородской семинарии, Василий Степанович Курочкин (1831—1875):

Розги — ветви с древа знания!
Наказанья идеал!
В силу предков завещания
Родовой наш капитал!

Мы до школы и учителей,
Чуть ходя на помочах,

Из честной руки родителей
Познавали божий страх.

И с весною нашей розовой
Из начальнических рук
Гибкой, свежей, березовой
Нам привили курс наук.

И потом, чтоб просвещением
Мы не сделались горды,
В жизни отческим сечением
Нас спасали от беды.

В соответствии с церковным каноном и традициями авторитарной семьи особенно нещадно пороли бурсаков и семинаристов, у последних даже был собственный гимн «Семинарское горе» (Позднеев, 2001).

О горе, о беда!
Секут нас завсегда!
И розгами по бедрам
И пальцами по щекам.
О горе...
Придешь в школу не готов,
Не припомнишь разных слов, —
Не с другого слова — в рожу,
Со спины сдерут всю кожу!
О горе...
Не дадут и погулять,
Все уроками морят,
Учителя не гневи, —
За столом смирно сиди.
О горе...

Выдающийся русский историк, сын священника Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) писал в своих автобиографических записках:

«Известно, что нет худшего тирана, как раб, сделавшийся господином; архиерей, как сказано, делается господином из раба; это объясняется не только вышеизложенным состоянием белого духовенства, но также воспитанием в семинариях, где жестокость и деспотизм в обращении учителей и начальников с учениками доведены до крайности; чтобы быть хорошим учеником, мало хорошо учиться и вести себя нравственно, — надобно превратиться в столп одушевленный, которого одушевление выражалось бы постоянным поклонением пред монахом — инспектором и ректором, уже не говорю — пред архиереем».

Одно из самых тяжелых воспоминаний его детства — экзамены в духовном уездном училище, которое помещалось в Петровском монастыре.

«Поездки на эти экзамены были самыми бедственными событиями в моей отроческой жизни, ибо кроме того, что на экзаменах я большею частию отвечал неудовлетворительно, что огорчало моего отца, самое училище возбуждало во мне сильное отвращение по страшной неопрятности, бедному, сальному виду учеников и учителей, особенно по грубости, зверству последних; помню, какое страшное впечатление на меня, нервного, раздражительного мальчика, произвел поступок одного тамошнего учителя: кто-то из учеников сделал какую-то вовсе незначительную шалость; учитель подошел, вырвал у него целый клочок волос и положил их перед ним на стол. Я чуть-чуть не упал в обморок от этого ирокезского поступка» (Соловьев, 1877).

В первой московской гимназии, куда ему удалось поступить, одаренному мальчику было гораздо лучше.

Такое же сильное впечатление произвело на маленького Сережу Аксакова однодневное пребывание в народном училище:

«Задав урок, Матвей Васильич позвал сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьев, и принялись сечь мальчиков, стоявших на коленях. При самом начале этого страшного и отвратительного для меня зрелища я зажмурился и заткнул пальцами уши. Первым моим движением было

убежать, но я дрожал всем телом и не смел пошевелиться. Когда утихли крики и зверские восклицания учителя, долетавшие до моего слуха, несмотря на заткнутые пальцами уши, я открыл глаза и увидел живую и шумную около меня суматоху; забирая свои вещи, все мальчики выбегали из класса и вместе с ними наказанные, также веселые и резвые, как и другие. Матвей Васильич подошел ко мне с обыкновенным ласковым видом, взял меня за руку и прежним тихим голосом просил “засвидетельствовать его нижайшее почтение батюшке и матушке”. Он вывел меня из опустевшего класса и отдал Евсеичу, который проворно укутал меня в шубу и посадил в сани, где уже сидел Андрюша. “Что, понравилось ли вам училище? — спросил он, заглядывая мне в лицо. И, не получая от меня ответа, прибавил: — Никак, напугались? У нас это всякий день”» (Аксаков. «Детские годы Багрова-внука»).

Дворянскому мальчику, сыну любящей матери, такая участь не угрожала, а поповские и крестьянские дети избежать ее не могли.

Существовавшей в школе двойной системе власти — учителей над учениками и старших учеников над младшими — соответствовала двойная система наказаний: вертикальная, от учителя к ученику, и горизонтальная, от одних учеников к другим. Эти системы были автономны друг от друга, но вместе с тем взаимосвязаны. Поря ученика, учитель, как правило, пользовался физической помощью его одноклассников, а иногда даже полностью перепоручал наказание им, оставляя за собой лишь контрольные функции. Расправы, которые учиняли друг над другом школяры, формальной легитимации не требовали, но были органической частью дисциплинарной системы, в них также существовал неписанный кодекс, на основании которого те или иные наказания признавались законными или произвольными.

Первым описал все это уже Николай Герасимович Помяловский (1835—1863) в «Очерках бурсы» (1862—1863).

Вот как выглядит «рядовая» порка по приказу и под надзором учителя:

«— Взять его!

На Карася бросились ученики большого роста и в одно мгновение обнажили те части корпуса, которые в бурсе служат проводниками человеческой нравственности и высшей правды.

— На воздухах его!

Карась повис в воздухе.

— Хорошенько его.

Справа свистнули лозы, слева свистнули лозы; кровь брызнула на теле несчастного, и страшным воем огласил он бурсу. С правой стороны опоясалось тело двадцатью пятью ударами лоз, с левой столькими же; пятьдесят полос, кровавых и синих, составили отвратительный орнамент на теле ребенка, и одним только телом он жил в те минуты, испытывая весь ужас истязания, непосильного для десятилетнего организма. Нервы его были уже измучены тогда, когда его нарекали Карасем, щипали и заушали, а во время наказания они совершенно потеряли способность к восприятию моральных впечатлений: память его была отшиблена, мысли... мыслей не было, потому что в такие минуты рассудок не действует, нравственная обид... и та созрела после, а тогда он не произнес ни одного слова в оправдание, ни одной мольбы о пощаде, раздавался только крик живого мяса, в которое впивались красными и темными рубцами жгучие, острые, яростные лозы... Тело страдало, тело кричало, тело плакало... Вот почему Карась, когда после его спрашивали, что в его душе происходило во время наказания, отвечал: "Не помню". Нечего было и помнить, потому что душа Карася умерла на то время».

Такая же, а то и более жестокая, порка применялась самими бурсаками в качестве коллективного наказания заподозренного в фискальстве соученика:

«Раздался пронзительный, умоляющий вопль, который, однако, слышался не оттуда, где игралась "мала куча", и не оттуда, где "жали масло".

— Братцы, что это? братцы, оставьте!.. караул!..

Товарищи не сразу узнали, чей это голос... Кому-то зажали рот... вот повалили на пол... слышно только мыча-

нье... Что там такое творится? Прошло минуты три мертвой тишины... потом ясно обозначился свист розог в воздухе и удары их по телу человека. Очевидно, кого-то секут. Сначала была мертвая тишина в классе, а потом едва слышный шепот...

— Десять... двадцать... тридцать...

Идет счет ударов.

— Сорок... пятьдесят...

— А-я-яй! — вырвался крик...

Теперь все узнали голос Семенова и поняли, в чем дело...»

Не только враждебные, но и некоторые дружественные автору рецензенты критиковали «Очерки бursы» за сгущение красок и беспросветность общей картины. Например, Павел Васильевич Анненков (1813—1887) писал в статье «Г-н Помяловский» («Санкт-Петербургские ведомости». 5—6 января 1863 г.):

«Мы, конечно, не имеем претензий знать настоящее положение дел в прежде бывших или нынешних бурсах лучше или полнее автора, но то знаем достоверно, что чудовищности, подобные тем, какие собраны г. Помяловским, никогда не жили и не будут жить без всякой помехи, без появления противоборствующего начала откуда-либо. Испокон века в каждом обществе, будь то общество учеников или общество полноправных граждан, существуют характеры, искупающие злодейство и невежество окружающих; совести, если не совсем чистые от греха, то, по крайней мере, способные возмущаться крайними свидетельствами зверства и подлости; наконец, мерцающие проблески душевных сил, старающихся подняться выше обычая и позорного уровня, который им указан. Пусть все эти явления живут в какой вам угодно тайне, но они живут, и просмотреть их значило бы просмотреть именно самую существенную сторону дела. <...>.

Бурса г. Помяловского не способна ни к чему, похожему на преобразование, улучшение, обновление. Когда воспитатели и воспитанники составляют одну касту злодеев и обща участвуют в заговоре против всего, что напоминает

моральную идею, способ их исправления представляется только в виде уничтожения целого учреждения, вместе со всеми его руководителями. Тут нечего и думать о реформах, потому что реформы производятся не иначе как с помощью и на основании здоровых начал, сбереженных в недрах своих самим обществом, требующим преобразований. Где в повсеместном растлении не уцелели эти семена нового, лучшего порядка вещей, там нет и реформ. Если в таком печальном положении находится воспитательное заведение, то условием и необходимостью прогресса становится не реформа, а простое искоренение его целиком, со всем большим и малым его населением».

В условиях проходившей в то время борьбы за реформу образования эти замечания вполне понятны. Но меня интересует не позиция автора, а этнография вопроса. Многочисленные воспоминания (Грязнов, 1903 г.; Луппов, 1913 г.; Сычугов, 1933 г.; Мамин-Сибиряк, 1891 г.), обзоры (Смоленский, 1906) и основанные на личном опыте художественные произведения (Воронский, 1932 г.) свидетельствуют, что описанные Помяловским нравы не только реально существовали, но в той или иной степени сохранились в церковных школах и позже.

Сын провинциального священника врач Савватий Иванович Сычугов (1841—1902), описывая в своих «Записках бурсака» учение в Вятском духовном училище 1850-х годов и неоднократно ссылаясь при этом на Помяловского, делает оговорку: «Не забывай, что Помяловский описывает петербургскую бурсу, я же жил в бурсе вятской, от которой до бога высоко, а до царя далеко... Значит, если ты пожелаешь составить понятие, какие мытарства я вынес, то безобразия, изображенные Помяловским, возвысь в квадрат, — и картина выйдет верная» (Сычугов, 1933).

Картина действительно жуткая: грязь и вонь, кормят тухлятиной и гнилыми овощами, применяется жесточайшая, увечающая порка. От учеников требуют «долбни», «зубристики» «от сих до сих», за малейшее несоответствие ответа словам учебника секут, приговаривая: «Ты, сукин сын,

умничать вздумал, хочешь быть умнее книги». Практикуется «взаимная порка»: сначала секутор сечет провинившегося, затем провинившийся — его самого.

Не удивительно, что ученики ненавидят начальство. Сычугов вспоминает, как он старался сделать учителям «пакость»: в одного запустил с лестницы поленом, другому измазал калом перчатки. Одна из проделок: отпросившись во время урока на улицу, мальчик увидел гулявшую по лугу корову и надел ей на шею веревку от колокола; когда корова отскакивает, колокол звонит. За эту выходку «секли меня не в классе, а на лугу возле колокольни в присутствии всего училища».

Подобные нравы существовали не только в церковных, но почти во всех начальных сельских школах. Дослужившийся до чина тайного советника сын крепостного крестьянина Александр Васильевич Никитенко (1804—1877) в заметках «Первые годы моего детства» писал:

«Все педагогические приемы в этих школах сводились к употреблению ременной плетки о трех или четырех концах и палей, т. е. ударов линейкой по голой ладони. День субботний был самый знаменательный в школьной жизни. По субботам обыкновенно секли шалунов за проказы, содеянные ими в течение недели, а школьников, ни в чем не провинившихся, за проказы, которые могут быть сделаны впереди».

Не многим лучше было и Воронежское училище, в котором Никитенко проучился с 11 до 13 лет. Самому ему как первому ученику там было неплохо, но менее способным или прилежным приходилось туго:

«Отобрав от аудитора нотаты, учитель передавал их одному из учеников — обыкновенно из плотных и рослых, который и приводил в исполнение раз навсегда установленный над ленивыми и нерадивыми приговор. Вооруженный линейкой, он делал обход классу, начиная с прорсуса и до ерравита, и распределял между ними определенное для каждого число палей, т. е. ударов линейкою по ладони. Ерравиту как менее виновному делалось только словесное внушение» (Никитенко, 2005).

После отмены крепостного права и школьной реформы Александра II атмосфера в церковных школах стала меняться к лучшему. С 1861 г. в бурсу перестали брать принудительно, а срок обучения в ней был ограничен. Это сделало детское сообщество по возрасту более однородным. Изменилась и терминология: бурсаков (младших учащихся) перестали называть семинаристами, а семинаристов — бурсаками. Телесные наказания стали значительно более редкими, их заменил карцер.

По воспоминаниям писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852—1912), учившегося в Висимской школе для детей рабочих, а затем в Екатеринбургском духовном училище (1866—1868 гг.) и в Пермской духовной семинарии (до 1872 г.), в его время учительские порки стали более умеренными, но не исчезли. Вот что рассказывает писатель в книге «Из далекого прошлого. Воспоминания» (1891):

«Главной карой было увольнение из училища, а затем — субботние расчеты, когда училищный сторож Палька сек за леность, табакокурение и другие провинности. Нужно сказать, что сечение производилось не каждую субботу, и я в течение двухлетнего пребывания в училище только раз слышал издали отчаянные вопли наказуемых... Самому мне ни разу не пришлось познакомиться с искусством Пальки, типичного отставного солдата из поляков, с крючковатым носом и всегда сонными глазами. Ректор обыкновенно являлся в наш класс в один из субботних уроков с роковым списочком в руках. Он никогда не сердился и не волновался, а только по своему списочку вызывал провинившихся, которые покорно и отправлялись за ним. Ученики относились к ректору тоже без злобы, как к человеку, который только исполнял свой долг».

Зато от товарищей ждать пощады не приходилось. Особенно тяжело приходилось новичкам:

«Все новички проходят через целый строй горьких и тяжелых испытаний, но alma mater возвела их в настоящую систему, которая установилась, как выражаются старинные учебники истории, с незапамятных времен. Отдельные лица

теряли всякое значение сами по себе, а действовала именно система, безжалостная, всеподавляющая, обезличивающая и неистребимая, как скрытая болезнь...

Право сильного царило в этих стенах в своем полном объеме.

Вообще первый училищный день прошел в усиленных драках, напоминавших бои молодых петухов. Нужно заметить, что большинство этих драк происходило точно по обязанности... Известное молодечество, удаль и молодой задор требовали выхода, и бурса его находила».

Не исчезла и возрастная неоднородность:

«Главным неудобством в личном составе нашего класса являлось то, что между учениками была слишком большая разница в годах — тринадцатилетние мальчики с одной стороны, и двадцатилетние парни с другой. Из этого неравенства и естественного перевеса физических сил возникал особый вид школьного рабства.

Вечным пугалом бурсы и мотивом для всевозможных жестокостей являлась мысль об ябеднике. Этот ябедник разыскивался всеми путями и средствами, причем бурса проявляла иезуитскую изворотливость. Стоило инспектору наедине поговорить с каким-нибудь из учеников или оказать ему внимание не в пример другим, — и человек пропал. Бурса в этом случае действовала чисто по-иезуитски. Она сразу не набрасывалась на заподозренного, а только устраивала самый строгий надзор за ним и выдвигала самые удобные поводы для ябедничества... Как теперь вижу одного несчастного бурсака, который пришел к нам на квартиру, убитый, уничтоженный, близкий к помешательству. Это был скромный мальчик, которого инспектор отличил среди других, но это его погубило.

— Тебя били, Алферов? — спрашивал я под секретом, с глазу на глаз.

Он осмотрелся кругом и проговорил упавшим голосом:

— Меня уж давно бьют...

— Очень бьют?

— Нет, хуже, чем бьют.

Оказалось, что бурса применяла к нему всевозможные способы истязания. Расправа производилась обыкновенно по ночам. Находились отчаянные головы, которые по целым часам сторожили, когда жертва заснет. Мучения производились настойчиво, причем виновных не оказывалось. Бедный Алферов особенно не мог вспомнить без содрогания подушек. Дело в том, что, когда он засыпал, бурсаки накидывались на него всей оравой и принимались колотить подушками. Сам по себе один или несколько ударов подушкой — вещь совершенно невинная, но когда на несчастного сыпался целый град таких ударов, получались тяжелые последствия... Если бы он и пошел даже жаловаться, то никакой медицинский осмотр не нашел бы ни малейших признаков побоев».

Кантонисты

Не менее «телесно» воспитывали при Николае I в военно-сиротских школах так называемых кантонистов: солдатских детей, сыновей бедных жителей Финляндии и кочевавших там цыган, польских мятежников, шляхтичей, не доказавших свое дворянство, раскольников, беспризорных детей и малолетних, начиная с 12 лет, евреев-рекрутов. Их быт и нравы прекрасно описал испытавший все на собственной шкуре Виктор Никитич Никитин (1839—1908) в книге «Многострадальные. Очерки быта кантонистов» (1871):

«— Эй ты, Фокин, вперед.

Помертвевший мальчик вышел из шеренги.

— Ну, как теперь его драть? — громко спросил Живодеров. — Как бы так, чтоб и ловчей и больней было? Не выдумал ли ты какого-нибудь нового метода? — отнесся он к фельдфебелю.

— Ежели угодно, прикажите ему, ваше благородие, взяться, не раздеваясь, за носки руками. Эдакого манера они шибко трусят...

— А?.. А?.. Возьмись-ка, любезный, за носки, — заговорил Живодеров.

— Простите, ваше благородие, никогда больше не заметите! — взмолился Фокин.

— Не будешь — твое счастье, сечь не буду. Ну, а теперь нагнись-ка. Ефрейтор, валяй!

Фокин повиновался, но после первого же удара выпрямился. Живодеров повторил приказание:

— За носки.

Фокин, получив удар, страшно завыл и опять выпрямился.

— Счастливая мысль, благая мысль. А, та-та-та! Брюки долой! Разденься — и за носки!..

Фокин плакал, медлил.

— Исполнить! — крикнул Живодеров другим кантонистам. Фокина хлестнули распушенными прутьями, но на этот раз он уже не только выпрямился, а грохнулся навзничь об пол.

— По животу теперь его, по животу: встанет. А, та-та-та! Хорошо, хорошо! А, та-та-та! Напал, напал-таки наконец на мысль! — неистовствовал Живодеров. — Проба хороша, отличная проба. За носки, за носки и взад и вперед, взад и вперед, брюхо тоже не жалеть. За носки!..»

По указке священников маленьких еврейских мальчиков насильно, с помощью побоев, заставляли принимать православие. Столь же свирепо наказывали взрослых кантонистских учителей.

После выпуска вчерашние кантонисты, в свою очередь, старались тем же способом расплатиться с бывшим начальством. Подкараулив группой в безлюдном месте офицера или унтера, его подвергали беспощадной порке.

«Избиение начальственных особ носило между кантонистами название лупсовки. Лупсовка была простая, когда колотили зря, как попало, и законная. Законною лупсовкою называлось вот что: кто, например, любил бить кантонистов кулаком, того самого колотили 15—20 кулаков сразу; кто драл лежащих, заставляя других садиться наказываемому

на голову и на ноги, — тот подвергался такой же процедуре; кто предпочитал впересыпку — того самого лупсовали впересыпку, а кому нравилось драть на весу — того самого драли на весу. На весу, впрочем, драли вообще всех заклятых врагов: это отступление делалось потому, что на весу больнее. Различия или снисхождения никогда и ни в пользу кого не допускалось: ротный ли командир попался, фельдфебель ли, учитель ли или даже простой унтер — это для выпускных было совершенно все равно. При благоприятных обстоятельствах выпускным удавалось в один и тот же вечер отлупсовать несколько “зверей” в разных пустынных местностях города».

Не избежал мести и упомянутый в начале книги офицер:

«— Это что такое? — грозно спросил Живодеров. — Что вы за народ?

— Мы-то? Люди, — отвечало несколько голосов.

— Что ж вам надо?

— Тебя, самого тебя нам надо, — заговорил атаман. — Позвольте, ваше бродье, выдрать вас?

— Что-о-о? Ах вы, сволочь проклятая! Да я вас... в порошок сотру!..

Живодеров стал в оборонительное положение.

— Лучше, ваше бродье, не ершиться по-пустому. Станете кричать — только больнее отлупсуем. Ложись лучше по доброй воле.

— Прочь, негодяи! Караул! Помогите, спасите...

— Тебя просят честью, а ты еще орешь? Заткнуть ему рот да поддержать покрепче, а я тем временем сам сдеру с него его штанищи. Ну-ка!..

Сказано — сделано. Штаны Живодерова превратились в мелкие клочья.

— Ребята, вали его и садись кто на голову, кто на ноги, да впересыпку валяй, валяй его, друзья!

Притиснутый к земле Живодеров, с заткнутым ртом, и кричать уже не мог. Началось лупсованье.

— Это тебе за то, чтоб не пил кантонистской крови, — приговаривал атаман, — это тебе за то — не дери сыновей,

это тебе за то — не издевайся над женой, не тирань свою дочь, красавицу-барышню; а вот это тебе за всех их да и за нас, православных! Крепче! Та-та, та-та. Любил кататься — люби и саночки возить!.. Крепче! Та-та, та-та! Крепче! Довольно!

Живодеров едва был в силах стонать.

— Ну-с! Теперь мы, барин, с тобой, кажется, квиты. Будешь жив, и о нас вспомни, а пока — спокойной ночи. А вы, молодцы, по щучьему веленью, по моему прошенью, уничтожься, пропади!» (Никитин, 2001).

Кантонистские школы были радикально преобразованы в 1858 г.

Гимназии

В дворянских учебных заведениях, гимназиях и кадетских корпусах, порядка было больше, а условия — приличнее, но телесные наказания, подчас крайне жестокие, процветали и там.

Иван Ильич Танеев (1796—1870), отец знаменитого композитора, высокообразованный человек, закончивший три факультета — словесный, математический и медицинский, свое начальное образование получил в Петропавловском училище. Детей там «пороли ежеминутно за каждую безделицу. Скамейка, на которой секли учеников, постоянно стояла в классе. Особый солдат состоял при заведении, чтобы сечь воспитанников. Беспрестанно гувернер или учитель посылали за ним. Сечение называлось полировкой. “Ей, человек, — беспрестанно кричали немцы, — пошли солдата полировать”».

В следующих трех пансионах, где учился Иван Ильич, «воспитание везде было одно и то же. Везде была самая суровая дисциплина, везде жестоко били и секли за всякую вину без всякой вины».

А когда Ваня пожаловался на незаслуженную порку дяде, тот возмутился: «“Как, жаловаться на начальство”, — закри-

чал он, велел принести розог и собственноручно жестоко выпорол мальчика» (Танеев, 1959).

Генерал-фельдмаршал граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816—1912), окончивший с серебряной медалью Благородный пансион при Московском университете, вспоминает:

«Со стороны учителей и начальства также мало было назидательных примеров для молодежи: они относились к учащимся неимоверно грубо и сурово; в классах не только слышались самые грубые ругательства, но доходило нередко и до телесной расправы: за одно незнание заданного урока, за невнимание в классе учителя били линейкой по пальцам, драли за уши, а некоторые призывали в класс сто-рожей с пучками розог и тут же, без дальнейших формальностей, раздевали провинившегося и пороли не на шутку. Отвратительная эта операция производилась не в низших только классах, не с одними малолетними; подвергались ей и здоровенные, уже зрелые молодцы старших классов» (Милютин, 1997).

В дальнейшем система наказаний в гимназиях была регламентирована, но правила не всегда соблюдались.

Известный педагог Владимир Яковлевич Стоюнин (1826—1888), выходец из зажиточной купеческой семьи, учившийся в Санкт-Петербургском училище при церкви Святой Анны, писал, что «кроме многих легких наказаний за леность и шалости пользовались и другими, более чувствительными — обыкновенным сечением, карцером и сечением по ладоням. К двум первым прибегали редко, зато последнее было в почти ежедневном ходу» (Стоюнин, 1954).

Знаменитый исследователь русской народной поэзии и мифологии Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871), окончивший Воронежскую гимназию, вспоминает:

«Было в большом ходу и сеченье розгами. По гимназическому уставу, это наказание было дозволено только в трех низших классах; но бывали примеры, что инспектор нарушал это постановление, хорошо нам известное, и подвергал ему учеников 4-го класса» (Афанасьев, 1986).

Характер применяемых наказаний во многом зависел от личности директора учебного заведения. В 1850-х годах особым садизмом славился директор Житомирской гимназии Китченко. По словам мемуариста И. А. Самчевского, которого цитирует автор известной исторической монографии, «сечение учеников было для Китченко истинным наслаждением, это его единственный труд на педагогическом поприще. Кроме сечения, Китченко ровно ничего не делал. Надо было только видеть, с каким плотоядным выражением на лице разговаривал Китченко с новичком, только что поступившим в гимназию <...>.

Однажды поступил в общую квартиру ученик 2-го класса Джогин, лет 12, розовый, кругленький и красивый мальчик — кровь с молоком и отлично выдержанный. Китченко придрался к нему уже на третий день поступления и так высек, что, когда наказанный явился обратно, лица на нем не было; несколько дней мальчик плакал с утра до вечера, ночи не спал от страха. Если мама узнает, она непременно умрет, — говорил товарищам Джогин. Все успокаивали его, принимая участие в его горе. После этого случая Китченко так привязался к Джогину, что сек его за каждую мелочь, что к концу первого года от Джогина осталась только тень, — полнота и розовый цвет лица были съедены Китченко. Когда в начале июля приехала мать Джогина и увидела своего сына, с нею сделался обморок; она так рыдала, глядя на него, что все ученики прослезились. Это была такая сцена, которая на всю жизнь осталась в памяти присутствовавших, все дети понимали и разделяли ужас матери. И никто из родителей не жаловался на этого мучителя!» (Джаншиев, 2008).

Описание одной драматической школьной истории сохранилось в бумагах Федора Сологуба:

«В 1846 году ученики второго класса взбунтовались против своего учителя Дашкевича. Они заявили директору, посетившему училище, что Дашкевич болен сифилисом, и учиться у него они-де не желают. Приказано было разобрать дело и найти зачинщиков. Но по тщательном

розыске зачинщики обнаружены не были, и штатный смотритель распорядился высечь всех учеников второго класса. Секли жестоко, давали по 200 и более ударов каждому. О некоторых, отличившихся и ранее зловредностью поведения и образом мыслей, штатный смотритель ходатайствовал, дабы повелено было написать их в солдаты. Но ходатайство это уважено не было, по неимению закона, как объяснено было в бумаге директора. Взамен сего было предложено штатному смотрителю снова и нещадно высечь виновных, и всех вообще учеников второго класса держать 2 месяца по часу ежедневно на голых коленях. Учителю же Дашкевичу объявлена благодарность» (цит. по: Павлова, 2007).

Нравы отличались не только от школы к школе, но и от учителя к учителю. Хорошую подборку мемуарной литературы приводит И. Л. Максименко.

Художник Николай Николаевич Ге (1831—1894) в статье «Киевская первая гимназия в сороковых годах» вспоминает прекрасных учителей (это «были светлые точки нашей жизни»), особенно Николая Ивановича Костомарова, который «заставил чуть не весь город полюбить русскую историю. Когда он забегал в класс, все замирало, как в церкви».

Зато другой учитель «ставил на колени с двумя толстыми книгами в руках, поднятыми кверху. Каждый ученик должен был иметь из бумаги вырезанную форму гитары для подкладывания под колени, так что наказанные вкладывали платки в панталоны. Он бил квадратной линейкой по голове. Он рвал уши, завиток уха отделялся трещиной, которая покрывалась постоянным струпом. За каждую ошибку он давал щелчок в ухо. О сечениях я уж не говорю» (Ге, 1911).

Младший современник Ге, историк музыки, профессор Петербургской консерватории Александр Иванович Рубец (1837—1913) вспоминает о той же Киевской первой гимназии:

«Взрослых учеников секли особенно жестоко, давали минимум сто розог в раз. Эта операция всегда совершалась

по субботам, после обеда. Ученики вызывались по алфавиту: малец и великовозрастный, и так по очереди весь состав наказываемых, которых было 12—15 человек» (Рубец, 1911).

Даже после того, когда многие наказания были запрещены, в Киевской первой гимназии «розга была удержана, так как полная отмена ее не встретила сочувствия ни в педагогических сферах, ни между родителями, но применение ее было очень ограничено — требовалось большинство $\frac{3}{4}$ голосов педагогического совета по закрытой баллотировке, при том по отношению к воспитанникам только первых трех классов» (Бунге, Забугин, 1911).

Как и в знакомых нам английских школах, исполнителями учительского приговора часто становились соученики наказываемого. Учившийся в городском начальном училище Н. Дружинин пишет:

«Я — ответчик за это слово — знаю несколько грустных случаев от розог, бывших в мое время в наших училищах, и палачами тут были употреблены мальчишки-товарищи!.. Из 150 учеников нашего училища третья часть ежедневно выходила из училища сеченою» (Дружинин, 1860).

Ему вторит писатель и букинист Николай Иванович Свешников (1839—1899):

«Розги у нас в то время очень часто пускались в ход, и ученики друг дружку пороли с каким-то удовольствием. Как только бывало учитель скажет, что такого-то надо выпороть, то непременно человек пять сломя голову бегут за розгами» (Свешников, 1996).

О взаимосвязи «вертикального» и «горизонтального» насилия говорят почти все мемуаристы.

Старшеклассники помогали воспитателям, которым они, даже при желании, не могли бы отказать. Писатель Илья Васильевич Селиванов (1810—1882) вспоминает о Московском коммерческом училище 1831—1838 гг.:

«Надзиратели ночью не дежурили, но в виде надзирателей, в комнаты низших классов, назначались директором, на весь курс, благодетельнейшие из воспитанников последнего,

4-го класса; им даваема была и надзирательская власть над воспитанниками, они могли наказать своих подчиненных». Это была ответственная нагрузка. «Старшие воспитанники должны были отвечать за беспорядки подчиненных, и за это с них строго взыскивалось. Надзирателю за младшим классом приходилось вставать всегда аккуратно в 6 часов, будить маленьких мальчиков, отвечать за их провинности, и слушать за это выговоры от настоящих надзирателей, а иногда и от директора» (Селиванов, 1861).

Вместе с тем это открывало широкие возможности для злоупотребления властью.

«Кроме директора, инспектора и надзирателей, над пансионерами властвовали еще так называемые “старшие” воспитанники, которые весьма дурно обращались с вверенными их попечению младшими воспитанниками и часто наказывали их» (Бунге, Забугин, 1911).

«Для присмотра за учениками низших классов во время занятий назначались из учеников 7-го и 6-го класса старшие. Это были чистые деспоты. Бывало, за пустяк придерется, оставит малого без обеда, а сам съест его порцию за столом. Им даже позволялось бить младших учеников. <...>. Каждый класс состоял из взрослых и малолетних. Первые были угнетающие, вторые угнетенные. Кроме того, в низших классах, включительно до пятого, были так называемые царьки, которым все должны были повиноваться, как физически сильнейшим [...] Взрослые заставляли малых играть с ними в карты. Чаше всего большие выигрывали; проигрывши никогда не платили.

Жаловаться на товарища считалось бесчестным. На ябеду набрасывали шинель во время промежутков между уроками и били, сколько душе угодно. Взрослые крали у малых книги, потом продавали их на толкучем рынке, а деньги пропивали» (Булюбаш, 1861. С. 40).

Ларинская гимназия, в которой со второго класса учился критик и литературовед Александр Михайлович Скабичевский (1838—1910), считалась одной из лучших в Петербурге, образцовой. Розги в ней, разумеется, были, потому что они

«входили всецело в систему воспитания того времени. Не поставить в годовом отчете, подаваемом директором в высшие инстанции, цифры высеченных в течение года было так же немыслимо, как не обозначить, сколько в течение года было больных воспитанников или учителей, и свидетельствовало бы о невыполнении директором возложенных на него обязанностей. К тому же Фишер был человек своего времени: он родился в 1799 году, и его, наверное, самого посекали в Венском иезуитском коллегииуме...»

Однако Саша был «мальчик смирнехонький, ни в каких шалостях и драках не участвовал. Ни разу меня в гимназии не высекли».

Зато «самым тяжелым игом были товарищи. Нужно сказать, что в то время не существовало еще никаких ограничений относительно срока пребывания учеников в гимназии, и ученики могли оставаться в первом классе лет по пяти. При таких порядках в младших классах рядом с десятилетними мальчуганами восседали юноши, годившиеся хоть сейчас под венец. Особенно в третьем классе можно было встретить верзил, уже брившихся, говоривших басом, пивших водку, резавшихся в картишки и знакомых со всеми увеселительными заведениями в столице. Если принять в соображение, что мало-мальски способные и нравственно-дисциплинированные дети аккуратно переходили из класса в класс, а засиживались самые беспардонные лентяи и шалопаи, то станет понятным, какое деморализующее влияние оказывали подобные чудовища, оборванные, грязные, растрепанные, с заспанными глазами, с печатью наглости или идиотизма грубые, одичалые и развратные, на сидевших с ними рядом малюток девяти и десяти лет. Понятно, что силою своих кулаков великовозрастные держали своих товарищей-новичков под игом необузданного деспотизма, тешились над ними вволю и в то же время научали их всяким пакостям...

Не проходило дня без какой-нибудь крупной шалости, затеянной под предводительством великовозрастных. Не помогали никакие кары, ни даже розги, практиковавшие-

ся в те времена весьма щедро, причем саженные мужланы, кряхтя и прося прощения басом, ложились на скамью с такою же покорностью, как и дети.

К довершению всех бед, одного из великовозрастных, некоего Ломанова, назначили старшим класса. Старшие считались помощниками гувернеров; они обязаны были следить за порядком и записывать нарушителей его. Пользуясь этой властью, наш старший учредил целую систему взяточничества. Как только дети собирались в класс, он тотчас же начинал записывать в свой штрафной список первых попавшихся ему на глаза. Каждый записанный должен был откупаться булками, перьями, карандашами, пеналами и т. п. Начинался бесцеремонный торг, а кто не шел на выкуп, того Ломанов записывал двукратно и троекратно, и тем более тяжкому наказанию рисковал подвергнуться непокорившийся... Как теперь гляжу я на это чудовище, напоминавшее собою заматерелого в зуботычинах городского: среднего роста шестнадцатилетний мальчуган, приземистый и несколько тучный, он поражал тупою деревянностью своего лица. На лице этом словно было написано: оставьте надежду на снисхождение!.. Только, бывало, и думаешь, как бы не попасться на его алчные глаза» (Скабичевский, 2001).

О тирании старших рассказывает и писатель Николай Николаевич Златовратский (1845—1911):

«Среди чуть ли не большинства великовозрастных пансионеров старших классов царил скрытый разврат и цинизм, скабрезные разговоры представляли самое излюбленное их развлечение. Они собирали вокруг себя целую толпу мальцов и развращали их младенческие души. Среди них практиковались всевозможные виды школярской разнузданности, от ребячески бессмысленных до самых грубых и противоестественных проступков» (эвфемизм «противоестественный» чаще всего подразумевал гомосексуальность) (Златовратский, 1956).

В тех учебных заведениях, где формальная порка была не в почете, употреблялись другие «силовые» приемы. Пи-

сатель, критик и историк литературы Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892) вспоминает:

«Ни в училище, ни в гимназии за все время моего там шестилетнего учения не было телесных наказаний. Высекли только троих, и то по просьбе их матерей-вдов, у которых они отбились от рук и которые вынуждены были прибегнуть к начальству, чтоб оно усмирило непокорных детей.

Провинившихся наказывали другими способами: ставили на колени и оставляли без обеда; в большом ходу были и другие, более грубые и недостойные меры внушения: волосодранье, пощечины, подзатыльники, иначе называемые затрещинами, и не без причины: кто получал их, у того действительно трещало в голове и сыпались из глаз искры, так что пол превращался в небо, усеянное звездами. [...] Мы с братом были избавлены от трех последних наказаний, сколько потому, что не заслуживали их, столько же и потому, что учителя иначе держали себя с нами, как единственными учениками из дворянского сословия» (Галахов, 1999).

Сильно различались по характеру дисциплины и частные пансионы. Писатель Владимир Галактионович Короленко (1853—1921) в «Истории моего современника» вспоминает о своем пребывании в пансионе пана Рыхлинского:

«Нельзя сказать, чтобы в этом пансионе господствовало последнее слово науки. “Кости пере-ломаю!.. все кости...” — коронная присказка директора пансиона. Костей, правда, не ломали, зато по рукам линейкой били, и больно. Система обучения языкам была довольно-таки оригинальна. Один день пансионеры должны были говорить только по-немецки, другой — только по-французски. Проговорился на родном языке — подставляй руки для битья. Самое скверное, что со временем среди пансионеров система приобрела характер игры, с оттенком злорадства. Проговорившемуся вешали линейку на шею, и, если он не находил случая уличить в языковом прегрешении кого-либо другого, учитель бил педагогическим садизмом — явлением, широко распространенном в тогдашних учебных заведениях. Учитель математики пан Пашковский на занятиях раз-

влекался тем, что холеными ногтями, как гарпия, впивался в головы запутавшихся в задаче малышей, либо сбивал их с ног метко пущенными подушками (дортуар и классная комната было одно и то же), либо железной рукой раскачивал над подоконником, грозясь бросить на улицу» (Короленко, 1954).

А в другом пансионе все было иначе.

Военно-учебные заведения

В XVIII в., в первые годы существования кадетских корпусов, нравы некоторых из них были откровенно варварскими.

«Способ исправления состоял в истинном тиранстве. Капитаны, казалось, хвастались друг перед другом, кто из них бесчеловечнее и безжалостнее сечет кадет. Каждую субботу подавались ленивые сотнями, и в дежурной комнате целый день вопль не прекращался. Один прием наказания приводил сердца несчастных детей в трепет. Подавалась скамейка, на которую двое дюжих барабанщиков растягивали виновного и держали за руки и за ноги, а двое со стороны изо всей силы били розгами, так что кровь текла ручьями и тело раздиралось в куски. Нередко отсчитывали до 600 ударов и более, до того, что несчастного мученика относили прямо в лазарет» (Записки В. И. Штейнгеля, 1981).

При Александре I в дворянских учебных заведениях розги были отменены, но Николай I их восстановил. Некоторые историки связывают это с личными особенностями государя. Как известно, в детстве Николай был вспыльчив, драчлив и не особенно восприимчив к наукам, а приставленный к нему наставником генерал Матвей Иванович Ламздорф педагогическим талантом не отличался:

«Дядька, к нам приставленный, — жаловался впоследствии Николай I графу Киселеву, — не умел ни руководить нашими уроками, ни внушать нам любовь к литературе и к наукам; он вечно ворчал, подчас раздражался сильней-

шим гневом из-за пустяков, бранился и нередко наделял нас тычками и щипками, которых особенно много доставалось на мою долю. Брат, при своем более податливом характере и более веселом нраве, лучше уживался с этим беспокойным человеком. Бог ему судья за бедное образование, нами полученное».

«В учении видел я одно принуждение и учился без охоты. Меня часто, и я думаю не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко гр. Ламздорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков».

Зла на своих учителей Николай Павлович не держал, а став императором, решил, исходя из собственного опыта, что при воспитании будущих офицеров и чиновников розга ничего, кроме пользы, не принесет.

«Одно из ужаснейших посягательств прошлого царствования, — писал А. И. Герцен в статье «1860 год», — состояло в его настойчивом стремлении сломить отроческую душу. Правительство подстерегало ребенка при первом шаге в жизнь и развращало кадета-дитя, гимназиста-отрока, студента-юношу. Беспощадно, систематически вытравляло оно в них человеческие зародыши, отучало их, как от порока, от всех людских чувств, кроме покорности. За нарушение дисциплины оно малолетних наказывало так, как не наказывают в других странах закоснелых преступников».

Яркие примеры жестоких расправ с кадетами приводит Алексей Азовский (Азовский, 2008):

«В 1834 году в 1-м Московском кадетском корпусе произошёл следующий случай. На замечание учителя Шенрона о том, что окна в классе нужно закрывать осторожнее, один из кадет, князь К-ский, конечно от великого ума сказал: “Что форточки — мы и у офицеров головы ломаем”. Будь немец посметливей да поразумней, то, конечно, он сумел бы пресечь выходку юноши и ограничиться дельным замечанием, но Шенрон передал слова князя К-ского начальству.

В то время в Москве находился Главный директор кадетских корпусов генерал-адъютант Сухозанет. Он лично и возглавил следствие, по окончании которого и велел зачитать

приказ свой, которым и определил наказание князю К-скому. За глупую браваду кадет был приговорен к тремстам ударам розгами перед собранием всего корпуса.

Очевидцы экзекуции вспоминают: «Сухозанет командовал поркой кадета лично. Боже милостивый! Как изгладить из памяти эту омерзительную сцену. Уже около получаса продолжалось наказание, во время которого почтенный и заслуженный воин спокойно сидел на своем месте; но вот голос несчастного юноши стал слабеть, и доктор, следивший за экзекуцией, прервал ее. Через некоторое время князь получил оставшиеся розги и был унесен на покрытой пятнами крови простыне в лазарет».

В личных делах воспитанников кадетских корпусов встречаются записи такого типа:

«Тетрадь кадета N. К. К. Василия Т...а 1-го. Определен в корпус в 1830 году, 10-ти лет от роду, балл за поведение — 8».

Охарактеризован как «скромный, доброго нрава, но ленивый и со слабыми способностями». В 1836 году, то есть когда ему было уже 16 лет — наказан 30 ударами розог за незнание четырех предметов и лень; он же, спустя месяц, снова наказан 30 ударами розог за «ту же лень»; за лень в следующем месяце к нему применено уже другое наказание — 3 недели обедать «стоя», не получая при этом последнего блюда; в следующем месяце за ту же «лень» к этому наказанию прибавлено было — сбавка одного балла за поведение и лишение права на отпуск в рождественские праздники. В следующем году он за «лень» снова наказан 25 ударами розог; затем три недели остается без последнего блюда и т. д.

Серьезные дисциплинарные нарушения доводились лично до сведения государя:

«23 сентября 1836 года. В получении сего числа от Главного директора Пажеского и кадетских корпусов в приказе № 19 значится: “Военный министр генерал от инфантерии граф Татищев отношениями от 15 сентября за № 6966 и 6971 уведомил меня для надлежащего исполнения, что Государь Император высочайше повелел соизволить:

Дворянского полка дворян Николая Д-ва, Григория С-ва и Ивана Б-на за леность, нерадение их в службе и науках и слушание против начальства наказать перед Дворянским полком розгами, дать первым двум по 100 ударов каждому, а последнему 500 ударов и потом из них Д. и С. выписать рядовыми в полки отдельного Финляндского корпуса. Б. же, за буйный и дерзкий поступок против батальонного командира полковника Б-на, коего намеревался он ударить палкой, предать суду военного трибунала с тем, чтобы он был лишен дворянства и послан в арестантские роты в крепостные работы»».

Будущие офицеры воспринимали телесные наказания как неизбежное зло.

Николай Васильевич Шелгунов (1824—1891), который был отдан в Александровский кадетский корпус для малолетних четырехлетним и пробыл в нем до девятилетнего возраста, сохранил воспоминания только о телесных наказаниях в этом заведении.

Его ровесник, внук А. Н. Радищева, художник Алексей Петрович Боголюбов (1824—1896) рассказывает:

«Мать обучала нас всему, что приличествовало нашему возрасту. Я был всегда очень резов, а потому ей часто приходилось делать мне внушения, но во все время ее деятельной педагогической любви к нам она ни разу меня не высекла и не ударила, что было бы тогда совершенно в духе времени, ибо, приведу для примера, в Александровском малолетнем корпусе меня драли 17 раз да 2 — в Морском».

Тем не менее своих учителей он вспоминает по-доброму:

«Инспектор, полковник Хватов, был добрый старик, его сменил г-н Мец и вскоре получил название Живодера за то, что драл всех беспощадно солдатскою рукою, тогда как дамы секли руками ротных нянек. Странное было дело. Дадут розог двадцать — двадцать пять, конечно, не очень горячих. И, ежели не поцелуешь руку мадам Эспенберг, то опять положат, и так до тех пор, пока не покоришься. Мец не требовал этой благодарности, зато и бил серьезнее» (Боголюбов, 1996).

Об инспекторе Меце вспоминает в своих мемуарах «От кадетского корпуса к академии художеств» младший современник Боголюбова, двоюродный брат Ал. К. Толстого, художник и график Лев Михайлович Жемчужников (1828—1912).

В Александровском малолетнем кадетском корпусе, куда мальчика отдали в шестилетнем возрасте, его провинности были не слишком серьезными. Тем не менее без порки не обходилось. Особенно страшно было в первый раз:

«Когда мы напились в столовой молока и все ушли в классы, я один, дрожа и бледнея, остался в огромной зале по приказанию директора, который ходил взад и вперед. По команде его: “розог” — солдаты засуетились, а я заплакал во все горло. Меня повели в просторный чулан, раздели, растянули между двух стульев и дали четыре удара розгами, рукою солдата-ламповщика Кондрата.

Я вернулся в класс с директором; когда он ушел, сидевшие возле меня кадеты шепотом спрашивали: сколько ударов и больно ли? Я отвечал, а сам едва сидел на жесткой деревянной скамейке и чувствовал, что подо мною как будто горела пачка спичек. Во время перемены уроков, когда я вышел из классной комнаты, кадеты начали приставать, чтобы я показал рубцы; я не хотел, но, наконец, согласился».

Постепенно мальчик освоился, «прослыл силачом и отважнейшим в роте. Такие кадеты были и в других ротах и пользовались общим уважением; они были неопрытнее всех. Мамзель Бониот не любила меня, часто наказывала и секла; секла собственноручно или приказывала сечь девушкам в ее присутствии. Сек меня реже, но больнее, директор, а еще больнее инспектор. Удары его давались на лету; держали меня два солдата за руки и ноги, полураздетого на воздухе, а третий солдат хлестал пучком розог (запас которых стоял в углу), пока Мец не скажет “довольно”. Число ударов доходило до тридцати и сорока. После экзекуции я уже сам показывал товарищам рубцы от розог и щеголял ими».

«Однажды случилось необыкновенное происшествие, наделавшее много шума. В одном из старших классов, при осмотре классных книг (что делалось инспектором очень часто, и за помарки и рванье строго наказывалось), на листках книг нашли надписи фамилий двух кадет с самыми неприличными бранными словами. Начались допросы — никто не признавался. Допросы продолжались несколько дней, но без успеха. Мец решил пересечь весь класс, дав по два удара каждому, и крепко высечь тех, на кого было подозрение; с них он и начал. Высек больно шестерых и, готовясь сечь весь класс, дал день на размышление.

В рекреационное время кадеты сидели в классах под строгим присмотром. Розги были приготовлены в большом количестве, и Мец, растрепанный и нахмуренный, вошел в класс, встал посредине, велел всем встать на колени и молиться; сам он с чувством молился шепотом, и слезы текли по его щекам. Кто, глядя на него, расчувствовавшись, плакал, а кто от страха.

Троих уже высекли, как один из кадетов К. признался: он был уже высечен прежде, как подозреваемый, но теперь вновь, и кричал ужасно. Мец плакал и просил извинения у высеченных напрасно, опять стал посреди класса и молился, позвал К., заставил его повторять за собою слова молитвы, а затем простил» (Жемчужников, 2008).

В августе 1839 г. подросток Жемчужников привезли из Царского Села в Петербург и перевели в Первый кадетский корпус. Здесь наказания были серьезнее:

«Каждый понедельник в нашей роте происходила экзекуция: кого за дурной балл, кого за шалости или непослушание <...>. Секли целыми десятками или по восьми человек, выкликивая первую, вторую и т. д. смену, в последовательном порядке; при этом нас выстраивали попарно, и по команде нога в ногу мы шли в залу. <...>

Рекреационная зала была громадная, и посередине ее в понедельник утром стояли восемь или десять скамеек (без спинок), по количеству лиц в смене. Скамейки были покрыты байковыми одеялами; тут же стояли ушаты с го-

рячей соленой водой, и в ней аршина в полтора розги, перевязанные пучками. Кадеты выстраивались шеренгой, их раздевали, или они раздевались, клали, или они ложились из молодечества сами на скамью; один солдат садился на ноги, другой на шею, и начиналась порка с двух сторон; у каждого из этих двух солдат были под мышкой запасы пучков, чтобы менять обившиеся розги на свежие. Розги свистели по воздуху, и Михаэль (командир роты. — И. К.) иногда приговаривал: “Реже! Крепче!..” Свист, стон — нельзя забыть...

Маленькие кадеты и новички изнемогали от страха и боли, мочились, марались, и их продолжали сечь, — пока не отсчитают назначенного числа ударов. Потом лежащего на скамье выносили по холодной галерее в отхожее место и обмывали. Нередко лица и платье секущих солдат были измараны и обрызганы этими вонючими нечистотами. Случалось, что высеченного выносили на скамье в лазарет. Крепкие и так называемые старые кадеты хвастались друг перед другом, что его не держали, а тот не кричал, показывали друг другу следы розог, и один у другого вынимали из тела прутики; рубашки и нижнее белье всегда были в крови — рубцы долго не заживали».

Воспоминания художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина (1842—1904) о том же Александровском корпусе, куда его отдали в 1851 г. в восьмилетнем возрасте, в целом благоприятны:

«В общем Александровский корпус оставил недурное впечатление — влияние женщин оказалось сильно: не было грубости, черствости, солдатчины, заедавших старшие корпуса, по которым мы разъехались и которые готовили не людей в широком смысле слова или даже хороших военных, а только специалистов фронта и шагистики». Однако порки детей он вспоминает с отвращением (Верещагин, 1895).

Еще жестче оценивает корпусные порядки будущий нарковолец Михаил Юльевич Ашенбреннер (1842—1926):

«В 53 г. я поступил в I Московский кадетский корпус, который тогда, подобно школе кантонистов — был “палочной

академией”. Ротный командир Сумернов мне сделал такое напутствие: “Помни, у меня всякая вина виновата. За слушание, дурное поведение и единички высекут: будь у тебя семь пядей во лбу, а виноват — значит марш в “чикауз”; у меня правило: “помни день субботний”. По субботам водили в “чикауз” человек 20—30. Одних пороли, другие навидались. Малышам давали до 25 ударов, подросткам до 50, а взрослым до 100. Совершая публично порку, наши воспитатели рассчитывали на поучение и устрашение; а вышло нечто другое: по примеру воспитанников старшего возраста, малыши в виде протеста старались переносить наказание не только без крика, а молча, что приводило присутствовавших товарищей не в ужас, а в некоторый экстаз и создавало подражателей. Так, мало по малу дикая и жестокая казарменная ферула создавала суровое спартанское товарищество, связанное общей ненавистью к начальству, и по правилу о взаимной выручке учила стоять всех за одного» (Ашенбреннер, 1925).

Самыми страшными массовыми порками славился Воронежский кадетский корпус. Будущий управляющий канцелярией туркестанского генерал-губернатора Георгий Павлович Федоров в своих мемуарах «Моя служба в Туркестанском крае» (1913) рассказывает:

«Я поступил в этот (Тамбовский. — И. К.) корпус в 1855 году и в 1858 году был переведен в Воронеж. О пребывании в тамбовском корпусе у меня сохранились самые туманные воспоминания. Существовавшая в то время система воспитания требовала для достижения педагогических целей трех вещей: розог, розог и розог, и применялась к бедным детям с беспощадною суровостью, несмотря на то, что во главе корпуса стоял очень добрый человек генерал Пташник. Но и он порол нас потому, что в то время других педагогических приемов не признавали даже самые передовые люди.

Помню, впрочем, хорошо, что до нас доходили слухи, что в воронежском корпусе несравненно больше порют, чем в Тамбове, что однорукий кавказский генерал Броневский

(директор корпуса) всеми силами стремится подражать своему предшественнику, известному на всю Россию генералу Винтулову, который запарывал кадет до потери сознания. Боялись мы переезда в Воронеж страшно, и когда настало время переезда, то все мы рыдали неутешно, расставаясь с Пташником. Сопровождавший нас ротный командир капитан Севастьянов старался нас еще больше напугать, смакуя перед нами подробности воронежских пороков: мокрые простыни, смоченные в сольном растворе розги etc.

В первый же день по приезду в Воронеж Севастьянов собрал нас и, видимо, сконфуженный, сказал нам следующую речь:

“Дети! Господь сжалился над вами! Генерал Броневский уже больше не директор! На его место назначен генерал Ватаци”.

Броневский никогда по военно-учебному ведомству не служил и, находясь в войсках Кавказа, пользовался репутацией лихого боевого офицера. В одном деле с горцами он был тяжело ранен; ему ампутировали руку до плеча и в награду... назначили директором кадетского корпуса...

Рассказывают, что первый год своего директорства он поразил всех своею гуманностью. Он никого не сек, завел библиотеку, физический кабинет. Кадеты вздохнули свободно после многолетнего жестокого винтуловского режима. Но вдруг, на общее несчастье, в корпусе произошел страшный скандал: кадет первой роты Стежкин в присутствии всех кадет в столовой дал пощечину дежурному офицеру поручику С-ну. Броневский сразу озверел. Стежкин был беспощадно выдран пред целым батальоном; затем на него надели серую шинель, и он отправлен был куда-то, как простой солдат. Кажется, правосудие было удовлетворено, и кадеты ничем не заслужили возврата к старому режиму. Между тем вот что произошло на другой день. После классов весь батальон был собран в зале, и к общему ужасу солдаты внесли несколько скамеек и целые пуки розог. Все замерли в ожидании. Вошел Броневский и, не поздоровавшись ни с кем, начал такую речь:

— Когда вчера привели Стежкина для наказания, то из первой роты раздался возглас: о! о! о! о! Кто это воскликнул? Выходи, а не то перепорю десятого!

Общее томительное молчание...

Прошло минуты две-три. Броневский подошел к первой роте.

— Зыбин! Это, наверное, ты. Ступай, ложись.

И вот началось беспощадное бичевание семнадцатилетнего юноши, быть может, ни телом, ни душой не виноватого.

Когда Зыбина в обмороке унесли в лазарет, то Броневский вызвал такими же словами Лутовинова. Опять началось истязание. После Лутовинова были выпороты еще трое, и лишь тут зверь успокоился и распустил обезумевших от ужаса детей. С этого дня порка снова получила право гражданства, пока в Петербурге, где уже начались гуманные веяния, не догадались отозвать озверевшего сумасшедшего Броневского».

Новый начальник, генерал Ватаци (1810—1886) «в первый же день своего прибытия объявил, что система истязания детей “на законном основании” должна быть забыта навсегда, и когда некоторые старозаветные воспитатели винтуловского режима начали возражать, что без розог кадеты окончательно развратятся, то Ватаци ответил одним словом: “посмотрим”, и, действительно, не прошло и года, как все убедились, что можно обойтись и без розог. Сами кадеты невольно подтянулись под влиянием гуманного обращения. Существовавший среди кадет так называемый спартанизм начал исчезать. Спартанцы, т. е. кадеты, считавшие унижением учиться и посвятившие себя всецело развитию физической силы, если и не вывелись совсем в первый же год директорства Ватаци, то старались, по крайней мере, держаться в тени и не бравировать своими колоссальными мышцами и икрами» (Федоров, 1913).

Нравы Морского кадетского корпуса 1856—1858 гг. подробно описал его тогдашний воспитанник, будущий генерал-лейтенант Дмитрий Федорович Мертваго (р. 1841):

«А пороли здорово. Две пары барабанщиков раскладывали “пациентов” на деревянной скамейке лицом вниз, и потом попарно садились держать руки и ноги обреченного, тогда как третья пара отворачивала часть одежды от телесных мест. Та же третья часть барабанщиков по знаку присутствующего старшего начальника, в данном случае батальонного командира, начинала хлестать розгами по оголенным перед тем местам. С каждым ударом на теле оставался рубец, белый по гребню и красно-багровый на окраинах. Процедура продолжалась довольно долго» (Мертваго, 1918. Цит. по: Зуев, 2005).

Розги сохранились в Морском корпусе вплоть до конца XIX в. Контр-адмирал Сергей Владимирович Евдокимов (1878—1960) в своих «Воспоминаниях контр-адмирала» пишет:

«Когда я в 1892 году поступил в корпус, то еще существовала порка розгами, но с согласия родителей, которое родители давали всегда. Порка была исключительно редким наказанием. Кадета, подлежащего порке розгами по решению учебно-воспитательного совета, приводили в баню. Туда же приводили всех кадет плохого поведения из всех рот и выстраивали во фронт перед скамейкой, на которую клали раздетого наказуемого. Его держали два горниста, а барабанщики драли. Ротный считал удары. За все мое пребывание в корпусе я помню только три случая наказания розгами, которое вскоре было отменено» (Евдокимов, 2008).

Владимир Алексеевич Каменский, учившийся в Александровском корпусе с 1901 по 1905 г., уже «не застал в корпусе эпохи телесных наказаний, но память о них еще была свежа в воспоминаниях старших кадет» (Каменский, 1973).

Училище правоведения и Пажеский корпус

Жестокие порки практиковались в николаевские времена и в привилегированных гражданских учебных заведениях, например в Училище правоведения, одним из воспитан-

ников которого был Петр Ильич Чайковский. Данные о них исчерпывающе собрал и обобщил биограф композитора А. Н. Познанский (2009).

Музыкальный и художественный критик Владимир Васильевич Стасов (1824—1906), учившийся там в 1836—1842 гг., вспоминает:

«Что производило в нас чувство совершенного омерзения — так это сечение. <...> Надо заметить, что, невзирая на царствовавшую тогда привычку к сечению, было уже немало семейств в России, где этим варварством гнушались и где считали его не только противным, но и совершенно бесцельным. Так было и в моем семействе. Никто из нас не знал, что такое наказание вообще, а тем более — розги» (Стасов, 1952).

В свете подобного опыта училищные нравы выглядели дико. Стасов подробно описывает самую жуткую групповую порку, при которой ему довелось присутствовать:

«[Директор] Пошман уже столько нашумел и накричал, так много нагрозился, что вошел в начальническую истерику, что отступить ему было уже нельзя».

Он решил перепороть весь класс. Мальчиков построили в ряд, первым с краю оказался высокий и красивый правовед С-кий, которого, «отчаянно сопротивлявшегося и отбивавшегося, два солдата схватили, положили на скамейку, Кравченко стал его сечь. Директор, заложив руки за спину, ходил неровным шагом по комнате. “Воспитатели” официально молчали, застегнутые в свои вицмундиры. Невыразимая тоска и отвращение щемили мне сердце. Я отвернулся в сторону, взглянул на ряды “наших”, все стояли рядами бледные, насупленные, сдвинув брови и сжав зубы, а в высокие окна, как ни в чем не бывало, глядело голубое небо и верхушки Летнего сада напротив. Но что у нас у всех внутри делалось, пока свистели и ударяли розгами, пока С. вскрикивал все более и более диким голосом, все более и более остервеняясь при каждом новом ударе, — этого мне никогда не рассказать. Но все мы сходились тогда в одном и том же чувстве — ненависти к директору и этому

омерзительному его делу <...>. Высекли сначала С-кого, потом В-ого, краснощекого смуглого мальчика с черными глазами, живого и забияку, но совершенно невинного в этом деле. Он все время сечения раздирающим голосом кричал, что невинен. У меня вся внутренность дрожала. Наконец директор закричал, чтоб перестали, и ушел вон, не говоря ни слова и не оглядываясь. Мы разбрелись по залам, и наше негодование, наша злоба, наше омерзение долго не улеглись. Я не забыл тогдашнего мерзкого чувства даже вот спустя 40 лет. Тогдашняя картина стоит даже и теперь перед моими глазами как живая».

Но жаловаться было некуда.

«Система битья розгами была в те времена в величайшем ходу везде в наших заведениях и производилась во сто раз чаще, жесточе и непристойнее, чем у нас, и мы это знали», — заключает Стасов.

Тем не менее задним числом мемуарист входит в положение директора:

«...Он все-таки был нехудой человек. Он порол, потому что все тогда пороли, но иначе ему нельзя было поступать. Кто знает, может быть его тоже папá и мамá били и секли дома, когда он был еще мальчиком и не носил еще генеральской шляпы и ленты. Он так и привык навсегда думать, что без розог — свет вверх ногами пойдет» (Там же).

Хотя, по словам Стасова, в 1840-х годах розги в Училище стали редки, на его младших соучеников их хватало. Известный публицист, юрист и критик, почетный академик Константин Константинович Арсеньев (1837—1919) в статье «Училище правоведения с 1849 по 1855 г.» вспоминал, что «главным способом воздействия на учеников оставались угрозы, брань и крики» (Арсеньев, 1886).

«Пороли без всякой меры, без всякого стыда», — вторит ему юрист Владимир Иванович Танеев (1840—1921). Телесным наказаниям, как правило, подвергались лишь учащиеся младшего курса, высшей мерой была публичная порка, иногда в присутствии и младших, и старших правоведов. Танеев особо вспоминает инспектора Рутенберга:

«Одна походка его наводила страх и ужас. Он делал большой шаг, тяжело ставил ногу на пол, немного скользил ею вперед, причем звенела и царапала пол его шпора. Скрип этих сапог и звон этих шпор ужасно действовал на мои нервы. Я помню их до сих пор» (Танеев, 1959).

«За год до нашего поступления в Училище, в VI классе был воспитанник Трепильский. Он остался в VI классе на второй год и был гораздо старше своих товарищей. Ему было семнадцать лет. Как взрослый молодой человек, он курил. Курение в младшем классе было строжайше запрещено. Синицын (воспитатель) застал его с папирсой, сейчас же побежал к директору. Директор распорядился. Явился ужасный Рутенберг и стал сечь Трепильского перед целым классом. Ему дали шестьдесят пять ударов. Один из его товарищей, маленький Маслов, не выдержал, — зарыдал. Рутенберг закричал на него, что сейчас же разложит и его и также выпорет. Рыдания прекратились. Малютка сделал над собою неестественное усилие» (Там же).

Несмотря на это, по словам Танеева, воспитанники Рутенберга любили: он был жесток, но не подл, как директор.

А вот как описывает Танеев порку двух своих одноклассников:

«Буланина и Венъери повели в спальню и там высекли, высекли жестоко, бесчеловечно.

Венъери плакал.

Буланин вел себя как герой.

Он спокойно лег на скамейку. Жестокий Кравченко старался всеми силами. Буланин, пока его секли, не издал ни одного звука. Он не мог сидеть и трое или четверо суток пробыл в лазарете» (Там же).

«Законная» учительская порка дополнялась не совсем легальным, но освященным традицией насилием старших воспитанников над младшими, которое также включало телесные наказания.

«Дикая сила господствовала неограниченно, — пишет Танеев. — Сильные обращались со слабыми с тем же насили-

ем, как начальство с воспитанниками <...>. Воспитанники старших классов приставали к новичкам, дразнили их, били <...>. [Они] смотрели на воспитанников младшего курса свысока, а младшие на старшекурсников с почтением».

Танеев рассказывает о своем приятеле Александре Браилко, четырнадцатилетнем мальчике с профилем Наполеона:

«Он держал хлыст или кнут, погонял бегающих [по саду учащих] и иногда стегал их довольно больно. Никто не протестовал <...>. При нем постоянно были несколько человек товарищей, которые оказывали ему разные услуги, были у него на посылках, которых он третировал, как своих лакеев. Как только он выходил в сад, они его окружали...»

Зимой закладывалась тройка из воспитанников.

«Каждый считал за честь быть в этой тройке. Браилко сажился в санки и всю рекреацию катался по саду. Когда лошади уставали, они сменялись новыми» (Там же).

Примерно так же развлекались и в самом аристократическом военно-учебном заведении Российской империи — Пажеском корпусе. Анонимная (приписываемая А. Ф. Шенину, но это вызывает возражения) эротическая поэма «Похождения пажа» описывает порку как неотъемлемую часть жизни этого элитарного сообщества и одновременно — как способ приобщения мальчика к запретным сексуальным радостям:

До производства в офицеры
Чтоб нашу нравственность сберечь,
Начальники и гувернеры
Обязаны нам жопу сечь. <...>
Пред самым даже производством,
Когда Пажу под двадцать лет,
Его не тешут здесь потворством,
Хотя он принят в модный свет
И завтра будет уж корнетом,
А все ж разденут ему зад,
Разложат на диване этом,
Дадут ударов пятьдесят.

Порка, даже если осуществляли ее не начальники, а старшие товарищи, не была делом свободного выбора. Окончивший Пажеский корпус родоначальник анархизма князь Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921) рассказывает в своих «Записках революционера», что старшие воспитанники, камер-пажи, «собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке. Одни камер-пажи стояли в круге, другие — вне его и гутаперчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков. “Цирк” обыкновенно заканчивался отвратительной оргией на восточный манер. Нравственные понятия, господствовавшие в то время, и разговоры, которые велись в корпусах по поводу “цирка”, таковы, что чем меньше о них говорить, тем лучше». Корпусное начальство все знало, но никаких мер не принимало. «Система полковника заключалась в том, что он предоставлял старшим воспитанникам полную свободу, он притворялся, что не знает даже о тех ужасах, которые они проделывают; зато через камер-пажей он поддерживал строгую дисциплину» (Кропоткин 1966).

ВОСПРИЯТИЕ ПОРКИ

В отличие от закаленных с раннего детства и ко всему привычных бурсаков, мальчик из дворянской семьи часто испытывал при порке не только страх и боль, но и невыносимый стыд.

Одиннадцатилетнего Сережу Аксакова уже простая угроза гимназического учителя вывела из равновесия:

«Я долго не мог заснуть, и мысль, что посторонний человек, без всякой моей вины, хочет меня как-то примерно наказать, оскорбляла и раздражала меня очень сильно. С тех пор как я стал себя помнить, никто, кроме матери, меня не наказывал, да и то было очень давно».

Юному Александру Куприну пришлось вытерпеть нечто гораздо более страшное. Вот как он описывает пережитую порку в автобиографической повести «На переломе (Кадеты)» (1900):

«— Кадет Буланин, выйдите вперед! — приказал директор.

Он вышел. Он в маленьком масштабе испытал все, что чувствует преступник, приговоренный к смертной казни. Так же его вели, и он даже не помышлял о бегстве или о сопротивлении, так же он рассчитывал на чудо, на ангела божия с неба, так же он на своем длинном пути в спальню цеплялся душой за каждую уходящую минуту, и так же он думал о том, что вот сто человек остались счастливыми, радостными, прежними мальчиками, а я один, один буду казнен.

В спальне, в чистилке, стояла скамейка, покрытая простыней. Войдя, он видел и не видел дядьку Балдея, держащего руки за спиной. Двое других дядек — Четуха и Куняев — спустили с него панталоны, сели Буланину на ноги и на голову. Он услышал затхлый запах солдатских штанов. Было ужасное чувство, самое ужасное в этом истязании ребенка, — это сознание неотвратимости, непреклонности чужой воли. Оно было в тысячу раз страшнее, чем физическая боль.

Прошло очень много лет, пока в душе Буланина не зажила эта кровавая, долго сочившая рана. Да, полно, зажила ли?»

Судя по тому, что писатель вспоминал этот эпизод вплоть до старости, — нет, не зажила...

Почти такое же, если не более сильное, порой неизгладимое впечатление производили публичные телесные наказания на зрителей, невольно оказавшихся их соучастниками. Отсутствие непосредственной физической боли до предела обостряло чувства восприимчивого подростка. Младший брат П. И. Чайковского Ипполит Ильич (1843—1927), учившийся в кадетском корпусе, в заметках «Эпизоды из моей жизни» (1913) вспоминает:

«Когда мне пришлось смотреть и слышать взвизгивание громадных гибких розог, с размахами в три приема здоровенных солдат, старавшихся один после другого дать сильный взмах удара по исполосованному телу мальчика, ноги мои подкашивались, голова мутилась, и я, закрыв глаза, был близок к потере сознания» (Чайковский, 1913).

Рассказывая про устроенную второклассниками «фискалу» Сысоеву (на самом деле этот мальчик просто не желал подчиняться их диктатуре) «темную», Куприн скрупулезно описывает собственное предвкушение этого события и свою невольную идентификацию с жертвой:

«За вечерним чаем все отделения возраста сидели обыкновенно на разных столах. Буланин со своего места видел лицо Сысоева и его длинные тонкие пальцы, крошившие нервными движениями булку. Пятна румянца выступили резче на его щеках, глаза были опущены вниз, правый угол рта по временам судорожно подергивался. “Знает ли он? Предчувствует ли он что-нибудь? — думает Буланин, не отводя испуганных глаз от этого лица. — Что он будет чувствовать всю эту ночь? Что он будет чувствовать завтра утром?” И нестерпимое, жадное любопытство овладело Буланиным. Ему вдруг до мучения, до боли захотелось узнать все, решительно все, что теперь делается в душе Сысоева, ставшего в его глазах каким-то необыкновенным, удивительным существом; захотелось отождествиться с ним, проникнуть в его сердце, слиться с ним мыслями и ощущениями».

Иными словами, порка, которая для начальства, если оно было лишено садистских чувств, была казенным дисциплинарным мероприятием, у детей вызывала не только страх, но и сложные психосексуальные переживания, которых они не умели выразить в словах, но которые могли существенно повлиять на их будущую судьбу.

Пирогов или Добролюбов?

В преддверии отмены крепостного права телесные наказания в школе тоже стали предметом общественного обсуждения. Начало широкой дискуссии положила статья великого хирурга и одновременно видного деятеля народного образования (некоторое время он был даже попечителем сначала Одесского, а затем Киевского учебного округа) Николая Ивановича Пирогова (1810—1881). В статье «Нужно

ли сечь детей, и сечь в присутствии других детей?» (1858) Пирогов горячо доказывал, что применение розог антипедагогично, телесные наказания уничтожают в ребенке стыд, развращают детей и должны быть отменены.

Из собранных по заданию Пирогова данных вытекало, что порки, с одной стороны, массовы (в Киевском учебном округе в 1857—1859 гг. розгам подверглись от 13 до 27 процентов всех гимназистов), а с другой — применяются весьма избирательно, в зависимости от личного усмотрения директоров гимназий. Так, в 1858 г. в 11 гимназиях из 4 108 учеников было высечено 560, то есть каждый седьмой, а из 600 учеников одной житомирской гимназии порке подверглись 220 — почти половина!

Пирогов хотел с этой системой покончить, но для Александра II и для русского общества в целом взгляды Пирогова были слишком радикальными. Это побуждает его к сдержанности. В циркуляре «Основные начала правил о поступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа» (1859), принципиально осуждая розгу, Пирогов, тем не менее, считает невозможным полностью обойтись без нее и лишь советует применять ее в гимназиях нечасто, причем в каждом отдельном случае — только по постановлению педагогического совета. Речь идет не об отмене телесных наказаний как таковых, а всего лишь об упорядочении их применения и об ограничении учительского произвола:

«Опытом дознано, что уменьшение числа преступлений в обществе и улучшение нравственности зависит не столько от строгости наказаний, сколько от распространения убеждения, что ни одно преступление не останется неоткрытым и безнаказанным. Это же убеждение должно стараться распространить и между учащимися и доказывать им его на деле. Имея это в виду, предлагаемые здесь правила о проступках и наказаниях и определяют только для немногих, исключительных случаев *строгие телесные наказания*. Известно, что как бы наказание ни было жестоко и унизительно, к нему можно привыкнуть. Человек приучится хлад-

нокровно смотреть и на смертную казнь. Так и розга, часто употребляемая, теряет свое нравственно-исправительное действие. Поэтому гораздо надежнее и несравненно разнообразнее с правилами благоразумной педагогики принять в основание *не строгость, а ответственность наказания с характером проступка*. Идеал справедливого наказания есть тот, чтобы оно проистекало, так сказать, само собою из сущности самого проступка. Розгу из нашего русского воспитания нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ее необходимости и пользы приводят в пример воспитание в Англии, то на это нужно заметить, что розга в руках английского педагога имеет совершенно другое значение. Где чувство законности глубоко проникло во все слои общества, там и самые нелепые меры не вредны, потому что они не произвольны. А там, где нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, заменяя в виновном свободу сознания робким страхом с его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворством, розга окончательно разрывает нравственную связь между воспитателем и воспитанником; она и там ненадежна, где еще существуют патриархальные отношения. И если грубое телесное наказание от рук родного отца делается иногда невыносимым, то в воспитании, основанном на административном начале, оно делается унижительным. Но нельзя еще у нас вдруг вывести розги из употребления. Пока сеченные дома дети будут поступать в наши воспитательные учреждения, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказания (по крайней мере вначале) в случаях, не терпящих отлагательства. Нам покуда ничего не остается более, как принять за правило: употреблять это средство с крайнею осторожностью и только там, где позорная вина требует быстрого, сильного и мгновенного сотрясения. Но это сотрясение тогда только и может достигнуть своей цели, когда оно будет употреблено редко, но безотлагательно, следуя непосредственно за проступком, очевидность которого не подлежит никакому сомнению».

По сравнению с реальными российскими порядками это был огромный шаг вперед, против которого возражали не только крепостники, но и многие учителя, испугавшиеся ослабления своей власти. Однако Николай Александрович Добролюбов в знаменитой статье «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (1860) подверг позицию Пирогова резкой критике.

«...Что это значит: “нельзя вдруг изгнать розгу”? Какая же тут может быть постепенность? Уменьшать число ударов, что ли? Так ведь тут дело не в числе ударов, а в самом способе наказания. Или вы хотите соблюсти постепенность тем, чтобы не определять розог даже и за некоторые такие случаи, за которые прежде пороли нещадно? Но в определении частных случаев вы должны руководиться уже частными педагогическими соображениями, которые, во всяком случае, должны согласоваться с принятыми в вашем кодексе принципами. Если вы допустили розгу в своем принципе воспитания, то вы тем самым признали уже законность ее как полезной педагогической меры. Значит, вы и должны будете удерживать ее постоянно, покамест не изменится ваш взгляд на сущность самых проступков, признанных, по-вашему, достойными розог... Таким образом, ваше вдруг не имеет никакого практического смысла, потому что ни одна человеческая голова не в состоянии вывести разумной постепенности, которой вы, по-видимому, добиваетесь в отменении розог...»

«Г-н Пирогов утверждает, что поневоле приходится детей, уже сеченных дома, сечь и в гимназии — *“по крайней мере вначале”*. Из этих слов можно заключить, что розги принимаются в гимназии, собственно, для того, чтобы не слишком резок был переход от жесткого домашнего воспитания к гуманному обращению в гимназии. Сначала мальчика станут посекать понемножку, а потом постепенно будут отставать от этого приятного упражнения... Если бы так — то в таком образе действий была бы еще некоторая последовательность. Но посмотрите в таблицу, и вы увидите совсем не то: каждый мальчик может быть наказан розгами *только один раз* и затем, после вновь сделанного проступка, *увольняется*

из заведения. Значит, какой же смысл имеет оговорка г. Пирогова, что сечь нужно — *по крайней мере вначале*? Какие же тут “*по крайней мере*”, когда положено: высечь раз мальчика, а потом в следующий раз — уже выгнать из заведения? “Вначале” — хорошо начало!

Недурно также и общее определение случаев, когда розга необходима. Она, видите, необходима “в случаях, *не терпящих отлагательства*, и должна следовать *непосредственно за проступком* там, где позорная вина требует *быстрого, сильного и мгновенного сотрясения*”».

Добролюбов язвительно высмеял пироговский циркуляр не только в статье, но и в сатирическом стихотворении «Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не киевского округа» (1860):

Выхожу задумчиво из класса,
Вкруг меня товарищи бегут;
Жарко спорит их живая масса,
Был ли Лютер гений или плут.
 Говорил я нынче очень вольно, —
 Горячо отстаивал его...
 Что же мне так грустно и так больно?
 Жду ли я, боюсь ли я чего?
Нет, не жду я кары гувернера,
И не жаль мне нынешнего дня,
Но хочу я брани и укора,
Я б хотел, чтоб высекли меня!..
 Но не тем сечением обычным,
 Как секут повсюду дураков,
 А другим, какое счел приличным
 Николай Иваныч Пирогов;
Я б хотел, чтоб для меня собрался
Весь педагогический совет
И о том чтоб долго препирался, —
Сечь меня за Лютера иль нет;
 Чтоб потом, табличку наказаний
 Показавши молча на стене,

Дали мне понять без толкований,
Что достоин порки я вполне;
Чтоб узнал об этом попечитель, —
И, лежа под свежеею лозой,
Чтоб я знал, что наш руководитель
В этот миг болит о мне душой...

Статья Добролюбова встретила сочувствие у радикальной общественности, подняв частный, хотя и важный, педагогический вопрос на уровень социально-политического разоблачения «всероссийских иллюзий» о возможности либерализации системы образования (и чего бы то ни было другого) без коренных изменений основанного на крепостном праве общественного строя. В «Отчете о следствиях введения по Киевскому учебному округу “Правил о проступках и наказаниях учеников гимназий”» (1861) Пирогов писал, отвечая своим критикам, что хотел «сделать улучшения сейчас, при настоящем порядке вещей» и не мог «иметь в виду никаких радикальных преобразований». Но для консерваторов его позиции все равно были слишком либеральными. 19 февраля 1861 г. вышел манифест об освобождении крестьян, а уже 15 марта 1861 г. Александр II подписал указ об освобождении Пирогова от должности попечителя учебного округа, и никакого другого назначения Николай Иванович не получил.

Три года спустя либеральная линия все-таки победила. Школьный устав 1864 г. декларировал всесословность образования, расширил права педагогических советов и преподавателей при выборе учебных программ и отменил телесные наказания. Важным достижением стало также появление частных школ и гимназий, которые были гораздо свободнее государственных, и там о порке не могло быть и речи. С некоторым опозданием этому примеру последовали и кадетские корпуса.

Тем не менее телесные наказания в российских школах не исчезли. В бумагах Ф. Сологуба сохранилась выписка из школьной ведомости за 1875/76 учебный год с его примечаниями:

«Из 21 ученика наказаны розгами 16 учеников = 76%. Всего было 46 случаев наказания, в том числе после экзамена 9 и после переэкзаменовок 3. Давалось от 10 до 60 ударов. 1 ученик был наказан 5 раз, 1 раз после переэкзаменовки, всего получил 100 уд<аров>. <...> Все эти случаи только за неуспеваемость. Можно предположить, что наказания розгами за шалости были еще чаще. Возможно, что высечены были все мальчики, и случаев сечения было (для успехов месяц — то же, что для шалостей неделя) около 275 и около 7000 уд<аров>» (Павлова, 2007. С. 239).

В написанном Д. Н. Жбанковым обзоре педагогической практики с 1899 до 1903 г. (Жбанков, 1905) приводилось немало примеров такого рода. В Бежецке, Тверской губернии, надзирательница сиропитательного дома, бывшая учительница, подвергла телесному наказанию 11-летнего воспитанника в присутствии других воспитанников и воспитанниц. В Юрьеве, Владимирской губ., учитель из семинаристов рвал ученикам уши, даже до крови, бил их линейкой; одного так ударил, что тот без шапки убежал домой в село. В олекминской церковно-приходской школе учитель употреблял розги, бил учеников по рукам, плечам и голове; он так избил одного ученика, что родители обратились в суд. В Тюмени законоучитель сильно выдрал ученицу за уши и волосы и так ударил по голове, что разбил пополам ее гребенку. В барнаульском доме призрения из 26 воспитанников остались несечеными только 4 мальчика, да и то из малолетних. В чудовском приюте в Москве смотритель нанес тяжелые побои 14-летнему мальчику, на теле которого найдено более 30 кровавых полос и пятен. Смотритель не отрицал своей виновности и был привлечен к суду. Наверное, этот смотритель-крестьянин совершенно был сбит с толку: в деревне каратели, с разрешения суда и закона, секут взрослых, а он не смеет наказать провинившегося мальчика?! В Ростове в детском приюте употреблялось наказание розгами, причем дети должны сечь друг друга. В Гапсале кистер прихода М. на уроке приготавлиющихся к конфирмации мальчиков приказал остальным ученикам растянуть

одного, не знавшего урока, и бить его костылями, причем костыли при битье сломались. В старобельский училищный совет поступила жалоба крестьянина на учительницу земской школы за то, что она подвергла телесному наказанию его сына, ученика школы.

Правда, все это происходило не в гимназиях, а в приютах и начальных школах, где нравы были патриархальными. Но таких случаев много.

«Курский инспектор нар. уч. г. Ефимьев в циркуляр учащим указывает, что при своих объездах школ он заставлял неприглядные картины: рассерженного учителя и учеников, наказанных столбом, на коленях или в дурацких колпаках. Признавая эти приемы «нетерпимыми остатками старинной суровой школы», г. Ефимьев предлагает учителям на будущее время совершенно оставить эти приемы и стараться гуманными приемами достигнуть воспитательных целей. Директор нар. уч. Херсонской губ. циркулярно предложил «всем учащим в городских училищах и во всех прочих училищах дирекции к точному и неуклонному исполнению распоряжения, изложенные в циркуляре бывшего директора нар. уч. Херсонской губ. Между прочим, воспрещается: 1) оставление учащихся в классе после уроков без обеда, как один из видов телесного наказания; 2) насмешливые выражение в обращении с учащимися, особенно задевающие национальное чувство учащихся; 3) вообще наказания, имеющие характер телесный. — Вышеизложенное предлагаю к неперемennomu исполнению во всех училищах»».

«Все эти единичные факты и заявления даже не любящих гласности дирекций, — заключает Жбанков, — ясно доказывают печальное явление — существование телесных наказаний в школах по всей России: юг и север, восток и запад, окраины и центр, чисто русские и смешанные губернии, деревенские и городские, земские и церковно-приходские школы, приюты и колонии — все не изъяты от применения телесных наказаний в большей или меньшей степени. Формы телесных наказаний разнообразны — от стереотипных

наиболее болезненных розог и побоев до самых утонченных телесных воздействий, рассчитанных больше на позор, чем на боль; не вывелись из употребления даже наиболее развращающие формы: взаимное наказание учениками друг друга. Прибегают к кулачной расправе все без различия положения и пола: учителя и их помощники, законоучители и смотрители и, наконец, даже учительницы, проявляющие иногда особую жестокость... Вне всякого сомнения, что громадное большинство учащихся не прибегает ни к каким телесным наказаниям, но “бьющее” меньшинство все-таки значительно».

ПОРКА В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ

Еще хуже обстояло дело в семье. Оспаривать право, и даже обязанность родителей наказывать, в том числе физически, своих детей в XVIII—XIX вв. никому даже в голову не приходило, разве что наказания становились откровенно садистскими, угрожая жизни и здоровью ребенка.

Это не было следствием отсутствия чадолюбия или равнодушия к детям. В отношении детей действовало то же правило, что и относительно женщин: «Не бьет — значит, не любит». Патриархальная семья — всего лишь звено вертикали власти, которая поддерживается не столько моральным авторитетом, сколько силой. Старший по рангу имеет право наказывать младшего, муж — жену и оба они — своих детей.

Рассмотренные выше кросскультурные исследования показывают, что телесные наказания детей статистически связаны не только с общей культурой насилия, но и, особенно, — с насилием над женщиной. До тех пор, пока культура позволяет бить женщину-мать, о гуманном обращении с детьми даже речи быть не может. В России, где формула «Не бьет — значит, не любит» слыла за «народную мудрость» вплоть до конца XX столетия, эта связь особенно наглядна. Самый основательный очерк социальной истории русской

семьи XVIII—XX вв., включая особенности ее межличностных отношений, дает петербургский историк Борис Николаевич Миронов (Миронов, 2000. Т. 1).

Хотя русской женщине сложно было найти управу на мужа, бракоразводные дела в дворянском сословии содержат частые жалобы на избиения жен мужьями. В 1731 г. жена бригадира Дмитрия Порецкого обратилась с жалобами на мужа, который, по ее словам, бил ее, оставлял без пищи, не допускал духовника. Четверть века спустя другая бригадирша, 70-летняя Мария Потемкина жаловалась, что муж ее бьет. Оба дела остались без последствий. Даже когда истец — княгине! — помогал ее брат, никакого решения принято не было. О битье жен и деспотизме мужей рассказывают многие мемуаристики. Н. В. Скалон «за малейший беспорядок в доме, за дурно изготовленное блюдо» не только бранил жену «самыми гнусными словами», но «бил в присутствии всех». Ослушание жены в доме Аксаковых обернулось тем, что «у бабушки не стало косы, и она целый год ходила с пластырем на голове» (Пушкарева, 1997). Впрочем, известны и случаи избиения мужей женами (вспомним семью фонвизинского «Недоросля»).

Еще более авторитарными были крестьянские семьи. Деревенские смотрели на расправу как на обыкновенное явление: «Свой муж, что хочет, то и воротит», «Сколочена посуда два века живет». Популярная пословица гласит: «Женский быт — всегда он бит». В конце XIX в. известный этнограф Н. А. Иваницкий писал о крестьянах Вологодской губернии: «Женщина не пользуется уважением в народе, как существо глупое от природы. Она считается бездушной тварью. Душа у женщины не признается... Бить женщину считается необходимостью» (цит. по: Миронов, 2000. Т. 1).

Бесправный и угнетенный мужчина все свои обиды вымещает на бабе.

«Видали ли вы, как мужик сечет жену? — спрашивает Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 г. (главка «Среда»). — Я видал. Он начинает веревкой или ремнем. Мужичья жизнь лишена эстетических наслаждений — музыки, те-

атров, журналов; естественно, надо чем-нибудь восполнить ее. Связав жену или забив ее ноги в отверстие половицы, наш мужичок начинал, должно быть, методически, хладнокровно, сонливо даже, мерными ударами, не слушая криков и молений, то есть именно слушая их, слушая с наслаждением, а то какое бы удовольствие ему бить? Знаете, господа, люди рождаются в разной обстановке: неужели вы не поверите, что эта женщина в другой обстановке могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста?

И вот эту-то Беатриче или Гретхен секут, секут как кошку! Удары сыплются все чаще, резче, бесчисленнее; он начинает разгорячаться, входить во вкус. Вот уже он озверел совсем и сам с удовольствием это знает. Животные крики страдальцы хмелят его как вино: “Ноги твои буду мыть, воду эту пить”, — кричит Беатриче нечеловеческим голосом, наконец затихает, перестает кричать и только дико как-то кряхтит, дыхание поминутно обрывается, а удары тут-то и чаще, тут-то и садче... Он вдруг бросает ремень, как ошалелый схватывает палку, сучок, что попало, ломает их с трех последних ужасных ударов на ее спине, — баста! Отходит, садится за стол, воздыхает и принимается за квас. Маленькая девочка, дочь их (была же и у них дочь!), на печке в углу дрожит, прячется: она слышала, как кричала мать. Он уходит. К рассвету мать очнется, встанет, охая и вскрикивая при каждом движении, идет доить корову, тащится за водой, на работу».

Возможно, Достоевский преувеличивает, подобное происходило не всегда и не везде, но и, как свидетельствуют этнографы, совсем не редко.

Особенно жестоко каралась супружеская неверность, за которую муж, при полном сочувствии соседей, бил «изменницу» смертным боем.

«Жену, замеченную в прелюбодеянии, избивают до крайности, пока она не “бросит дурь”. Мир в таком случае на стороне мужа» (Быт великорусских крестьян-землепашцев, 1993).

Привязанную к телеге, вымазанную дегтем и вывалянную в пуху и перьях голую женщину, которую мужик вел по деревне в наказание за измену, можно было видеть в русской деревне еще в конце XIX в. Горький лично наблюдал такое наказание в деревне Кандыбовка Херсонской губернии в 1891 г. и описал его в рассказе «Вывод». Сходные наказания бытовали и в других черноземных губерниях:

«Женщин обнажают, мажут дегтем, осыпают куриными перьями и так водят по улице; в летнее время мажут патокой и привязывают к дереву на съедение насекомым».

В Рязанской губернии «гулящих» женщин избивали, затем задирали рубашку и связывали на голове, чтобы голова женщины находилась как бы в мешке, а до пояса она была голая, и так пускали по деревне (Семенова-Тян-Шанская, 1914; Миронов, 2000. Т. 1). В промышленных губерниях нравы были мягче, супружеская измена постепенно стала рассматриваться как частное семейное дело.

В патриархальной семье не могло быть даже речи о «правах ребенка». Как полагает Б. Н. Миронов, чем больше была русская патриархальная семья, тем она была авторитарнее. Знаменитый актер Михаил Семенович Щепкин (1788—1863), сын крепостного крестьянина, свидетельствует:

«Отец мой полагал, что только строгостью можно заставить детей любить и почитать родителей, то есть, по его мнению, бояться и любить было одно и то же».

С четырехлетнего возраста «дети видели от отца одну только строгость, никогда ласки». И это было общим мнением «не только в том сословии, в каком находились мои родители, но и в высшем сословии» (Щепкин, 1952).

Реальные дисциплинарные практики варьировали в зависимости как от сословной принадлежности семьи, так и от индивидуальных особенностей родителей. В крестьянских семьях вовсе непоротых детей, вероятно, не бывало, других способов дисциплинирования там просто не знали. Времени на то, чтобы играть с детьми, у родителей, как правило, не было, все свое свободное от домашних обязанностей время дети, особенно мальчики, проводили на улице, после чего,

как выразился один из информантов князя Тенишева по Тверской губернии, «только матерные слова и кнут могут произвести некоторое действие на них».

В начале XIX в. это убеждение в какой-то степени разделяли даже многие образованные и относительно гуманные отцы. Отец уже упоминавшегося А. В. Никитенко был сельским учителем и хорошо относился к детям, тем более — к собственному сыну. Тем не менее:

«Неудивительно, если я был вежлив и послушен — последнее, впрочем, и потому, быть может, что меня часто секли».

«Строгое наказание ожидало меня за всякую, даже невинную шалость, за малейший промах в чтении или письме. Отец ни в чем не поблажал мне. У него всегда были наготове для меня розги и лишь в весьма редких случаях ласки. Это не значило, однако, что он не любил меня или вообще своих детей. Нет, но он был ожесточен несчастьем, а это делало его не в меру взыскательным, суровым и нетерпеливым, чему, конечно, отчасти способствовала и врожденная пылкость» (Никитенко, 2005).

Не менее суровы были нравы купеческих семей. Описание купеческих семей Пермской губернии подчеркивает абсолютную власть отца.

«Отец или муж имеет неограниченную власть, которой все остальные члены семейства повинуются беспрекословно. Со своими домашними он обращается по большей части сурово и повелительно. Нежное и ласковое обращение с женой и детьми считается у них чем-то вроде слабости».

Силовые методы дисциплинирования — норма, которая передается из поколения в поколение. Как писал в 1907 г. священник Г. С. Петров, ратовавший за смягчение нравов, «родители учат детей: трепки, потасовки, подзатыльники, щелчки, грозный окрик старших и испуг младших. Одни трясутся от гнева, другие дрожат от страха» (Миронов, 2000. Т. 1).

В дворянских семьях порка была не столь обязательной, но, безусловно, нормальной воспитательной процедурой. Напротив, эмоциональная привязанность и близость к роди-

телям, особенно к отцам, казалась исключением. Писатель граф Владимир Александрович Сологуб (1813—1882) вспоминает:

«Жизнь наша шла отдельно от жизни родителей. Нас водили здороваться и прощаться, благодарить за обед, причем мы целовали руки родителей, держались почтительно и никогда не смели говорить “ты” ни отцу, ни матери. В то время любви к детям не пересаливали. Они держались в духе подобострастия, чуть ли не крепостного права, и чувствовали, что они созданы для родителей, а не родители для них».

И автор нисколько не сожалеет об этом:

«Я видел впоследствии другую систему, при которой дети считали себя владыками в доме, а в родителях своих видели не только товарищей, но чуть ли не подчиненных, иногда даже и слуг. Такому сумасбродству послужило поводом воспитание в Англии».

«Не могу не выразить глубокой благодарности памяти моих родителей за то, что, не увлекаясь вредными для детей нежностями, они положили серьезную основу нашему воспитанию».

Владимир Иванович Танеев относится к своему отцу более критично. Он пишет, что хотя его неоднократно поротый в детстве и широко образованный отец был человеком добрым, крепостное право приучило его «к неограниченному господству над теми, кого он считал ниже себя». В то же время он был «проникнут уважением ко всякой власти... Всякое сопротивление властям, даже насмешку над властью, он считал дурным делом, мятежом, бунтом».

«В доме была строгая иерархия...

Отец смотрел на семейство, как древний римлянин. Он очень любил жену и детей, заботился о них всеми способами, как умел, но думал, что жена обязана ему полным безусловным повиновением, а дети составляют его собственность, вещи его... которые не должны иметь ни своей воли, ни своих суждений, а обязаны беспрекословно, без рассуждений выполнять, что им приказано, и быть вечно

благодарными родителями за то, что они произвели их на свет и воспитали. Во всем семействе отец считал себя непогрешимым».

Отношения с сыном у него были сугубо официальные.

«Сечь он начал меня рано, сек довольно часто, и не тогда, когда я был в чем-нибудь виноват, а тогда, когда он сердился, когда он вспылит. Таким образом меня секли без всякого толку, большей частью ни за что, ни про что».

Тем не менее, и это тоже нельзя забывать, страх перед отцом не исключал сыновнего уважения и нежности к нему. Скорее даже наоборот, «ласки отца были редкостью. Я боялся и страстно любил его» (Танеев, 1959).

А доступную материнскую ласку эгоцентричный мальчик не ставил ни во что...

В. В. Верещагин считал своих родителей скорее мягкими. Тем не менее без порки не обходилось:

«Как я уже поминал, по рассказам, совсем маленького, меня иногда посекали и сейчас же вслед за экзекуцией приказывали кричать “ку-ку-реку!”, что я сквозь слезы и исполнял — однако сам я этого положительно не помню. На памяти же моей посекали меня, и кажется изрядно, по следующему обстоятельству: после обеда как-то, когда папаша и мамаша по обыкновению легли отдыхать, я бегал по “каминной” комнате, вкруговую, за старшим братом Николаем и, нагнавши, ткнул его лучиной, что держал в руках, очень неловко, под глаз. Он, в свою очередь, погнался за мной и уже в сердцах ударил по голове платком, на котором навязан был ключ; удар пришелся по темени, мне сделалось больно, я громко заплакал. — Смотрим, спускается сверху папаша, глаза заspanные, сердитые, какие-то металлические, и приказывает обоим идти наверх. Я, как неопытный, пошел сейчас, но Николай хорошо знавший, что это значит, стал в сильном беспокойстве просить извинения: “Папа, простите! я не буду больше!” Помню что, поднимаясь по лестнице и не без тревоги следя за снующим около папашиных ног братом, я думал: чего это он так боится? Дело скоро объяснилось. Наверху, в кабинете, отец положил голову Николая между колен,

спустил часть одежки и, как ни сопротивлялся будущий реформатор русского молочного хозяйства, ему было всыпано порядочное число ударов березовыми прутьями. Я, глядя на расправу, стоял или, вернее, прыгал у печки, плакал, вопил, дух у меня захватывало, я чуть не помешался... Теперь, вспоминая эти поистине ужасные минуты, сознательно говорю, что надобно избегать так позорно наказывать нервных, впечатлительных детей. Положительно не помню, что дальше было, вероятно что-то очень некрасивое, так как я уходил сверху совсем обиженный, в горьких неутешных слезах — мне казалось, что жизнь закрылась для меня, что никто меня больше не любит» (Верещагин, 1895).

А вот воспоминания Скабичевского:

«Воспитание наше велось, конечно, по ветхозаветной домостроевской рутине, и притом до такой степени спуска рукава, что я не знаю даже, правильно ли употреблять в настоящем случае слово “воспитание” — разве только в том буквальном смысле, что питали нас весьма усердно и обильно. Кроме того, что мы два раза обедали — сначала с матерью, потом с отцом, а затем ужинали, мы не раз в промежутках бегали в кухню за более или менее увесистым ломтем вкусного домашнего ржаного хлеба.

Дирали нас и за уши, и в угол ставили, и на колени, иногда и посекали маленько, — все это, впрочем, в умеренной дозе, не особенно жестоко и больно...

Но худо было то, что наказывали нас совсем зря. Многое, за что действительно стоило бы нас пробрать, сходило нам с рук, зато вдруг набрасывались на нас за такие невинные вещи, которые не требовали ни малейшего наказания. Так, однажды мы забрались в пустую собачью будку в числе пяти или шести детей. Одна девочка разыгрывала роль суки, остальные были ее щенятами. В это время отец и мать возвращались откуда-то домой, и вот видят — лезут из будки один за другим с полдюжины ребят, и мы в том числе, все, конечно, перепачканные, перемазанные. Сейчас же последовала порка — а за что бы, казалось?..» (Скабичевский, 2001).

Гимназической порки пай-мальчик Скабичевский ни разу не удостоился.

«Тем не менее, надо мною вечно висела Дамокловым мечом розга.

Дело в том, что по субботам выдавались воспитанникам билеты, на которых прописывалось, как в течение недели ученик себя вел и учился. Билет подписывался родителями и в понедельник возвращался инспектору. У отца моего было такое условие: каждый раз, как я принесу билет с плохой аттестацией, я должен ожидать розог.

Как ни вредно действие розог на природу ребенка, но весь этот вред не может сравниться с тем губельно-растлевающим влиянием, какое на меня имело одно только ожидание предстоящей порки.

В самом деле: единицу приходилось иной раз получить не в конце, а в самом начале недели, а таким образом предстояло до субботы мучиться ожиданием расправы. Ничто не радовало, не веселило. С каждым днем страх увеличивался и в субботу принимал характер потрясающей лихорадки. Голова кружилась, и зуб на зуб не попадал. Я не мог ни есть, ни пить. Должно быть, хорош я был по возвращении домой, так как мать при первом же взгляде на меня догадывалась, в чем дело, и начинала уговаривать меня, чтобы я постарался сделать веселое лицо, по крайней мере, пока отец не сядет за обед и не поест супу.

Тщетны были увещания доброй матушки: до веселых ли физиономий мне было, когда у меня дрожала положительно каждая жилочка! Стоило взглянуть на меня отцу, чтобы, в свою очередь, догадаться, что дело неладно.

— А! опять дурной билет в сумке? Ты не хочешь учиться, не хочешь понять, чего стоит мне твоя гимназия! Из последних кишок тянусь, чтобы сделать из тебя человека, а ты ничего этого знать не хочешь, плюешь на все мои заботы о тебе! Лентяишь и балбесничаешь! Нечего теперь нюни-то распускать! Снимай штаны!..

И начиналась расправа» (Там же).

Именно еженедельной порке Скабичевский ретроспективно приписывает все трудности своего переходного воз-

раста, особенно сексуальные переживания. «Розга... еще более разжигала во мне чувственность» (Там же). От полной деградации мальчика спасла любящая мать, которая буквально заставила отца оставить 13-летнего сына в покое.

Во многих семьях телесные наказания детей осуществляли не только и не столько отцы, сколько матери. Таково было детство Ивана Сергеевича Тургенева (см.: Чернов, 2003). Хотя властная и скорая на руку мать по-своему любила его, это не спасало мальчика от частых побоев:

«Драли меня за всякие пустяки чуть не каждый день». «Я родился и вырос в атмосфере, где царили подзатыльники, щипки, колотушки, пощечины и пр. Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне».

Однажды по наговору сумасбродной гувернантки Ваню подвергли жестокой порке, даже не объяснив, за что: «Сам знаешь, сам знаешь, за что я секу тебя». Перепуганный и оскорбленный мальчик решил бежать из родительского дома, только вмешательство доброго учителя-немца образумило Варвару Петровну. В письме к сыну от 29 мая 1840 г. В. П. Тургенева признает: «когда вы были еще дети, и я вас секла... И всегда кончалось моим обмороком. Один раз, помню, высекла дружка Колю. Ударов 10 дала. Никогда он не кричал и не плакал, еще жалеет меня... Вот я чувствую, что свет темнит. Коля, ангел мой, забыл свою боль и кричит: воды мамаше! Сердечушко, стоит передо мной с голой <ж...>. Ему было 9 лет. После того я его уже не секла».

Еще чаще дворянских детей наказывали наемные воспитатели.

Типичную картину дореформенной усадебной семейной жизни вполне реалистично обрисовал в «Пошехонской старине» (1888) Салтыков-Щедрин:

«Ни отец, ни мать не занимались детьми, почти не знали их. Отец — потому что был устранен от всякого деятельного участия в семейном обиходе; мать — потому что всецело была погружена в процесс благоприобретения. Она являлась между нами только тогда, когда, по жалобе гувернанток, ей приходилось карать. Являлась гневная, неумолимая, с за-

кушенною нижней губою, решительная на руку, злая. Родительской ласки мы не знали, ежели не считать лаской те безнравственные подачки, которые кидались любимчикам, на зависть постылым <...>.

Таким образом, к отцу мы, дети, были совершенно равнодушны, как и все вообще домочадцы, за исключением, быть может, старых слуг, помнивших еще холостые отцовские годы; матушку, напротив, боялись как огня, потому что она являлась последнею карательною инстанцией и притом не смягчала, а, наоборот, всегда усиливала меру наказания.

Вообще, телесные наказания во всех видах и формах являлись главным педагогическим приемом. К сечению прибегали не часто, но колотушки, как более сподручные, сыпались со всех сторон, так что “постылым” совсем житья не было. Я, лично, рос отдельно от большинства братьев и сестер (старше меня было три брата и четыре сестры, причем между мною и моей предшественницей-сестрой было три года разницы) и потому менее других участвовал в общей оргии битья, но, впрочем, когда и для меня подоспела пора ученья, то, на мое несчастье, приехала вышедшая из института старшая сестра, которая дралась с таким ожесточением, как будто мстила за прежде вытерпенные побои. Благодаря этому педагогическому приему, во время классов раздавались неумолкающие детские стоны, зато внеклассное время дети сидели смирно, не шевелясь, и весь дом погружался в такую тишину, как будто вымирал. Словом сказать, это был подлинный детский мартиролог, и в настоящее время, когда я пишу эти строки и когда многое в отношениях между родителями и детьми настолько изменилось, что малейшая боль, ощущаемая ребенком, заставляет тоскливо сжиматься родительские сердца, подобное мучительство покажется чудовищным вымыслом. Но сами созидатели этого мартиролога отнюдь не сознавали себя извергами — да и в глазах посторонних не слыли за таковых. Просто говорилось: “С детьми без этого нельзя”. И допускалось в этом смысле только одно ограничение: как бы не застукать совсем! Но кто может сказать, сколько “не до конца застуканных” безвременно снесе-

но на кладбище? Кто может определить, скольким из этих юных страстотерпцев была застукана и изуродована вся последующая жизнь?».

Пока жестокость родительских пороков не выходила за рамки обыденного, общепринятого в их среде, многие мемуаристы их даже не упоминали или упоминали между делом, вскользь. Лермонтов пишет о своем «Сашке»:

Он рос... Отец его бранил и сек —
Затем, что сам был с детства часто сечен,
А слава богу вышел человек:
Не стыд семьи, не туп, не изувечен.
Поняття были низки в старый век...

Травмированный зрелищем порки в Морском корпусе Ипполит Ильич Чайковский замечает:

«Корпусная розга меня миновала, я знаком был только с домашней розгою, когда отец, быстро приговаривая: “не будешь, не будешь”, после пятой или шестой отпускал меня пристыженного» (Чайковский, 1913).

Притерпелость ко всяческому насилию побуждала людей ретроспективно оправдывать практически все. Вспоминая на склоне лет первые годы своего детства, князь Петр Андреевич Вяземский упоминает дядьку-француза:

«Не знаю, какие были умственные и нравственные качества его, по крайней мере мне памятно, что он не грешил пошлостью и баловством в отношении к барскому и генерал-губернаторскому сынку. Видно, привилегии аристократии, против которых так вопиют в наше время, не заражали тогда детей своим тлетворным влиянием. Дело в том, что господин Лапьер, не помню именно за что и про что, секал меня бритвенным ремнем. <...> Но я не злопамятен».

Ну а если самому Вяземскому порка не помешала стать достойным человеком, зачем нужны какие-то реформы?

«Признаюсь, не разделяю благородного негодования, которым воспаляются либералы и педагоги-недотроги

при одной мысли об исправительных розгах, употребляемых в детстве. Во-первых, судя по себе и по многим из нашего сеченого поколения, я вовсе не полагаю, чтобы телесные наказания унижали характер и достоинство человека. Все эти филантропические умствования по большей части не что иное, как суемыслие и суесловие. Дело не в наказаниях, а дело в том, чтобы дети и взрослые люди, подвергающиеся наказанию, были убеждены в справедливости наказателя, а не могли приписывать наказание произволу и необдуманной вспыльчивости. Не признаю сечения радикальным пособием для воспитания малолетних: но и отсутствие розог не признаю также радикальным способом для нравственного образования и посеяния в детях благородных чувств. Эти благородные чувства могут быть равно посеяны и с розгами, и без розог. Но при нашем, отчасти при материальном сложении, страх физической боли, особенно в детстве, имеет, без сомнения, значение свое. К тому же, разве одни розги принадлежат к телесному наказанию? Разве посадить ребенка или взрослого человека на хлеб и на воду не есть также телесное наказание? А запереть провинившегося в школьный карцер или в городскую тюрьму не то же телесное наказание? А заставить ленивого и небрежного ученика написать в рекреационные часы несколько страниц склонений или спряжений — неужели и это духовное, а не прямо телесное и физическое наказание? При нашей немощи, при погрешностях и пороках, которым зародыш находится и в детстве, при страстных и преступных увлечениях, которым подвержена человеческая природа, нам нужен тем или другим способом действительный, воздерживающий нас страх. Этот необходимый внутренний нравственный балласт ныне многие хотят бросить за борт» (Вяземский, 1999).

Процитированная заметка датирована 1865 годом, тирада Вяземского явно направлена против гимназической реформы Александра II.

Пушкин, который, в отличие от князя Петра Андреевича, считал телесные наказания в школе абсолютно недопустимыми, реформу определенно одобрил бы.

В написанной по поручению Николая I записке «О народном воспитании» (1826) поэт писал, что «кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении», особо подчеркнув, что «уничтожение телесных наказаний необходимо. Надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия. Не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатом. Слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников» (Пушкин, 1962. Т. 7).

Хотя эта мысль прямо противоречила установкам высочайшего адресата, испещрившего пушкинский текст явно несочувственными вопросительными и восклицательными знаками, поэт писал то, что думал.

Но распространялся ли его либерализм на внутрисемейные отношения? Сведений о том, что самого Пушкина в детстве пороли, вроде бы нет. Однако в его собственных отцовских практиках розга определенно присутствовала. Сестра поэта Ольга Сергеевна Павлищева в письме к мужу от 22 ноября 1835 г. замечает: «Александр дает розги своему мальчику, которому только два года; он также тузит свою Машу (дочь), впрочем, он нежный отец».

А П. В. Анненков написал со слов Натальи Николаевны Пушкиной: «Пушкин был строгий отец, фаворитом его был сын, а с дочерью Машей, большой крикуньей, часто и прилежно употреблял розгу» (цит по: Вересаев, 1984).

«Наше все» — с розгой в руках?! Но ведь это — первая треть позапрошлого столетия...

Великая гуманизирующая роль русской литературы XIX в. заключалась не столько в том, что писатели осмысливали свой личный опыт и/или формулировали некую общественно-политическую позицию, сколько в том, что они *проблематизировали* детско-родительские отношения, о сущности которых окружающие не задумывались, считая их чем-то неизменным и естественным. Эта функция была одновременно социально-критической и нравственной. В отличие от

догматично-безжалостной государственной церкви, русская классическая литература была милосердна.

Первым в этом ряду я бы назвал **Толстого**, сделавшего для гуманизации внутрисемейных отношений не меньше, чем для формирования нетерпимости к телесным наказаниям в армии. Толстому принадлежит одно из самых тонких в мировой литературе описаний *психологии ребенка, которому угрожает порка*. Хотя толстовский Николенька, как и его автор, систематическим телесным наказаниям не подвергался, писатель уловил главное — *личный смысл наказания*. Важно не само наказание, а кто и что за ним стоит.

«Случалось, что Карл Иваныч, в минуту досады, лично расправлялся с нами линейкой или помочами; но я без малейшей досады вспоминаю об этом. Даже в то время, о котором я говорю (когда мне было четырнадцать лет), ежели бы Карлу Иванычу случилось приколотить меня, я хладнокровно перенес бы его побои. Карла Иваныча я любил, помнил его с тех пор, как самого себя, и привык считать членом своего семейства...»

Когда милого старого немца сменил недоброжелательный молодой француз St.-Jerome, положение изменилось.

«Само собою разумеется, что бабушка объяснила ему свое мнение насчет телесного наказания, и он не смел бить нас; но, несмотря на это, он часто угрожал, в особенности мне, розгами и выговаривал слово *fouetter* (сечь — (фр.)) (как-то *fouatter*) так отвратительно и с такой интонацией, как будто высечь меня доставило бы ему величайшее удовольствие. Я нисколько не боялся боли наказания, никогда не испытывал ее, но одна мысль, что St.-Jerome может ударить меня, приводила меня в тяжелое состояние подавленного отчаяния и злобы. <...>

Карл Иваныч ставил нас на колени лицом в угол, и наказание состояло в физической боли, происходившей от такого положения; St.-Jerome, выпрямляя грудь и делая величественный жест рукою, трагическим голосом кричал: “*A genoux, mauvais sujet!*”,

приказывал становиться на колени лицом к себе и просить прощения. Наказание состояло в унижении».

Угроза порки ненавистным воспитателем вызвала у гордого мальчика приступ ненависти, за которым последовал настоящий нервный срыв, в деле пришлось разбираться отцу и бабушке, но извиняться перед гувернером Николай так и не стал.

«Меня не наказывали, и никто даже не напоминал мне о том, что со мной случилось; но я не мог забыть всего, что испытал: отчаяния, стыда, страха и ненависти в эти два дня. Несмотря на то, что с того времени St.-Jerome, как казалось, махнул на меня рукою, почти не занимался мною, я не мог привыкнуть смотреть на него равнодушно. Всякий раз, когда случайно встречались наши глаза, мне казалось, что во взгляде моем выражается слишком явная неприязнь, и я спешил принять выражение равнодушия, но тогда мне казалось, что он понимает мое притворство, я краснел и вовсе отворачивался».

Детство **Чехова** было совершенно другим. В купеческой среде, где вырос Антон Павлович, рукоприкладство, избие-ние жен, детей и подчиненных было безусловной нормой. Отец писателя Павел Егорович был особенно беспощаден к старшим сыновьям.

«Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать, — писал Чехов 2 января 1889 г. старшему брату Александру. — Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой».

У Александра Чехова детство тоже отпечаталось в памяти как «сплошное татарское иго без просвета». По сравнению с родительским домом, даже гимназия, где телесные наказания были в то время уже запрещены, а некоторых его одноклассников не трогали пальцем и дома, показалась Чехову раем. Хотя учителя были один хуже другого.

Свою ненависть к телесным наказаниям Чехов недвусмысленно выразил в повести «Три года» (1895):

«Я помню, отец начал учить меня или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего: будут ли сегодня драть меня? Играть и шалить мне и Федору запрещалось; мы должны были ходить к утрени и к ранней обедне, целовать попам и монахам руки, читать дома акафисты. Ты вот религиозна и все это любишь, а я боюсь религии, и когда прохожу мимо церкви, то мне припоминается мое детство и становится жутко. Когда мне было восемь лет, меня уже взяли в амбар; я работал, как простой мальчик, и это было нездорово, потому что меня тут били почти каждый день. Потом, когда меня отдали в гимназию, я до обеда учился, а от обеда до вечера должен был сидеть все в том же амбаре, и так до 22 лет, пока я не познакомился в университете с Ярцевым, который убедил меня уйти из отцовского дома».

Выстраданный личный опыт позволяет писателю в сценке «О драме» беспощадно высмеять, нет, не порку, а положительное отношение к ней псевдогуманных, якобы просвещенных людей:

«Два друга, мировой судья Полуехтов и полковник генерального штаба Финтифлеев, сидели за приятельской закуской и рассуждали об искусствах.

— Я читал Тэна, Лессинга... да мало ли чего я читал? — говорил Полуехтов, угощая своего друга кахетинским. — Молодость провел я среди артистов, сам пописывал и многое понимаю... Знаешь? Я не художник, не артист, но у меня есть нюх этот, чутье! Сердце есть! Сразу, брат, разберу, ежели где фальшь или неестественность. Меня не надуешь, будь ты хоть Сара Бернар или Сальвини! <...>

Послышался звонок... Полуехтов, вставший было, чтобы нервно зашагать из угла в угол, опять сел... В комнату вошел маленький краснощекий гимназист в шинели и с ранцем на спине...

Он робко подошел к столу, шаркнул ножкой и подал Полуехтову письмо.

— Кланялась вам, дяденька, мамаша, — сказал он, — и велела передать вам это письмо.

Полуехтов распечатал конверт, надел очки, громко просопел и принялся за чтение.

— Сейчас, душенька! — сказал он, прочитав письмо и поднимаясь. — Пойдем... Извини, Филя, я оставляю тебя на секунду.

Полуехтов взял гимназиста за руку и, подбирая полы своего халата, повел его в другую комнату. Через минуту полковник услышал странные звуки. Детский голос начал о чем-то умолять... Мольбы скоро сменились визгом, а за визгом последовал душу раздирающий рев.

— Дяденька, я не буду! — услышал полковник. — Голубчикек, я не буду! А-я-я-я-й! Родненький, не буду!

Странные звуки продолжались минуты две... Засим все смолкло, дверь отворилась и в комнату вошел Полуехтов. За ним, застегивая пальто и сдерживая рыдания, шел гимназист с заплаканным лицом. Застегнув пальто, мальчик шаркнул ножкой, вытер рукавом глаза и вышел. Послышался звук запираемой двери...

— Что это у тебя сейчас было? — спросил Финтифлеев.

— Да вот, сестра просила в письме посечь мальчишку... Двойку из греческого получил...

— А ты чем порешь?

— Ремнем... самое лучшее... Ну, так вот... на чем я остановился? <...>.

— Выпьем... Дай бог, чтоб наши дети так умели чувствовать, как мы... чувствуем.

Прятели выпили и заговорили о Шекспире».

Третья классическая фигура, несомненно, **Достоевский**. Согласно воспоминаниям дочери писателя Л. Ф. Достоевской, в семье родителей Федора Михайловича, при всей ее сложности, дети телесных наказаний не знали. Столкнувшись с этим явлением позже, в тюрьме и на каторге, писатель пришел к твердому выводу:

«Право телесного наказания, данное одному над другим, есть одна из язв общества, есть одно из самых сильных средств для уничтожения в нем всякого зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основание к неперемennomu и неотразимомu его разложению».

Достоевский прекрасно понимал глубокую историческую укорененность порки в русском народном быту, равно как и ее сексуально-эротические аспекты, которые старательно замалчивали лицемерные поклонники старины.

«Русская земля крепка березой, — говорит Федор Карамазов. — Истребят леса — пропадет земля русская. Я за умных людей стою. Мужиков мы драть перестали с большого ума, а те сами себя пороть продолжают. И хорошо делают. <...>. В Мокром я проездом спрашиваю старика, а он мне: “Мы очень, говорит, любим пуще всего девок по приговору пороть, и пороть даем все парням. После эту же, которую ноне порол, завтра парень в невесты берет, так что оно самим девкам, говорит, у нас повадно”. Каковы маркизы де-Сады, а? А как хочешь, оно остроумно. Съездить бы и нам поглядеть, а? Алешка, ты покраснел? Не стыдись, детка».

Но если недопустимо телесное наказание взрослых, то в тысячу раз хуже подвергать ему маленьких детей. Для Достоевского телесные наказания детей — прежде всего форма сексуального насилия. Одно из самых сильных мест в «Дневнике писателя» — реакция Достоевского на так называемое дело Кроненберга.

Магистр права Станислав Кроненберг имел от связи с замужней дамой дочь Марию, которая на его средства воспитывалась в Швейцарии. В 1874 г. Кроненберг познакомился в Париже с девицей Жезинг, которая вернулась с ним в Россию и стала его любовницей. Для полного счастья им не хватало только ребенка. С самыми лучшими намерениями они привезли 7-летнюю Марию из Швейцарии и стали ее воспитывать. Однако контакта с новыми родителями у девочки не получилось. Жезинг обвиняла девочку во лжи, воровстве и онанизме (по тогдашним меркам, это был очень серьезный порок). «Любящий отец» решил исправить дочь с помощью

розги. Возвращаясь домой и выслушав жалобы Жезинг, он буквально каждый вечер избивал дочь, причем бил не только розгами, но и кулаком по лицу. Как потом сообщили эксперты, тело девочки было сплошь покрыто синяками. В конце концов слуги Кроненберга не выдержали и сообщили в полицию. Начался громкий судебный процесс.

В «Дневнике писателя» Достоевский последовательно разоблачает казуистические аргументы адвоката, возмущается тем, что во время процесса девочку пригласили в зал суда и заставили заниматься самооговором, признаться в том, что она воровка и лгуныя. Для него важен не столько сам факт физического насилия над ребенком, сколько причиненная девочке психическая травма.

Не ограничившись подробным комментированием судебного процесса, писатель вкладывает дорогие ему мысли в уста Ивана Карамазова:

«Но можно ведь сечь и людей. И вот интеллигентный образованный господин и его дама секут собственную дочку, младенца семи лет, розгами — об этом у меня подробно записано. Папинька рад, что прутья с сучками. “Садче будет”, говорит он, и начинает “сажать” родную дочь. Я знаю, наверное, есть такие секущие, которые разгорячаются с каждым ударом до сладострастия, до буквального сладострастия, с каждым последующим ударом все больше и больше, все прогрессивнее. Секут минуту, секут, наконец, пять минут, секут десять минут, дальше, больше, чаще, садче. Ребенок кричит, ребенок, наконец, не может кричать, задыхается: “Папа, папа, папочка!” Дело каким-то чёртовым неприличным случаем доходит до суда. Нанимается адвокат. Русский народ давно уже назвал у нас адвоката — “аблакат — нанятая совесть”. Адвокат кричит в защиту своего клиента. “Дело, дескать, такое простое, семейное и обыкновенное, отец посек дочку, и вот, к стыду наших дней дело доходит до суда!” Убежденные присяжные удаляются и выносят оправдательный приговор. Публика ревет от счастья, что оправдали мучителя. О-эх, меня не было там, я бы рявкнул предложение учредить стипендию в честь имени истязателя! <...> Для чего познавать это

чёртово добро и зло, когда это столько стоит? Да весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка...».

Писателя волнуют не только семейные коллизии, но и состояние детских исправительных колоний. Уж здесь-то, применительно к несовершеннолетним преступникам, порка, казалось бы, оправдана? Достоевский так не думает. Посетив экспериментальную колонию для несовершеннолетних преступников, он одобрительно отзывается об отсутствии в ней порки. Чем же тогда поддерживать дисциплину? Оказывается, физическую расправу над юными правонарушителями успешно заменяет «самосуд, введенный между ними. Всякий провинившийся из них поступает на суд всей “семьи”, к которой принадлежит, и мальчики или оправдывают его, или присуждают к наказанию. Единственное наказание — отлучение от игр. Не подчиняющихся суду товарищей наказывают уже совершенным отлучением от всей колонии. На то есть у них Петропавловка — так прозвана мальчиками особая, более удаленная изба, в которой имеются каморки для временно удаленных. Впрочем, заключение в Петропавловку зависит, кажется, единственно от директора».

Вам это не напоминает систему Макаренко? Достоевский не чувствует себя экспертом в педагогике. Чем заменить отмененные телесные наказания, он не знает. Вслед за обсуждением проблемы несовершеннолетних преступников в «Дневнике писателя» появляется одно странное нотабене: «Мне нечаянно удалось услышать на днях одно весьма неожиданное замечание насчет отмененного у нас повсеместно в школах телесного наказания:

“Отменили везде в школах телесное наказание и прекрасно сделали; но чего же, между прочим, достигли? Того, что в нашем юношестве явилось чрезвычайно много трусов, сравнительно с прежним. Они стали бояться малейшей физической боли, всякого страдания, лишения, всякой даже обиды, всякого уязвления их самолюбия, и до того, что некоторые из них, как показывают примеры, при весьма незначительной даже угрозе, даже от каких-нибудь трудных уроков или

экзаменов, — вешаются или застреливаются”. Действительно, всего вернее объяснить несколько подобных и в самом деле происшедших случаев единственно трусостью юношей перед чем-нибудь грозящим или неприятным; но странная, однако, точка зрения на предмет, и наблюдение это по меньшей мере оригинально. Вношу его для памяти».

Комментаторы полагают, что Достоевский услышал это мнение 19 января 1876 г. из уст профессора-востоковеда и бывшего редактора газеты «Правительственный вестник», а затем начальника Главного управления по делам печати Василия Васильевича Григорьева (1816—1881). Консервативно-охранительное суждение Григорьева вызвало резкие полемические отклики в прессе, осмыслить их Достоевский не успел. Его размышления заканчиваются вопросом...

Важной заслугой русских писателей было описание того, как сам ребенок реагирует на порку. Многие родители и учителя об этом не задумывались: ну, подумаешь, выпороли, ничего с ним не случится! Когда Горький в повести «Детство» (1913—1914) описал свою первую серьезную порку, это стало социально-художественным событием. На первый план снова выступает не то, насколько заслуженным или незаслуженным было наказание, а *сам факт насилия над детьми*:

«В субботу, перед всенощной, кто-то привел меня в кухню; там было темно и тихо. Помню плотно прикрытые двери в сени и в комнаты, а за окнами серую муть осеннего вечера, шорох дождя. Перед черным челом печи на широкой скамье сидел сердитый, непохожий на себя Цыганок; дедушка, стоя в углу у лохани, выбирал из ведра с водою длинные прутья, мерял их, складывая один с другим, и со свистом размахивал ими по воздуху. Бабушка, стоя где-то в темноте, громко нюхала табак и ворчала:

— Ра-ад... мучитель...

Саша Яковов, сидя на стуле среди кухни, тер кулаками глаза и не своим голосом, точно старенький нищий, тянул:

— Простите Христа ради...

Как деревянные, стояли за стулом дети дяди Михаила, брат и сестра, плечом к плечу.

— Высеку — прощу, — сказал дедушка, пропуская длинный влажный прут сквозь кулак. — Ну-ка, снимай штаны-то!..

Говорил он спокойно, и ни звук его голоса, ни возня мальчика на скрипучем стуле, ни шарканье ног бабушки, — ничто не нарушало памятной тишины в сумраке кухни, под низким закопченным потолком.

Саша встал, расстегнул штаны, спустил их до колен и, подерживая руками, согнувшись, спотыкаясь, пошел к скамье. Смотришь, как он идет, было нехорошо, у меня тоже дрожали ноги.

Но стало еще хуже, когда он покорно лег на скамью вниз лицом, а Ванька, привязав его к скамье под мышки и за шею широким полотенцем, наклонился над ним и схватил черными руками ноги его у щиколоток.

— Лексей, — позвал дед, — иди ближе!.. Ну, кому говорю?.. Вот гляди, как секут... Раз!..

Невысоко взмахнув рукой, он хлопнул прутком по голому телу. Саша взвизгнул.

— Врешь, — сказал дед, — это не больно! А вот эдак больней!

И ударил так, что на теле сразу загорелась, вспухла красная полоса, а брат протяжно завыл.

— Не сладко? — спрашивал дед, равномерно поднимая и опуская руку. — Не любишь? Это за наперсток!

Когда он взмахивал рукой, в груди у меня все поднималось вместе с нею; падала рука, — и я весь точно падал.

Саша визжал страшно тонко, противно:

— Не буду-у... Ведь я же сказал про скатерть... Ведь я сказал...

Спокойно, точно Псалтырь читая, дед говорил:

— Донос — не оправданье! Доносчику первый кнут. Вот тебе за скатерть!

Бабушка кинулась ко мне и схватила меня на руки, закричав:

— Лексея не дам! Не дам, изверг!

Она стала бить ногою в дверь, призывая:

— Варя, Варвара!..

Дед бросился к ней, сшиб ее с ног, выхватил меня и понес к лавке. Я бился в руках у него, дергал рыжую бороду, укусил ему

палец. Он орал, тискал меня и наконец бросил на лавку, разбив мне лицо. Помню дикий его крик:

— Привязывай! Убью!..

Помню белое лицо матери и ее огромные глаза. Она бегала вдоль лавки и хрипела:

— Папаша, не надо!.. Отдайте...

Дед засек меня до потери сознания, и несколько дней я хворал, валяясь вверх спиною на широкой жаркой постели в маленькой комнате с одним окном и красной, неугасимой лампадой в углу пред киотом со множеством икон».

Отношение детей к порке в разных социальных слоях было неодинаковым.

Для Федора Ивановича Шаляпина (1873—1938) отцовская порка — событие неприятное, но будничное — в его среде всех мальчишек пороли. Протест может вызывать лишь неадекватность наказания.

«Трезвый, отец бил меня нечасто, но все-таки и трезвый бил — ни за что ни про что, как мне казалось, — вспоминает артист в автобиографической книге «Маска и Душа». — Помню, я пускал бумажного змея, отлично сделанного мною, с трещотками и погремушками. Змей застрял на вершине высокой березы, мне жалко было потерять его. Я влез на березу, достал змея и начал спускаться, но подо мной подломился сук, я кувырком полетел вниз, ударился о крышу, о забор и, наконец, хлопнулся на землю спиной так, что внутри у меня даже крякнуло. Пролежал я на земле с изорванным змеем в руках довольно долго. Отдохнув, пожалел о змее, нашел другие удовольствия, и все было забыто.

На другой день к вечеру отец командует:

— Скважина, собирайся в баню! <...>

Так вот — пришел я с отцом в баню. Отец был превосходно настроен. Разделись. Он ткнул мне пальцем в бок и зловеще спросил:

— Это что такое?

Я увидел, что тело мое расписано сине-желтыми пятнами, точно шкура зебры.

— Это я — упал, ушибся немножко.

— Немножко? Отчего же ты весь полосатый? Откуда ты упал?

Я рассказал по совести. Тогда он выдернул из веника несколько толстых прутьев и начал меня сечь, приговаривая:

— Не лазай на березу, не лазай!

Не столько было больно, сколько совестно перед людьми в предбаннике, совестно и обидно: люди страшно обрадовались неожиданной забаве; хотя и беззлобно, они гикали и хохотали, поощряя отца:

— Наддай ему, наддай! Так его, — лупи! Не жалей кожи, поживет гоже! Сади ему в самое, в это!

Вообще, я не особенно обижался, когда меня били, я подходил это в порядке жизни. Я знал, что в Суконной слободе всех бьют — и больших, и маленьких; всегда бьют — и утром, и вечером. Побой — нечто узаконенное, неизбежное. Но публичная казнь в предбаннике, на виду голых людей и на забаву им — это очень обидело меня.

Позднее, когда мне минуло лет двенадцать, я начал протестовать против дебошей пьяного отца. Помню, однажды мой протест привел его в такое негодование, что он схватил здоровенную палку и бросился на меня. Боясь, что он убьет, я, в чем был, босиком, в тиковых подштанниках и рубашонке, выскочил на улицу, пробежал, несмотря на мороз градусов в 15, два квартала и скрылся у товарища, а на другой день — все так же босиком — прискакал домой. Отца не было дома, а мать, хотя и одобрила меня за то, что я убежал от побоев, но все-таки ругнула, — зачем бегаю босиком по снегу! Как я ни доказывал ей, что некогда было мне надеть сапоги, она едва не отколотила меня» (Шалапин, 1997).

Сын врача Викентий Викентьевич Смидович (Вересаев) (1877—1945) к подобному обращению непривычен, для него порка — событие чрезвычайное:

«Один-единственный случай, когда меня выпороли. Папа одно время очень увлекался садоводством. В большом цветнике в передней части нашего сада росли самые редкие цветы. Было какое-то растение, за которым папа особенно любовно

ухаживал. К великой его радости и гордости, после многих трудов, растение дало, наконец, цветы. Однажды вечером папе и маме нужно было куда-то уехать. Папа позвал меня, подвел к цветку, показал его и сказал:

— Видишь, вот цветок? Не смей не только трогать его, а и близко не подходи. Если он сломается, мне будет очень неприятно. Понял?

— Понял.

Поздно вечером они воротились, и папа сейчас же пошел с фонарем в сад взглянуть на цветок. Цветка не было! Ничего от него не осталось, — только ямка и кучка земли.

На утро мне допрос:

— Где цветок?

— Я его пересадил.

— Как пересадил?!

— Ты же мне вчера сам велел.

И я показал, куда пересадил. Пересадил, конечно, подрезав все корни, и цветок уже завял.

Такое явное и наглое неповиновение мое, — “ведь нарочно приводил тебя к цветку, просил!” — заставило папу преодолеть его отвращение к розге, и он высек меня. Самого наказания, боли от него, я не помню. Но ясно помню, как после наказания сидел на кровати, захлебываясь слезами и ревом, охваченный ощущением огромной, чудовищной несправедливости, совершенной надо мною. Утверждаю решительно и определенно: я понял папу именно так, что он мне поручил пересадить цветок. И я очень был польщен его доверием и совершил пересадку со всею тщательностью, на какую был способен» (Вересаев, 1961).

Еще драматичнее переживает порку восьмилетний Тёма в повести Гарина-Михайловского «Детство Тёмы» (1892):

«— Ладно, — говорит сурово отец, окончив необходимые приготовления и направляясь к сыну. — Расстегни штаны...

Это что-то новое?! Ужас охватывает душу мальчика; руки его, дрожа, разыскивают торопливо пуговицы штанишек; он испытывает какое-то болезненное замирание, мучительно роется в себе,

что еще сказать, и наконец голосом, полным испуга и мольбы, быстро, несвязно и горячо говорит:

— Милый мой, дорогой, голубчик... Папа! Папа! Голубчик... Папа, милый папа, постой! Папа?! Ай, ай, ай! Аяяй!..

Удары сыплются. Тёма извивается, визжит, ловит сухую, жилистую руку, страстно целует ее, молит. Но что-то другое рядом с мольбой растет в его душе. Не целовать, а бить, кусать хочется ему эту противную, гадкую руку. Ненависть, какая-то дикая, жгучая злоба охватывает его.

Он бешено рвется, но железные тиски еще крепче сжимают его.

— Противный, гадкий, я тебя не люблю! — кричит он с бесильной злобой.

— Полюбишь!

Тема яростно впивается зубами в руку отца.

— Ах ты, змееныш?!

И ловким поворотом Тёма на диване, голова его в подушке. Одна рука придерживает, а другая продолжает хлестать извивающегося, рычащего Тёму.

Удары глухо сыплются один за другим, отмечая рубец за рубцом на маленьком посинелом теле.

С помертвелым лицом ждет мать исхода, сидя одна в гостиной. Каждый вопль рвет ее за самое сердце, каждый удар терзает до самого дна ее душу.

Ах! Зачем она опять дала себя убедить, зачем связала себя словом не вмешиваться и ждать?

Но разве он смел так связать ее словом?! И, наконец, он сам увлекающийся, он может не заметить, как забьет мальчика! Боже мой! Что это за хрип?!

Ужас наполняет душу матери.

— Довольно, довольно! — кричит она, врываясь в кабинет. — Довольно!!!

— Полюбуйся, каков твой звереныш! — сует ей отец прокушенный палец.

Но она не видит этого пальца. Она с ужасом смотрит на диван, откуда слезает в это время растрепанный, жалкий, огаженный звереныш и дико, с инстинктом зверя, о котором на минуту

забыли, пробирается к выходу. Мучительная боль пронизывает мать. Горьким чувством звучат ее слова, когда она говорит мужу:

— И это воспитание?! Это знание натуры мальчика?! Превратить в жалкого идиота ребенка, вырвать его человеческое достоинство — это воспитание?!

Желчь охватывает ее. Вся кровь приливает к ее сердцу. Острой, тонкой сталью впивается ее голос в мужа.

— О жалкий воспитатель! Щенков вам дрессировать, а не людей воспитывать!

— Вон! — ревет отец.

— Да, я уйду, — говорит мать, останавливаясь в дверях, — но объявляю вам, что через мой труп вы перешагнете, прежде чем я позволю вам еще раз высечь мальчика.

Отец не может прийти в себя от неожиданности и негодования. Не скоро успокаивается он и долго еще мрачно ходит по комнате, пока наконец не останавливается возле окна, рассеянно всматривается в заволакиваемую ранними сумерками серую даль и возмущенно шепчет:

— Ну, извольте вы тут с бабами воспитывать мальчика!»

В данном случае порка — настоящая драма для всех участников, для отца-генерала это травма не меньше, чем для сына. Впредь он никогда ничего подобного не сделает...

В этом разделе я больше говорю о мальчиках, но русским девочкам тоже доставалось. Вот свидетельство Н. С. Лескова («Житие одной бабы», 1863. Гл. 3):

«Поставила барыня девочку на пол; подняла ей подольчик рубашечки, да и ну ее валять ладонью, — словно как и не свое дитя родное. Бедная Маша только вертится да кричит: “Ай-ай! ай, больно! ой, мама! не буду, не буду”.

Настя, услышав этот крик, опомнилась, заслонила собой ребенка и проговорила: “Не бейте ее, она ваше дитя!”

Ударил барыня еще раз пяток, да все не попадало по Маше, потому что Настя себя подставляла под руку; дернула с сердцем дочь и повела за ручонку за собою в спальню.

Не злая была женщина Настина барыня; даже и жалостливая и простосердечная, а тукманку дать девке или своему родному дитяти ей было нипочем. Сызмальства у нас к этой скверности приучаются и в мужичьем быту и в дворянском. Один у другого словно перенимает. Мужик говорит: “За битого двух небитых дают”, “не бить — добра не видать”, — и колотит кулачьями; а в дворянских хоромах говорят: “Учи, пока воперек лавки укладывается, а как вдоль станет ложиться, — не выучишь”, и порют розгами. Ну, и там бьют и там бьют. Зато и там и там одинаково дети, вдоль лавок под святыми протягиваются. Солидарность есть не малая».

По другому случаю Лесков замечает:

«Тут ничего не произошло выходящего из ряда вон <...> У нас от самого Бобова до Липихина матери одна перед другой хвалились, кто своих детей хладнокровнее сечет, и сечь на сон грядущий считалось высоким педагогическим приемом. Ребенок должен был прочесть свои вечерние молитвы, потом его раздевали, клали в кроватку и там секли. Потом один жидомор помещик, Андреем Михайловичем его звали, выдумал еще такую моду, чтобы сечь детей в кулке. Это так делал он с своими детьми: поднимет ребенку рубашечку на голову, завяжет над головою подольчик и пустит ребенка, а сам сечет, не державши, вдогонку. Это многим нравилось, и многие до сих пор так секут своих детей. Прощение только допускалось в незначительных случаях, и то ребенок, приговоренный отцом или матерью к телесному наказанию розгами без счета, должен был валяться в ногах, просить пощады, а потом нюхать розгу и при всех ее целовать. Дети маленького возраста обыкновенно не соглашались целовать розги, а только с летами и с образованием входят в сознание необходимости лобызать прутья, припасенные на их тело. Маша была еще мала; чувство у нее преобладало над расчетом, и ее высекли, и она долго за полночь все жалостно всхлипывала во сне и, судорожно вздрагивая, жалась к стенке своей кровати».

Из 324 опрошенных Д. Н. Жбанковым в 1908 г. московских студентов 75 сказали, что дома их секли розгами, а к 85

применяли другие физические наказания: длительное стояние голыми коленками в углу на горохе, удары по лицу, стегание пониже спины мокрой веревкой или вожжами. Причем ни одна из опрошенных не осудила родителей за излишнюю строгость, а пять из них даже сказали, «что их надо было драть сильнее» (Жбанков, 1908).

Хотя в институтах благородных девиц таких жестоких и массовых пороков, как в бурсе и кадетских корпусах, не было, более мягкие, но не менее обидные физические воздействия применялись и там. О сельской школе и семье и говорить нечего. Но, в отличие от полномасштабной порки, девочкам чаще доставались щипки, пинки и оплеухи, которых никто не фиксировал и подробно не описывал.

Среди популярных русских писателей начала XX в., последовательно выступавших против телесных наказаний как «наичернейшей страницы в книге жизни» и «продукта вымирающей азиатчины», была Лидия Чарская (1875—1937), посвятившая этой теме статью «Профанация стыда» (1909).

«Много ли найдется таких детей, которые никогда не испытали на себе удара розги со стороны отца, матери или их заместителей, воспитателей, родственников? Многие ли из воспитателей могут с чистой совестью сказать: “Я никогда не ударил ребенка”?

— Я никогда не бью моих детей, — рассказывал мне один отец, но тут же поспешил прибавить, что все же один раз ему “пришлось” наказать сына плеткой.

— Я не признаю розги, — гордо заявила мне одна мать, но, в виде исключения, она все-таки прибегала не раз к телесному наказанию своих детей.

— Я враг розги, но меня этот ребенок вывел из терпения, и я принуждена была его наказать, — признавалась мне одна воспитательница.

Как часто приходится слышать о подобных будто бы исключениях!

Но дело не ограничивается даже исключениями: еще до сих пор есть интеллигентные семьи, где розга продолжает быть од-

ною из мер педагогического воздействия. Есть и воспитательные учреждения — где розга не изгнана. Еще и теперь встречаются родители, которые убеждены, что без розги воспитать ребенка нельзя, и этот свой взгляд проводят на практике. Есть воспитатели, которые в сечении видят спасение детей...

Это факт, который скрывать напрасно, ибо нет-нет да и проникает в печать случай, а то и ряд случаев, указывающих, что все еще у нас соблюдаются правила Домостроя...»

Чарская с отвращением говорит о позорном, варварском прошлом, когда плетка или розга считались нормальными средствами воспитания и доказательствами любви:

«От этой любви, сплетенной из грубой силы, власти, страха и покорности, рождались маленькие рабы, с самого раннего возраста приемлющие крещение лозою и розгою, дикари в будущем, разнузданные похотью власти над новыми слабыми, которых они, в свою очередь, будут впоследствии угнетать, сечь и бичевать».

По мнению писательницы, порка — не утверждение нравственности, а наоборот, отрицание всякого стыда.

«Одним из неперемennых условий здорового, трезвого, этичного, вполне “человеческого” воспитания я считаю удаление, ПОЛНОЕ И БЕЗВОЗВРАТНОЕ УДАЛЕНИЕ, ИЗГНАНИЕ РОЗОГ И ПЛЕТКИ, этих орудий умерщвления стыда, собственного достоинства, составляющего залог будущего гордого человеческого “я” в ребенке.

Долой плетку! Она пропаганда бесстыдства».

«Боль, стыд, ужасный, потрясающий все существо, мучительный стыд, стыд, помимо позорного наказания, стыд обнаженной наготы, стыд будущего гордого человеческого “я”... Он является инстинктивно, смутно, неясно, но тем не менее является в душе ребенка. Является и тогда, когда ребенок, без ропота, послушно, зная, что ему нет спасения, исполняет волю старшего и покорно ложится, чтоб воспринять наказание, и тогда, когда он противится наказанию, надеясь избежать его...

Первые розги, первое сечение стоит полного пересоздания душевного строя дитяти. Строй души нарушен. Безмя-

тежная ясность исчезла. Вместо нее: страх, подлый, животный страх маленького пигмея к его властелину.

Стыд детской нетронутости, стыд чистоты задавлен, поруган и... позорно умерщвлен. <...>

Приходит ли в голову наказывающим ребенка таким образом отцу, матери или воспитателю, какие ужасные последствия может иметь удар розги или плетки? Думают ли они о том, что невольно могут явиться причиной нравственного растрепывания наказуемого?

Откуда взялись садисты? Вот вопрос, который до сих пор решался с чисто физиологической точки зрения. Причина: ненормальность, извращение чувствительности в половом ее значении. Но откуда извращение, откуда ненормальность?

Говорят, трактуют между прочим о наследственности. Весьма может быть, что и наследственность играет тут немаловажную роль. Но почему же у вполне здоровых в этом направлении людей дети, которых часто подвергали телесным наказаниям, вырастают с явными наклонностями к садизму? <...>

Я помню мальчика в детстве. Мы выросли вместе. Он был худенький, бледный и какой-то жалкий. Ему все как-то не удавалось, и его секли нещадно. Сначала он бился и кричал на весь двор (мы жили рядом с его родными), потом крики и стоны во время экзекуций прекратились. Как-то раз я вошла в детскую, когда он был там, и ужаснулась. Одна из моих больших кукол лежала поперек постели с поднятым на туловище платьем, и мой маленький товарищ бичевал куклу снятым с себя ремнем. Его лицо было очень бледно, губы закушены, и глаза горели нездоровым огнем. От всего существа веяло упоением и сладострастием, таким странным и чудовищно жутким в лице ребенка.

Пришлось мне быть случайною свидетельницей и другого подобного факта: мальчик, уложив в ряд всех кукол своей сестры и ее подруг, сек их розгой по обнаженному туловищу, причем глаза его горели, лицо было красное, руки буквально дрожали. Свое поведение мальчик объяснил тем, что точно

так же наказывал отец своих детей, когда они провинились в какой-то шалости <...>.

Я не стану говорить о телесном наказании вообще, об этом продукте вымирающей азиатчины, об этой наичернейшей странице в книге жизни, для осуждения которой не хватит толстых томов литературы. Я хочу лишь указать на ужасные последствия применения давно устаревшего способа “исправлять” детей розгой, плеткой и всякого рода орудием телесных наказаний. Я не касаюсь этой меры ни “за” ни “против” с ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ точки зрения. Не касаюсь того озлобления и тяжелого чувства ненависти и глухой жажды мести, которое вызывает эта мера в наказуемых детях и которое у более впечатлительных детей остается годами. Я не касаюсь телесного наказания и с ГИГИЕНИЧЕСКОЙ точки зрения, то есть не касаюсь того вреда, который эта варварская, отжившая форма наказания приносит здоровью наказуемого ребенка. Все это дело специалистов-педагогов и врачей. Я хочу лишь подчеркнуть то опасное унижение человеческого “я”, которое скрывается под каждым ударом, под каждым шлепком даже самой любящей матери. Я хочу отметить исключительно только печальные последствия плетки для стыда и добродетели детей. Дети — ведь тоже люди, правда маленькие люди, но гораздо более пытливые, чуткие, анализирующие и сознательные, нежели взрослые, даже более сознательные. Порой их гордое, маленькое “я” глухо волнуется, протестует и каменеет в конце концов, если посягать на их человеческое достоинство...

Щадите же это детское “я”, лелейте его, как цветок тепличный, и всячески оберегайте проявляющийся в них человеческий стыд.

Потому что стыд — красота...»

Негативное отношение русских писателей Серебряного века к телесным наказаниям детей не было единодушным. Диссонанс вносят два писателя, причем оба были школьными учителями, — Василий Васильевич Розанов (1856—1919) и Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников, 1863—1927).

В книге «Сумерки просвещения» Розанов (1899) теоретически осуждает насилие над личностью ребенка, но одновременно утверждает, что школьное воспитание должно быть суровым, и даже предлагает восстановить телесные наказания (Розанов, 1990).

«В физическом наказании нет ничего такого пугающего, что в нем прозрела новая педагогия и чего не видели люди самого высокого образа мыслей и безупречного характера долгие века. Заметим в дополнение своих мыслей и в оправдание тех умерших поколений, которые мы считаем во всяком случае более способными к любви, чем поколение наше, что именно истинная их любовь к своим детям, любовь серьезная и ко многому обязывающая, а потому трудная, и сделала их немного суровыми в отношении этих детей. Но конечно, нет необходимости, чтобы эта суровая любовь доходила даже до физического наказания. Идеал лежит в семье, где самая мысль о нем уже оскорбительна...» (Там же).

Но это — идеал. Практическая семейная порка Розанова нисколько не смущает. Больше того, писатель рассказывает, что в бытность его учителем гимназии и классным наставником к нему как к последнему прибежищу «нередко являлись матери учеников (всегда вдовы) с просьбою наказать розгами (т. е. чтобы это было сделано в гимназии) своего разболтавшегося мальчугана: “Сестер колотит, меня не слушает, ничего не могу сделать” etc; я, конечно, объяснял, что это запрещено всеми параграфами, но, зная конкретно (ведь в педагогической литературе фигурируют в качестве примеров лишь бумажные манекены, которых “во всем можно убедить словами”, и, конечно, зачем для них наказание?) мальчишку способного и, что называется, взорвавшегося, потерявшего голову от баловства, всегда давал совет — обратиться к кому-нибудь по соседству или из родственников и больно-больно высечь его» (Там же).

Иными словами, Розанов делал то, что *пародировал* Чехов, и никаких нравственных сомнений по этому поводу у него не возникало. Больше того, розга, по его мнению, пробуждает собственную активность ребенка:

«И теперь, когда мне приходится видеть в богатой и образованной семье лимфатических детей, киснувших среди своих “глобусов” и других “пособий”, я всегда, вспоминая и свое детство, думаю: как бы встряхнулись они. Ожилились, начали тотчас размышлять и чувствовать, если бы <...> их самих вспрыснуть по-старому. Все тотчас бы переменилось в “обстоятельствах”: и впечатлительность бы пробудилась, и сила сопротивления требуемому, — именно оживился бы дух, который теперь только затягивается какою-то плесенью под музыку все поучений, поучений и поучений, все разъяснений, разъяснений и разъяснений. Розга — это, наконец, факт; это — насилие надо мною, которое вызывает все мои силы к борьбе с собою; это — предмет моей ненависти, негодования, отчасти, однако же, и страха; в отношении к ней я, наконец, не пассивен; и, уединившись в себя от всех, в руках кого она, наконец, свободен, т. е. свободен в душе своей, в мысли, не покорен ничему, кроме боли своей и негодования. <...> Что касается “унижения человеческой природы”, будто бы наносимого розгой, то ведь не унизила она Лютера, нашего Ломоносова; отчего же бы унизило современных мальчишек?» (Там же).

Это настоящая поэзия порки! Чувствуется, что если бы не министерский запрет, учитель Розанов не ограничился бы добрыми советами, а с удовольствием самолично выпорол бы нерадивых учеников. Не стоят ли за этим какие-то личные проблемы? Дотошные канадские литературоведы раскопали опубликованное письмо бывшего ученика Розанова:

«В девяностых годах прошлого века я жил в городе Белом быв[шей] Смоленской губернии, и в 1891 и 92 гг. состоял учеником первого класса местной шестиклассной прогимназии. Преподавателем географии у нас был Василий Васильевич Розанов [...]. Давно это было, [...] но личность [...] Розанова передо мной стоит до сих пор так ясно, как будто мы расстались с ним только вчера. Среднего роста, рыжий, с всегда красным, как из бани, лицом, с припухшим носом картошкой, близорукими глазами, с воспаленными веками за сте-

клами очков, козлиной бородкой и чувственными красными и всегда влажными губами, он отнюдь своей внешностью не располагал к себе. Мы же, его ученики, ненавидели его этой ненавистью, и все, как один [...] свою ненависть к преподавателю мы переносили и на преподаваемый им предмет. Как он преподавал? Обычно он заставлял читать новый урок кого-либо из учеников по учебнику Янчина “от сих до сих” без каких-либо дополнений, разъяснений, а при спросе гонял по всему пройденному курсу, выискивая, чего не знает ученик. Спрашивал он по немой карте, стараясь сбить ученика. Например, он спрашивал: “Покажи, где Вандименова земля?”, а затем, немного погодя — “А где Тасмания? Что такое Гавай? А теперь покажи Сандвичевы острова”. Одним словом, ловил учеников на предметах, носящих двойные названия, из которых одно обычно упоминалось лишь в примечании. А когда он свирепел, что уж раз за часовой урок обязательно было, он требовал точно указать границу между Азией и Европой, между прочим, сам ни разу этой границы нам не показав. [...] Но вся беда еще не в этом. Когда ученик отвечал, стоя перед партой, Вас. Вас. подходил к нему вплотную, обнимал за шею и брал за мочку его ухо и, пока тот отвечал, все время крутил ее, а когда ученик ошибался, то больно дергал. Если ученик отвечал с места, то он садился на его место на парте, а отвечающего ставил у себя между ногами и все время сжимал ими ученика и больно щипал, если тот ошибался. Если ученик читал выбранный им урок, сидя на своем месте, Вас. Вас. подходил к нему сзади и пером больно колол его в шею, когда он ошибался. Если ученик протестовал и хныкал, то Вас. Вас. колол его еще больней. От этих укусов у некоторых учеников на всю жизнь сохранилась чернильная татуировка. Иногда во время чтения нового урока [...] Вас. Вас. отходил к кафедре, глубоко засовывал обе руки в карман брюк, а затем начинал производить [ими] какие-то манипуляции. Кто-нибудь из учеников замечал это и фыркал, и тут-то начиналось, как мы называли, избивание младенцев. Вас. Вас. свирепел, хватал первого попавшего [...] и тащил к карте. — “Где граница Азии и Европы? Не так!

Давай дневник!” И в дневнике — жирная единица. — “Укажи ты! Не так!” — И вторая единица, и тут уж нашими “колами” можно было городить целый забор. [...]. Мы, малыши, конечно, совершенно не понимали, что творится с Вас. Вас. на наших уроках, но боялись его и ненавидели. Но позже, много лет спустя, я невольно ставил себе вопрос, как можно было допускать в школу такого человека с явно садистическими наклонностями?» (Оболянинов, 1963).

Конечно, автор воспоминаний может быть пристрастен. Отношения Розанова со старшими учениками были не столь враждебными. Писатель Михаил Пришвин, которого по докладной записке Розанова исключили из гимназии, позже признавал, что он сам «довел» учителя (см.: Варламов, 2002). То ли Розанов не осмеливался приставать к старшим подросткам, то ли они его в этом плане не интересовали, то ли старшие гимназисты прощали учителю некоторые «странности» за образованность и яркость, которых были лишены его унылые коллеги.

В отличие от Розанова, отношение к телесным наказаниям Федора Сологуба было неоднозначным. Личная драма поэта и писателя заключалась в том, что его самого в детстве жестоко порол, выработав у него пожизненную *потребность к порке*. В своей учительской практике в сельской школе он также применял телесные наказания*. Когда в начале 1890-х годов молодой учитель решил включиться в общественную дискуссию и написать статью о телесных наказаниях (работая над ней с 1893 по 1896 г., так и не смог ее закончить), он столкнулся с неразрешимым противоречием.

В начале статьи Сологуб утверждает, что «воспитание по возможности должно обходиться без наказаний. <...> Внешне-принудительного характера наказание отнюдь не должно иметь. <...> Наказание может быть очень суровым, но оно не должно быть унижительным».

Однако с либеральной критикой телесных наказаний он не согласен. Хотя «всякого рода удары, толчки и щипки, на-

* Все биографические данные и цитаты в этом разделе заимствованы из книги М. М. Павловой (Павлова, 2007).

носимые в порыве раздражения, должны быть строго осуждены», настоящая полнометражная порка розгой ребенку полезна.

«Малое количество слабых ударов, не причиняя ребенку сильной боли, только вызовет прилив крови к некоторым органам. Это приведет к развитию у ребенка, когда стихнет слабая боль, целого ряда таких ощущений и представлений, которые могут толкнуть ребенка на нежный детский порок (имеется в виду онанизм, которому Сологуб, как многие его современники, включая Розанова, приписывал самые тяжелые последствия и даже посвятил поэму «Одиночество» («История мальчика-онаниста». — И. К.). Во избежание этих вредных последствий следует наказывать ребенка непременно сильно и большим количеством ударов».

Больше того, это наказание не «должно быть назначается только в исключительных случаях. Здоровый, сильный и резвый мальчик (обратите внимание — в разговоре о телесных наказаниях речь почти всегда идет о мальчиках. — И. К.) ничего не потеряет, если его высекут за сравнительно малую вину... В таком виде, как мы его понимаем, наказание розгой полезно ребенку как средство физического развития».

«Понимаемые правильно, поставленные в связь с другими воспитательными мерами и освященные ясным сознанием того, какие цели ими достигаются, телесные наказания являются не только важными, но необходимыми в ходе воспитания».

Поднимая отказ от розги на уровень национальной трагедии («это было русское учреждение»), Сологуб связывает с ним ослабление не только школьной дисциплины, но и семьи:

«Да, мы видим, что слабеет без розог родительская власть, да и одна ли родительская? И мы убеждены, что теперь своевременнее всего озаботиться пересадкой на нашу почву немецкой розги, да и всего того, чем крепка прусская казарма и русская каторга, чем прежде была крепка и русская семья. Мы надеемся, что люди, которые возвысят свой

голос в защиту розги, будут иметь успех в своей пропаганде. В другое время и мы не стали бы защищать розочную расправу как предмет, презируемый обществом. Но теперь нам нет дела до безотчетных антипатий общества. Оно гибнет, и нужно ему помочь, хотя бы розгами. Мы пробовали много паллиативных лекарств — они не помогали. Следует прибегнуть к средствам сильным и энергичным, а из таких средств что может быть проще порки? Мы не можем требовать от родителей, чтобы они обладали высоким развитием, которое дало бы им возможность без розог поддерживать свой авторитет, у нас нет денег даже на простую грамотность большинства жителей. Мы должны поощрять их пользоваться тем единственным средством нравственного влияния, которое еще у них остается. Чтобы пороть детей, кому ума недоставало?»

Получается, что русским родителям розга заменяет разум? Звучит не слишком комплиментарно. А как насчет школьного учителя?

«Нужно, чтобы ребенок любил школу. Для <э> того нужно, чтобы в школе, при всей привлекательности толкового преподавания, не было ничего такого, что ребенок встречал лишь в школе и что ему неприятно. Ребенок должен любить учителя. Нельзя любить того, кто нас исключительно бьет. Пусть же все порют ребенка. Дома их должны пороть родители, старшие братья и сестры, старшие родственники, няньки, гувернеры и гувернантки, домашние учителя и даже гости. В школе пусть его дерут учителя, священник, школьное начальство, сторожа, товарищи и старшие и младшие. В гостях за малость пусть его порют, как своего. На улице надо снабдить розгами городских: они тогда не будут без дела».

М. Павлова считает, что текст статьи Сологуба «О телесных наказаниях» не дает оснований заподозрить автора в желании иронизировать по этому поводу или в цинизме, и, учитывая особенности личной жизни писателя, она, вероятно, права. Но в этом случае пародийный эффект возникает помимо воли

автора, который не мог этого не заметить. Может быть, статья не была закончена не только потому, что могла повредить его карьере (тридцатилетний учитель Тетерников хлопотал о повышении по службе, «инспекторском месте») и содержала постыдные интимные признания, но и потому, что его рассуждения зашли в тупик и автор понял, что его экзотический личный опыт не может стать всеобщим?

Как бы то ни было, в своей позднейшей педагогической публицистике (см.: Педагогические огорчения Федора Сологуба, 2008) он рассуждает совершенно иначе.

«Желательна такая школа, куда учащиеся могли бы приходить с готовыми своими запросами, а учителя при ней были бы обязаны лишь удовлетворять их запросам. Учителя были бы для пояснения, для помощи, для того, чтобы сказать, что надобно прочесть, как и в каком порядке работать» (статья «Под спудом»).

«Зачем учителю надо быть начальником? Зачем, вообще, надо, чтобы везде были поставлены начальники! Не общественные деятели, а начальники! Много распорядителей, — да и много ли толку в работе?

Во что обращается школа, если на каждый урок приходит по начальнику?

И обществу, и школярам, да и учителям, наконец, несравненно полезнее, чтобы школа не взбиралась на ходули, скромно признала себя одним из предметов общего пользования, как театр, почта, железная дорога и т. п. Попроще надо быть с детьми. Какие там для ребятишек начальники! Маленькие чиновнички в мундирчиках, почтительно рапортующие своим начальникам о падении Римской империи, — что за комедия! Курам на смех» (статья «Учитель или начальник?»).

В хорошей школе не может быть телесных наказаний.

«И за что бьют — за мелкие шалости, за разбитое стекло, за плохие отметки. Бьют только потому, что дети слабы и не могут себя защитить. Запросто, по-домашнему, — как будто у детей нет никаких прав. Но если точно у мальчиков нет прав на телесную неприкосновенность, то эти права следо-

вало бы создать. Ведь, право же, страшно, что участь маленьких Ванек и Васек до такой степени зависит от произвола и, иногда невежественных, родителей. Десятки миллионов малышей, будущих граждан, величина достаточно значительная для того, чтобы находиться под охраною вполне определенного закона!» (статья «Как мальчик»).

Одно из двух: либо Сологуб, подобно Розанову, мог защищать по одному и тому же принципиальному вопросу противоположные точки зрения, либо за прошедшие 10 лет он радикально изменил позицию и признал, что телесные наказания, как бы они ни импонировали лично ему, к детям применять не следует.

Особенно интересно вводимое Сологубом понятие прав ребенка, включая «право на телесную неприкосновенность», которое делает порку в принципе невозможной. В начале XX в. об этом мало кто говорил.

Как убедительно показывает Катриона Келли (Kelly, 2007), в дореволюционном русском праве ребенок еще не был автономным субъектом, «защита прав детей» обычно трактовалась как синоним «защиты детей» от злоупотреблений. Тем не менее намечается определенный прогресс: защита детей от жестокого обращения со стороны посторонних людей, включая учителей, перерастает в проблему защиты детей от плохих родителей. В 1909 г. в России создается первое *Общество защиты детей от жестокого обращения* под патронатом Великой княгини Ольги Александровны. На попечении этого общества в 1911 г. находилось 93 ребенка. Созданное в 1914 г. *Общество правовой охраны малолетних* сразу же столкнулось с юридическими трудностями — как отобрать детей от жестоко обращающихся с ними родителей?

Это не могло не отразиться и на отношении к телесным наказаниям.

Подведем итоги.

1. Главная разница между Россией и Европой в сфере телесных наказаний касается не детей, а взрослых. Теле-

сные наказания взрослых сохранились в России значительно дольше, чем Европе, и были значительно более жестокими и массовыми.

2. Начавшаяся в XVIII в. постепенная либерализация телесных наказаний носила характер сословных привилегий, которые не распространялись на основную массу населения.

3. Помимо юридических телесных наказаний крепостное право открывало неограниченные возможности для бытового насилия, которое символизировалось как законное наказание и тормозило формирование личностного самосознания и чувства собственного достоинства.

4. Это положение отчасти сохранилось даже после отмены крепостного права.

5. Несмотря на некоторые «возрастные» послабления, ни сословные привилегии, ни законодательное ограничение телесных наказаний не распространялись на детей автоматически. Церковный канон и народная педагогика в равной мере считали телесные наказания детей необходимыми и полезными.

6. Как везде, правомерность и эффективность телесных наказаний сначала подвергается сомнению применительно к школе и только много времени спустя — к родительской семье.

7. Частота и интенсивность телесных наказаний в разных видах учебных заведений зависит прежде всего от сословного происхождения и социально-экономического положения учащихся, а также от типа и, позже, от индивидуальных особенностей учебного заведения.

8. Вопрос об отношении к телесным наказаниям в школе стал особенно острым и открыто приобрел политическое звучание накануне крестьянской реформы 1861 г. Либеральную позицию в этом вопросе (смягчение и строгая регламентация телесных наказаний) занял Н. И. Пирогов, а радикальную (полный запрет телесных наказаний) — Н. А. Добролюбов. В пореформенные годы сначала возобладали либеральная стратегия, но в конце XIX в. более современные гимназии вовсе отказались от телесных наказаний. Однако в сельских

и отдаленных школах эти практика сохранилась и в первое десятилетие XX в.

9. Важнейшую роль в гуманизации образования и признании телесных наказаний детей морально неприемлемыми сыграла русская классическая литература (Толстой, Достоевский, Чехов и др.).

10. Телесно-педагогические практики второй половины XIX — начала XX в. стали более социально дифференцированными. Главными признаками деления стали социальное происхождение и уровень образования. В рабоче-крестьянских и купеческих семьях телесное наказание продолжало считаться нормальным, тогда как в дворянских и интеллигентских семьях оно постепенно становилось скорее исключением, нежели правилом. Это зависит также от культурно-идеологических факторов.

11. Как в школе, так и дома мальчиков телесно наказывали чаще и интенсивнее, чем девочек. Впрочем, эта картина может быть не вполне адекватной, поскольку скрытые формы телесных наказаний (щипки, удары и подзатыльники) зачастую не фиксируются и не учитываются.

Глава 4

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Для профилактики преступности ООН решила выпороть все население Земли. В ответ на это во Франции произошла революция, в Англии — правительственный кризис, в СССР с ночи стали выстраиваться очереди, а Академия Наук обратилась в правительство с просьбой обслужить ученых вне очереди, по льготному списку.

Старый советский анекдот

Советская Россия: закон, теория и практика

Все свои нерешенные проблемы царская Россия передала в наследство России советской.

Как справедливо отмечает английская исследовательница Катриона Келли (Kelly, 2007), раннее советское законодательство подорвало базовый принцип царского семейного права — подчинение детей родителям. Понятие «родительская власть» практически исчезло, вышло из употребления, а «родительские права» стали трактоваться исключительно с точки зрения интересов развития ребенка. Согласно статье 33 Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г., родительские права должны осуществляться исключительно в интересах детей, а если они используются иначе, суд может лишить родителей их прав. Советские юристы с гордостью говорили о достигнутом «раскрепощении» детей.

Сходные процессы происходили в школе. Уставом школы 1920-х годов были запрещены практически все формы и виды наказаний для детей. Считалось, что любые дисциплинарные нарушения детей провоцируются плохой ра-

ботой педагогов, стоит только устранить провоцирующие «плохое поведение» факторы, как все само собой наладится.

Либеральным стало и отношение к малолетним правонарушителям. В 1918 г. возраст уголовной ответственности был повышен до 18 лет. Радикальные теоретики Пролеткульта пошли еще дальше. Врач Ф. М. Орлов-Скоморовский (род. в 1889 г.) в книге «Голгофа ребенка» (1921) писал, что в каждой семье пробил час мятежа детей против родителей, и приветствовал это.

Левацкая утопия, естественно, оказалась недолговечной. Возраст уголовной ответственности уже в 1920—1923 гг. был снижен до 16 лет, а с 7 апреля 1935 г. за наиболее серьезные преступления (кража, насилие, телесные повреждения и убийства) полная уголовная ответственность стала наступать уже с 12 лет. Одновременно педагоги заговорили о необходимости усиления дисциплины как в школе, так и в семье.

Тем не менее советская педагогика считала телесные наказания детей, независимо от их пола и возраста, неприемлемыми и недопустимыми. Во всех типах учебных заведений они были категорически запрещены. Даже в военные годы, когда проблемы школьной дисциплины, особенно в мужских школах, стали чрезвычайно острыми, в Инструкции о применении поощрений и наказаний в школах, разработанной Управлением начальных и средних школ на основе приказа Народного Комиссариата Просвещения РСФСР № 205 от 21 марта 1944 года «Об укреплении дисциплины в школе», этот принцип сформулирован однозначно:

«13. Наказание, являясь педагогическим средством, должно пробудить и обострить у ученика чувство чести и чувство долга, вызвать чувство стыда за совершенный проступок.

14. Недопустимы наказания, оскорбляющие достоинство ученика. Какого бы строгого наказания ни заслужил ученик, недопустимы издевательства и насмешки над ним со стороны наказующих.

Недопустимы телесные наказания и наказания в виде лишения пищи как несовместимые с общественным строем советского государства и с общим духом советской школы».

Это вовсе не значит, что советское воспитание было добрым. В стране, где пытки и избиения регулярно в массовом порядке применялись к миллионам подсудимых и узников ГУЛАГа, без различия их пола и возраста (позже это назовут «строжайше запрещенными методами ведения следствия»), дети не могли рассчитывать на снисходительность.

Отбиваясь от нападков со стороны внука Сталина, в 2010 г. журналисты «Эха Москвы» нашли и опубликовали Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 7 апреля 1935 г. (подписанное Калинин, Молотовым и Акуловым) и подписанный Сталиным протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 апреля 1935 г. с вопросом «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В первом пункте этого постановления говорится, что «несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия <...> привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания», к числу которых относится и высшая мера — расстрел. Другой пункт отменяет статьи УК, «по которым расстрел к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не применяется».

Что уж говорить об избиениях и пытках в тюрьмах и лагерях?

Но меня интересует не пенитенциарная система, а обычный, нормальный учебный процесс. Полномасштабной «ритуальной» порки в советской школе не было, зато подзатыльники, щипки и шлепки раздавались учителями и воспитателями довольно часто (особенно грешили по этой части военруки и физруки).

Вспоминает ученица сельской школы Шадринского района (начало 1990-х годов):

«В начальных классах меня учила строгая женщина. Иногда она применяла физическую силу (могла использовать подручные средства — линейку, перстень на руке). Однажды прилетело и мне» (Борисов, 2008. Т. 1).

Многое зависело от особенностей учебного заведения, социального происхождения учащегося и от того, готовы ли

были родители его защищать. Тяжелее всего было в детских домах, интернатах и спецшколах.

В обычных детских учреждениях это было не принято. Ни в моем дошкольном и школьном детстве, ни позже, когда я оказывался в детских учреждениях в качестве гостя, случаев рукоприкладства со стороны взрослых я не видел и жалоб такого рода не слышал. В конце 1970-х годов в отличном пионерском лагере под Ленинградом я однажды видел, как молодой вожатый, студент педвуза, запросто раздавал легкие оплеухи подопечным башибузукам-шести-классникам, которые его обожали. Но это не было ни рукоприкладством, ни «телесным наказанием», ни даже проявлением раздражения, а было всего лишь частью групповой игры, вожатый был «своим парнем». «Настоящему» взрослому, застегнутому на все пуговицы, эти мальчишки ничего подобного не позволили бы. Чтобы правильно оценить такие «неканонические» действия, нужно обладать чувством юмора и знать специфические правила общения данного конкретного сообщества.

Впрочем, у меня есть и неприятное воспоминание. В 1965 г. я гостил во всероссийском пионерском лагере «Орленок» во время комсомольской смены. Это был замечательный лагерь, которым руководили прекрасные взрослые, там было реальное самоуправление, ни о каком рукоприкладстве к детям даже речи быть не могло. И вдруг в момент торжественного закрытия смены случилось страшное. Трое мальчишек в туалете жестоко избили комиссара своего отряда. Вся дружина испытала шок, увидев его окровавленное лицо. Вероятно, мальчишки в «Орленке», как и везде, иногда дрались. Но трое на одного, причем каждый из них в отдельности был сильнее жертвы, да еще перед началом торжественной линейки, — это было неслыханно. Дружина — 500 человек — пришла в ярость и требовала сурово наказать виновников. Но оказалось, что наказать их нечем. Выгнать из лагеря? Завтра все равно начинался разъезд. Исключить из комсомола? Выяснилось, что двое из троих в нем даже не состояли, хотя официально это была смена

комсомольского актива. Написать родителям и в школу? Ребята требовали немедленной реакции, а письма могли потеряться.

Опасаясь самосуда, руководство лагеря поместило хулиганов в изолятор, приставив к ним охрану из самых сильных старшеклассников. Но как унять ярость масс? Кто-то из активистов предложил, учитывая постыдно детское поведение виновников, подвергнуть их такому же постыдному наказанию — публичной порке. Разумеется, официально одобрить эту меру взрослые не могли, но, уступая давлению масс, самоустраились. В отсутствие взрослых общий сбор дружины единогласно постановил исключить этих мальчишек из числа орлят, после чего дать каждому по десять ударов ремнем. Преступники не возражали. С них сняли пионерские галстуки, отвели в какой-то закуток и в отсутствие девочек выпороли широким брючным ремнем. Никто из взрослых на этой экзекуции не присутствовал, я тоже ушел на пляж.

Но самое страшное началось потом. Когда выпоротых мальчишек вывели на парпет, их обступили разъяренные девочки, желавшие лично их ударить, раздались крики, что нужно поливать их рубцы соленой морской водой и т. п. Услышав этот шум, я пришел в ужас. Никаких ран и рубцов у мальчишек, разумеется, не было, да и шли они не голышом, а в шортах, но было очевидно, что началась массовая истерия с явным сексуальным подтекстом, некоторым девчонкам хотелось безнаказанно побить полуголых мальчишек. Стоило подняться наверх и крикнуть: «Ребята, что вы делаете?!» — как истерика прекратилась, всем стало стыдно.

А мне, как и другим взрослым, стало стыдно за себя: как можно было устраниваться и пойти на поводу у толпы? Мальчик, который добровольно вызвался быть палачом, у всех взрослых, да и у многих ребят начал вызывать неприязнь, хотя ничего особенного он не сделал. С «преступниками», которые до самого отъезда оставались под надежной охраной, я вечером поговорил. Я боялся, что увижу озлобленных

и униженных волчат. Ничего похожего. Ремень как таковой был им не в новинку, это было лучше, чем разборка в школе и дома. Ритуальная порка по приговору общего сбора ни унижительной, ни убедительной им не показалась, это было рядовое мероприятие. Зато индивидуальная ярость девчонок до них «дошла»: они увидели, что товарищи не просто говорят положенные слова, а в самом деле их ненавидят, и это им было неприятно.

Между прочим, мальчик, которого эти пацаны избили, через 30 лет написал мне письмо. Он стал известным профессором педагогики и хотел рассказать, как ценно для него было пребывание в «Орленке». Насчет своего избиения, поставившего на уши весь лагерь, сказал: «За дело меня тогда побили, сильно задавался, вот ребята и обиделись!» Мы с ним переписывались до его скоропостижной смерти. Короче, в подростковые разборки я встревать не стану, но если при мне будут обсуждать возможность порки, сделаю все возможное, чтобы ее предотвратить.

Что касается семьи, то почти все здесь оставалось в руках родителей. Советская власть очень жестко преследовала любые идеологические девиации, например — если ребенок высказывал крамольные политические взгляды или если религиозные родители не разрешали ему/ей вступать в пионеры или комсомол. Домашнее насилие замечали гораздо реже, только когда оно было слишком явным, оставляло заметные следы на теле ребенка или он сам или соседи куда-то жаловались. В таких случаях вмешивались органы опеки или милиция, но мотивировалось это вмешательство не телесными воздействиями как таковыми, а исключительно их чрезмерной жестокостью.

Чтобы узнать, что в стране происходило «на самом деле», нужно изучать судебные дела и архивы органов опеки: когда, по каким статьям и сколько возбуждалось дел, чем они завершались, какие меры ограничения родительского произвола применялись в быту, насколько они были эффективны и т. д. Дело это долгое и кропотливое, особенно если не просто пересказывать ведомственные отчеты, а вникать в их

социальный смысл, для чего нужен хронологически большой массив документов. Я таких исследований не читал.

В нормативной житейской педагогике запрет телесных наказаний иногда подвергался сомнению. Чаще всего при этом ссылались на авторитет А. С. Макаренко: известный эпизод из «Педагогической поэмы», когда Антон Семенович ударил своего воспитанника Задорова, и это повысило его авторитет среди колонистов. Следует подчеркнуть, что сам Макаренко всегда очень эмоционально открещивался от подобной интерпретации своего педагогического опыта и в осуждении физических наказаний был абсолютно категоричен.

27 октября 1936 г., выступая в Московском областном педагогическом институте. Макаренко говорит:

«...Я сделал большую ошибку, что ударил своего воспитанника Задорова. В этом поступке я почувствовал крушение своей личности. Я тяжело переживал эти минуты и понял, что не нужно давать волю рукам и допускать мордобой. Теперь я считаю подобные факты огромным педагогическим преступлением и сам отдаю своих подчиненных под суд и добиваюсь за такие преступления трех лет тюрьмы...»

Когда на лекции 8 февраля 1939 г. ему был задан вопрос с места: «А что вы думаете относительно ремешка или подзатыльника? Допустимо это?» — Макаренко ответил:

«К сожалению, меня почему-то считают специалистом по этому вопросу. Основываются на том, что я один раз ударил Задорова. Вы помните, вероятно, этот случай в “Педагогической поэме”. И многие говорят: вот вы треснули Задорова — и все пошло хорошо. Значит, нужно трескать. Вопрос спорный. Ударить человека иногда, может быть, полезно, даже взрослому. Есть такие люди, которым следует набить морду. Но никто не может сказать заранее, полезно это или нет. Я противник физических методов воздействия. И раньше был противником. Я ударил Задорова не потому, что своим педагогическим разумом пришел к тому, что это хороший метод. И не потому так благополучно все кончилось, что это был хороший метод, а потому, что Задоров был благородным человеком. Я Задор-

рова избил, а он протянул мне руку и сказал — все будет хорошо. Редкий человек способен на это. Если бы на его месте был Волохов, он зарезал бы меня. Я в этом не сомневаюсь, я думал, что и Задоров может зарезать, но Задоров оказался человеком в высшей степени благородным. Сейчас он работает одним из ведущих инженеров на стройке Куйбышевского узла. Это мой настоящий друг. Когда он приезжает ко мне, у меня семейное торжество. Один этот случай ничего не означает. Может быть, педагог и нарвется на такое благородное существо: треснет его, а тот ему руку пожмет. Все может быть. Но это ничего не доказывает. Вообще, физическое наказание как метод я не могу допустить, тем более в семье. В колонии еще можно сорваться. Там есть какое-то оправдание. Там я один стоял перед сотней людей» (Макаренко, 1984).

Эти мысли неоднократно повторяются в «Книге для родителей»:

«Если вы бьете вашего ребенка, то для него это во всяком случае трагедия, или трагедия боли и обиды, или трагедия привычного безразличия и жестокого детского терпения.

А вы сами, взрослый человек, личность и гражданин, существо с мозгами и мускулами, вы, наносящий удары по нежному, слабому, растущему телу ребенка, что вы такое?»

По мнению Макаренко, авторитет, построенный на порке, вызывает детскую ложь и человеческую трусость и одновременно воспитывает в ребенке жестокость.

«Из забитых и безвольных детей выходят потом либо слакотные, никчемные люди, либо самодуры».

Однако повседневная жизнь не особенно считалась с теориями. Относительно телесных наказаний, как и всего остального, россияне исповедовали тройную мораль: думали одно, говорили другое, делали третье.

О профессиональных опросах на эту тему в советское время я не знаю, но когда в конце 1980-х годов журналист Н. Н. Филиппов с помощью педагогической общественности провел анонимное анкетирование 7,5 тысяч детей от 9 до 15 лет в 15 городах страны, оказалось, что 60% родителей использовали в воспитании своих детей телесные наказания;

86% среди этих наказаний занимала порка, 9% — стояние в углу (на коленях — на горохе, соли, кирпичках), 5% — удары по лицу и по голове. Иногда наказание за проступки трудно отличить от простого избиения и сексуального насилия (унизительно оголяют, бьют по половым органам и т. п.).

Многие советские дети, как поротые, так и непоротые, считали такой стиль воспитания нормальным и собирались в будущем, когда вырастут, бить собственных детей.

«Какое наказание без ремня?» — спрашивает десятилетний мальчик. — Воспитывать детей надо строго, а не сюсюкать с ними, как с маленькими».

Десятилетняя Аня, лукаво улыбнувшись, прошептала: «Конечно, буду бить, как меня мама, что они, лучше, что ли?»

Одиннадцатилетний Вова: «Меня наказывают ремнем ради профилактики по понедельникам, средам и пятницам. Своего же ребенка я буду бить каждый день».

Рассудительный четырнадцатилетний Роман говорит: «Меня бьют очень редко. Но если бьют, то по-настоящему — “опускают почки”. Обязательно буду бить свою дочь или сына, только наказывать нужно ремнем, чтоб не сломать позвоночник ребенку» (Филиппов, 1988).

Это ли не эстафета поколений?

Повести детства

Мемуарная и художественная литература также рисует очень пеструю картину. Если в одних семьях детей никогда не били, то в других порка была повседневной, причем многие взрослые вспоминают ее без раздражения, как нечто само собой разумеющееся.

Знаменитый дрессировщик **Вальтер Михайлович Запашный** (1928—2007), родившийся в цирковой среде и с раннего детства выступавший на арене (начинал как акробат):

«Гулять было некогда. Если удавалось вырваться и поиграть в казаки-разбойники, это казалось счастьем. Но и тут надо было знать меру: придешь домой вспотевший — не

миновать порки... Потому что, во-первых, перед работой нельзя уставать, а во-вторых, артисту нельзя простужаться» (Запашный, 2007).

Писатель **Юрий Петров** (родился в 1939 г.):

«Самое главное воспоминание — это постоянный голод и чувство страха, что влетит от строгой мамы. Голод не потому, что дома еды нет, а потому, что после школы, иногда даже не заходя домой, я заруливал с друзьями в какие-нибудь пампасы... Вечером за это меня, разумеется, ждала порка... Мама увлекалась, до собственных слез вымещая на мне всю свою тревогу за меня, беспутного... Бедная мама. А сколько я раз убегал из дома! И это все на ее нервах. Я почему-то этого не понимал. Может, оттого, что она была очень сдержанна в проявлениях любви?» (Петров, 2002).

Народный артист России **Алексей Жарков** (родился в 1948 г.):

«После войны нравы были суровыми. Отец закалил меня бельевой веревкой. Брючный ремень всякий раз снимать было не с руки, а веревка, она всегда рядом... Бил за воровство колхозных яблок, за разбитые у соседей стекла во время футбола с соседскими пацанами. За двойки руку прикладывал. Доставалось мне и за грубость по отношению к старшим» (Жарков, 2004).

Подробное описание порки как нормы повседневной жизни и обязательного ритуала мальчишества в рабочем районе позднесоветского Ленинграда дает анонимный автор «ременного» сайта (сохраняю орфографию и пунктуацию оригинала):

«Так же делом чести “настоящего мальчишки”, да и “своей в доску девчонки” считалось быть неистощимым в выдумках и реализации всяческих проделок, т. е. “искать себе на жопу приключений” в переносном и прямом смысле этого слова. В прямом, потому что, по моим оценкам, на Петроградской порка регулярно применялась в 75% семей, а в районе за Черной речкой этот процент, как мне кажется, переваливал за 90. Во всяком случае, в том классе, где я проучился с 4-го

по 8-й, не пороли только одного мальчика (и это среди 40 детей). Даже учителя в том районе вслух говорили о порке, как об обычном наказании для ребенка...

Нас она не угнетала, она было привычной, было что-то родовое, надежное. Если ты мальчишка, то ясное дело, что раз в неделю ты будешь выпорот: дневник-то на подпись родителям надо раз в неделю давать, а что у настоящего мальчишки в дневнике? — ясно, что есть двойки и замечания, ну и ясно, что за это бывает... Над выпоротыми не смеялись. Смеялись над теми, кого наказывали иначе... Смеялись как над “гогочками” и трусами, над теми, кто боялся порки и говорил “я в этой проказе участвовать не буду, меня за это выпорют”, над теми, кто просил перед поркой прощения и снисхождения, даже над теми, кто пытался оправдываться перед поркой, над теми, кто вырывался, кричал и плакал во время порки — все это считалось признаком изнеженности и трусости. А кто, натворив что-то, на следующий день на вопрос: “Что тебе за это было?” отвечал: “Пустяки... Влепили 25 пряжек (а зачастую называлась цифра и большая). Ерунда... Я и не шелохнулся” — над тем не смеялись, тот считался героем.

...Подать ремень, спустить штаны и самому покорно лечь под порку (как я всегда делал, да и многие тоже) не унижительно. Чего уж унижительного, если все равно будешь выпорот... А так по крайней мере делом можешь выразить признание вины и раскаяние, если их чувствуешь, или, по крайней мере, показать, что у тебя достаточно силы воли преодолеть свой страх перед поркой...

Родители одного моего одноклассника были в разводе, и он жил с мамой, которая считала, что раз парень растет без отца, так мать должна быть с ним особенно строга. От такой строгости этот мальчишка был “чемпионом” класса по получаемым дома поркам. С работы его мама приезжала всегда в одно время: без десяти четыре. Мама его дневник проверяла каждый день (впрочем, у меня тоже так было, и это, вполне логично, считалось большей строгостью: несколько порок в неделю вместо одной). Так вот если у этого

парня были в дневнике двойки или замечания, то он за 5 минут до прихода мамы ставил к изголовью своей кровати стул, на сиденье стула клал развернутый на странице с двойкой или замечанием дневник, вынимал из своих штанов ремень и вешал его на спинку стула, спускал штаны и ложился на кровать голой попой кверху ждать маму. Я, если был в это время в гостях у него, выходил из деликатности в коридор. Маме, когда она приходила, оставалось только рассмотреть дневник, вынести приговор (а этого парня, как и меня, как и многих других, всегда пороли по счету ударов) и привести его в исполнение. Парень, по крайней мере, избегал еще “ведра” нотаций, которое мама на него могла “вылить”. А вид ремня и готовой к порке попы не провоцировал на нотации, ибо осознание вины и раскаяние было очевидно...

Такая рядоположенность дает еще ощущение “законности”. Ты не игрушка в руках родительского произвола, а объект “правовых отношений”. Есть семейный закон (пусть ты в его разработке и не участвовал). Ты знаешь, что за то-то — от столько ударов до столько, а за другое — другое число. Перед поркой родитель как бы “судит” тебя, вы как бы даже равны перед законом. В каком-то смысле он даже не может тебя не пороть... А просить о прощении или снисхождении это как бы разрушать рамки закона и признавать, что ты во власти произвола. На мой взгляд, это очень унижительно».

Рассказы современных подростков

«Меня до сих пор отец порет, хоть и 15 лет уже. Отец придет вечером, если мать велела и всё — спускай штаны, а сам с ремнем. Раз двадцать-тридцать по голой, а за что — с мамой разбирайся: курил или учителька пожаловалась. Или так просто считает, что пора».

«Все правильно, почти как у меня... Мне 15, и я стабильно получаю 2—3 раза в месяц... Иногда при чужих, и это самое постыдное... А что делать?»

«Мне уже почти 16 лет, а меня не только порют, но и ставят в угол с голой задницей (прямо как малыша какого). Если кто-нибудь заходит в это время в комнату, можно сгореть от стыда. Отец, правда, говорит, что стыд — это часть наказания: вести себя надо нормально, и все будет хорошо».

«Лично мне сейчас 16 лет, но меня до сих пор лупят за плохие оценки (обычно при помощи ремня). Не спорю, после пятого класса (когда меня впервые высекла мама) я стал лучше учиться. Но знали бы вы, как это больно!»

«Меня тоже порют с давних пор, лет с четырех, наверное. Сейчас мне тоже будет 15 лет. Иногда бывает очень обидно. Отец всегда говорит: “Меня пороли, а чем ты лучше?” Когда был маленьким, он порол меня за все подряд, сейчас уже реже, но все равно случается, и тоже говорит, что будет пороть меня до 18 лет.

Последний раз пороли позавчера за то, что не вовремя пришел домой. Получил ремнем по голой заднице... Сколько раз — не считал. Отец никогда не говорит, сколько выплет: порет, пока у него рука не устанет. Теперь сижу дома, ребята звали в бассейн, а куда я с такими синяками на заднице?

У него, как найдет, может и за двойку ничего не сделать, а иногда скажешь слово не так, так сразу — “Снимай штаны, паршивец!”... Обидно — из моих друзей уже никого не порют, только меня, и мне стыдно про это рассказывать».

«Мне 15 лет, и моим воспитанием занимается лично отец. Помимо него у меня есть старший брат, которого отец также воспитывает. Способ воспитания, я думаю, понятен — это практически ежедневная порка (я учусь очень плохо). Обычно, когда отец приходит с работы, он сразу просит мой дневник, если там пять или четыре, то он меня конечно хвалит, в противном случае...»

«Мир придуман не нами, все это было до нас, и будет еще наверное до тех пор пока не настанет конец света. Меня

в детстве тоже часто пороли, было ужасно обидно и больно. Пороли и по поводу, и без повода, а как говорил отец “для профилактики”, по голой заднице, ремнем с пряжкой, или прыгалками. Точнее даже не пороли, а порол только отец. Все остальные (мама, сестра, бабушка) они меня жалели и как могли защищали, но против отца было идти невозможно. Особенно неприятно было когда наказывали на глазах у друзей, такое, к сожалению, несколько раз было. Отец оправдывал это так — “Меня драли, а ты что, особенный?” Однажды (это наверное самое неприятное воспоминание), когда мне было четырнадцать лет, мы сидели в комнате с моим другом и слушали музыку. Отец пришел с работы и у него было плохое настроение. Сначала потребовал чтобы мы выключили магнитофон. Потом начал проверять мой дневник и тетради. Придираться было не к чему, все было нормально, так он вспомнил мне что поручил мне сходить в магазин еще несколько дней назад и купить какую-то ерунду для машины, а я так и не сходил. Я пытался оправдаться, но отец сказал, что я буду за это выпорот. Просто у него в тот день было плохое настроение, и он решил сорвать злобу на мне. Валька, мой друг, хотел уйти домой, но отец специально его удержал, чтобы он посмотрел как меня будут пороть. Валька был в шоке, его самого никогда не били дома. Потом отец приказал мне снять брюки и трусы. Я начал плакать, умолял его не наказывать меня голым при моем друге, но отец был непреклонен. Потом, когда я снял с себя трусы, он заставил принести “воспитательный ремень” из шкафа. Это было дополнительным унижением, так как нужно было пройти через комнату, где была бабушка. Бабушка пыталась остановить отца, но он сказал ей чтобы она не лезла. Валька смотрел на это как парализованный. Потом отец зажал меня между ног и начал бить ремнем с пряжкой по заднице. Было очень больно, вдвойне больно и унижительно, что все происходило при моем лучшем друге. Потом он прервал порку ненадолго, и начал читать мораль. Я не помню, что он говорил, потому что стоял и плакал. Еще отец постоянно обращался к моему другу — “Вот видишь? Он только ремень понимает!”»

Одни отцы и отчимы выполняют свои карательные обязанности истово и с энтузиазмом, для других это просто ролевое поведение, ритуал, от которого нельзя уклониться (Рыбалко, 2006):

«Меня используют в качестве, так сказать, орудия возмездия и некоторого фактора карающего меча правосудия. Карающего меча, когда нужно накричать, когда он уже, так сказать, всех довел, когда нужно выключить игру, когда нужно нахлопать по заднице и т. д. и т. п.».

«Я никогда не пытался карать их, шуметь мог, кричать, вроде как делать грозный вид. Если они там делали что-то не так, сначала я должен был вот... хотя бы вид сделать, что я грозный, я ругаюсь. Это функция отца. Все их шалости не должны проходить бесследно. Тем не менее, я всегда примерял это все на себя, что он делает, и всегда пытался войти в их шкуру. Я всегда понимал, что они не делают ничего из ряда вон выходящего, я такой же. Поэтому, я делал вид, что я наказываю, а так я их всегда понимал».

Порка девочек

Если в центре мальчишеских воспоминаний о пережитых порках стоят соображения «справедливости» и собственной «крутизны», то воспоминания девочек выглядят более эмоциональными, часто негативными. В отличие от своих ровесников, они не стесняются говорить, что боятся боли, и проявляют больше внимания к деталям.

«Мне 15 лет. Раньше меня вроде и не шлепали даже, ну разве так, чуток совсем, когда маленькая была. В угол иногда ставили. Первый раз меня выпорола мама в 9 лет. Теперь знаю, что это очень поздно. Почти всех, с кем тут говорила, пороли намного раньше. Я узнала, что некоторых пороли уже с 5 лет.

Мама порола в первый раз за то, что прогуляли половину уроков с подружкой. И еще я соврать успела, что всё, порядок

в школе. Так бы может и не били, если б честно призналась. В тот раз я вообще боялась, что мне предстоит весь остаток дня в углу простоять. Это перед тем как я поняла, что она меня накажет ремнем.

Мама завела в комнату, велела спустить штаны и лечь на кровать. Отец был в другой комнате, но с самого начала знал, зачем мама меня повела в комнату. Наверно лучше меня знал, что меня ждет. Перед тем, как начать порку мама сказала типа того, “ну вот, пора тебе узнать, что такое ремень”.

Я спустила трусики сама и легла вдоль кровати. Мне было правда страшно, но только немножко. Вообще в тот момент я еще радовалась, что мама не орала за это на меня, и что в угол не поставила надолго. А после первого удара ремнем я вся скрючилась и потом вскочила почти. Мама пригрозила папу позвать, если я не лягу обратно.

Мама поролла ремнем так больноooo!!! Я бы и не представляла себе, как это больно может быть!!! Это прямо шок для меня был. Я наверно почти сразу орать начала. Я знала, что некоторых ремнем наказывают, но никогда не думала, что это так ужасно!!! Больноoooooooo!!!!!!! Я вцепилась во что-то и орала! Орала как резаная. Ремешок опустился на попу не меньше, чем 10—15 раз.

Вот в тот первый раз не знаю даже какой ремешок был, но бил очень больно. Ремешок порол по голенькой попе и еще на своих ногах несколько следов потом видела. Попа потом была сначала багровая, а потом фиолетовая.

После того, как мама закончила порку, я еще долго ревели. Но как-то болеть сильно вроде быстро перестало. Сидеть могла, но чувствовала что больно.

Потом до 14 лет было еще 4 порки и они запомнились так же, как первая. Было очень сильно больно!!! Но все эти наказания были справедливы, я их заслужила и на маму не обижаюсь».

«Я была очень маленькая, но помню все прекрасно! Мне было всего 4 года. Я взяла деньги без разрешения и купила

в магазине огромный кулек конфет, чтобы весь двор угостить сладеньким. До сих пор удивляюсь, как продавцы мне продали? Хотя, наверное, ничего странного, я была хорошей девочкой и очень рано стала самостоятельной. Ведь за хлебом меня сами родители отправляли, магазин был практически во дворе дома. Мама увидела меня, когда я вышла из магазина.

Она привела меня домой. Конечно, объяснила, что я совершила — фактически, украла деньги у мамы с папой. Это был очень серьезный проступок в ее глазах (да, собственно говоря, так оно и есть)...

На мне было платье. Я даже помню — какое именно, потому, что этот эпизод очень сильно врезался мне в память. Платье было синенькое в мелкий беленький горошек. А трусики — беленькие. И беленький воротничок, и беленький фартучек. Мама мне шила красивые фартучки, я любила помогать по дому.

Я стояла в углу и упиралась, не хотела снимать трусики. Хотя, я всегда была очень покладистым и послушным ребенком! Она сказала, что если не спустишь трусики, то получишь еще сильнее. Мне было очень страшно. Я ее не понимала. Я просила прощения и обещала, что больше никогда не возьму денег. Но она была непреклонна».

«Мне сейчас 17 лет. Когда я была маленькая, то, как и все дети делала то, что категорически запрещали делать. А так же была дико капризной. Когда мама не справлялась словами, переходила к ремню. Мама всегда шлёпала меня ремнём только за очень серьёзные проступки. Теперь точно знаю — так мне и надо!

Не всегда ремнём, бывало и прыгалками, тем, что первое под руку попадётся. Прыгалки резиновые, бьют ощутимо. Всегда меня пороли стоя, не знаю почему, наверно были какие-то причины. Может, лучше чувствуется. И когда прыгалками стегали, то тоже снимали штаны».

«Расскажу, как наказывали поркой в семье моих знакомых. Раньше я бывала нянькой в этой семье и с родителями

дружна. Их семья верующая. Делалось это на ночь, после того, как дети уже умылись. Малышу было 7 лет, девочке 3 года, я не знаю, наказывают ее или нет. Ребенок знал, что он провинился днем и его ждет порка. Знает этот малыш и то, что его очень любят, и именно потому его накажут. Перед тем, как лечь спать, с него просто сняли штанишки и отшлепали ремешком.

При этом отец сказал, что он не хотел сына наказывать, но сын виноват и должен быть наказан, то есть наказание должно быть не сгоряча, а обдуманно.

Порка была ремешком по голой попе, провинность была этого текущего дня, порол отец. Ребенок естественно чувствовал боль и плакал, потом его приласкали и сказали ему, что его очень любят, но он поступил неправильно и потому его наказывают. Девочка тоже присутствовала при наказании (ей 3 года), так как порка была в спальне детей.

Мама поддерживала в этом папу и говорила сыну: “Я тебя очень люблю, и не хотела бы что бы тебя папа шлепал ремешком, но ты провинился и тебя нужно наказать”. На самом деле очень важно, когда родители в своих требованиях к ребенку выдерживают одинаковую позицию.

Я сама тоже приемлю их вариант наказаний. Считаю, что наказание должно быть не сразу, а обдуманным и вечером. Однако меня саму в детстве пороли сразу».

«Я старший ребенок в семье и наказывать ремнем начали лет с 7—8. Лупили начиная с оговорок (мое воспитание было очень строгим) и заканчивая опозданием с прогулки на 5 минут, цветом моей помады.

Еще тогда я поняла, что я не особо желанный ребенок и моя беда в том, что я одинаково похожа на родителей. Внешне на обоих, характером больше на отца. Поэтому желание его было — сломить. Его мать очень властная женщина, сама воспитанная в строгости, довлекла на него, но и помогала ему всю жизнь. Так как мои родители военнослужащие и часто были в разъездах, то большую часть времени до 6 лет я была с бабушкой. Только относилась она ко мне

лучше, чем к своему сыну. Может это зависть отца, может злоба на мать, но отношение его ко мне было ненавистным. Иногда это были взрывы эмоций со стороны отца и использовалось все, что попадалось под руку. Иногда конкретное наказание за что-либо.

Могу сказать по себе, что потом боязнь ремня и боли проходит. Начинается “вызов” родителям, что я вот такая и даже ремнем мою дурь не выбить! Тогда отец решил, что если оставить явные следы порки и побоев на видимых частях тела, то такие действия меня точно напугают. Следы от ремня и потом от прыгалки остались на лице, кистях рук. Следы на моем теле его никогда не смущали. За следы и другие свои действия стыдно ему никогда не было. Это было скорее способ унизить и показать мне, кто прав».

Несмотря на гендерные особенности восприятия, эти девочки и мальчики одинаково оказались посетителями «ременного» сайта, который посторонним едва ли интересен*. Значит ли это, что пережитая в детстве порка имела долгосрочные психосексуальные последствия и способствовала развитию определенной зависимости, или такой связи нет?

Советские критики телесных наказаний

Забывая преимущественно о поддержании благолепия своего морально-политического имиджа, советская власть старалась не привлекать внимания к несовпадению слова и дела, тем более что оно проявлялось практически во всем и с годами быстро увеличивалось. В 1980-х годах заговор молчания вокруг телесных наказаний прорвали дет-

* Ременный сайт — источник довольно субъективный. Я цитирую лишь такие воспоминания, которые выглядят фактографическими и лишены явной эротики. Если какие-то описания покажутся вам излишне возбуждающими или раздражающими, не торопитесь обвинять и разбивать «кривое зеркало», лучше взгляните внутрь себя.

ский хирург Станислав Яковлевич Долецкий (1919—1994) и писатель и педагог Симон Львович Соловейчик (1930—1996), к которым вскоре присоединился детский писатель и правозащитник Анатолий Иванович Приставкин (1931—2008).

В «Известиях», а затем в «Учительской газете» С. Я. Долецкий привлек внимание общественности к случаям избияния детей собственными родителями:

«Травма физическая, на мой взгляд, не самое страшное зло, которое причиняют ребенку. Страдает его психика. Он озлобляется, становится агрессивным, жестоким, деформируется его личность. В будущем он точно таким же методом станет воспитывать своих детей. Уважение или любовь к родителям заменяется страхом. Немало случаев, когда физическое насилие на всю жизнь изменяет отношение ребенка к родным. А сколько раз не только насилие, но даже страх перед ним может повлечь за собой уход ребенка из дому или даже попытку самоубийства».

Долецкий сформулировал понятие «синдром опасного обращения с детьми» (СООСД):

«Поговорите с людьми самого разного возраста и образования. Пословицу приведут “За одного битого — двух небитых дают”. А ведь речь в ней идет не о насилии, а о жизненном опыте, преодолении трудностей. Расскажут, что из Максима Горького, которого дед порол каждую субботу, получился великий русский писатель. Но исключение подтверждает правило. Никто не подсчитывал, сколько талантливых людей, сколько незаурядных личностей было забито. Припомнят времена, когда линейка, ремень, розги вырастили неплохие поколения. Но при этом забудут назвать имена тех, кто составляет славу нашей культуры, науки, и то, что людей этих воспитывали без битья и унижений. И о том забудут, что существуют целые регионы земного шара, где детей никогда физически не наказывают...

На протяжении многих веков люди вырабатывали правила, которые помогали им жить и воспитывать детей. Они положены в основу самовоспитания человека, ибо воспитание

детей начинается с самовоспитания родителей. Вот одно из них:

Тысячу раз подумай, прежде чем ударить. Удар обратно не возьмешь. <...>

“Почему вы даете сыну пощечины и подзатыльники? — спросил я отца одного ребенка. — Ведь касаться лица ребенка — глубокое для него оскорбление, а бить по голове — преступление”, он смутился и сказал: “Голова ближе... Наклоняться не надо”. Мне вспомнился Есенин: “И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове”.

Современная медицина твердо установила: любые способы насилия, оскорбления, унижения представляют опасность для развивающегося детского организма. Воспитание всегда тесно связано со здоровьем ребенка» (Долецкий, 1987).

Столь же последовательно, но не с социально-медицинских, а с философско-педагогических позиций осуждает телесные наказания С. Соловейчик, например, в книге «Воспитание по Иванову» (1989):

«Если на домашнее воспитание жизнь отводит минуты, значит, все обычные воспитательные меры и мероприятия теряют силу. Нотации, уговоры, требования, наказания — все эти единовременные, чисто педагогические действия, которые обычно и считают воспитанием (“Но надо же воспитывать детей?”), в новой ситуации почти бесполезны, и результат обычно бывает таков: “Моему хоть говори, хоть не говори” — “На моего хоть кричи, хоть не кричи” — “Моего хоть бей, хоть не бей”. Призывы “больше смотреть за сыном” нелепы, потому что ни мать, ни отец не могут за ним смотреть, а главное, воспитание вовсе не сводится к тому, чтобы “смотреть”.

Но коль скоро специально-воспитательные меры на глазах теряют силу, то надо учить родителей воспитанию без специальных, единовременных педагогических мероприятий, воспитанию, основанному на духовном сотрудничестве родителей и детей, потому что духовное воспитание идет все 24 часа в сутки и двенадцать месяцев в году, даже если дети и родители не видятся. Отец уехал на три месяца в Черно-

быль. Продолжает ли он воспитывать детей? Конечно. Чем же? Да тем, что он уехал в Чернобыль».

К. Д. Ушинский показал, что у ребенка не одна, а две главных потребности: потребность «быть» и потребность «жить», или, мы сказали бы сегодня, связанные между собой потребность в безопасности и потребность в развитии. Чем больше мы удовлетворяем потребность ребенка в безопасности, тем сильнее действует его потребность в развитии — а это как раз то, что нам нужно.

В нормальной жизни у всех лучших людей — непреодолимая тяга к развитию, все худшие переозабочены безопасностью. В подростковом возрасте ребята пытаются охранять свою личную безопасность-Я групповой безопасностью-Мы: сколачиваются в группы, жестко подчиняются моде, лишь бы их приняли в группы, где они чувствуют себя в безопасности. Это признак возрастной слабости и неразвитости, и бороться с нежелательными явлениями в этой сфере можно только развитием подростка. Кстати сказать, взрослые тоже подчиняются моде для того, чтобы быть принятыми в определенном общественном кругу, ими тоже движет в этом случае лишь потребность в безопасности и ничто другое. Чем менее развит человек, тем более склонен он подчеркивать, демонстрировать преданность группе, защищающей его, чтобы все видели: «Я — свой!»

Официальная советская педагогика, которую Соловейчик метко назвал «бездетной» (за это его смертельно ненавидела Академия педагогических наук), обвиняла его в прекраснодушии, «гнилом либерализме» и прочих идеологических пороках. Но на волне начавшейся либерализации советской жизни, одним из аспектов которой было *повышение ценности человеческой личности*, эти идеи были востребованы общественным сознанием и способствовали формированию более критического отношения к телесным наказаниям. Термин Долецкого «СООСД» даже вошел в некоторые отечественные психологические словари (для западной психологии он недостаточно определен, там есть другие термины).

В постсоветской России ситуация с телесными наказаниями является противоречивой.

С 1980-х годов заметно усиливается критическое отношение к телесным наказаниям, причем не только как к проявлению насилия и жестокости, но и принципиально. В то же время обнищание и социальное расслоение населения плюс чудовищная криминализация страны объективно способствуют росту насилия также и по отношению к детям. Вспомним выводы кросскультурных исследований: культура насилия и неравенство власти и социальных возможностей везде и всюду положительно коррелируют с телесными наказаниями. Россия — лишь частный случай общего правила.

О насилии над детьми в России пишут и говорят очень много.

По данным комитета Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи в 2001 г., в России около 2 млн детей в возрасте до 14 лет ежегодно подвергались избиению в семье. Более 50 тыс. таких детей убегают из дома. При этом мальчиков бьют в три раза чаще, чем девочек. Две трети избитых — дошкольники. 10% зверски избитых и помещенных в стационар детей умирают. Число избиваемых детей ежегодно растет. По данным опросов правозащитных организаций, около 60% детей сталкиваются с насилием в семье, а 30% — в школах. Уголовная статистика отражает лишь 5—10% реального количества избиений (Гетманский, Кобыгина, 2004).

Согласно государственному докладу «О положении детей в Российской Федерации», в 2004 г. было зарегистрировано около 50 тыс. преступлений против несовершеннолетних, более 2 000 детей ежегодно погибают от убийств и тяжких телесных повреждений. По результатам исследований разных авторов, распространенность случаев насилия над детьми составляет от 3 до 30% (Проблемы насилия..., 2008).

По данным президента Д. А. Медведева, в 2008 г. жертвами насилия в России стали 126 тыс. детей, из которых 1 914 погибли, 12,5 тыс. числятся в розыске. Потенциальными жертвами насилия считаются еще 760 тыс. детей, которые живут в социально опасных условиях. Проблема, по мнению президента, «выходит за рамки собственно правоохранительной деятельности».

В 2010 г. защита детей стала центральной темой президентского послания Федеральному собранию:

«Поистине страшная проблема — насилие в отношении детей. По официальным данным МВД, в 2009 г. от преступных посягательств пострадали более 100 тысяч детей и подростков... Известно, что жестокость порождает встречную жестокость. Дети ведь усваивают ту модель поведения, которую обычно демонстрируют им взрослые, а затем, конечно, переносят ее в свою жизнь: школу, институт, армию и в собственную семью. Долг всего общества — сформировать атмосферу нетерпимости к проявлениям жестокого обращения с детьми, выявлять и пресекать подобные случаи».

Эти проблемы не могут не тревожить каждого. Но насколько надежна государственная статистика? Председатель Следственного комитета Александр Иванович Бастрыкин, выступая по телевидению 17 апреля 2010 г. в программе «Насилие над детьми», сказал: «У меня есть статистика по стране» — и подчеркнул, что это «точная статистика»:

«Сегодня в России каждый четвертый ребенок становится жертвой изнасилования, каждый третий — ребенок, втянутый в занятия проституцией. За последние 5 лет почти в 7 раз выросло количество ненасильственных половых преступлений против детей, не достигших 16-летнего возраста, когда их просто совращают. И вот тенденция последних лет: более чем в 14 раз выросло число мальчиков, пострадавших от насильственных и ненасильственных действий гомосексуального характера. <...> Мы должны вернуться к гуманности, к традициям нашего общества. Русские люди всегда были добрыми, сострадательными и совестливыми... А мы

построили с 90-х годов общество индивидуалистов, эгоистов, людей, живущих в свое удовольствие. Если удовольствие связано с насилием над ребенком — они получают и это удовольствие».

Оставим в стороне гуманные традиции прошлого. Задумайтесь над цифрами. Вы можете реально представить себе страну, в которой был бы изнасилован каждый четвертый ребенок, а двадцать лет назад в ней все было благополучно? Возможно, А. И. Бастрыкин оговорился. Но есть опубликованная официальная статистика двухлетней давности, которую я проанализировал в книге «Клубничка на березке» (Кон, 2010).

По данным Следственного комитета, в 2007 г. в отношении детей и подростков было совершено 8 805 преступлений, сопряженных с насильственными действиями сексуального характера. Каждая четвертая жертва изнасилований и почти каждая вторая жертва (42%) насильственных действий сексуального характера — несовершеннолетняя. С 2003 г. более чем в семь раз (до 5 405 человек в 2007 г.) возросло число детей, потерпевших от ненасильственных половых преступлений (статьи 134, 135 Уголовного кодекса Российской Федерации), в частности от полового сношения, мужеложства или лесбиянства оно увеличилось в 28, 8 раз, достигнув в 2007 г. 3 692. В стране распространяется гомосексуальная педофилия. В период с 2003 по 2007 г. число мальчиков, пострадавших от ненасильственного мужеложства (статья 134 Уголовного кодекса Российской Федерации), возросло в 23 раза (со 129 до 3 692 чел.). 820 мальчиков пострадали в 2007 г. от развратных действий со стороны взрослых лиц (статья 135 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Если 8 805 человек — каждый четвертый ребенок в стране, эта страна уже вымерла. Число мальчиков, пострадавших от «ненасильственного мужеложства», равняется общему числу всех детей, потерпевших «от полового сношения, мужеложства или лесбиянства», — 3 692. Что, девочками в России уже никто не интересуется?! До чего довели народ! По мировым данным, соотношение сексуальных посягательств

на девочек и мальчиков составляет в среднем, как и раньше, 3:1, а Россия за несколько лет совсем поголубела...

Эти цифры опубликованы, их читали ВСЕ, участвовавшие в подготовке, обсуждении и принятии поправок к Уголовному кодексу, но никто не удивился. Не странно ли это, и только ли в цифрах дело? Почему, несмотря на повышение материального благосостояния населения и резкое устрожение в последние годы уголовного законодательства, нам каждые два года сообщают о новом катастрофическом росте числа сексуальных преступлений против детей?

А если государство не может представить обществу реальную статистику даже по тем вопросам, где существует четкая рубрикация — статьи Уголовного кодекса, можно ли ожидать достоверных данных по таким расплывчатым сюжетам, как «насилие», «избиение», «жестокость» или «телесные наказания»?

Отличить *реальный* рост насилия от *иллюзий* массового сознания, склонного ностальгически идеализировать прошлое — «раньше был порядок, а теперь детей насилуют и избивают!» — очень трудно (выше я показывал это на примере Швеции). Тем более, если власть и оппозиция играют на одной и той же площадке и пользуются одними и теми же аргументами, только «виновники» у них разные. Коммунисты и некоторые демократы-западники говорят об ужасающем росте насилия над детьми, до которого довел страну «путинский режим». Церковники и ультранационалисты используют те же самые цифры для компрометации «гнилого либерализма», «растленного Запада» и «лихих 90-х». А чиновники и депутаты, вместо того чтобы ответить, почему за десятилетие их правления обращение с детьми ухудшилось, с помощью тех же данных доказывают, как сложны стоящие перед ними задачи и как истово они заботятся о детях своих избирателей. «Защита детей» — лучший способ отвлечь внимание населения от провалов государственной политики и подсунуть ему подходящий к случаю «образ врага». Никто не спрашивает, «а был ли мальчик-то» и сколько таких мальчиков (и девочек) на самом деле было.

Если недостоверна официальная криминальная статистика, чего ждать от думских и правительственных комиссий, отчеты которых вообще не поддаются проверке? Кем и как получены исходные данные, как правило, неизвестно. Я не берусь оспаривать приведенные выше цифры, но не исключаю и того, что часть их них — пропагандистские страшилки. Критиковать их столь же трудно, сколь и опасно. Если ты скажешь, что цифры преувеличены, тебя обвинят в ненависти к детям и потворстве насилию над ними. Если же признать, что независимо от социально-экономического состояния страны и изменений законодательства насилие над детьми ежегодно растет, получается безнадежный пессимизм и «русофобия»: чего ждать от народа, состоящего наполовину из садистов, а наполовину из мазохистов?

Впрочем, в этой книге речь идет не о насилии над детьми, а только о телесных наказаниях. Им посвящен ряд массовых опросов, проведенных независимыми общественными и научными организациями.

В ЗЕРКАЛЕ МАССОВЫХ ОПРОСОВ

Из респондентов Фонда общественного мнения (опрос 2004) не испытали физических наказаний 27%, испытали — 40%. «Били тем, что было под рукой»; «веревкой, палкой»; «крапивой или прутиком»; «офицерским ремнем». Однако когортные показатели этого опроса определенно говорят о смягчении нравов: среди 18—24-летних непоротых оказалось 33%, а среди 55—64-летних — лишь 18% (Преснякова, 2004).

В позднейшем опросе ФОМ (Педагогический арсенал, 2008) о пережитых телесных наказаниях упомянул каждый второй респондент, причем 16% опрошенных наказывали часто, а 33% — редко. Мнение, что сегодня в России нет родителей, которые бы физически наказывали своих детей, поддержали лишь 2% участников опроса. Мальчиков наказывают значительно чаще, чем девочек: совсем не на-

казывали 40% мужчин и 55% женщин, часто — 20 и 12%, редко — 37 и 29%. 52% мужчин и 32% женщин считают, что их пороли заслуженно. Сравнивая сегодняшнюю ситуацию с периодом своего школьного детства, 26% опрошенных предположили, что сейчас детей физически наказывают реже, 17% — что чаще, 17% — что в этом вопросе мало что изменилось; остальные затруднились ответить. Интерпретируют эти предполагаемые сдвиги также по-разному. Одни (5%) считают, что «раньше строже относились к детям», а сейчас их «больше жалеют, балуют». Другие говорят, что «изменились подходы к воспитанию»; «сейчас как-то не принято бить детей»; «нецивилизованные методы — так все считают»; «больше уговаривают». Некоторые видят в этом признак возросшего уровня педагогической и общей культуры родителей: «более грамотные родители»; «более педагогически грамотные»; «люди стали цивилизованнее»; «повышается культурный уровень» (3%). Другие 3% , наоборот, считают их свидетельством невнимания, наплевательского отношения к детям: «безразличия больше со стороны родителей; «чем бы дитя ни тешилось...»; «взрослым не до детей, работают»; «вообще не заботятся о детях»; «их не воспитывают, они брошены по улицам, бегают по помойкам»; «наплевать на детей». Отдельные респонденты полагают, что причиной перемен в методах воспитания являются не столько родители, сколько сами дети: «дети сами не позволяют так с ними поступать»; «дети стали знать свои права»; «дети стали умнее, лишний раз их не тронешь»; «дети ранимы, очень грамотные сейчас, могут и отпор сделать» (2%).

По данным исследования, проведенного Институтом социологии РАН по заказу Фонда поддержки детей в апреле-мае 2009 г. (репрезентативная общероссийская выборка, 1 225 респондентов в возрасте от 16 до 44 лет)*, 51,8% опрошенных родителей признались, что прибегали к физи-

* Выражаю благодарность Т. А. Гурко за возможность ознакомиться не только с опубликованными выводами, но и с первичными данными этого опроса.

ческому наказанию «в воспитательных целях», причем 1,8% делали это часто, 17,8% — иногда, а 31,4% — редко; женщины прибегают к физическому наказанию детей чаще, чем мужчины (доля женщин 56, 8%, доля мужчин 44,5%). Авторы связывают это с тем, что матери чаще берут на себя ответственность за воспитание детей. На распространенность телесных наказаний в семье больше всего влияют два фактора: уровень дохода и уровень образования. Среди обеспеченных респондентов уровень распространения физических наказаний намного ниже, чем среди бедных (соответственно 40,1 и 62,6%). Более образованные респонденты применяют физическое наказание реже, чем необразованные.

Интересное региональное исследование из нескольких блоков проведено саратовским Центром социальной политики и гендерных исследований (Ярская-Смирнова и др., 2008). В 2006 г. в трех городах России (Ижевске, Самаре и Саратове) были проведены уличный экспресс-опрос горожан, анкетирование школьников и родителей, а также интервью со специалистами. В экспресс-опросе приняли участие 1 783 человека, в том числе 842 родителя несовершеннолетних детей. Позже в Саратове, Самаре, Ижевске, Казани опросили 700 школьников от 8 до 14 лет и 510 родителей. Дизайн выборки подразумевал опрос в каждом городе группы родителей по месту учебы их детей — как правило, на родительских собраниях в школе. Дети опрашивались после занятий — всем классом, причем в каждом городе были обследованы два типа школ: школа в «благополучном» районе и «неблагополучном», по 85 человек в каждом из типов школ. Саратовские социологи пытались разграничить «физические наказания» как одну из форм домашней дисциплины и «насилие над детьми». Как правило, люди эти явления различают, понимая под физическим насилием нанесение телесных повреждений, которые причиняют ущерб здоровью ребенка, нарушают его психическое и социальное развитие. Хотя почти 35% опрошенных взрослых и 61,4% родителей считают физическое наказание детей «формой

воспитания», большинство определенно предпочитает более мягкие формы дисциплинирования. Физические наказания (ремнем, подзатыльники, оплеухи) упоминают примерно 18% респондентов.

Какие социальные слои склонны чаще пороть своих детей? Несколькими опросами, проведенными с 1998 г. под руководством кандидата социологических наук Н. Д. Шеляпина (не имея доступа к первичным данным, я не могу судить о качестве выборки и методах подсчета), повышенная склонность к телесным наказаниям выявлена в семьях военных и сотрудников милиции (Беловранин, Заостровский, 2009). Например, среди опрошенных петербургских студентов, подвергавшихся дома побоям, 26% росли в семьях силовиков, у которых физические наказания носили регулярный характер и даже превращались в изощренные ритуалы. Нередко им подвергались не только дошколята, но и юноши (а еще чаще — девушки) до 16—19 лет. Для многих детей из подобных семей порка остается атрибутом повседневной жизни даже в 22 года! Выясняя, кого, как и чем родители били, а если не били, то почему, социологи обнаружили, что практикующие порку штатские отцы чаще всего люди необразованные и пьющие, тогда как в семьях силовиков физическую жестокость при воспитании применяют даже доктора наук. Был составлен и рейтинг орудий наказания. Первое место в этом хит-параде занял форменный ремень, силу которого ощутили на себе 75% исправляемого контингента. На втором месте стоит, казалось бы, вполне мирная скакалка, которая скакала по телам 13% опрошенных, чаще женского пола. На третьем — проверенный веками дедовский прут, набравший около 5%. Встречаются и более экзотические орудия, например рулон фольги, выбивалка, тапочки, кипятильник, труба от пылесоса, молоток и даже... живая курица! Самое же грустное: 82% петербургских студентов сказали, что применявшиеся к ним методы телесного воздействия были необходимы, а 61% — что полностью одобряют битье как способ воспитания. Между прочим, часть этих студентов — будущие педагоги.

Наиболее методологически совершенное и, пожалуй, единственное теоретически ориентированное отечественное исследование, с применением международнопризнанного *инструмента измерения дисциплинарного воздействия* (ИИДВ) (dimensions of discipline inventory, DDI) Мюррея Страуса (Straus, Fauchier, 2006 г.), выполнено под руководством А. В. Лысовой во Владивостоке (Лысова, Истомина, 2009).

Под телесным наказанием авторы понимают применение родителем или замещающим его лицом физической силы с намерением причинить ребенку боль, но не повреждения, с целью коррекции и контроля его поведения. В отличие от физического насилия, телесное наказание это: 1) легитимный акт, который не признается преступлением, 2) не приводит к телесным повреждениям и психологическим травмам ребенка, 3) культурно и социально приемлемая форма поведения родителей в отношении собственных детей.

Если сформулировать проблему в терминах легитимности-нелегитимности и инструментальности-экспрессивности, то можно сказать, что *телесное наказание* ребенка является легитимно-инструментальной формой насилия, а *физическое насилие* над ребенком — нелегитимно-экспрессивной (выместить свою злость на ребенке) или нелегитимно-инструментальной (родитель считает свое поведение необходимым «ради блага ребенка», но общество определяет это как насилие) формами насилия. Способы телесного наказания — нашлапать, дать пощечину, подзатыльник, схватить и потрясти, побить с использованием различных предметов, например ремня, щетки для волос и т. д.

Частота применения телесного наказания в ИИДВ определяется ответами на три вопроса: 1. Как часто вы трясли или хватали его/ее для привлечения его/ее внимания? 2. Как часто вы ударяли ладонью, давали подзатыльники или пощечины ребенку? 3. Как часто вы использовали трость, палку, щетку для волос или ремень? Респонденту предлагается пользоваться следующей шкалой при ответе на каждый вопрос: -1 = никогда, 0 = ни разу за прошедший год, но

в предыдущем были случаи, 1 = 1—2 раза за прошедший год, 2 = 3—5 раз за прошедший год, 3 = 6—9 раз за прошедший год, 4 = ежемесячно (от 10 до 14 раз за прошедший год), 5 = несколько раз в месяц (2—3 раза в месяц), 6 = еженедельно (1—2 раза в неделю), 7 = несколько раз в неделю (3—4 раза в неделю), 8 = ежедневно (5 или больше раз в неделю), 9 = два и более раз в день.

На базе этой методики в 2007 г было опрошено 575 взрослых жителей г. Владивостока (51% из них — женщины), у которых хотя бы один ребенок младше 18 лет проживал вместе с ними большую часть недели. Выяснилось, что около половины (46%) опрошенных родителей применяли телесное наказание к своим детям. Как и в США, матери телесно наказывают детей чаще, чем отцы (50% опрошенных матерей против 36% отцов). Разница эта не только количественная (отцы в среднем телесно наказывают детей раз в 12 дней, а матери — раз в 10 дней), но и качественная. Хотя самая распространенная форма наказания у обоих родителей — пощечины и подзатыльники, отцы чаще матерей используют для наказания какой-либо предмет, например ремень или палку. Отчасти это связано с эмоциональным состоянием родителей. В случае конфликта с брачным партнером матери склонны наказывать своих детей чаще и сильнее.

Насколько я могу судить, работа А. В. Лысовой — единственное российское исследование телесных наказаний детей, представленное на международных научных форумах. Однако выборка его невелика и не является случайной (почти 52% респондентов имели высшее образование, такие люди менее склонны применять и одобрять телесные наказания), для широких обобщений и кросскультурных сопоставлений этого недостаточно. В 2010 г. А. В. Лысова переехала на постоянную работу в Канаду, но собирается продолжить исследования во Владивостоке. Большое видится на расстоянии...

Как оценивают положение вещей сами дети? Из опрошенных в 2001 г. 1 429 московских старшеклассников

(7—11-й классы) только 3,1% мальчиков и 2,8% девочек сказали, что родители применяют к ним в качестве наказания физическую силу (Проблемы толерантности, 2003). В саратовских исследованиях Е. Р. Ярской-Смирновой на вопрос: «Приходилось ли тебе убежать из дома?» — утвердительно ответили 5% опрошенных детей; на вопрос: «Почему?» — 14% заявили, что их дома бьют. На вопрос: «Как часто родители бьют тебя?» — 2% детей сказали «часто», 21% — «редко», 76% — «никогда». За что бьют? «За оценки» — 42%, «за плохое поведение» — 79%, «просто так» — 6%. 40% детей признают, что наказание они «заслужили». С учетом разницы в возрасте и неодинаковых социальных условий детские ответы так же неоднозначны и трудно сопоставимы, как и родительские.

Из психологических работ можно назвать исследование белорусского психолога И. А. Фурманова «Дисциплинирование ребенка: тактики разрешения родительско-детского конфликта», объектом которого было 97 младших школьников (48 мальчиков и 49 девочек) в возрасте 6—8 лет. Согласно его данным, различия в методах воспитания родителями детей различного пола незначительны. Исключение составила тенденция более частого использования телесных наказаний в отношении сыновей. Матери чаще используют дисциплинарные воздействия в отношении дочерей, а отцы — сыновей. Отцов отличает предпочтение использования телесных наказаний и тенденция к проявлению чрезмерной жестокости. В целом матери больше ориентированы на использование ненасильственных методов, а отцы на силовые методы разрешения родительско-детского конфликта вне зависимости от пола ребенка (Фурманов, 2008).

Социологические опросы описывают не только поведение, но и нормативные установки и ценностные ориентации россиян. Сколько-нибудь четко выраженной исторической динамики здесь не прослеживается.

В апреле 1992 г. на вопрос всесоюзной анкеты ВЦИОМ: «Допустимо ли наказывать детей физически?» — утверди-

тельно ответили лишь 16% россиян, против высказались 58%. Россияне оказались гораздо гуманнее других народов бывшего СССР: телесные наказания детей в то время считали нормальными, допустимыми 24% эстонцев, 29% литовцев и 39% узбеков. Однако не исключено, что в РСФСР просто сильнее сказывались тогдашние советские стереотипы, когда люди начали смелее высказывать собственное мнение, их установки стали более жесткими.

При опросе ФОМ в 2004 г. телесные наказания детей сочли допустимыми свыше половины (54%) россиян, «против» — 47%. Наиболее либеральны москвичи (48%), молодежь от 18 до 24 лет (50%) и те, кого в детстве физически не наказывали (52%). О реальной динамике по этим цифрам судить трудно — слишком разные выборки и анкеты. При опросе ФОМ в 2008 г. с мнением, что телесные наказания детей школьного возраста «иногда необходимы», согласились 67%. На вопрос Левада-Центра в 2004 г.: «Имеют ли право родители подростка 13—14 лет наказывать его физически?» — утвердительно ответили 37% (в 2000 г. 27%), отрицательно — 61% (Зоркая, Леонова, 2004). Здесь ограничительным фактором является возраст наказываемых (право правом, а реально выпороть 14-летнего подростка не так-то просто).

В опросе Исследовательского центра портала SuperJob.ru (март 2008 г.) телесные наказания в общем виде признали необходимым методом воспитания лишь 9% россиян. Но «необходимое» и «допустимое» — вещи разные. Некоторые респонденты считают такую меру допустимой лишь в отношении мальчиков. Другие апеллируют к собственному опыту: «Нас же тоже шлепали, и ничего... Выросли нормальными»; «На себе испытала — полезно». Большинство (61%) считают «физическое воздействие на детей с воспитательными целями» крайне нежелательным и допустимым только в исключительных случаях. Принципиально недопустимым телесное наказание детей считают только 30% опрошенных, которые думают, что применение ремня или подзатыльников порождает лишь «негативную реакцию,

страх, подавляет самостоятельность», «способствует развитию у ребенка различных комплексов». При этом мужчин, считающих телесные наказания неотъемлемой частью воспитательного процесса, вдвое больше, чем женщин (12% против 6), неприемлемыми их считают 34% женщин и 25% мужчин. Чаще других о пользе шлепка и подзатыльника говорят люди старше 50 лет, а наибольшее число их противников среди молодежи до 20 лет. Категорически против телесных наказаний 25% россиян, имеющих детей, и каждый третий (33%) среди бездетных (Исследовательский центр..., 2008).

Согласно исследованию Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 36,9% родителей считают, что физическое насилие вредно для детей, но 5,6% полагают, что «без рукоприкладства» воспитать ребенка нельзя.

С трудностями концептуального разграничения «телесных наказаний» и «жестоккого обращения с детьми» столкнулись и саратовские социологи: каждый третий опрошенный знает о случаях жестокого обращения с детьми, почти половина считает телесные наказания недопустимыми, треть полагает, что применять их следует в зависимости от ситуации, один из десяти считает, что бить детей можно.

Одна из главных причин распространенности телесных наказаний в России — общая «притерпелость» к насилию, жертвами которого являются не только дети, но и взрослые. Самоописания представителей разных поколений в сети зачастую почти не различаются, а их обмен опытом выглядит порой забавным:

«Порют меня практически ежедневно! За плохую успеваемость, за редкостное курение, принятие алкогольных напитков, например если я задерживаюсь где-нибудь хоть на 15 мин! Все равно будет порка! Отец у меня строгий, но справедливый!! Чаще всего он меня лупит ремнем, только не пряжкой, а складывает вдвое. Я снимаю штаны вместе с трусами и становлюсь на четвереньки, животом на диван.

Иногда если я слишком дергаюсь, то без дивана, тогда отец зажимает мое тело с боков.

А тебя твой отец пряжкой лупит? Мне иногда только угрожает, что будет бить пряжкой, но всегда жалеет. Если шлепает рукой, то обычно у него на коленях, или просто стоя. Летом в деревне отец лупит меня крапивой и ивовым прутом, тогда он заставляет меня раздеваться совсем догола».

«Андрей, как ты считаешь, подростков надо наказывать ремнем или нет? Тебя самого когда-нибудь ремнем наказывали? Если да, то какие при этом испытываешь чувства, как происходит порка?

— Считаю, что надо. Но, это обязательно должно быть как-то регламентировано. Иначе, кроме новой волны семейного и пр. насилия над детьми, мы ничего не получим. Что до меня, конечно, в детстве бывало лупили. Лет до 12. Не могу сказать что незаслуженно. Был довольно-таки большим хулиганом. Впрочем, таким и остался. Порка лишь слегка осаживала. Считаю, что в воспитательном процессе она необходима только тогда, когда есть что поставить в альтернативу. То есть, когда лупят для того, что бы проще было принять ребенку то, что ему дается. Чтобы меньше с его стороны было упрямства.

А чувства... Ясно, что не сладко».

«Наверное, 11 лет такой возраст, когда начинают пороть Smile. Меня тоже впервые выпороли в 11 лет. Порол отец. Он тогда пришел с родительского собрания и сказал, что нам надо серьезно поговорить <...>

Больше закрыться я уже не пытался, да и вырваться тоже. И просто вздрагивал, орал и ревел навзрыд. Просить о пощаде мне как-то не пришло на ум, да и мальчишеская гордость не позволяла. Я не считал удары. Не думаю, что их тогда было больше 10—15, но мне казалось, что это длится вечно. Когда отец закончил, он просто ушел, а я остался лежать на этой же кровати, жалея себя несчастного. Когда я вырвелся, я встал и посмотрел на свою попу. Мне казалось, что там должны

быть синяки и кровоподтеки, но, к моему удивлению, она только слегка покраснела. Я одел штаны и пошел на кухню выпить воды. Отец сидел на кухне, а мама капала ему вале-рианки. Я понял, что он тоже переживает, и решил на этом сыграть. Я корчил из себя обиженного еще дня два, и разговаривал с ним сквозь зубы. А потом мы как-то помирились и отношения стали прежними. За учебу меня больше не пороли. Я перестал прогуливать школу, и рассказывал с тех пор родителям всю правду об успеваемости, ну или почти всю».

«Порол старший брат. Ничего так не отрезвляет взрослого и начинающего борзеть мальчика, как хорошая порка — других способов НЕТ».

Особенно жестокие, зачастую откровенно садистские, наказания практикуются в детских домах, интернатах и закрытых учебных заведениях. Воспитанники этих «тотальных институций» практически беззащитны. Вот перечень практикуемых там наказаний на одном из «ременных сайтов»:

«Порют резиновой дубинкой.

Ставят голышом на тумбу.

Сажают на корточки с руками за головой голышом у стены так, чтобы кончик носа касался стены.

Заставляют голышом делать зарядку, прыжки через скакалку, подтягивание, пресс, отжимание... за плохие движения во время зарядки прутком по попе.

Очень частое наказание за плохое поведение — отправляют в медкабинет на клизму. Через это все прошли неоднократно.

Еще наказывают постелью в выходные дни, даже в туалет нельзя выходить из-под одеяла, одевают памперс на сутки и сутки (24 часа) лежишь в постели.

Кто писается ночью, того на солнце в огороженном дворике ставят голышом и на голову накидывают описанную простынь. Стоять надо в зависимости от возраста 1—2 часа.

Во время допроса с целью выявить зачинщика какой-нибудь шалости могут, например, сжимать яички.

Одно из наиболее жестоких известных мне наказаний — ребенка привязывают к железной кровати и пропускают через нее электрический ток.

Очень редкое, но тем не менее встречающееся наказание — групповое изнасилование или избиение. Провинившегося (обычно младшего) ребенка привязывают в “удобной” позе, скажем, в спальне (рекреации) старших ребят и оставляют на ночь. Наутро — “полное исправление”. Причем доказать вину взрослых будет практически невозможно.

Запирание в темной комнате.

Инъекция магнезии (без каких бы то ни было медицинских показаний).

Отправка в детскую психушку (также без показаний) — а эскулапы с радостью принимают, поскольку им необходимо выполнять “план по койко-дням” (“совок” — бессмертен!).

Было в прессе несколько лет назад про некий особо “продвинутый” интернат, в котором с провинившегося ребенка стягивали трусики, ставили на четвереньки и пропускали разряд электрического тока через анальную область... Все детки в том интернате очень хорошо себя вели».

Никакой статистики распространенности таких «наказаний», разумеется, не существует, общество узнает о них лишь из периодических скандалов в СМИ.

Родительские «телесно-воспитательные» практики также выглядят подчас довольно экзотично. Первого июня 1995 г. в газете «1 сентября» было опубликовано следующее письмо:

«Я слабая интеллигентная 48-летняя мать-одиночка. Моему сыну почти 14. Он рос болезненным, маленьким, слабеньким... И вырос грубый, наглый, трусливый подросток, который мешает всему классу работать, хамит учителям, не жалеет 78-летнюю бабушку и исповедует только силу. ВЫПОРОТЬ БЫ ЕГО РАЗ-ДРУГОЙ.

(Я БЫ ЗАПЛАТИЛА В ПРЕДЕЛАХ ЗАРПЛАТЫ ДОЦЕНТА)...

И вырос бы хороший человек.

МОЖЕТ БЫТЬ, КАКАЯ-НИБУДЬ СТРУКТУРА, ГОТОВЯЩАЯ, НАПРИМЕР, ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ, СТАЛА БЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО, НЕ КАЛЕЧА, ОКАЗЫВАТЬ ТАКУЮ ПОМОЩЬ МАТЕРЯМ-ОДИНОЧКАМ?

А наши сыновья знали бы, что их матери и бабушки не лишены мужской защиты!

Я убедилась, что страх возмездия делает сына очень хорошим мальчиком, а вот как раз сознание безнаказанности уводит его с пути истинного».

Обнаружив это письмо в Интернете, я заподозрил розыгрыш. Однако в редакционном архиве нашли как само письмо, так и эмоциональный ответ на него замечательной журналистки «Комсомольской правды» Инны Павловны Руденко.

Спрос рождает предложение. И не только в Москве 1990-х. 18 декабря 2002 г. тюменская газета «Ямская слобода» опубликовала статью «Снимай штаны, акселерат!»:

«“Снимай штаны, акселерат!” — обычно с такой фразы приступает к исполнению своей работы по перевоспитанию трудных подростков бывший физрук одной из тюменских школ Евгений Чуваков.

Все началось около года назад, когда к Евгению обратилась заплаканная соседка, одна воспитывающая 13-летнего сына. Парень окончательно отбилсЯ от рук: перестал слушаться мать, пропускает занятия в школе, на любые замечания реагирует по-хамски... Больше того, уставшая от работы и постоянных недомолвок с сыном, мать обнаружила в кармане его куртки сигареты и пивные пробки.

— Короче говоря, соседка уговорила меня провести с ее оболтусом серьезную профилактическую беседу, — рассказывает Евгений. — Она была почему-то уверена, что именно такой мужчина, как я, способен внушить зарвавшемуся подростку хоть какие-то нормы поведения. “Если надо, — сказала отчаявшаяся женщина, — можно припугнуть и даже применить силу...” В разумных пределах, конечно. И за отдельную плату.

Вечером того же дня Евгений переступил порог соседской квартиры. Хозяйка вежливо извинилась, взяла объемистую сумку и ушла в магазин за продуктами. А когда минут через сорок вернулась, то застала своего долговязого отпрыска растерянным и непривычно смирным. Парень даже взял из ее рук тяжелую поклажу и унес на кухню, где к тому времени уже закипал чайник.

— В тот раз я от гонорара за свою работу наотрез отказался, — продолжает Евгений. — Но вскоре после этого ко мне с такой же настоятельной просьбой пришли еще две мамы, знакомые моей соседки. Они буквально на коленях умоляли меня хоть как-то повлиять на их сынков: одному было четырнадцать, другому пятнадцать лет. Тоже не хотели учиться и ни в грош не ставили слезы своих матерей. Пришлось с одним из них вежливо, но строго поговорить, а другого — просто выпороть. А потом заявки посыпались как из рога изобилия. Это отнимало мое личное время, и я стал брать с заказчиц небольшую, чисто символическую, плату за свои “уроки вежливости”, чтобы хоть транспортные расходы возместить. Теперь у меня есть даже постоянные клиенты — к ним время от времени приезжаю, чтобы закрепить полученные навыки...

Евгений уверен, что процесс перевоспитания должен носить характер шоковой терапии, чтобы оборзевшие шпанята прониклись ситуацией глубоко и надежно. Нередко его подопечные орут благим матом, и тогда Евгений запечатывает их рты скотчем, продолжая во время порки вести нравоучительную беседу. Иногда урок длится больше часа с двумя перерывами, во время которых Евгений ласково просит дать обещание выполнять все требования матери и вообще не расстраивать ее по пустякам. Чаще всего такие обещания даются и, не приведи Господи, если не сдерживаются: повторный визит может принести немало боли и страданий».

Не верите? Вспомните сатирический рассказ Чехова и реальный педагогический опыт Розанова. Или восторженные

газетные статьи о положительном опыте порки взрослых парней в казацкой среде. Или новосибирские «лечебные порки». Или горячую, почти всероссийскую, поддержку нижегородского метода лечения с помощью телесных наказаний наркозависимости:

«У них такая система была. Вот ты новенький пришел, привезли тебя, ведут в отдельную комнату, стоит кушетка, ты ложишься, до трусов снимаешь штаны, и встают двое-трое [сотрудников фонда], меня втроем лупили одновременно. И лупили до того, пока не почернеет заднее место. Руки нельзя подставлять, ничего. Еще хуже будет, если руки там подставишь. Вообще капут. По рукам начинают бить там лопатами, дубинами. Зачем это надо. Еще большее будет... Как бы, ну, проучивали наркоманов — будешь еще колотиться, будешь? Все кричали — ой, не буду больше, остановите, клянусь, отвечаю, только не порите, не порите меня, пожалуйста... У них все поставлено на кнут, все там через боль там все это внушается, через изоляцию, через унижение постоянное. А [это] такие же бывшие наркоманы. И порют бывшие наркоманы. И охраняют бывшие наркоманы. И бьют тебя такие же бывшие наркоманы. Ну, как бы охрана, она вся из бывших наркоманов. Если ты такой же, как он, то почему ты порешишь? Тебя же точно так же пороли. А вот люди настолько злыми становились уже потом от такого обращения, все, они готовы разорвать. А сам он точно такой же. Вот я им говорил — тебя вот точно так же пороли, точно так же били» (Можегов, 2010).

Организатор этого центра Егор Бычков вызвал к себе сочувствие не только тем, что пытался хоть как-то бороться с наркомафией, перед которой спасовали, а точнее — пошли к ней на содержание, местные власти, но и потому, что люди верят, что любые социальные и человеческие проблемы можно излечить с помощью физической силы. Пока в народе живет эта вера, телесные наказания детей неискоренимы.

Изоощренные телесные наказания, включая полномасштабную порку, знает армейская дедовщина:

«Меня в армии пороли несколько раз. Обычно поднимали ночью. Снимал трусы и становился согнувшись почти пополам, а руками держался за ножки верхней кровати (они были двухъярусные). И несколько “дедов” по очереди хлестали солдатскими ремнями по заднице. Если распрямлялся или отпускал ножки — начинали сначала.

Еще нескольких ребят моего призыва при мне секли в бане (со мной, правда, этого не случилось). Там вынимали несколько прутьев из веника, очищали от листьев — получались розги. Парня клали на живот или ставили на четвереньки на лавку и пороли очень долго, меняя прутья. Вся задница потом была красная и со вспухшими рубцами. Но за что так драли, не знаю».

«Когда ты стоишь голым, а перед тобой бьют твоего сверстника, то всякая воля к сопротивлению исчезает. К тому же в казарме, когда дед хлопает тебя по попе и говорит сделать что-то, то поневоле вспоминаешь болевые ощущения от ремня и бежишь выполнять. Поэтому я сторонник порки и после 18 лет и чтобы каждая порка надолго запоминалась...»

Эта точка зрения пользуется поддержкой некоторых офицеров:

«“Дедовщину” в армии искоренить невозможно независимо от сроков службы. Да и не нужно от нее избавляться, потому как на ней держится основа воспитания солдат. Офицеры сами заинтересованы в “дедовщине”. Командиру роты, например, проще управлять десятком “дедов”, закрывая глаза на их нарушения. Зато они управляются со всей ротой именно так, как надо офицеру», — цитирует «Комсомольская правда» полковника Генштаба в отставке Владимира Попова.

«Опять же негоже офицеру бить солдата, а ведь часто есть за что! Просто слова и убеждения на призывников практически не действуют. И тут нужны “дедушки”, которые доходчиво убедят “салабонов” в правильности поступков. “Деды” же, уходя на дембель, кровь из носу обязаны подготовить себе полноценную замену» (<http://kp.ru/daily/24522/669971>).

На юридическом языке вопрос можно поставить четко. Если телесное наказание есть форма насилия над ребенком, нарушение его телесной и даже, сохрани Боже, сексуальной неприкосновенности — это преступное деяние, подлежащее запрету. А если нет, то где между ними грань?

Как и в прошлом веке, за бытовыми проблемами часто скрывается идеология. По мнению либералов-западников, телесные наказания — закамуфлированное насилие над детьми, которое должно быть законодательно запрещено не только в школе, но и в семье. Коммунисты и православные фундаменталисты (как и по многим другим вопросам, их позиции тождественны) с этим категорически не согласны. Признавая необходимость чадолюбия и заботы о детях, они возражают против ограничения родительской власти, одним из атрибутов которой являются физические наказания.

Тамбовский учитель-коммунист на страницах «Советской России» (от 27 июля 2006 г.) ратует даже за публичные порки детей:

«...Публичная порка. Да-да, на специально оборудованном месте, специальным предметом и специальным человеком. Уверяю вас, воздействие колоссальное... Физические наказания в семье должны быть официально разрешены».

Например, «за раннее начало половой жизни» (Верещагин, 2006).

В предпочтении и оценке эффективности конкретных физических воздействий защитники порки зачастую расходятся.

Светоч православной педагогики Татьяна Шишова, которая называет либерализацию взглядов родителей на проблему наказаний «скарлатиной», — поклонница шлепанья:

«Как-то так сложилось, что многие современные родители считают телесные наказания недопустимыми. Видимо, сыграли свою роль теле- и радиопередачи, в которых муссировалась тема насилия над детьми, причем таким страшным словом назывался даже легкий шлепок. А другие считают

шлепок допустимой, но крайней мерой и недоумевают, почему она на ребенка не действует.

В действительности же трудно найти более безобидное наказание, чем шлепок. Мало того, что приходится он по мягкому месту, с младенчества привыкшему к ударам (когда ребенок учится ходить и падает на попку, он порой стучается гораздо сильнее — и то не плачет!), так еще это действие может иметь другой, прямо противоположный смысл. Играя с ребенком, мы похлопываем его по попке, как по барабану; можем шутливо “наподдать” ему, когда он пробегает мимо или немного расшалился...

Совсем иное дело — наказание ремнем. Это по-настоящему больно и отрезвляет даже самых буйных. Потому и применять его стоит только при тяжелых провинностях, хотя это тоже необходимо» (Шишова, 2005).

Напротив, бывший питерский омбудсмен Игорь Михайлов, у которого «мать инспектором милиции была, и все у нее было под контролем», отдает безусловное предпочтение ремню:

«Я делал так — раз сказал, два сказал, на третий — двинул. Ремнем! Рукой бить нельзя. Тем родителям, которые все-таки предпочитают воздействие, рекомендую: заведите ремень не очень жесткий, чтобы не отбить ребенку внутренности» (Беловранин, Заостровский, 2009).

И ведь оба правы! Шлепок ладонью по голой попе более интимен и может вызывать не только физическую боль, но и тонкие эротические переживания. Зато ремень куда чувствительнее, да и выбор подобных инструментов значительно богаче.

Популярный писатель, профессор МГИМО и ведущий телепередачи «Умники и умницы» Юрий Вяземский в телепрограмме «Культурная революция» (16 января 2009 г.) и на страницах «Комсомольской правды» (11 февраля 2009 г.) также заявил, что «без порки не обойтись»:

«Непременно нужно пороть за серьезные провинности. Тарас Бульба убил своего сына Андрия за предательство. И те, кто читает Гоголя, не осуждают его, а считают поступок

Тараса правильным. Но! Физическое наказание ни в коем случае нельзя превращать в пытку, в унижение».

Мнения читателей и авторов «Комсомолки» разошлись:

Дмитрий Турсунов, теннисист:

— Отец меня здорово порол, заставлял в детстве заниматься теннисом. Тогда мне казалось, что бить непедагогично, а теперь понимаю — иначе я бы никогда не достиг уровня сборной России.

Мария Серебрякова, психолог, консультант телепрограммы «Няня спешит на помощь»:

— Поднимая руку на ребенка, мы признаемся в своем бессилиии. Да и на психике это плохо сказывается. У родителя появляется чувство вины. А малыш чувствует себя униженным.

Алексей Леонов, летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза:

— Пороть детей — это очень противно! Их надо воспитывать.

Борис Грачевский, создатель «Ералаша»:

— Избивать ребенка, конечно, нельзя. Но треснуть слегка можно, а иногда и нужно. В ситуациях, когда слова уже не помогают.

Карина Андреева, психолог, Казань:

— Конечно, нет! Общеизвестно, что бывшие двоечники в жизни более успешны, чем закомплексованные отличники.

Сергей Селин, актер:

— В XIX веке через розги прошли сотни талантливейших физиков, математиков, поэтов. Это было нормой. Сегодня, считаю, ребенка нужно воспитывать в любви. Но, когда смотришь на вырожденков, которые попадают за решетку из-за ужасных поступков, так и хочется сказать: «Пороть надо было! Пороть!»

Нина Никитина, учитель (Нижний Новгород):

— Дети, в основном мальчишки, просто ленятся. И в таких случаях эффективнее ремня пока ничего не придумали. Я даже призываю родителей «дисциплинировать» своих отпрысков. И что вы думаете — у школьников улучшаются оценки!

Евгений Бойко, отец дошкольника (Самара):

— Еще в Ветхом Завете написано: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его...»

Андрей, читатель сайта KP.RU (Санкт-Петербург):

— С ребенком надо разговаривать. Успеваемость — это его личное дело.

Откровения «рафинированного интеллигента» Ю. П. Вяземского вызвали в блогосфере страшный скандал, телеведущего стали называть крепостником, садистом и даже педофилом. Но отношение к телесным наказаниям не обязательно связано с уровнем образованности или психосексуальными особенностями личности. Просто взгляды у профессора клерикальные и ультраконсервативные. Чего можно ждать от человека, который в другой телепередаче назвал атеистов животными, которых нужно лечить?

Детский писатель Андрей Берлогов отлично спародировал ременную педагогику в очерке «Воспитание детей. Экспресс-курс для пап»:

«Перед началом порки необходимо принять меры предосторожности, а именно: убрать из комнаты все острые, тупые, колющие и режущие предметы.

Для порки хорошо использовать ремень, доставшийся вам от отца, а еще лучше от деда. В этом случае вы сможете совмещать порку с тематической лекцией о преемственности поколений.

Естественно, ремень должен быть из натуральной кожи. Кожзаменители и любая синтетика недопустимы.

Категорически не следует вынимать ремень из штанов при ребенке. Современный ребенок, насмотревшийся види-

ка и интернета, может решить, что вы собираетесь научить его любительскому стриптизу в домашних условиях.

Не рекомендуется подвергать порке детей старше 14 лет, а также детей, посещающих спортивные секции (за исключением шахматной секции).

Порка — это самый сложный воспитательный элемент. Для его применения рекомендуется предварительно пройти специальные курсы для пап. Будьте внимательны при выборе курсов. Если в их названии фигурируют слова “садо” или “Мазо”, это не те курсы, которые вам нужны» (Берлогов, 2009).

Отношение к телесным наказаниям отражает и воспроизводит существующую в России общую идеологическую поляризацию.

Значительная часть населения страны, которая в теории или на практике (это не всегда совпадает) уже приняла европейские нормы, не прибегает и/или не хочет прибегать к телесным наказаниям детей, для нее они случайны и пережиточны. Однако есть немало людей, для которых эти нормы неприемлемы. Водораздел между ними проходит по той же линии, что и отношение к рыночной экономике, демократии, модернизации и правам человека. Главные факторы здесь — возраст, уровень образования, характер политических взглядов и, в данном случае это особенно важно, личный жизненный опыт. Но эти факторы могут переплетаться друг с другом весьма разнообразно.

Интересно выглядит в этом контексте позиция РПЦ.

В 2006 г. будущий патриарх Кирилл подписал Киотскую «Декларацию о насилии против детей», предусматривающую, в частности, полный запрет телесных наказаний. Но как ввести и контролировать этот запрет?

Стоило только российским политикам и социальным работникам признать, что наши дети часто подвергаются насилию в семье и школе, и поддержать идею создания, по европейскому образцу, ювенальной юстиции, как в православном Интернете появились статьи типа «Ювенальная юстиция беспощадно уничтожает традиционную семью»,

«Лоббисты порноиндустрии и разврата хотят придать детям с как можно более раннего возраста “взрослый” статус», «По сравнению с ювенальной юстицией гитлеризм отдыхает», «Ювенальная юстиция представляет собой такой подрыв детско-родительских, общественных отношений и всего российского жизненного уклада, что по сравнению с ней предыдущие реформы — это выстрелы новогодних шутих».

«Православная церковь в последнее время старалась не вмешиваться в политику, позволяя политике вмешиваться в свои дела. Но с одной темой священнослужители все-таки не удержались. В Европейской социальной хартии 1961 г., которую недавно ратифицировала Россия, говорится не только о защите прав на коллективные переговоры и прав рабочих-мигрантов, но и о правах ребенка. Представители ортодоксальной общественности возмутились: из норм хартии они вычитали, что скоро в стране введут систему ювенального правосудия.

Сначала противники отдельных судов для детей собирали подписи, потом в ход была пущена тяжелая артиллерия. Патриарх Кирилл провел встречу с депутатами Госдумы от “Единой России”, и те в ответ пообещали не принимать важные законы, не посоветовавшись с церковью. Критику в адрес ювенального правосудия Кирилл высказал и министру юстиции Александру Коновалову. Глава Минюста последовательно отстаивает православные традиции, он прослыл самым благочестивым из российских чиновников... Единомышленников патриарх ищет в верном месте: без поддержки главы Минюста ювенальная юстиция в России точно не состоится. Если уже созданные институты правосудия для детей и не свернут, то их распространение, видимо, затормозят» (<http://slon.ru/articles/86815/>).

Так оно и произошло. В интервью «Журналу Московской патриархии» уполномоченный по правам ребенка при президенте РФ Павел Астахов сказал, что при рассмотрении вопросов о введении ювенальной юстиции действует только по благословению патриарха Кирилла:

«Я приезжал поздравить патриарха, и мы в разговоре затронули эту тему. Тогда я просто сказал: “Ваше Святейшество, я поступлю так, как Вы благословите. Потому что для меня это важно. Без Вашего благословения я не буду ничего делать”».

Во время их следующей встречи патриарх сказал омбудсмену, что, по его мнению, никакие западные формы ювенальной юстиции для России неприемлемы, «но у хулиганов, преступников и пьяниц детей надо забирать, чтобы спасти».

«Это были слова Святейшего. И я с ним полностью согласился. Ведь если люди — преступники, то они вырастят из ребенка преступника либо убьют его, поэтому детей им оставлять нельзя» (Астахов, 2011).

При этом уполномоченный по правам ребенка привел статистику, в соответствии с которой в некоторых российских регионах на Севере и Дальнем Востоке 100% преступлений против детей совершается именно в семье...

Ювенальная юстиция и то, что с ней связано, не входит в круг моих научных интересов. Но я не могу не обратить внимание на то, что против нее выступают те же самые люди, которые заблокировали в России сексуальное образование молодежи, используя ту же самую обманную риторику. Вместо обсуждения реальных проблем и трудностей ювенальной юстиции (ясно, что государство не может заменить ребенку родительскую семью) придумываются и тиражируются откровенно карикатурные антизападные пропагандистские страшилки, которые общество затем принимает на веру. А так как доверие к государственным учреждениям в России нулевое, эту риторику подчас принимают даже искренние защитники детства.

Сегодня все ветви власти и все политические партии говорят о защите детей, принимаются многочисленные законы, назначаются детские омбудсмены, создаются специальные фонды, ассигнуются бюджетные деньги. Некоторые из этих мер полезны и необходимы. Но значительная часть этой деятельности, как и все прочее в современной России, остается имитационной, а то и пародийной. Когда в Думе об-

суждался вопрос о защите российских детей за рубежом от финляндских социальных работников и американских усыновителей, я удивлялся, почему никто из народных избранников до сих не предложил ввести принцип паритетности, как с ракетами: разрешить американцам усыновлять ровно столько российских детей, сколько наши родители усыновляют маленьких американцев, и ни на одного больше! Неужели наши дети дешевле ракет?!

Излишне политизировано освещение этих вопросов в электронных СМИ. Даже если речь идет не об американцах или финнах, у которых все по определению плохо, а о российских усыновителях, которые вдруг почему-то оказались жестокими (хотя они всегда говорят не об избиении, а о наказании), поиск «виновника» зачастую заслоняет существо дела и интересы ребенка. Стране показывают обожженного маленького ребенка, которого так «наказали» садисты-усыновители. Всем ясно, что виноваты коррумпированные органы опеки, «продавшие» ребенка закоренелым злодеям. Потом усыновители оказываются не такими уж злодеями, пострадавший мальчик без них тоскует, и всем становится ясно, что налицо очередной «антисемейный» заговор. Общая философия наказания при этом обсуждается редко и поверхностно.

Скандалы такого рода происходят во всем мире, журналисты торопятся, судьба ребенка для них прежде всего — «информационный повод». Но кто-то же должен смотреть глубже?

Принципиальное отличие российской государственной ментальности от европейской в этом вопросе состоит в том, что ребенок, как, впрочем, и взрослый, рассматривается не как автономный и самоценный субъект, а как объект чьих-то чужих, хороших или плохих, действий. Недаром российские законодатели и правоохранители избегают цитировать статьи 12 и 16 Конвенции ООН о Правах Ребенка:

Статья 12: «1. Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгля-

ды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка».

Статья 16: «1. Ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию.

2. Ребенок имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательства».

Отношение к телесным наказаниям — один из показателей демократизма общества и толерантности культуры. Ни то ни другое по мановению волшебной палочки не создается и не меняется. В современной России борются две тенденции.

Первая, глубинная тенденция, характерная для более образованных и молодых людей и продолжающая давний процесс европеизации страны, разворачивается преимущественно в сфере частой жизни. Это люди, которые не бьют своих детей и не считают эту практику педагогической.

Вторая, имперско-авторитарная, подразумевающая не граждан, а подданных, без телесных наказаний невозможна. Дети, воспитанные без телесных наказаний, могут не принять ни армейской дедовщины, ни пыточной системы ГУЛАГа, ни разгона правозащитных митингов, ни пародии на выборы.

Культура насилия требует постоянной подпитки. Объясняя агрессивное поведение футбольных болельщиков на Манежной площади, один из их руководителей сказал, что футбольные фанаты «не ходят бить кавказцев у метро или антифашистов. Точнее, если они увидят антифашистов, то, может быть, их и побьют, но они не ходят их искать специально. Их национализм не политического экстремистского толка. Это просто так понимаемая и выражаемая таким образом любовь к родине и своему народу».

Если любовь к родине означает потребность кого-то бить, возникает вопрос: кого? Всерьез воевать с кем бы то ни было никто в России не хочет, бряцание оружием просто поднимает чей-то дух. Бить иностранцев, иноверцев и инородцев тоже рискованно, многонациональная и многоконфессиональная страна запросто может развалиться. На ком же вымещать разочарования и обиды? Подростки могут бить друг друга, так было и будет всегда. А взрослые мужчины? Раньше для битья существовала жена, сегодня она может дать сдачи, а то и вовсе уйти. Остаются беззащитные дети, избивание которых выдается за справедливое наказание и продолжение национально-религиозной традиции.

До тех пор, пока в стране процветают ксенофобия и культ физической силы, а государство стремится не столько обуздать насилие, сколько монополизировать его, межпоколенческая эстафета насилия и телесные наказания детей будут продолжаться, а «борьба» с ними — оставаться имитационной.

Подведем итоги.

1. Продолжая прогрессивные тенденции классической русской педагогики и литературы, Советский Союз запретил и признал недопустимыми телесные наказания в школе. Эта позиция для советской педагогики всегда оставалась принципиальной. Однако обеспечить реальный контроль за соблюдением этого запрета власть не могла, да и не хотела. Тоталитарный строй невозможен без телесного насилия над личностью, и принятие этого порядка закладывается уже в детстве.

2. Главными рассадниками телесных наказаний в советское время были закрытые «тотальные институты» типа исправительных и иных специальных учебных заведений, приютов и детских домов.

3. Семейное воспитание было дифференцированным и зависело главным образом от усмотрения родителей. Государственные органы вмешивались в родительские телесно-дисциплинарные практики лишь в тех случаях, когда они

воспринимались как «слишком жестокие», но возможности этого вмешательства были ограничены. В рабоче-крестьянских семьях телесные наказания детей, особенно мальчиков, считались нормальными и применялись достаточно широко.

4. Постепенная либерализация советской жизни, начиная с 1960-х годов, способствовала выработке более критического отношения к телесным наказаниям, которое отчетливо выражено в сочинениях таких авторов, как С. Я. Долецкий, С. Л. Соловейчик и А. И. Приставкин.

5. Отношение к телесным наказаниям в постсоветской России отражает и воспроизводит существующую в ней общую идеологическую поляризацию. Значительная часть населения страны в теории или на практике (это не всегда совпадает) уже не прибегает и/или не хочет прибегать к телесным наказаниям детей, для нее они случайны и пережиточны. Однако есть немало людей, для которых эти ограничения неприемлемы. Водораздел между ними проходит по той же линии, что и отношение к рыночной экономике, демократии, модернизации и правам человека. Главные факторы — возраст, уровень образования, характер политических взглядов и, в данном случае это особенно важно, личный жизненный опыт. Но эти факторы могут переплетаться друг с другом весьма по-разному.

6. Степень реального распространения телесных наказаний и насилия над детьми неизвестна. Государственная криминальная статистика в этом вопросе недостоверна и политизирована, а независимые социологические опросы не всегда достаточно репрезентативны и сопоставимы друг с другом.

7. В последние годы государство стало уделять проблемам личной, в том числе телесной и сексуальной, безопасности детей значительно больше внимания и средств. Однако нередко эта деятельность остается преимущественно имитационной.

8. Теоретическим и политическим стержнем всех дискуссий по этим вопросам является категория прав ребенка,

которую традиционализм и религиозный фундаментализм считает подрывной и антисемейной.

9. Учитывая общую социально-политическую ситуацию в России, шансы на законодательное запрещение телесных наказаний близки к нулю, «родительская власть» — один из духовных столпов авторитаризма. Однако социально-педагогическое значение этой полемики, возможно, меньше, чем кажется ее участникам. На глубинном, внутрисемейном уровне все решают не церковно-государственные догмы, а повседневные родительские практики.

Глава 5

КАКОВ ЭФФЕКТ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ?

— Как мне попасть в дом? — повторила Алиса громче.

— А стоит ли туда попадать? — сказал Лягушонок. — Вот в чем вопрос.

Льюис Кэрролл

ШКОЛА ПОСЛУШАНИЯ

Обсуждая антропологию и историю телесных наказаний детей, мы выяснили, какие социальные и культурные факторы способствуют их распространению и поддержанию. Теперь попытаемся оценить их социально-педагогические результаты и психологические последствия.

Консервативное сознание не склонно утруждать себя критической проверкой привычных, устоявшихся суждений: если нечто написано в священных текстах или логически вытекает из авторитетной теории, значит, так оно и есть. Плюс исторический аргумент: так думали и/или так поступали наши предки! В авторитарной системе воспитания ценен не столько конкретный результат, сколько само по себе послушание.

Наука этим удовлетвориться не может. Психологам, социологам и врачам-педиатрам недостаточно знать, что люди верят в пользу телесных наказаний, им нужны эмпирические доказательства: каков этот воспитательный эффект, насколько он велик и от чего он зависит? Иными словами, нужно выяснить:

— оправдывает ли выбранное наказание родительские ожидания (ожидаемый эффект);

— не имеет ли оно каких-либо побочных, непредвиденных и, возможно, нежелательных последствий (неожиданный эффект);

— является ли то и другое краткосрочным или долговременным.

Вопросы эти возникли не вчера. Выдающиеся американские психологи Ричард Сирс, Элинор Маккоби и Харри Левин обнаружили несовпадение реальных результатов с педагогическими ожиданиями уже в 1950-х годах. При сопоставлении а) дисциплинарных практик нескольких сотен белых родителей из рабочей среды и из среднего класса, б) мотивов, по которым они выбрали именно эти практики, и в) того, как эти практики повлияли на поведение их пятилетних детей, выяснилось, что дети, которых родители контролировали строже, выросли *менее* послушными, чем дети, которым была предоставлена большая свобода.

За прошедшие пятьдесят с лишним лет в США и в других странах (но не в России!) проведены сотни больших и малых исследований, в том числе несколько лонгитудов и метаанализов (Gershoff, 2002; Paolucci, Violato, 2004; Larzelere, Kuhn, 2005) эффективности разных форм семейной дисциплины, включая телесные наказания. В целом, их результаты оказались не в пользу телесных наказаний.

Одно из первых солидных исследований было проведено в Калифорнии Институтом развития человека Университета Беркли в рамках проекта Family Socialization and Developmental Competence Project (FSP) под руководством Дианы Баумринд. Целью этого двенадцатилетнего исследования было выяснить, как разные практики семейного воспитания влияют на социальное и умственное развитие детей. Выборка состояла из родителей и детей из одних и тех же семей белых американцев среднего класса. В 1968 г. были проинтервьюированы 134 четырехлетних ребенка и их родители. В 1972 г. 104 ребенка из первоначальной когорты и их родители были опрошены вторично; кроме того, была исследована вторая группа, состоявшая из 60 девятилетних детей и их родителей. В 1978 г. 89 детей из первой и 50 детей из второй когорты снова были обследованы. На всех трех этапах помимо ребенка опрашивался один, а то и оба родителя. После третьего этапа, когда испытуемым было уже около 25 лет, с ними еще раз говорили по телефону. Во избежание субъективных оценок родительские

дисциплинарные практики измерялись с помощью специальной шкалы.

Согласно теории Баумринд, стиль родительства имеет два главных аспекта. Первый — родительская отзывчивость (parental responsiveness) показывает, насколько хорошо родитель реагирует на нужды ребенка. Второй — родительская требовательность (parental demandingness) фиксирует уровень родительских требований к ребенку, ожидание от него более зрелого и ответственного поведения. Сочетание этих двух осей дает четыре стиля родительства (Baumrind, 1967).

1. *Снисходительные (пермиссивные) родители* скорее отзывчивы, чем требовательны. Они избегают конфронтации с ребенком и поощряют его к самостоятельности. Их дети чаще вырастают дружелюбными, отзывчивыми и креативными, но также вербально импульсивными, агрессивными, склонными и сопротивляться установлению каких бы то ни было границ.

2. *Авторитарные родители* очень требовательны, директивны и неотзывчивы. Выше всего они ценят в детях послушание и порядок, создавая для этого хорошо организованную и структурированную, с ясно сформулированными правилами, среду. Эти люди очень назойливы и употребляют агрессивные методы разрешения конфликтов, а их дети часто склонны к перемене настроений, боятся новых ситуаций, и у них низкое самоуважение.

3. *Авторитетные родители* одновременно отзывчивы и требовательны. Они контролируют поведение ребенка, устанавливая для него четкие правила и могут быть настойчивыми, не нарушая автономии ребенка и не подавляя его. Их дисциплинарные методы скорее поддерживающие, чем карательные. Этот стиль представляется оптимальным для развития у ребенка социальной компетентности, включающей в себя напористость, самоуправление, кооперацию и уважение к родителям.

4. *Невовлеченные, отстраненные родители* имеют низкие показатели как по отзывчивости, так и по требовательности.

В предельных случаях они могут отталкивать ребенка и пренебрегать им. Их дети часто ввязываются в криминальное и рискованное поведение и входят в группу риска по наркозависимости.

Предложенная Баумринд типология родительства получила широкое научное признание в психологии и социологии семьи. Но насколько распространены эти типы и как они коррелируют с разными, в том числе телесными, наказаниями?

На первом этапе калифорнийского исследования, когда дети были дошкольниками, никогда не прибегали к телесным наказаниям лишь 4% обследованных семей. В остальных семьях разброс по частоте и жесткости телесных наказаний был весьма широк. Частыми и интенсивными телесными наказаниями пользовалось незначительное меньшинство, от 4 до 7% родителей. Хотя эти люди оставались в рамках законности, они наказывали детей импульсивно и слишком сильно, часто прибегая к каким-то орудиям, битью по лицу и т. п. При этом многое зависело от возраста детей. Эту группу родителей исследователи сразу же занесли в опасную «красную зону». Вырастая, дети из красной зоны имели самые высокие, причем долгосрочные, отрицательные психологические показатели, явно связанные с телесными наказаниями.

Однако в других группах корреляции между телесными наказаниями и последующими психологическими чертами и поведением ребенка были слабыми. Разница между детьми, которых шлепали «редко» (зеленая зона) и «умеренно» (желтая зона), оказалась вообще статистически незначимой. Дети из оранжевой зоны, которых шлепали часто, но не больно, мало отличались от детей из желтой зоны. А дети из зеленой зоны, которых никогда не шлепали, были не более благополучными, чем дети из той же зоны, которых шлепали редко. Кроме того, эффект сильных словесных наказаний подчас не отличается от эффекта шлепанья.

В результате Баумринд пришла к выводу, что *реально значимо не столько само наказание, сколько его контекст. Если*

родители любящие, твердые и хорошо общаются с ребенком, их дети вырастают достаточно успешными и благополучными, независимо от того, шлепали ли их в дошкольном возрасте. Зато жестокие телесные наказания причиняют ребенку бесспорный вред (Baumrind, 1996).

Разумеется, эти данные не могут считаться нормативными, даже для США. Выборка Баумринд была невелика, к тому же это исключительно семьи среднего класса, в которых детей наказывали мягче и реже, чем в рабочей среде. Наконец, за прошедшие 40 лет и сами детско-родительские отношения, и установки взрослых относительно телесных наказаний могли измениться.

В последние десятилетия в мире выполнено множество конкретных исследований о влиянии на детей телесных наказаний. Как всегда бывает в науке, их выводы часто расходятся. *Однако никаких доказательств полезности телесных наказаний не появилось.* Как только речь заходит о рациональных доказательствах преимуществ порки перед другими видами наказаний, даже самые горячие ее защитники ограничиваются утверждениями, что телесные наказания «не приносят вреда», что они «не хуже других наказаний» или что вред их «преувеличен». Зато число исследований, показывающих, что телесные наказания не только малоэффективны, но и вредны, быстро растет.

Один из самых активных исследователей и противников телесных наказаний — американский социолог, многолетний соруководитель Лаборатории исследований семьи Нью-Гемпширского университета профессор Мюррей Страус (Straus, 2010). Этому мнению придерживается и автор самого большого метаанализа этой темы Элизабет Гершоф (Gershoff, 2002), которая назвала свой недавний аналитический обзор «Больше вреда, чем пользы: итоги научного исследования намеренных и ненамеренных воздействий телесного наказания на детей» (Gershoff, 2010).

Вот как выглядит метаанализ Гершоф в цифрах (Gershoff, 2002).

Измеренный эффект	Число исследований	Отрицательный эффект
<i>Влияние на детей</i>		
Усвоение моральных норм	15	87%
Агрессия	27	100%
Преступное и антисоциальное поведение	13	92%
Качество детско-родительских отношений	13	100%
Психическое здоровье	12	100%
Виктимизация	10	100%
<i>Влияние на взрослых</i>		
Агрессия	4	100%
Криминальное и антисоциальное поведение	5	80%
Психическое здоровье	8	100%
Насилие над собственным ребенком или супругом	5	100%
<i>Телесные наказания не эффективнее других форм дисциплины</i>		
Послушание	6	60%

Высокий «отрицательный эффект» (третья колонка) не означает, что все дети или подавляющее большинство детей, подвергшихся телесным наказаниям, стали агрессивными, тупыми или получили психические расстройства. Цифры показывают лишь, какой процент проанализированных

Гершоф исследований обнаружил отрицательный эффект. Тем не менее они впечатляют. Из них следует, что даже в тех случаях, когда телесные наказания эффективны (например, в том, чтобы добиться от ребенка послушания), достигаемый ими результат не больше, чем результат других дисциплинарных мер (временная изоляция, словесный выговор, лишение привилегий и т. п.), вдобавок они имеют больше побочных отрицательных последствий.

Что это значит практически?

Поскольку первая непосредственная цель родителей — с помощью шлепка или удара добиться от ребенка *послушания*, эффективность телесных наказаний чаще всего оценивают по этому признаку, и эти ожидания оправдываются: побитый ребенок прекращает запрещенное действие. Но действительно ли эффект телесного наказания выше, чем других форм дисциплинарного воздействия? Прервать нежелательное поведение ребенка шлепком несложно, но разве нельзя добиться того же эффекта другими способами воздействия, не связанными с применением силы? Психологи считают, что можно. В долгосрочной же перспективе, подразумевающей не просто изменение текущего поведения ребенка, а приучение его к дисциплине, усвоению норм морали и правил просоциального (положительного) поведения, эффективность телесного наказания резко снижается.

Отрицательные эффекты телесных наказаний группируются по нескольким категориям.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ, АГРЕССИВНОСТЬ И СКЛОННОСТЬ К НАСИЛИЮ

Чаще всего родители прибегают к физическим мерам воздействия, когда ребенок ведет себя агрессивно (например, бьет другого ребенка) или антисоциально (например, лжет или ворует). Шлепками родители выражают ребенку свое неодобрение таких поступков. Но вопреки родитель-

ским ожиданиям телесные наказания могут не ослаблять, а усиливать подобное поведение.

Все 27 исследований, обобщенных Гершоф, констатировали, что чем чаще родители прибегают к телесным наказаниям, тем агрессивнее оказываются их дети. В двух недавних исследованиях, не вошедших ни в один метаанализ, выяснилось, что чем больше мальчиков наказывают физически, тем чаще они ведут себя неподобающим образом (у девочек такой зависимости не обнаружилось) (Gershoff, 2010).

Почему так происходит?

Телесное наказание — наглядная демонстрация физического превосходства взрослого, ребенок усваивает этот пример значительно лучше многого другого. Подобный результат предсказывают все три главные психологические теории: теория социального научения, социально-когнитивная теория и теория атрибуции. Эмпирические исследования это подтверждают. Это верно и для антисоциального поведения: чем чаще или сильнее детей бьют, тем антисоциальнее становится их поведение.

Наличие статистической связи между телесными наказаниями и детской агрессивностью зафиксировано не только в США, но и в Канаде, Китае, Индии, Италии, Ямайке, Иордании, Кении, Филиппинах, Сингапуре и Таиланде (Lansford, Chang, Dodge et al, 2005; Gershoff, Grogan-Kaylor, Lansford et al., 2010), а с антисоциальным и проблемным поведением — в Бразилии, Гонконге, Иордании, Монголии, Норвегии, Великобритании и Германии (Lansford, 2010).

Упомянутые выше немецкие исследователи (проект Halle Family Violence Surveys) выясняли, росли ли 12—14-летние подростки в обычных, «конвенциональных» семьях или в семьях, где телесных наказаний не было, а затем спрашивали их, наряду с другими вещами, как часто они били других детей. Разница заметная: из подростков, не испытывавших телесных наказаний, хотя бы единожды кого-то били 14,1%, в конвенционально воспитанной группе — 27%, а среди тех, кто подвергался в детстве существенному насилию, — 58%. Иными словами, низкий порог физических

санкций существенно повышает склонность к насилию и риск вовлечения ребенка в противоправную деятельность (преступность).

Так как большинство цитируемых Гершоф исследований не были лонгитюдными, то по их результатам невозможно точно сказать, побуждает ли ребенка пережитое им телесное наказание к повышенной агрессивности и анти-социальности или же, наоборот, более агрессивные и анти-социальные дети вольно или невольно провоцируют своих родителей на частые и суровые телесные наказания. Для уяснения причинно-следственной зависимости необходимо а) зафиксировать хронологическую связь между телесным наказанием и агрессией, доказать, что одно предшествовало другому, и б) замерить начальный уровень агрессивности ребенка. Сделать это очень трудно. Гершоф обнаружила лишь 12 таких исследований. Одни из них были посвящены влиянию телесных наказаний на агрессивное и делинквентное поведение испытуемых в детстве, другие — во взрослом состоянии. В большинстве случаев результаты оказались неоднозначными: эффект зависит не только от возраста ребенка и частоты наказаний, но и от ряда социокультурных условий.

Например, статистически значимая связь частоты шлепанья детей младше двух лет с наличием у них дисциплинарных проблем 4 года спустя, когда эти дети учились в начальной школе, обнаружилась только у белых неиспаноязычных детей; на маленьких афроамериканцев и «латиносов» порка отрицательного влияния не оказала, возможно, потому, что в их культурах она считается нормальной и особых эмоций не вызывает (Slade, Wissow, 2004). Однако некоторые другие лонгитюдные исследования наличие такой связи подтверждают (Lansford, Criss, Dodge et al., 2009).

Вероятность позднейшего насильственного поведения повышается не только в том случае, когда самого ребенка били, но даже если он был лишь свидетелем насилия в своем близком окружении (Zingraff et al., 1993; Smith, Thornberry, 1995).

Желая выяснить наличие причинной связи между родительским телесным наказанием и последующим антисоциальным поведением ребенка, Мюррей Страус с соавторами (Straus, Sugarman, Giles-Sims, 1997) проанализировали полученные в рамках национального лонгитюдного исследования (National Longitudinal Survey of Youth-Child Supplement) подробные интервью 807 матерей детей от 6 до 9 лет. В начале исследования были зафиксированы уровень антисоциального поведения ребенка, социально-экономический статус семьи, пол ребенка и то, какую эмоциональную поддержку и когнитивную стимуляцию ему оказывала семья. 44% опрошенных матерей в течение недели перед опросом шлепали своих детей в среднем 2,1 раза в неделю. Когда эти цифры сопоставили с данными о поведении тех же детей два года спустя, оказалось, что чем чаще ребенка шлепали, тем выше был уровень его антисоциального поведения два года спустя. Поскольку начальный уровень антисоциального поведения ребенка был зафиксирован, а все главные демографические характеристики и ключевые аспекты социализации выравнены, исследователи приписали рост антисоциальности телесным наказаниям. То есть матери хотели шлепками уменьшить антисоциальное поведение ребенка, а долгосрочный результат получился обратным.

В другом случае психологи исследовали взаимосвязь между а) оправданием родителями и детьми телесных наказаний и б) позднейшим поведением этих детей и их готовностью прибегать к силе при разрешении своих межличностных конфликтов (Simons, Wurtele, 2010). Испытуемыми были родители из 102 семей и их 3—7-летние дети. Родителей спрашивали об их отношении к телесным наказаниям и об их собственной дисциплинарной практике, а 54 мальчика и 48 девочек — об их отношении к силовым методам решения конфликтов вообще. Оказалось, что дети, родители которых одобряли и применяли телесные наказания, при разрешении своих конфликтов с ровесниками больше склонны принимать силовую стратегию. Опыт пережитого телесного наказания оказался самым сильным предиктором

выбора детьми агрессивного решения. Это подтверждает существование *межпоколенческого цикла насилия*. Проблема не только в том, что побитый ребенок вымещает свое раздражение на других. Применяя к детям телесные наказания, сами родители учат их тому, что битье — приемлемое средство разрешения конфликтов.

Интересно в этом плане и исследование связи между телесными наказаниями трехлеток и их агрессивностью в пятилетнем возрасте (Taylor, Manganello, Lee, Rice, 2010). Работа была частью популяционного когортного исследования 2 461 ребенка, которые родились в 20 больших американских городах (Fragile Families and Child Well-being Study). Были проанализированы отчеты матерей о применявшихся ими телесных наказаниях, агрессивном поведении детей в трехлетнем и в пятилетнем возрасте и множество демографических и иных данных, способных как-то повлиять на результаты (плохое обращение с детьми, эмоциональный климат в семье, наличие у родителей стресса, депрессии, наркозависимости, насколько желанным был для матери ребенок и т. п.). Почти половина (45,6%) обследованных матерей сказали, что в прошлом месяце они не шлепали своих детей, 27,9% делали это один-два раза, 26,5% — чаще. Дети, которых шлепали чаще других, при выравненном уровне их начальной (в три года) агрессивности и всех прочих факторов, в пятилетнем возрасте оказались существенно более агрессивными. Дополнительные шансы оказаться в группе повышенной агрессивности имеют мальчики, а также дети более молодых матерей; этому способствуют также низкий образовательный уровень родителей или низкий совокупный доход семьи, отсутствие религиозных предпочтений и отсутствие в семье отца. Вывод ученых гласит: «Несмотря на рекомендации Американской академии педиатрии, большинство родителей в США прибегают к телесным наказаниям как способу дисциплинирования детей. Наши данные говорят, что даже мягкие формы телесных наказаний, вроде шлепанья, увеличивают риск агрессивного поведения у детей, причем эти результа-

ты нельзя приписать сопутствующим эффектам, вытекающим из других рисков материнского родительства».

Солидные лонгитюдные данные на сей счет есть и в Европе. Например, согласно Кембриджскому лонгитюдному исследованию 411 лондонских мальчиков, важным предиктором раннего включения подростка в противоправное поведение оказались суровые дисциплинарные практики, особенно отцовские, в восьмилетнем возрасте. Впрочем, и это важно, отрицательно влияет не столько само по себе физическое наказание, сколько его сочетание с отсутствием эмоционального тепла и родительской заботы. При наличии последних порка может быть воспринята как проявление заботы и не испортит отношений мальчика с родителями (Farrington, 2004).

Аналогичные результаты дают и кросскультурные исследования. Г. Барри сравнил данные по 48 обществам, из которых в 24 насильственная преступность (нападения, убийства) была низкой, а в 24 — высокой, с пятью важнейшими, по его мнению, факторами формирования личности мальчиков, включая частоту их телесных наказаний между семью и одиннадцатью годами (Barry, 2007). Наибольшая разница между двумя группами обществ обнаружилась именно в последнем пункте: чем реже мальчиков бьют, тем меньше в этом обществе преступлений насильственного характера. Конечно, это не причинная связь, а всего лишь статистическая корреляция. Корреляция частоты телесных наказаний и насильственных преступлений может объясняться тем, что одни народы агрессивнее других. Но это предположение кажется менее правдоподобным, чем предположение, что частые телесные наказания мальчиков способствуют росту насильственного поведения взрослых мужчин.

Один из самых распространенных непреднамеренных отрицательных эффектов телесного наказания — причинение ребенку физических травм и физическое насилие над ребенком (child abuse). Это очень сложная проблема.

Любое телесное наказание предполагает причинение боли, но эта боль мыслится временной и не сопряженной с телесным увечьем. Большинство родителей не хотят причинять своему ребенку боль, однако фактически наказанием, вызывающим у ребенка страх и заставляющим его слушаться, является именно боль. Поскольку родители больше и сильнее ребенка, то любое телесное наказание содержит в себе возможность членовредительства, насилия и злоупотребления властью. Самое страшное то, что родители этой опасности не замечают.

Из бесед с родителями, привлеченными к ответственности за насилие в отношении своих детей, видно, что почти две трети подобных случаев начинались как акты телесного наказания с целью исправления неправильного поведения ребенка. Это самый распространенный и практически универсальный мотив насилия над детьми. 75% всех зарегистрированных в Канаде в 2003 г. актов физического насилия над детьми начинались и трактовались родителями как справедливые, заслуженные ребенком, телесные наказания (Durrant et al., 2006). Не имея системной информации о личности обвиняемого, никакой эксперт не сможет однозначно определить, где тут «подлинный мотив», а где — ретроспективное оправдание (легитимация) собственной жестокости.

Еще один важный момент. В ходе процесса наказания люди возбуждаются и ожесточаются. Международная криминальная статистика однозначно показывает, что чем чаще и суровее телесные наказания детей, тем вероятнее, что они перерастут в физическое насилие над ними. Это верно как на уровне социума (статистика телесных наказаний коррелирует со статистикой насилия над детьми), так и на уровне отдельной семьи.

Большинство физических травм своим детям причиняют не родители-садисты, действия которых практически не зависят от поведения ребенка, а самые обычные люди, которые просто хотели дисциплинировать свое чадо, но незаметно для себя вышли за рамки дозволенного. Это соответствует предсказаниям психологических теорий, согласно которым физическое насилие обычно требует какого-то спускового крючка, триггера. Чаще всего таким триггером оказывается эмоциональное состояние родителя или переживаемый им стресс, в результате которого то, что начиналось как телесное наказание, интенсифицируется, разрастаясь до масштабов серьезного уголовного преступления.

В ходе телесного наказания риск для родителей оказаться вовлеченными в акт физического насилия над ребенком резко возрастает. Наличие сильной статистической связи этих явлений показывает как метаанализ Гершоф, так и более поздние исследования (Gershoff, 2010). Английские и уэльсские родители, телесно наказывавшие своих детей, наносили им увечья в два с половиной раза чаще родителей, которые к телесным наказаниям не прибегали. В Квебеке родители, шлепавшие своих детей, в семь раз чаще остальных также раздавали им пинки и подзатыльники. По данным большого регионального исследования на Юго-Востоке США (Zolotor, 2008), родители, шлепавшие своих детей, вдвое чаще других прибегали также к суровым и потенциально опасным для здоровья детей мерам — избиванию, ожогам, ударам кулаком. Родители, которые били ребенка каким-либо предметом («ременная педагогика»), в девять раз чаще других совершали с ним другие потенциально насильственные действия. Недаром так многозначно английское слово *spanking*.

И совсем уж странная, а может быть, закономерная корреляция: дети, которых родители в течение предшествующего месяца шлепали, получили на первом году жизни в 2,3 раза больше серьезных, потребовавших медицинской помощи, травм, чем дети, которых родители не шлепали (Crandall, Chiu, Sheehan, 2006).

Хотя «телесное наказание», «насилие над детьми» и «небрежный уход за ребенком» — явления разные, статистическая связь между ними, равно как и наличие «континуума насилия», незаметно переходящего от мягких форм к более жестким, определенно прощупывается. Иногда это называют эскалацией насилия. «Телесное наказание» и «физическое насилие над ребенком» мотивационно не тождественны друг другу, но это вариации или градации одного и того же поведения. Поэтому законодательный запрет телесных наказаний в определенном смысле подстраховывает, уберегает от риска не только детей, но и родителей.

Еще теснее связь телесных наказаний с психическим здоровьем ребенка. Родители, бьющие своих детей, обычно не подозревают, что могут этим причинить им психологическую травму и подорвать их психическое здоровье. На самом деле это случается часто.

Проведенное Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) сопоставление двенадцати типичных трудностей детства со степенью распространенности двадцати психических расстройств у 52 тыс. взрослых в 21 стране показало, что почти в 30% случаев эти явления связаны, причем действие разных факторов часто бывает кумулятивным — собственные трудности ребенка усугубляются насилием над ним, пренебрежением со стороны родителей и т. д. (Kessler, McLaughlin et al, 2010). Каков в этом удельный вес собственно телесных наказаний, мы не знаем, но корреляция между применением телесных наказаний и наличием у детей психологических проблем и трудностей присутствует во всех двенадцати исследованиях, изученных Гершоф. У особенно часто или жестоко наказываемых детей чаще обнаруживаются симптомы депрессии и тревожности, причем не только в том возрасте, когда их наказывали, но и много лет спустя. Эта тенденция зафиксирована в таких разных странах, как Венгрия, Монголия, Норвегия, США и Ямайка.

Простейшее объяснение этой зависимости сводится к тому, что телесное наказание создает у ребенка кратковременный стресс, который обычно проходит, но если подоб-

ная ситуация повторяется часто или продолжается долго, отрицательные переживания накапливаются, у ребенка возникают проблемы с психическим здоровьем. Эта опасность подстерегает детей уже в раннем возрасте. В одном исследовании установлено, что чем чаще матери шлепают или бьют своих годовалых детей, тем выше у младенцев уровень стрессового гормона кортизола как реакция на провоцирующее тревогу взаимодействие с матерью (Bugental et al., 2003). Ассоциация телесного наказания со стрессом очень сильна и у подростков. Описывая свои чувства по поводу родительских телесных наказаний, дети упоминают не только физическую боль («Это больно и заставляет плакать») и чувство унижения, но и психологическую травму, а также появление враждебности к родителям.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С РОДИТЕЛЯМИ

То, что телесные наказания порождают напряженность в отношениях и отчуждение детей от родителей, общеизвестно и в какой-то мере универсально: «дают — бери, бьют — беги». Однако в традиционном обществе, где порка была всеобщей и обязательной, дети не имели морального права выражать и, тем более, аккумулировать обиды на старших. Им просто некуда было деваться. Сегодня положение радикально изменилось, а с ним вместе — и детская психология. Как написал один американский публицист, из того, что ты не держишь зла на поровших тебя родителей, не вытекает, что так же поступят и твои дети. Современные малыши станут взрослыми в непорочном мире.

Одна семилетняя англичанка так выразила свое впечатление от пережитой ею порки: «Ты чувствуешь, что больше не любишь своих родителей». Чтобы избежать телесных наказаний, воспринимаемых ими как насилие, многие дети убегают из родительских семей, это одна из причин беспризорности. В предыдущей главе я приводил жутковатые российские цифры.

Еще чаще поротые дети перестают доверять родителям, и это недоверие распространяется на самые добрые и полезные родительские советы, которые могли бы уберечь ребенка от серьезных опасностей. Корреляция телесных наказаний с ухудшением детско-родительских отношений зафиксирована во всех исследованиях, проанализированных Гершоф. Как можно доверять человеку, который тебя бьет?

Частые телесные наказания практически во всех возрастах понижают у ребенка чувство собственной защищенности, бьющие родители кажутся ему эмоционально далекими и недоступными. Это особенно характерно для подростков. Повзрослев, дети начинают лучше понимать мотивацию своих родителей и прощают им многие прошлые прегрешения, совершенные ради их, детей, собственного блага. Подростки на это, как правило, не способны, да и вообще, детское всепрощение не безгранично. Кроме того, даже временное отчуждение и утрата доверия к родителям нередко приводят к необратимым и катастрофическим для подростка последствиям. Достаточно вспомнить статистику самоубийств.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ И УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ

Чем сложнее психическая черта или свойство личности, тем труднее установить их связь с отдельно взятой дисциплинарной практикой, какой является телесное наказание. Влияние телесных наказаний на учебную успеваемость, когнитивные процессы и умственные способности ребенка — один из труднейших аспектов нашей темы.

То, что телесные наказания не гарантируют хорошей учебы, понимали уже древние философы и классики педагогики, которые призывали бить детей за безнравственность и непослушание, но не за плохие отметки. До конца XX в. все рассуждения на эту тему были одинаково голословными и бездоказательными. Чаще всего люди спорили о степени

креативности и интеллектуальной самостоятельности, причем «отрицательные» примеры легко побивались «положительными» («Ломоносова в детстве еще как пороли, а ведь вырос!»), и наоборот.

С появлением серьезной педагогической статистики и психометрики вопросы начали ставить более конкретно: как частота и интенсивность телесных наказаний коррелирует с учебной успеваемостью и IQ? Хотя число серьезных исследований невелико и за ними не стоит сколько-нибудь строгой теории, определенная отрицательная связь между частотой телесных наказаний и успеваемостью детей прослеживается: сильно поротые дети обычно хуже успевают в школе. Впрочем, объяснять это можно по-разному: 1) порка формирует отрицательное отношение к учебе; 2) порка является результатом неуспеваемости; 3) порка, как и неуспеваемость, — следствие неблагоприятных социально-экономических и психологических условий развития ребенка.

Иногда отрицательные корреляции распространяются не только на отметки, но и на свойства интеллекта. Например, согласно одному исследованию (Aucoin et al., 2006), дети среднего школьного возраста (средний возраст 12,35 года), которых родители телесно наказывали, имели существенно более низкий IQ, чем их непоротые сверстники, а самый низкий IQ был у детей, которых родители шлепали часто. Но эта статистическая связь зависит от целого ряда других факторов.

«Как и во многих других исследованиях, применение телесных наказаний коррелирует с наличием проблем в поведенческой и эмоциональной адаптации ребенка. Каких бы ни было положительных эффектов применения мягких телесных наказаний не обнаружено. В действительности даже низкие уровни телесных наказаний коррелируют с пониженным самоуважением ребенка. Однако... самые серьезные уровни дезадаптации обнаружены в семьях, которые применяют телесные наказания часто, когда это происходит в неблагоприятном семейном контексте и когда они приме-

няются к ребенку, который в силу своего темперамента особенно чувствителен к поведенческим проблемам».

Авторы полагают, что другие формы дисциплинирования ребенка («тайм аут», лишение привилегий, назначение дополнительных заданий) могут быть столь же эффективными, причем без риска для психического состояния ребенка.

«В целом, наши результаты подсказывают, что для охраны психического здоровья детей не следует переоценивать потенциальный вред мягких телесных наказаний, но рекомендовать другие, более безопасные способы дисциплинирования».

Поскольку результаты эмпирических исследований противоречивы, широкие обобщения в этом вопросе рискованны и легко превращаются в прямолинейные упрощения. Этим страдают некоторые работы Мюррея Страуса.

В проекте «Телесное наказание и показатели учебных достижений маленьких детей: лонгитюдное исследование» Страус проверял гипотезу о том, что родительские телесные наказания связаны с последующим ухудшением успеваемости ребенка (Straus, 2003). В 1992 г. в рамках национального лонгитюдного исследования (National Longitudinal Study of Youth NLSY79) у 622 пяти-шестилетних детей было измерено, сколько раз их били или шлепали на прошлой неделе. Учебная успеваемость этих детей была измерена в 1992 и 1994 гг. с помощью стандартного теста (Peabody Individual Achievement Test — PIAT). Одновременно были измерены уровень антисоциального поведения ребенка, образование его матери, раса и пол ребенка, возраст матери в момент его рождения, наличие в домохозяйстве отца, число детей в домохозяйстве и объем полученной ребенком эмоциональной поддержки и когнитивного стимулирования. Выяснилось, что, при выравненных всех прочих параметрах, увеличение телесного наказания на одну единицу в период 1 влечет за собой снижение индекса PIAT на 2,7 пункта в период 2. Это значит, что телесное наказание отрицательно влияет на учебные успехи, что весьма существенно для индивида и для

общества; образование — важная детерминанта экономического статуса и здоровья.

В другом исследовании (Straus, Paschall, 2009) ученые предположили, что применение телесных наказаний типа удара рукой или шлепанья коррелирует не только с ухудшением школьной успеваемости, но и с задержкой развития когнитивных способностей. В рамках National Longitudinal Study of Youth когнитивные способности 806 детей от двух до четырех лет и 709 детей от пяти до девяти лет были измерены в начале исследования и четыре года спустя. Показатели были сопоставлены с десятью родительскими и демографическими переменными. Оказалось, что дети, матери которых не прибегали или редко прибегали к телесному наказанию в момент 1, в обеих когортах когнитивно развивались успешнее детей, которых телесно наказывали. Чем больше телесных наказаний выпадало на долю ребенка, тем сильнее он отставал от своих нешлепанных ровесников.

Опираясь на эти и аналогичные данные, а также на мировую статистику об общем снижении уровня телесных наказаний и повышении умственных показателей, в статье «Различия в уровне родительских телесных наказаний у 32 наций и их отношение к национальным различиям в IQ» (Straus, 2009) Страус отважился на широкие социологические обобщения.

Он рассуждает следующим образом. Предыдущими исследованиями доказано, что чем больше дети получают телесных наказаний (ТН) в начале учебы, тем сильнее они отстают в своем когнитивном развитии четыре года спустя. Существуют также доказательства наличия мировых процессов ослабления родительских ТН и параллельного роста IQ. Это позволяет предположить, что снижение ТН частично объясняет мировой рост IQ.

Какие психологические механизмы связывают ТН с IQ? Разговоры родителей с ребенком, начиная с младенческого возраста, положительно коррелируют с увеличением нейронных связей в мозге и повышением умственных способностей ребенка. Родители, применяющие ТН, реже прибегают

к когнитивным методам контроля вроде объяснения ребенку, почему чего-то не нужно делать. Наоборот, чем меньше ТН, тем оживленнее словесное взаимодействие между ребенком и родителями, причем вербальная интеракция повышает умственные способности ребенка. Кроме того, ТН вызывают у ребенка страх и стресс, а если они повторяются регулярно (в США многих детей телесно наказывают до 12 лет), то снижают также и их умственные способности и учебные достижения. Согласно исследованию национально репрезентативной выборки взрослых американцев (Straus, Mathur, in press), даже после выравнивания образовательного уровня и профессии их родителей, чем больше дети получали ТН, тем меньший их процент окончил колледж.

Отсюда формулировка новой теории:

— чем выше уровень экономического развития, тем а) ниже ТН, б) меньше симптомов посттравматического стресса и в) выше средний национальный IQ;

— чем выше распространенность ТН, тем а) выше симптомы посттравматического стресса и б) ниже средний национальный уровень IQ.

Для проверки этих гипотез при поддержке Национального института психического здоровья Страус провел международный опрос студентов в 68 университетах 32 стран (в двух странах в Африке южнее Сахары, в семи — в Азии, в тринадцати — в Европе, в четырех — в Латинской Америке, в двух — на Ближнем Востоке, в двух — в Северной Америке и в двух — в Океании). Размеры каждой выборки колеблются от 9 до 4 553 человек. Российская выборка составила 457 человек из четырех университетов (Владивостока, Барнаула и двух университетов в Санкт-Петербурге). Общий объем выборки после отбраковки части анкет составил 17 404 человека, из которых 70% — женщины.

Уровень пережитых телесных наказаний определялся согласием (от «полностью не согласен» до «совершенно согласен») с двумя суждениями: «До 12 лет мои родители много шлепали или били меня» и «Когда я был подростком, мои мать или отец много били меня».

Межнациональный разброс, естественно, оказался большим. Маленьких детей всюду бьют чаще или сильнее, чем подростков, а мальчиков — чаще или сильнее, нежели девочек. Но и самые мягкие формы ТН коррелируют с усилением симптомов посттравматического стресса, их не ослабляет даже «позитивное родительство». По мнению Страуса, это подтверждает вредность любых ТН, которые объективно тормозят процессы модернизации; напротив, полное запрещение ТН предвещает повышение уровня национального IQ и ускорение общественного развития.

При всей моей симпатии к модернизации и неприязни к телесным наказаниям эта причудливая смесь социологии с психологией доверия у меня не вызывает. Видимо, Страус и сам понимает, что увлекся. Хотя, по его словам, результаты исследования «соответствуют теоретической модели», он готов считать их лишь предварительными. Почему?

1. Недостаточно строг статистический анализ.

2. Студенческие подвыборки нерепрезентативны и неоднородны, что не позволяет судить о различиях ни между странами, ни между университетами, ни между категориями студентов. Добавлю к этому, что сильный перекося в «женскую» сторону не позволяет судить и о гендерных различиях.

3. Недостаточно определены как понятие ТН, так и формулировка вопросов. Что значит «много» били? Вряд ли студенты из 32 стран одинаково понимают слова «шлепать» и «бить», которые и по-английски неоднозначны.

4. Всё, начиная с оценки частоты наказаний и кончая симптомами «посттравматического стресса», покоится на самоотчетах респондентов. Какой психиатр примет такую диагностику всерьез?

Предложенная Страусом теоретическая модель предполагает, что сопровождающее экономическое развитие уменьшение ТН напрямую причинно связано с повышением IQ, а ТН всегда переживается детьми как травматический стресс. Однако ни то ни другое теоретически не доказано и, скорее всего, фактически неверно. К тому же известно, что IQ имеет генетический компонент.

Более аккуратные исследователи-психологи широких обобщений избегают, отрицательные последствия телесных наказаний выглядят у них не столь глобальными и более нюансированными. Тем не менее они есть. Например, психологи под руководством Лисы Берлин (Berlin et al., 2009) опросили 2 573 белых, афроамериканских и мексикано-американских матери из бедной среды, как часто они шлепают своих годовалых детей, и сравнили психологические показатели этих детей год и два года спустя. Выяснилось, что дети, которые в годовалом возрасте обнаруживали суетливость и беспокойство, во всех трех возрастах получали больше телесных и вербальных наказаний, чем другие. Предсказать последующее развитие годовалых детей по степени их агрессивности и когнитивным свойствам не удалось. Зато дети, которых шлепали в годовалом возрасте, в два года оказались агрессивнее своих нешлепанных ровесников, а в три года имели худшие показатели по интеллектуальному тесту. Это значит, что телесные наказания в раннем детстве могут иметь долгосрочный отрицательный эффект.

О возможном вреде *сильных* телесных наказаний заговорили и нейробиологи. Известно, что сильные телесные наказания в детстве, подобно другому насилию, являются хроническим и мощным стрессором, который может способствовать развитию депрессии, агрессивности и аддиктивному поведению (наркозависимости). Недавнее исследование с помощью магнитно-резонансной томографии (МРТ) показало, что они могут повлиять даже на структуру мозга (Tomoda et al., 2009). Из 1 455 молодых, от 18 до 25 лет, взрослых были отобраны 23 человека, которые в детстве (до двенадцати лет) длительное время (не меньше трех лет) систематически (не меньше двенадцати эпизодов в год) подвергались серьезным телесным наказаниям типа порки ремнем, головной щеткой и т. п.). Контрольная группа состояла из 22 здоровых молодых людей, которых в детстве не пороли. Сканирование мозга обеих групп показало, что у первой группы меньше серого

вещества, от которого зависит самопознание, восприятие других людей и внутренний мониторинг собственных действий. Это исследование было сугубо академическим, его выводы могут не распространяться на более редкие и менее суровые наказания, завершившиеся в более раннем (до шести лет) возрасте. Не исключена и возможность того, что уменьшенное количество серого вещества *предшествовало* поркам и как-то повлияло на поведение этих детей, вследствие чего они и оказались в группе риска по продолжительности или силе телесных наказаний. Выяснить это можно только с помощью сложных лонгитюдных исследований. Тем не менее вопрос вынесен на профессиональное обсуждение.

От идеологии к методологии

Научные споры о последствиях телесных наказаний являются не только идеологическими, но и методологическими.

Что считать телесными наказаниями? В свете жестоких пороков XIX в. материнские шлепки кажутся безобидной лаской. Неужели они тоже вредны? По мнению Страуса и его единомышленников, да. Между тем самые весомые доказательства отрицательных последствий касаются сильных и систематических телесных наказаний.

По убеждению Совета Европы, разница в степени наказания непринципиальна. Документ «Строительство Европы для детей и вместе с детьми» (июнь 2008 г.) прямо отвергает мнение, что «есть большая разница между побоями и легким шлепком»:

«С точки зрения закона, эта разница значения не имеет! Удар сильнее и больнее шлепка, но и то и другое квалифицируется как насильственное действие, нарушающее право ребенка на уважение его человеческой личности. Общество не делает разницы, пытаясь оправдать тот или иной уровень насилия в тех случаях, когда оно обращено против женщин или престарелых людей. Так почему же это различие должно

учитываться, когда речь идет о детях? Кроме того, здесь явно прослеживается опасная попытка установить связь между чувством любви и побоями. Выражение “легкий шлепок” содержит в себе худшее из противоречий. Этот, на первый взгляд, невинный оборот выполняет роль дымовой завесы, за которой могут скрываться нарушения прав человека».

Для политиков и моралистов это рассуждение убедительно. Да и как объективно оценить силу шлепка или удара? Вряд ли кому-нибудь придет в голову прикреплять к бьющей руке силомер или измерять чувствительность детской попы, которая может оказаться неодинаковой у детей разного возраста и у девочек и мальчиков. Но для психолога, социолога, а порой и юриста тут есть проблема. Подвижность и условность граней не означает их отсутствия. Уголовное право различает тяжелые и легкие телесные повреждения. «Насилие», «принуждение» и «соблазнение» — не одно и то же. Законодательство большинства стран различает легальные «платные сексуальные услуги» и криминальную «торговлю людьми». Но главное даже не в этом: характер деяния и его психологические последствия сильно зависят от контекста, причем не только «объективного», но и субъективного, воспринимаемого.

Исследования, рассматривающие эффект телесных наказаний вне их социокультурного и личностного контекста, статистически недоказательны и психологически неубедительны. Именно это подчеркивают Диана Баумринд и Роберт Ларзелер, которых я упоминал в другой связи. Хотя критика ими шведского опыта по отмене телесных наказаний кажется мне неубедительной и идеологически пристрастной, их методологическую полемику со Страусом я должен признать обоснованной.

Главный вопрос, который при этом обсуждается: насколько можно полагаться на корреляционные исследования? Страус и Гершофт говорят, что современная наука является не детерминистской, а пробабилистской (вероятностной). Принимаемые все большим числом стран запреты курения основаны прежде всего на статистической корреляции меж-

ду курением и раком легким, составляющей в среднем 40. Средняя корреляция между телесным наказанием и физическим насилием над детьми несколько ниже — 33, а между шлепаньем и детской агрессивностью — 18. Это не так много, но статистически значимо.

Ларзелер и Баумринд (Larzelere, Baumrind, 2010) на это возражают, что «насилие над детьми» и «телесное наказание» не одно и то же. Если убрать из поведенческой статистики данные о более жестких наказаниях, чем шлепки, соответствующие статистические корреляции зачастую сходят на нет. Сравнение их с корреляциями между курением и раком легких и вовсе не выдерживает критики. Законодательное ограничение курения основывается не столько на парных корреляциях, сколько на многочисленных биомедицинских исследованиях, прослеживающих а) динамику развития рака и б) последствия курения в лабораторных условиях и в клинике. О биологических процессах, опосредующих вредное воздействие курения на легкие курильщика, как бы ни различались индивидуальные результаты, наука знает очень много. О телесных наказаниях таких данных нет, их вред доказывается лишь парными корреляциями или, в лучшем случае, временной последовательностью. Но «после этого» не значит «вследствие этого».

Ларзелер и Баумринд видят в исследованиях Страуса и другие методологические слабости.

Во-первых, это использование одного и того же источника (same-source bias): источником информации о примененных мерах наказания и их влиянии на ребенка является один и тот же человек, например родитель. Мать, которая рассказала интервьюеру, что она часто шлепает своего сына, в дальнейшем может пытаться оправдать это, преувеличивая агрессивность своего ребенка. Подобная склонность может искусственно завышать корреляции тех или иных воспитательных практик с отрицательными психическими свойствами, например с агрессивностью.

Во-вторых, это смешение эффективности телесного наказания с его частотой. Чем эффективнее любая дисципли-

нарная тактика, тем меньше потребности в ней возникает в будущем. Вопреки житейским представлениям, наиболее часто применяемое наказание является наименее эффективным, иначе его не пришлось бы повторять. Поэтому оценивать степень «вредности» того или иного наказания по частоте его употребления не следует.

В-третьих, лишь очень редкие исследования сравнивают поротых детей с непоротыми. Во многих выборках непоротых детей практически нет и быть не может. А сравнение детей только по частоте применявшихся к ним наказаний оставляет вне поля зрения все его качественные характеристики: интенсивность наказания, его связь с принятым в семье и обществе стилем воспитания и т. д.

Несмотря на их очевидный социально-педагогический (и не только) консерватизм, Ларзелер и Баумринд *не защищают телесные наказания*, а лишь подчеркивают, что эффективность любых наказаний можно понять только в контексте определенного стиля родительства. В этом отношении, как и во многих других, авторитетное родительство существенно превосходит авторитарное и перmissive. Однако негативные последствия телесного наказания проявляются лишь в тех случаях, когда дети ассоциируют его с родительской холодностью.

Для доказательства своей правоты Ларзелер провел вторичный анализ данных самого известного исследования Страуса о связи телесных наказаний и антисоциального поведения у шести-девятилетних детей (Straus, Sugarman, Giles-Sims, 1997). При этом выяснилось, что значительная часть негативного эффекта шлепанья касается и других способов наказания: трудные дети чаще заставляют родителей применять к ним все свои дисциплинарные возможности, в результате чего все методы наказания выглядят малоэффективными: «С ним просто сладу нет!»

«Дисциплинарная цель родителей должна состоять в том, чтобы как можно больше опираться на самые мягкие дисциплинарные меры, которые окажутся эффективными для поддержания соответствующего возрасту уровня ко-

операции. Вербальная коррекция и убеждение могут быть эффективны уже с двухлетними детьми, особенно если они применяются с пониманием и подкрепляются, в случае нужды, нефизическими последствиями. <...> Ключевой компонент научно обоснованного родительского воздействия на детей с оппозиционным вызывающим расстройством, расстройством поведения и синдромом дефицита внимания и гиперактивности (все это — термины детской психиатрии. — И. К.) — таймаут (временное выключение ребенка из деятельности. — И. К.). Единственный случай, когда шлепанье оказалось эффективнее других способов воздействия, — применение его к двух-шестилетнему ребенку, чтобы навязать ему таймаут, которому тот не желал подчиниться» (Larzelere, Cox, Smith, 2010).

«На первом году жизни ребенка нельзя шлепать никогда, а до полутора лет — редко, если вообще возможно. Родители должны добиться того, чтобы дети знали, что любая коррекционная дисциплина мотивирована любовью и заботой о них. Родители также не должны применять слишком суровое наказание, физическое или нефизическое. Наконец, всякое наказание нужно применять так, чтобы уменьшить потребность в нем в будущем. Все дети разные, не всякая дисциплинарная тактика одинаково хорошо сработает с каждым ребенком или с тем же ребенком в разных ситуациях» (Larzelere, Baumrind, 2010).

Защитники розги так не рассуждают.

Если упростить вопрос, можно сказать, что по мнению Страуса всякое телесное наказание приносит ребенку вред, поэтому его нужно запретить, тогда как по мнению его оппонентов эффект любого наказания зависит от целого ряда обстоятельств, поэтому однозначный запрет нежелателен.

За спорами о методологии отчасти скрываются профессиональные различия. Социологам, политологам и обществоведам позиция Страуса импонирует своей четкостью, радикальностью, соответствием требованию ООН о немедленном запрете телесных наказаний. Детские психологи, для которых это вопросы повседневной практики, настрое-

ны более скептически. В 2003 г. популярный американский психологический журнал включил статью Страуса, Шугермана и Симс в список «Двадцать статей, которые потрясли детскую психологию» (Dixon, 2003). В принципе, это был престижный перечень, включавший известных авторов, но не столько самых солидных, сколько наиболее сенсационных публикаций. Страус обиделся, воспринял это как иронию и знак нежелания американских психологов реагировать на тревожные явления общественной жизни. Однако некоторые социологи-теоретики критиковали прямолинейность теоретико-методологических позиций Страуса и раньше (Loseke, 1999).

ВОЗВРАЩАЯСЬ К СОЦИУМУ

Оценить эффективность отдельного способа наказания глобально, вне общего социализационного контекста, за которым стоит культура в широком смысле этого слова, принципиально невозможно.

Антропологические данные и сравнительные кросскультурные исследования показывают, что

а) выбор отдельно взятым родителем тех или иных наказаний всегда так или иначе соотносится с существующими на сей счет социально-культурными представлениями и нормами;

б) конкретные родительские практики могут по-разному влиять на поведение детей в зависимости от культурных контекстов, в которых эти практики происходят. Влияние любого наказания на конкретного ребенка зависит как от того, что считается нормативным, «правильным» в данной культуре, так и от того, как это воспринимает и какие мотивы приписывает родителям сам наказываемый ребенок. Главная переменная здесь — семейный и вообще нормативный контекст (Lansford, 2010).

Эти мысли развивает специалист по психологии развития и одновременно автор целого ряда сравнительных,

кросскультурных исследований семьи, детства и юности из Дьюкского университета Дженнифер Лансфорд (Lansford et al., 2004; Lansford et al., 2005; Lansford, Dodge, 2008; Lansford et al., 2009). Позволю себе подробно изложить ее выводы.

Смысл, который дети придают телесным наказаниям, зависит от культурного контекста, в котором они применяются. Если физическое наказание является нормой в данной культуре, дети могут верить, что телесные наказания применяются в их собственных высших интересах, и это может служить буфером против негативных последствий телесных наказаний (Deater-Deckard, Dodge, 1997). Напротив, если телесное наказание в данном культурном контексте не является нормой, дети могут думать, что их родители себя не контролируют, и это отягощает последствия наказаний, заставляя ребенка считать, что родители его не любят. А поскольку, согласно теории атрибуции, ненормативный опыт имеет большую информативную ценность, чем нормативный, дети интерпретируют родительское поведение именно так.

Эти различия существуют как между культурами, так и внутри одной и той же культуры. Например, в афроамериканских семьях США телесные наказания считаются более нормальными и применяются чаще, чем в белых семьях, но поскольку эта практика для них нормативна, она не имеет для детей таких долгосрочных отрицательных последствий, как в белых семьях. Такие высокие корреляции между телесными наказаниями в раннем детстве и позднейшим девиантным поведением, как в белой среде, в афроамериканских семьях отсутствуют, подкрепляя мнение об их «безвредности». То же показало исследование материнских телесных наказаний в шести странах (Китае, Индии, Италии, Кении, Филиппинах и Таиланде). В странах, где телесное наказание более нормативно, оно вызывает у детей меньше отрицательных последствий, нежели там, где оно считается исключительным. Хотя более частое применение телесных наказаний коррелирует с более высокими уровнями детской агрессивности и тревожности во всех шести странах, самые

высокие корреляции такого рода наблюдаются в странах, где телесные наказания наименее типичны (Lansford, Chang et al., 2005).

Каков практически-политический вывод? «Даже если эффекты телесного наказания зависят от контекста, в котором оно применяется, доказательств благотворного влияния телесных наказаний слишком мало, чтобы оправдывать их применение. Поэтому в глобальной перспективе вывод для закона и политики заключается в том, что общества обязаны предотвращать все формы насилия над детьми, включая телесные наказания» (Lansford, 2010).

К тем же заключениям приходят и новейшие кросскультурные исследования. Как пишут Карен Рипол-Нуньес и Роналд Ронер (Ripoll-Núñez, Rohner, 2006), чтобы полностью оценить влияние телесного наказания на детей, нужно учитывать не только частоту (или распространенность) и суровость (или интенсивность) наказания, но еще по крайней мере шесть других переменных:

- родительское объяснение или обоснование того, почему ребенок наказывается;
- срок наказания (сколько времени прошло после обнаружения проступка);
- предсказуемость наказания;
- воспринимаемая справедливость наказания;
- воспринимаемая заслуженность наказания;
- последовательность наказания (всегда ли оно осуществляется одинаково).

Все эти понятия многомерны и многозначны. Ронер особо подчеркивает, что «кажущаяся прямая связь между наказанием и плохой психологической адаптацией ребенка существенно уменьшается или даже исчезает, если мы принимаем во внимание опосредующее (то есть не прямое) влияние воспринимаемого родительского (материнского и отцовского) принятия/отвержения».

Социально-педагогические «уроки» Ронера не столь категоричны, как выводы Страуса, и сводятся к трем главным тезисам:

1) большую часть отрицательных воздействий на развитие ребенка производит не само по себе телесное наказание, а наказание, которое воспринимается ребенком как проявление его отвержения родителями;

2) культурные факторы не отменяют склонности детей ассоциировать частые и суровые наказания с родительским отвержением;

3) телесное наказание в любящих семьях, по-видимому, не имеет выраженных отрицательных последствий для психологической адаптации детей. Однако это не означает принятия телесного наказания в качестве первичной дисциплинарной техники, особенно с учетом того факта, что родителям доступны также многие нефизические дисциплинарные техники, такие как таймаут и объяснение (Rohner, 2006).

По сравнению со Страусом, Ронер выглядит конформистом, но это только кажется. Страус ставит перед обществом «отрицательную» задачу — устранение телесных наказаний, тогда как Ронер говорит о социальной необходимости ответственного и любящего родительства, причем отцовская любовь кажется ему не менее важной, чем материнская. Это более сложная задача, одними политическими мерами она не решается.

В этой главе я показал только верхушку айсберга. Чтобы оценить все его параметры, нужен сложный технический анализ соответствующих публикаций. Это далеко превосходит мои возможности. Но главное не в деталях.

Какая бы жесткая полемика ни разворачивалась в мире по поводу телесных наказаний, ни один серьезный ученый-исследователь не говорит о них доброго слова. Почти все считают, что телесные наказания отжили свой век и должны уступить место другим способам социализации. Правда, одни думают, что это можно сделать уже сейчас, с помощью законодательного запрета, а другие — что это долгий и длительный процесс, темпы и формы протекания которого в разных странах и средах есть и будут неодинаковыми. Как социологу и антропологу вторая точка зрения кажется мне более убедительной.

Впрочем, даже для «радикала» Страуса законодательный запрет телесных наказаний — не красногвардейский штурм Зимнего, после чего всех несогласных родителей поволокут в кутузку, а лишь звено длительного процесса переубеждения и самовоспитания. «Юридический запрет телесного наказания был важным шагом в прекращении битья детей родителями в Швеции. Важно признать, что это было достигнуто не с помощью уголовного наказания, а путем информирования и помощи родителям. Если будущие правовые изменения в других странах попытаются покончить с телесными наказаниями посредством наказания пользующихся ими родителей, а не путем информирования и оказания родителям помощи в том, чтобы исправлять плохое поведение детей ненасильственным, это было бы несовместимо с социальными изменениями и гуманитарными целями, лежащими в основе движения против телесного наказания» (Straus, 2010).

Мне кажется, что здесь есть база для политического и социально-педагогического консенсуса.

Подведем итоги.

1. В последние десятилетия в мире проведено множество социологических, психологических и социально-педагогических исследований, оценивающих степень эффективности и побочные последствия телесных наказаний.

2. За исключением христианских фундаменталистов, базирующих свои суждения на традиции и личном опыте, все экспертные оценки телесных наказаний отрицательны. Разница заключается лишь в том, что одни считают *все* телесные наказания вредными, другие устанавливают некую градацию, в свете которой *некоторые* телесные наказания (например, шлепки в отличие от ремня или розги) *при некоторых условиях* признаются допустимыми и/или неустраиваемыми.

3. Телесные наказания в целом не более, а часто менее эффективны, чем другие дисциплинарные средства. Они имеют больше возрастных ограничений (даже те, кто их признает, возражают против телесного наказания детей

младше полутора-двух лет и подростков старше двенадцатитринадцати лет). Телесные наказания имеют значительно больше нежелательных побочных результатов, чем другие наказания.

4. Существуют многочисленные статистические корреляции, а иногда и причинная связь между телесными наказаниями ребенка и его агрессивностью, склонностью к насилию и антисоциальному поведению.

5. Телесные наказания существенно повышают риск причинения ребенку физических травм и часто являются замаскированным физическим насилием над ребенком.

6. Частые и интенсивные телесные наказания отрицательно влияют на психическое состояние и здоровье ребенка, они могут быть основной или сопутствующей причиной депрессии, тревожности и ряда других расстройств, причем не только в детском возрасте, но и у взрослых.

7. В современном обществе, где телесные наказания перестали быть всеобщей обязательной практикой, они могут существенно осложнять взаимоотношения ребенка с его родителями и воспитателями. Это особенно касается подростков.

8. Влияние телесных наказаний на учебную успеваемость, когнитивные процессы и умственные способности ребенка проблематично.

9. Оценить влияние на личность ребенка отдельно взятой дисциплинарной практики, вроде телесного наказания, принципиально невозможно. Ребенка можно ни разу в жизни пальцем не тронуть, но если все время говорить ему, что он туп и ни на что не годен, последствия будут такими же. Влияние на ребенка любых воздействий зависит от целой системы опосредований, социальной ситуации развития и т. д.

10. Ключевым моментом является не частный прием, а то, как он вписывается в конкретный стиль родительства и характерные для данного общества и среды закономерности социализации.

11. Законодательное запрещение телесных наказаний — важная политическая установка, фокусирующая в себе мно-

жество социально-педагогических и философских проблем. Но для теоретического их осмысления этот подход слишком узок. За «кризисом телесного наказания» стоит гораздо более емкий кризис авторитарного воспитания, и что с ним делать — общество не знает.

Глава 6 ПОРКА КАК УДОВОЛЬСТВИЕ

Ничего прекрасней детства
Человеку не дано.
Свет его сквозь годы мчится
В подрастающей душе.
Знай, что в каждом взрослом сердце
Есть заветный уголок,
Там калачиком свернулся
Папин старенький ремень.

Григорий Остер

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В СЕКСОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Один из самых деликатных и острых аспектов нашей темы — связь телесных наказаний с сексуальностью.

То, что порка может вызывать сильное эмоциональное возбуждение, имеющее явные, хотя не всегда осознаваемые сексуальные компоненты, известно с незапамятных времен. Общеизвестные примеры — средневековые флагелланты, «бичующиеся» (от лат. *flagellare* — хлестать, сечь, бить, мучить) и русские «хлысты» XIX в. Вызванный поркой экстаз может быть и чисто сексуальным, без всякой религиозной мистики (эротическая порка).

Так как сексуальные аспекты порки многообразны, необходимо разграничить связанные с нею вопросы.

Во-первых, каковы сексуальные переживания и мотивы лица, осуществляющего наказание? Физическое наказание — весьма интимный психологический процесс, вызывающий у обоих участников сильное эмоциональное возбуждение, которое усиливается в ходе их взаимодействия. Очень часто это возбуждение изначально бывает сексуальным или же становится таковым в процессе порки. Мы видели это на многочисленных исторических и литературных примерах. Английские школьники не сомневались

в сексуальных мотивах некоторых своих учителей. Телесное наказание ребенка очень часто, осознанно или неосознанно, является средством сексуальной разрядки или сексуального удовлетворения взрослого. В этом случае порка не просто насилие над ребенком, а форма сексуального насилия. Может ли взрослый контролировать свои сексуальные реакции и как все это выглядит в свете норм морали и права?

Во-вторых, каковы сексуальные переживания *жертвы*? Телесные наказания вызывают у ребенка чувство зависимости и незащитности, которое усиливается унижительным оголением. Ягодицы, по которым чаще всего бьют детей, расположены близко к гениталиям, многие культуры табуируют их обнажение. Эмоциональное возбуждение в сочетании с чувством стыда легко вызывает у детей эротические переживания, которые у мальчиков проявляются в форме эрекции, а у девочек в виде оргазма (на последнее, в качестве аргумента против физического наказания девочек, обращал внимание уже Вольтер). Плюс возбуждение от причиняемой боли. Но это разные факторы. Сексологический анализ телесных наказаний предполагает уточнение того, что именно вызывает сексуальное возбуждение ребенка:

- 1) чувство зависимости и беспомощности («разложили», «связали», «подвесили»);
- 2) унижение и стыд в связи с оголением, нарушением телесной и сексуальной неприкосновенности;
- 3) физическое прикосновение к гениталиям и интимным частям тела;
- 4) физическая боль;
- 5) соотношение гендерного статуса наказуемого и наказующего;
- 6) соотношение социально-возрастного статуса наказуемого и наказующего;
- 7) наличие зрителей, которое многократно усиливает связанные с поркой переживания;
- 8) возраст ребенка (начиная с какого возраста порка может вызывать у него сексуальное возбуждение).

В-третьих, каковы сексуальные переживания зрителей? Мы видели выше, что телесные наказания часто бывают публичными, причем их восприятие имеет выраженную эротическую окраску. Хотя мемуаристы и писатели редко признаются в этом, так как данные сюжеты запретны и саморазоблачительны, в описании телесных наказаний всегда присутствует идентификация с тем, кто порет, или с жертвой, или с обоими вместе. Упоение властью и зависимостью может быть одинаково притягательно, а отсутствие непосредственной физической боли может даже усиливать эротические реакции. Это один из главных «воспитательных» эффектов телесного наказания.

В-четвертых, и это самый сложный вопрос, каковы *долгосрочные последствия телесных наказаний*? Как детский опыт сказывается на сексуальных реакциях, желаниях и сексуальном сценарии взрослого, не сделает ли его порка садистом, мазохистом, гомосексуалом, педофилом или эфебофилом? Можно ли этот эффект смягчить или исправить, или же, как сказал английский писатель Хью Уолпол, «трагедия детства в том, что его катастрофы вечны»?

От Руссо до Сологуба

О том, что сексуальное возбуждение и воображение многих людей подпитывается поркой, известно с незапамятных времен. Эта тема всегда занимала важное место в коммерческой эротике. Но как связано формирование этой потребности с детским опытом, и с каким именно? В прошлом пороли практически всех детей, между тем привязанность к порке возникала лишь у некоторых. «Порядочные люди» рассказывать об этом стеснялись, а без обмена опытом как узнать, ты один такой или нечто подобное переживают и другие?

В XVIII в. положение стало меняться.

Французский аристократ маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (1740—1814) не только подробно описал

свои жестокие фантазии, но и возвел их в ранг философии. Однако подробных сведений о своем детстве он не оставил, из его произведений мы знаем, что его возбуждало, но когда и как это у него началось, неизвестно.

Первым знаменитым европейцем, который отважился поведать публике свою сексуальную историю, был Жан Жак Руссо (1712—1778). Согласно «Исповеди» философа, ключевым событием его психосексуальной биографии стала его порка в восьмилетнем возрасте (на самом деле ему было в то время одиннадцать лет) воспитательницей мадмуазель Ламберсье.

«Так как мадемуазель Ламберсье любила нас, как мать, она пользовалась и материнской властью, простирая ее до того, что подвергала нас порой, когда мы этого заслуживали, наказанию, обычному для детей. Довольно долго она ограничивалась лишь угрозой, и эта угроза наказанием, для меня совершенно новым, казалась мне очень страшной, но после того, как она была приведена в исполнение, я нашел, что само наказание не так ужасно, как ожидание его. И вот что самое странное: это наказание заставило меня еще больше полюбить ту, которая подвергла меня ему. Понадобилась вся моя искренняя привязанность, вся моя природная мягкость, чтобы помешать мне искать случая снова пережить то же обращение с собой, заслужив его; потому что я обнаружил в боли и даже в самом стыде примесь чувственности, вызывавшую во мне больше желания, чем боязни снова испытать это от той же руки. <...> Повторение, которое я отдалял, боясь его, произошло без моей вины, то есть помимо моей воли, и я им воспользовался, могу сказать, с чистой совестью. Но этот второй раз был и последним, — мадемуазель Ламберсье, несомненно, заметив по какому-то признаку, что это наказание не достигает цели, объявила, что она от него отказывается, так как оно слишком утомляет ее».

Двух небольших пороков оказалось достаточно, чтобы у Руссо сформировались две непреодолимые страсти, которые в дальнейшем назовут эксгибиционизмом и мазохизмом.

Мечтая получить желанные шлепки, юный Жан Жак прятался в темных аллеях, выставляя наружу голый зад, в надежде, что какая-нибудь проходящая мимо девушка его отшлепает. Увы, этого не произошло. Даже когда Руссо повторил этот опыт у колодца, в присутствии нескольких девушек, они просто над ним посмеялись.

Тем не менее его сексуальная судьба была решена.

«Рисуя в воображении лишь то, что перечувствовал, я, не смотря на кипение крови, причинявшее мне сильное беспокойство, мог устремлять свои желания только к известному мне виду сладострастия, никогда не доходя до другого... В своих глупых фантазиях, в своих эротических исступлениях я прибегал к воображаемой помощи другого пола, не подозревая, что он пригоден к иному обращению, чем то, к которому я пламенно стремился.

Таким образом, обладая темпераментом очень пылким, очень сладострастным, очень рано пробудившимся, я тем не менее прошел возраст возмужалости, не желая и не зная других чувственных удовольствий, кроме тех, с какими познакомила меня, совершенно невинно, мадемуазель Ламберсье, а когда время сделало меня наконец мужчиной, случилось так, что меня опять спасло то самое, что должно было бы погубить. Моя прежняя детская склонность, вместо того чтобы исчезнуть, до такой степени соединилась с другой, что я никогда не мог отделить ее от желаний, зажженных чувственностью. И это безумие, в сочетании с моей природной робостью, делало меня всегда очень неприступным с женщинами; у меня не было смелости все сказать или возможности все сделать, ибо тот род наслаждения, по отношению к которому другое было для меня лишь последним пределом, не мог быть самостоятельно осуществлен тем, кто его желал, ни отгадан той, которая могла его доставить. Всю жизнь я вожделем и безмолвствовал перед женщинами, которых больше всего любил. Никогда не смея признаться в своей склонности, я, по крайней мере, тешил себя отношениями, сохранявшими хотя бы представление о ней. Быть у ног надменной возлюбленной, повиноваться ее приказаниям, иметь повод просить у нее про-

щения — все это доставляло мне очень нежные радости; и чем больше мое живое воображение воспламеняло мне кровь, тем больше я походил на охваченного страстью любовника. Понятно, что этот способ ухаживания не ведет к особенно быстрым успехам и не слишком опасен для добродетели тех, кто является их предметом».

Другие классики европейской литературы, одержимые болезненной страстью к порке, предпочитали описывать ее обобщенно, в художественных образах, предоставляя делать заключения о происхождении и степени реализации их фантазий своим биографам.

В английской литературе XIX в. самая крупная фигура этого плана — упоминавшийся выше поэт Алджернон Чарлз Суинберн (1837—1909). Порка была для него навязчивым кошмаром. Многие посвященные ей стихи Суинберна опубликованы лишь после его смерти, хотя при жизни автора распространялись в списках («Первая порка мальчика» и «Порка Чарли Коллингвуда»). Как возникло это пристрастие, мы не знаем. В неоконченном автобиографическом романе «Лесбия Брэндон», который Суинберн начал писать в 1864 г. и который тайно ходил по рукам среди его друзей в семидесятые годы, но был опубликован только после смерти поэта, есть две яркие сцены порки мальчика домашним учителем.

Дополнительную пикантность эпизоду придает то обстоятельство, что воспитатель испытывает сильное влечение к старшей сестре мальчика. Суинберн описывает переживания не столько мальчика, сколько воспитателя, который во время порки все больше звереет, явно получая от избиения ребенка эротическое удовольствие. Никакой симпатии к этому человеку маленький Герберт, которого Суинберн писал с себя, не испытывает. Но хотя мальчик страдает от жестокой порки, после нее он вдруг почувствовал удовольствие:

«Мальчик всхлипывал и вздрагивал при каждом ударе, чувствуя, что его глаза наполняются слезами и краснеют от слез; но удары жгли его, как огонь. Сгорая одинаково от стыда и от боли, он прятал свое горячее влажное лицо между

руками, кусал свой рукав, пальцы, все, что подвернется; его десны, подобно розге, сочились кровью, он предпочитал кусать плоть своих рук, нежели громко кричать...» Зато потом «все блаженство и боль этого дня вдруг расцвели в нем и принесли плоды» (Swinburne, 1952).

Биографы поэта (Rooksby, 1997) допускают, что эта сцена придуманная, воображаемая. В годы обучения в Итоне и затем в Оксфорде интерес Суинберна к теме усугубился. В письме от 1867 г. он писал, что две самые интересные вещи в Итоне — это река и эшафот для порки. По признанию поэта, наставник (тьютор) жестоко его порол, однажды следы порки сохранялись больше месяца. Что не помешало ему позже посещать в Лондоне специальный бордель, написать форменную оду порке и выступать против отмены телесных наказаний — только не палкой, которая оставляет синяки, а розгой. По словам биографа Суинберна, итонские библиотекари и сейчас мягко отговаривают школьников, желающих увидеть оригинал рукописи «The Flogging Block».

Значительно более откровенен австрийский писатель барон Леопольд фон Захер-Мазох (1838—1895), прославившийся прежде всего описанием подобных переживаний. В своих воспоминаниях детства Захер-Мазох рассказывает:

«Устроившись в каком-нибудь темном и отдаленном закоулке дома, принадлежащего моей бабушке, я с жадностью поглощал жития святых, и, когда читал о пытках, которым подвергались мученики, меня бросало в озноб и я приходил в какое-то лихорадочное состояние...»

В десятилетнем возрасте на это наслоилося другое впечатление. Мальчик случайно подсмотрел, как тетка, в которую он был тайно влюблен, изменяла мужу с красивым молодым человеком, а когда муж в сопровождении двоих друзей ворвался в комнату, ударила его кулаком и выгнала всех троих мужчин, а заодно и любовника, вон.

«В этот момент злосчастная вешалка упала на пол, и вся ярость г-жи Зиновии излилась на меня.

— Как! Ты здесь прятался? Так вот же я научу тебя шпионить?

Я тщетно пытался объяснить свое присутствие и оправдаться: в мгновение ока она растянула меня на ковре; затем, ухватив меня за волосы левой рукой и придавив плечи коленом, она принялась крепко хлестать меня. Я изо всех сил стискивал зубы, но, несмотря ни на что, слезы подступили у меня к глазам. Но все же следует признать, что, корчась под жестокими ударами прекрасной женщины, я испытывал своего рода наслаждение <...>

Это событие запечатлелось в моей душе, словно выжженное каленым железом» (Захер-Мазох, 1992).

Самый знаменитый раб и одновременно поэт розги в русской литературе Федор Сологуб (1863—1927), в отличие от многих своих современников, не оставил после себя ни подробной автобиографии, ни воспоминаний, ни записных книжек. Его дневник то ли утерян, то ли уничтожен, а так называемая «Канва к биографии» скорее похожа на развернутый план романа. В то же время все его творчество имеет автобиографический характер, где красной чертой проходит тема эротической порки. Это прекрасно показано в книге М. М. Павловой, из которой заимствованы все последующие факты и цитаты (Павлова, 2007).

Все началось с детства. Мальчик рано потерял отца, а его мать, Татьяна Семеновна, считала главным средством воспитания порку и жестоко наказывала сына за малейшую провинность или оплошность. Своим суровым обращением мать стремилась привить сыну христианские добродетели — покорность и смирение, но фактически сформировала у него ярко выраженный садомазохистский комплекс. Описания материнской порки занимают центральное место в дневниках и интимной лирике не только юного, но и взрослого Кузьмы Тетерникова.

Истомившись от капризов
И судьбу мою дразня,
Сам я бросил дерзкий вызов:
— Лучше выпори меня.
Чем сердиться так сурово
И по целым дням молчать,

Лучше розги взять и снова
Хорошенько отстегать.
Мама долго не томила,
Не заставила просить,
Стало то, что прежде было,
Что случалось выносить.
Мне никак не отвертеться,
Чтоб удобней было сечь,
Догола пришлось раздеться,
На колени к маме лечь.
И мучительная кара
Надо мной свершилась вновь,
От удара до удара
Зажигалась болью кровь.
Правда страшная побоев
Обнаружилась вся:
Болью душу успокоив,
Я за дело принялся.

(27 октября 1889)

Порою свяжут. Распростерто
Нагое тело. Круто мне,
И бьется сонная аорта,
И весь горю я, как в огне.
И как мне часто доставался
Домашних исправлений ад!
Для этого употреблялся
Общедоступный аппарат,
Пук розог. Быстро покрывался
Рубцами обнаженный зад.

Спасть от этих жутких лупок
Не удавалось мне никак.
Что не считалось за проступок!
И мать стегала за пустяк.

<...>

Потом березовые плески;
Длиннее прутья, чем аршин;
Все гуще, ярче арабески,
Краснеет зад, как апельсин.
И уж достигла апогея
Меня терзающая боль,
Но мама порет, не жалея,
Мою пылающую голь.
Бранит и шутит: — Любишь кашу?
Ну что же, добрый аппетит.
Вот, кровью кашицу подкрашу,
Что, очень вкусно? Не претит?
(26 октября 1899)

После смерти матери (в 1894 г.) обязанности порки взрослого старшего брата взяла на себя его сестра. Ольга Кузьминична хорошо знала особенности психосексуальной жизни брата. Когда он работал учителем и жил вместе с матерью в Вытегре, эта тема откровенно обсуждалась в их переписке:

«Пиши, секли ли тебя и сколько раз». «Ты пишешь, что маменька тебя часто сечет, но ты сам знаешь, что тебе это полезно, а когда тебя долго не наказывают розгами, ты бываешь раздражителен, и голова болит». «Маменька тебя высекла за дело, жаль тебя, что так больно досталось, да это ничего, тебе только польза». «Маменька хорошо делает, что часто тебя сечет розгами, польза, даже и для здоровья».

Позже она заменила ему в этом качестве мать.

В «Канве к биографии» имеется запись: «1894—1907. Сестра. Секла дома, в дворницкой, в участке». Эту запись подтверждают стихотворения цикла «Из дневника»:

— Что топорщишься, как гоголь!
Не достать тебя рукой!
А скажи, вчера не строго ль
Обошлася я с тобой?
Вишь, инспектор, важный барин! —
Раскричалась сестра, —

А давно ли был отжарен
Розгачами ты? Вчера?
Дома ходишь босошлепом, —
Для смиренья так велю, —
А забылся, — по Европам
Розгами сейчас пошлю.
Я тебе теперь за дело
Пропишу и ой и ай!
Раздевайся-ка да тело
Мне под розги подставляй!
На колени положила,
Розги крепкие взяла,
И бранила, и стыдила,
Сорок розог мне дала.
И в одной из кар домашних
Мне опять пришлось реветь,
А на ссадинах вчерашних
Новая чертилась сеть.

(26 мая 1904)

Драматизм жизненной ситуации Сологуба усугублялся тем, что он 25 лет работал школьным учителем, а затем инспектором. Эта роль дает широкие возможности для злоупотребления властью.

В письме к сестре от 20 сентября 1891 г. Сологуб рассказывает:

«Пришел я к Сабурову (один из его учеников. — И. К.) в плохом настроении, припомнил все его неисправности, и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство, и строго приказал ей сечь его почаще».

Тот же эпизод рассказан в стихотворении, датированном 17 октября 1891 г.:

Вхожу. Подростка два босые
Встают, и кланяется мать.

В беседе с ней вины большие
Пришлось не долго разбирать.
По моему приказу бойко
Тотчас послушный Балашов
С таким усердьем выдрал Войка,
Что поднял тот прегромкий рев.
И на полу потом вот этом,
Где Войка розгами хлестал,
И Балашов лежал раздетым,
И Войк его усердно драл.
«Спасибо вам, что так вы строги!» —
Вдова меня благодарит,
Целует мне босые ноги,
Мальчишкам целовать велит.

Однако Сологуб не садист, а мазохист, он сам нуждается в порке. В стихах «Из дневника» его порют не только мать и сестра, но и соседские мальчишки и даже собственные ученики, причем всюду: в бане, в саду, в классе, на школьном дворе.

Вот четыре мальчугана
Подошли ко мне, смеясь.
Вижу их, как из тумана,
И смущаясь, и стыдясь.
Очень быстро обнажили,
И в минуту на полу,
Не стесняясь, разложили, —
И уж розги здесь, в углу.
Саша крепко держит руки,
Леша ноги захватил.

В ожиданье стыдной муки
Я дыханье затаил.
Петя слева, Миша справа
Стали с розгами в руках,

Начинается расправа,
Болью гонит стыд и страх.
Мне стерпеть не удастся,
И сквозь резкий свист ветвей
Крик и рев мой раздается
Громче все и все звончей.
(20 марта 1883)

На земле лежу я голый,
Крепко связанный. Беда!
В муке горькой и тяжелой
Я ору пред всею школой:
— Ой! Не буду никогда!
(19 апреля 1883)

В бане его порют четыре мальчика, причем вся соль в том, что

Все четыре мальчугана
Мной недавно были драны.
(6 февраля 1887)

Иногда экзекуцией распоряжается школьный инспектор. Допустить, что публичная порка учителя учениками могла происходить в реальной, сколь угодно заштатной школе, довольно трудно, скорее всего, это лишь мазохистская фантазия. Но любая человеческая сексуальность на девяносто процентов виртуальна.

Выше мы уже видели, как специфическая сексуальность Сологуба отразилась в его педагогической публицистике. Те же противоречия существуют в его художественном творчестве, включая и самый знаменитый его роман «Мелкий бес» (1902).

Действие романа разворачивается в уездном городе в последней четверти XIX в., в хорошо знакомой читателям до-революционной русской классики затхлой провинциальной атмосфере. Гимназический учитель словесности, статский советник Ардалион Борисович Передонов — типичный са-

дист, получающий удовольствие от телесного наказания мальчиков-гимназистов. Он специально ходит по домам своих учеников, доносит их родителям о несовершеннолетних мальчиками проступках, наслаждается, если мальчиков при нем за это порют, а на следующий день рассказывает их одноклассникам, как это все происходило, получая дополнительное удовольствие от смущения безвинно выпоротых гимназистов. Передонов не только садист, но и карьерист, мечтающий получить место инспектора, которое повысит его социальный статус и увеличит возможности сексуально злоупотреблять властью. Сечение детей розгами становится манией Передонова, его жизнь целиком подчинена этой идее, все, кто ему мешает, становятся его злейшими врагами. В конце концов мания приводит Передонова к поджогу театра и человекоубийству.

Хотя Сологуб сознательно наделяет Передонова некоторыми собственными чертами, этот человек ему глубоко ненавистен. В России начала XX в. «передоновщина» стала почти такой же общезначимой метафорой, как чеховский «человек в футляре». Но избавиться от своего сексуального наваждения автор романа не может. По словам М. Павловой, если учесть фрагменты, которые Сологуб изъясил (в частности, под нажимом редакции журнала «Вопросы жизни» были убраны описания наиболее жестоких экзекуций над гимназистами), порка пронизывает жизнь всех персонажей романа: Передонов и Клавдия секут Варвару, Передонов систематически бьет Варвару, Преполовенские секут Варвару, Нартанович сечет сына Владю и дочь Марту, Вершина и Владя секут Марту, Лариса Рутилова — сестру Людмилу, Дарья Рутилова — сестер Валерию и Людмилу, Людмила Рутилова — Сашу Пыльникову, Коковкина — его же, тетка Пыльникова — его же, Гудаевская и Передонов — Антошу Гудаевского, маленьких слесарят секут в участке. Причем эти сцены эмоционально весьма выразительны.

Работая над книгой, Сологуб даже составил специальную картотеку слов, устойчивых словосочетаний и синонимических рядов, связанных с темой телесных наказаний:

«Наказание розгами. Сечение. Дранье, дёрка, дёра. Порка, поронье. Стеганье, стёжка. Хлестанье. Березовая каша, лапша. Припарка. Жарёха. Дать жареху — Ряз., Кад., Выт. Наука; Высечь. Наказать телесно, на теле. Задницу в кровь. Пропутешествовать в Нидерланды. Поговорить с няней Розалией. Починить задницу. Проучить, прошколить розгами. Заднего ума прибавить. Посмотреть под рубашку. Блох попугать; Высечь розгами. Сечь, высечь, посечь, засечь. Драть, выдрать, отодрать, задрать. Пороть, выпороть, отпороть, запороть. Стегать, выстегать, отстегать, постегать. Хлестать. Отхлестать. Дать розог, жареху. Задать дёрку, дёру, порку. Задницу высечь, выдрать, выпороть, выстегать. Разжелудить. Прошколить розгами, заднего ума прибавить, посмотреть под рубашку, блох попугать. Спрыснуть. Угостить, накормить, попотчевать березовой кашей, лапшой. Дать розгачей, розочек. Дать горячих, горяченьких. Всыпать столько-то горячих. Дать лозанов. Задницу разругать, разрисовать, расписать. Наказать розгами (ою), лозою, лозами. Взъерепенить. Поддать жару. Отжарить, жарить. Лупить, лупсовать и т. п. ; Бить — хлестать, колошматить, таскать, заушить, отзвонить, утюжить, жарить, отжарить, поучить, наказать, колотить, шлепать, сечь, стегать, пороть, драть, хлопотать, влупить, всыпать, дать, задать (пороху, звону), шпандорить».

Более яркого литературного и одновременно автобиографического примера одержимости поркой я не знаю.

ВМЕСТО ЛИТЕРАТОРОВ — ПСИХИАТРЫ

Как бы ни были ярки и подробны литературно-художественные описания, они не могут раскрыть глубинные истоки описываемого ими явления. Откуда человеку знать, почему он стал таким, каким он стал?

В конце XIX в. вопрос о сексуальных истоках телесных наказаний стал научно-теоретической проблемой, которой занялись психиатры и судебные медики.

Австрийский психиатр Рихард Крафт-Эбинг (1840—1902) в книге «Сексуальная психопатия», выдержавшей с 1886 до 1907 г. тринадцать изданий, попытался систематически описать жизненный опыт и внутренний мир людей, сексуальность которых была жестко связана с потребностью причинять боль и страдания другим (по имени маркиза де Сада Крафт-Эбинг назвал это влечение садизмом) или, наоборот, самим переживать физические страдания (в честь Захер-Мазоха Крафт-Эбинг назвал это мазохизмом). Оказалось, что и то и другое связано с детским опытом, включая телесные наказания. Наказание розгами или зрелище телесных наказаний вызывают у мальчика первые порывы полового влечения, что побуждает его к мастурбации и создает вероятность закрепления неправильного, извращенного полового чувства. Это положило начало длительной дискуссии о соотношении врожденной, конституциональной предрасположенности к определенному типу сексуальности и способствующих этому случайных ассоциативных связей («научения»).

Собранные Крафт-Эбингом сексуальные истории весьма индивидуальны, причем разница существует не только между садистами и мазохистами, но и внутри каждой группы.

Одному его пациенту восьмилетним мальчиком, в школе, довелось стать свидетелем наказания своего товарища. Учитель зажал голову провинившегося между коленями и, обнажив заднюю часть его тела, нанес несколько ударов розгой. Это зрелище вызвало в пациенте сладострастное возбуждение. «Не имея ни малейшего представления об опасности и гнусности онанизма», он стал удовлетворять себя мастурбацией и предавался часто этому пороку, каждый раз воскрешая в своей памяти образ высеченного мальчика.

Другой приходил в половое возбуждение, присутствуя при сечении своих братьев отцом, а впоследствии школьников учителем. Созерцание подобного рода актов всегда вызвало у него сладострастные ощущения. Когда это случилось впервые, он точно сказать не может, но полагает, что приблизительно в шесть лет. Точно так же он не может обо-

значить, когда начал заниматься мастурбацией; утверждает, однако, с уверенностью, что половое влечение пробуждено было в нем бичеванием других лиц, бессознательно приведшим его к онанизму. Хотя с четвертого года жизни его самого неоднократно секли, этот акт вызывал в нем только чувство боли, но не сладострастные ощущения. Поскольку ему не всегда представлялся случай быть свидетелем наказания мальчиков, он в своем воображении рисовал различные сцены сечения, которые вызывали в нем сладострастные ощущения, заканчивавшиеся мастурбацией. В школе он старался не пропустить ни одного случая телесного наказания. Временами им овладевало сильное желание быть активным участником бичевания, и на двенадцатом году жизни он уговорил товарища, чтобы тот позволил ему высечь себя. Произведя экзекуцию, он испытал сильное сладострастное ощущение. Когда же после того они поменялись ролями, он ощутил только боль.

Не менее разнообразен опыт мазохистов.

Один пациент рассказал, что половое влечение появилось у него внезапно на седьмом году жизни, когда его высекли розгами. С десяти лет он начал предаваться мастурбации; при этом всегда думал о сечении; позже ночные поллюции сопровождались снами, связанными с бичеванием. И в бодрствующем состоянии у него всегда было желание быть высеченным.

Другой, напротив, утверждал, что мазохизм при всех обстоятельствах представляет явление прирожденное, а отнюдь не приобретенное, привитое:

«Я твердо знаю, что меня ни разу не секли по ягодицам, а между тем мазохистские представления появились у меня с самой ранней молодости, с тех пор, как я вообще стал мыслить. Если бы их возникновение было результатом какого-либо события в моей жизни, и в особенности бичевания, то я, несомненно, сохранил бы об этом воспоминание».

Третий считает, что его мазохизм начался с детских лет. Когда ему было пять лет, он заставлял маленьких девочек раздевать его и бить по ягодицам. Несколько позже он ста-

рался устраивать так, чтобы мальчики или девочки играли с ним в «школу» и в качестве учителей наказывали его. В пятнадцать лет он представлял себе, что девушки во время беседы соблазняли его и били (Крафт-Эбинг, 1996).

Таким образом, порка оказалась связанной с мастурбацией, садизмом, мазохизмом и гомосексуальностью, но взаимосвязь этих явлений неясна и неоднозначна.

Интересовался этой темой и психоанализ. По мнению Зигмунда Фрейда (1856—1939), все сексуальные вариации, которые он, в духе своего времени, называл извращениями (перверсиями), коренятся в особенностях детского развития и представляют собой остановку или возвращение к пройденным этапам развития. Опыт порки, которой Фрейд посвятил статью «Ребенка бьют» (1919) важен для формирования как садизма и мазохизма, так и гомосексуальности. Но существует ли между ними определенная причинная зависимость?

Хотя у пациентов Фрейда фантазия на тему битья детей была широко распространена, она появлялась у них в очень раннем возрасте, уже на пятом и шестом году жизни, до начала учебы в школе; встреча с учителем, наказывающим учеников, лишь пробуждает или усиливает ее.

Опыт родительских телесных наказаний также не имеет в данном случае решающего значения. Хотя восприятие сцен порки вызывало у пациентов Фрейда сексуальное возбуждение, они относились к ним с осуждением. Образ телесно наказываемого ребенка — *плод собственной фантазии* пациента, возникающей независимо от его жизненного опыта.

В этих фантазиях четко выражены эротически значимые моменты, например то, что «*маленького ребенка бьют по голой попе*». Избиваемые дети в фантазиях как девочек, так и мальчиков — почти всегда мальчики, причем фантазирующий ребенок наблюдает эту сцену отстраненно, «со стороны», ощущая себя не жертвой, а зрителем (Фрейд, 1992). Эти наблюдения Фрейда позже многократно подтверждались.

Пытаясь объяснить происхождение фантазий своих пациентов с точки зрения эдипова комплекса, Фрейд выделяет в качестве ключевого отцовский образ. Фантазия битья вытекает из инцестуозной привязанности к отцу и имеет разное значение для девочек и для мальчиков.

В дальнейшем психоаналитическая трактовка порки обогащается дополнительными символическими и филогенетическими ассоциациями. Карл Густав Юнг (1875—1961) проводит параллель между поркой и древними обрядами инициации: розга как фаллический символ причиняет боль и одновременно оплодотворяет посвящаемого. Это расширяет круг ассоциирующихся с поркой и вызываемых ею личных и коллективных эмоциональных переживаний и значений.

Британский зоолог и этолог Десмонд Моррис, автор бестселлера «Голая обезьяна» (1967), сопоставил позу подвергающегося порке мальчика (девочек в этой позе не пороли) с рецептивной позой, которая у многих животных, независимо от их пола, является также позой подчинения. Подставляя свою незащищенную попу взору доминантного самца-учителя, мальчик молит о снисхождении, но взрослый самец от этого только звереет. Окажется ли его реакция только агрессивной или также сексуальной — вопрос открытый.

В обсуждение природы телесных наказаний и связанных с ними фантазий включились историки, антропологи и семиотики. Вслед за историей порки и розги, а также фаллоса и пениса появляется история попы, вроде остроумной книги Жан-Люка Эннига (Энниг, 2006).

Обнаружение того, что садомазохистские фантазии являются массовыми и совсем не обязательно претворяются в насильственные действия, не могло не повлиять и на психиатрию. Поворотным пунктом в этом отношении стала книга знаменитого американского психиатра и психоаналитика Роберта Столлера (1924—1991) «Боль и страсть: психиатр исследует мир С и М» (Stoller, 1991).

Начав изучать С и М в качестве психиатра, Столлер скоро убедился в том, что никакой диагноз не в состоянии описать

многообразие этого явления. В результате ему пришлось на время превратиться в этнографа. По его словам, нет одного «садомазохизма», есть много разных садомазохистских перверсий. Нужно избегать любых теорий, которые претендуют охватить все садомазохистское поведение. Садомазохизм явно или скрытно, в большей или меньшей степени является компонентом всех перверсий и, возможно, всех эротических фантазий и действий. Добровольные, консенсуальные садомазохисты в своей эротической игре не насилуют, унижают или пытаются друг друга, а дразнят (тантализировать) и затем удовлетворяют друг друга. Их очевидная странность лишь театр; хотя причиняемая боль может быть чрезвычайно сильной, она не содержит жестокости, присутствующей в эротическом и неэротическом поведении многих обычных людей. Юмор и садомазохизм тесно переплетаются. Более того, юмор — это неэротическая форма садомазохизма. Но шутка о расквашенном носе не то же самое, что удар по носу. Садомазохистские перверсии — не проявления враждебности, как жестокость или вина, а напротив, успешная защита против агрессивных импульсов.

Главная идея Столлера: нужно разграничивать «консексуальное» (основанное на взаимном согласии) садомазохистское поведение от патологического. Отсюда — необходимость критического отношения к понятию «нормы», включая распространенное убеждение, что все «ненормальное» поведение «фундаментально неудовлетворительно».

Книга Столлера вызвала оживленную дискуссию, в результате которой многие психиатры и психоаналитики скорректировали свои позиции в этом вопросе (лично мне эту книгу рекомендовал в 1995 г. руководитель Гамбургского института сексологических исследований и судебной психиатрии профессор Вольфганг Бернер).

Изменение сексуальной культуры потребовало уточнения ряда научных понятий. До последней трети XX в. все непривычные и культурно-неприемлемые формы сексуальности считались патологическими и назывались половыми *извращениями* (перверсиями). Затем их стали называть бо-

лее нейтральным словом — сексуальные *отклонения* (девиации). В третьем издании американского «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств» (сокращенно DSM) (1980 г.) его сменил термин парафилия (от греч. *para* — часть сложных слов, означающая «находящийся рядом» или «отклоняющийся от чего-либо, нарушающий что-либо + ...филия, влечение).

Термин этот введен еще в 1922 г. австрийским психоаналитиком Вильгельмом Штекелем для обозначения любых необычных и проблематичных, с точки зрения общества и/или самого субъекта, проявлений сексуальности. Парафилия — достижение сексуального удовлетворения с помощью необычных или культурно неприемлемых стимулов. Парафилий очень много (см. подробнее: Ткаченко, 1999; Аномальное сексуальное поведение, 2003; Дерягин, 2008; Fedoroff, 2010), их психиатрический статус зависит от трех обстоятельств.

Во-первых, вызывает ли данное состояние дистресс, то есть причиняет ли страдание (например, мешает устанавливать и поддерживать интимные отношения, подрывает брак или нарушает его повседневную жизнь), от которого субъект хочет избавиться.

Во-вторых, насколько данный образ или действие необходимы для полового возбуждения. Сексуальные стимулы могут быть сколь угодно экзотическими, патологическими они становятся лишь в том случае, когда индивид реагирует только на них, что суживает его сексуальный репертуар.

В-третьих, существует ли жертва. Например, субъект испытывает потребность реализовывать свои сексуальные желания насильственно, вопреки желанию других, причиняет им физический или психический вред и т. п.

При всем своем многообразии парафилии имеют несколько общих черт:

- они интенсифицируют или гипертрофируют обычные сексуальные желания и действия;
- значительно чаще встречаются у мужчин, чем у женщин;
- возникают в раннем возрасте, чаще всего в период полового созревания, и в дальнейшем усиливаются;

— являются множественными, то есть одна парафилия большей частью влечет за собой другую;

— парафиликам свойственны некоторые общие личностные черты, например недостаток коммуникативных навыков, особенно в общении с женщинами, чувство неадекватности, депрессия;

— парафилики нередко страдают когнитивными искажениями, например думают, что их действия сексуально привлекательны или благодетельны для людей, которые их возбуждают или интересуют.

Все сказанное распространяется и на садомазохизм. Обе главные системы психиатрической диагностики — разработанная ВОЗ и принятая в России десятая редакция Международной классификации болезней (МКБ-10) и американское Руководство по диагностике и статистике психических расстройств (в 2013 г. будет принят ее пятый вариант — DSM 5) — считают садомазохизм болезнью.

МКБ-10 рассматривает его как единый комплекс причинения и принятия боли или унижения в качестве средств сексуального возбуждения. Садомазохизм определяется как желание совершать действия, которые причиняют боль, являются унижающими, показывают подчиненное положение человека, на которого направлены, либо быть объектом таких действий.

DSM считает сексуальный садизм и сексуальный мазохизм отдельными явлениями. Первый диагноз устанавливается в тех случаях, когда а) субъект поступает в соответствии со своими садистскими импульсами с человеком, который этого не желает, или б) когда его сексуальные потребности или фантазии вызывают у самого субъекта выраженное расстройство или межличностные трудности. В отличие от садистов, сексуальные мазохисты опасности для окружающих не представляют, поэтому психиатрический диагноз ставится лишь в тех случаях, когда мазохистские фантазии, потребности или действия вызывают у субъекта клинически значимый дистресс или ухудшают его социальное, профессиональное и иное функционирование.

Практически все научные данные об этом явлении сосредоточены в сфере судебной медицины. Подробные сведения о том, как осуществляется диагностика и судебно-медицинская экспертиза, содержатся в книгах по судебной (криминальной) сексологии (см.: Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2001; Аномальное сексуальное поведение, 2003; Дерягин, 2008).

БДСМ и спанкофилия

Необходимость разграничить случаи, подлежащие психиатрическому лечению, и массовое сексуальное поведение породило еще одну терминологическую новацию — BDSM (Bondage/Discipline/Domination/Submission/Sadomasochism). БДСМ — обобщенный термин, обозначающий все формы сексуальности, включающие в себя причинение и получение физической боли, ограничение свободы или унижение. Аббревиатура БДСМ обозначает связывание (бондаж), дисциплину (одна из ее форм — телесное наказание), господство (доминантность), подчинение, садизм и мазохизм.

Большинство носителей этих комплексов, не имеющих проблем с законом, больными себя не считают и к врачам не обращаются. У обратившихся за амбулаторной помощью по поводу сексуальных расстройств и нарушений гендерной идентичности американцев (25 млн посещений психиатров, 18 млн посещений урологов, почти 334 млн — врачей общей практики и 69 млн — акушеров-гинекологов) диагноз «сексуальный садизм» и «сексуальный мазохизм» не был поставлен ни разу (Krueger, 2010). В то же время в быту такие практики очень часты.

Главное отличие БДСМ от сексуального насилия — взаимное согласие партнеров. Это не агрессия, а властные ролевые игры, основанные на правилах безопасности, здравомыслия и добровольности (Safe, Sane & Consensual). Партнеры по БДСМ-отношениям должны придерживаться определенного свода правил, включая свободное обсуждение нужд, потреб-

ностей и эмоций друг друга и установление взаимоприемлемых эмоциональных и физических границ.

Интерес к БДСМ-практикам чрезвычайно высок. В 2008 г. в поисковике Google БДСМ было посвящено 42 млн 600 тыс. хитов. В мире существует множество разных БДСМ-субкультур, сообществ, коммерческих и некоммерческих организаций. Точных данных о степени распространенности БДСМ-практик нет и быть не может, поскольку они очень разнообразны. Еще труднее определить демографические и психологические свойства их адептов. Клинические и криминологические данные здесь не годятся, а выборки опросных исследований до конца XX в. не превышали 150—200 респондентов и были нерепрезентативными. В нынешнем столетии картина стала меняться, но остается фрагментарной и противоречивой.

В крупнейшем (22 543 респондентов) Интернет-опросе в Германии (2008 г.) наличие БДСМ-опыта признали 9,2% опрошенных. По степени распространенности эти практики занимают у мужчин и женщин одно и то же (восьмое) место, но женщины занимаются ими несколько чаще, чем мужчины (9,5% против 8,3) (Drey, Pastoetter, Pryce, 2008).

Согласно национально-репрезентативному телефонному опросу 19 307 австралийцев от 16 до 59 лет в течение предыдущего года разными формами БДСМ занимались 1,8% всех сексуально активных людей (2,2% мужчин и 1,3% женщин). Шире всего эти практики распространены среди геев, лесбиянок и бисексуалов. Вовлеченные в них люди чаще других имели опыт орального и /или анального секса, больше одного сексуального партнера, чаще занимались телефонным сексом, посещали сексуальные Интернет-сайты, смотрели порнографические фильмы или видео, пользовались сексуальными игрушками, имели опыт группового секса и т. п. (Richters et al., 2008).

При отсутствии научно обоснованных массовых выборок и заведомо высоком разнообразии сексуальных практик этих людей определить их психологический профиль невозможно, а ценность полученных эмпирических данных

не превышает ценности средней температуры по больнице. Единственное, что кажется более или менее правдоподобным, это то, что в массе своей эти люди не чувствуют себя и, по-видимому, не являются больными и несчастными, как думали в позапрошлом веке.

Авторы цитированного выше австралийского исследования проверяли три главные гипотезы:

1. Адепты БДСМ в прошлом чаще других людей подвергались сексуальному принуждению.
2. Они психологически менее благополучны.
3. Они чаще других испытывают сексуальные трудности вроде отсутствия интереса к сексу или трудностей с переживанием оргазма.

Ни одна из этих гипотез не подтвердилась. Общий вывод исследования: БДСМ — просто сексуальный интерес или привлекательная для меньшинства людей субкультура, он не является патологическим симптомом прошлого насильственного опыта или следствием трудностей с «нормальным» сексом (Richters et al., 2008).

К близким выводам приходят и другие исследователи, изучавшие меньшие по численности выборки, но использовавшие больше психологических тестов. Из опрошенных в 1980-х годах 245 немецких СМ мужчин, только 20% отвергали свою сексуальность, 70% принимали ее и 9% «не знали», как к ней относиться. 90% никогда не обращались по этому поводу к врачам. Из опрошенных в США 178 мужчин большинство принимали свою сексуальность, тревогу и озабоченность выражали 6%, и 16, 5% обращались к психотерапевтам. Уровень образования и дохода СМ мужчин выше среднего (Moser, Levitt, 1987; Sandnabba et al., 1999), своей сексуальной жизнью они в целом удовлетворены, часто занимаются также несадомазохистским сексом, социально и психологически хорошо адаптированы (Connolly, 2006; Sandnabba et al., 1999). Повышенного чувства вины, агрессивности, стремления нанести вред самим себе, эскапизма, мизогинии, любви к патриархальным ценностям и традиционному гендерному порядку они также не обнаруживают (Cross, Matheson, 2006).

В России БДСМ-субкультура, как и любая другая сексуальность, вышла из подполья лишь в 1990-х годах. Центральный сайт российского БДСМ-сообщества появился в 2002 г. Участники сообщества связывают увеличение интереса к нему с модой на сексуальную раскрепощенность и использованием антуража БДСМ в рекламе и кино. Отчасти это их даже тревожит:

«Мы не скрываемся и не утаиваем информацию о себе. Но мы не стремимся к расширению своих рядов, нам не нужна широкая реклама, а тем более — пропаганда».

Их сетевое общение крайне неоднородно по своему характеру, уровням и интересам. Одни сайты имеют преимущественно эротический, чтобы не сказать «порнографический» характер, другие строго соблюдают нормы закона, приличия и политкорректности. Устав одного такого форума категорически запрещает «любые проявления национальной, расовой, политической или религиозной вражды, унижение национального достоинства, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности лиц по признаку их отношения к религии, национальной, территориальной, государственной или расовой принадлежности», а также «публикацию фото-, видео-, аудиозаписей наказаний реальных детей и детской порнографии... Обнародование ссылки и запрос на публикацию (поиск) приравнивается к публикации. Исключения составляют сцены из кинофильмов, не относящихся к категории “только для взрослых”, и фото, опубликованные в открытой печати».

Наряду со смешанными существуют преимущественно и даже исключительно женские или мужские БДСМ-сайты. Последние, как правило, более агрессивны и откровенно сексуальны. Например, «Клуб настоящих мужчин, любителей порки и прочего экстрима в жизни и сексе», рассчитанный на лиц мужского пола старше 18 лет, имеет основной тематикой «телесные наказания (как добровольные, так и вынужденные), экстремальные проявления в сексе, спорте и других жизненных сферах». Некоторые сайты позиционируют себя в качестве педагогических, хотя иногда обмен ро-

дательским опытом лишь предлог для обсуждения собственного, реального и виртуального, сексуального опыта (что само по себе не противозаконно).

Какое место телесные наказания занимают в общем балансе БДСМ-фантазий и практик, и как телесные наказания детей влияют на формирование их сексуальных потребностей и интересов?

На первый вопрос ответа нет. В качестве отдельного диагноза привязанность к порке нигде не выделяется, хотя существует житейское понятие «спанкофилия» или «спанкинг-фетишизм».

Учебные пособия по БДСМ технически различают два типа порки — спанкинг и флагелляцию. Спанкинг — «шлепки», в основном по ягодицам. Инструментами (девайсами) здесь является все, что «шлепает». Флагелляция — порка гибкими инструментами — плетью, кнутом, бичом и т. д. Легко заметить, что это подразделение не совпадает с житейским, общепринятым, считающим самой массовой формой спанкинга шлепанье открытой ладонью. В психолого-педагогической литературе наказание с помощью любого инструмента, будь то ракетка или ремень, расценивается как значительно более серьезное, нежели шлепок открытой ладонью.

Мотивационно порка также подразделяется на два подвида: СМ и БД. Первая преследует преимущественно сексуальный, а вторая — дисциплинарный эффект. Насколько строго и обоснованно это разграничение, сказать трудно.

Открытое теоретическое обсуждение БДСМ-практик позволило уточнить некоторые их аспекты. Например, в феноменологию эротической порки прочно вошло предложенное французским философом Жилем Делёзом разграничение переживаний боли и удовольствия:

«Боль осуществляет то, чего ждут, удовольствие — то, чего ожидают, мазохист ожидает удовольствия, как чего-то такого, что по сути своей всегда задерживается, и ждет боли как условия, делающего, в конце концов, возможным (физически и морально) пришествие удовольствия. Он, стало

быть, отодвигает удовольствие все то время, которое необходимо для того, чтобы некая боль, сама поджидаемая, сделала его дозволенным. Мазохистский страх получает здесь двойное определение бесконечного ожидания удовольствия при интенсивном поджидании боли» (Делёз, 1992).

Нейрофизиологические механизмы эротической порки стали понятнее после открытия *эндорфинов*. Эндорфинами называется группа химических соединений, по структуре сходных с опиатами, которые естественным путем вырабатываются в нейронах головного мозга и обладают способностью уменьшать боль, аналогично опиатам, и влиять на эмоциональное состояние. Выработка эндорфинов увеличивается в ответ на вызванной поркой стресс, позволяя человеку до определенной степени игнорировать боль. А вслед за напряжением и болью наступает освобождение, похожая на религиозный или наркотический экстаз эйфория, блаженное чувство эмоциональной разрядки и освобождения. Мазохисты часто рассказывали об этом эффекте порки. Некоторые даже пытаются внедрить ее в медицину. По мнению новосибирского биолога профессора С. В. Сперанского, 30 процедур по 60 ударов розгами по ягодицам — самое эффективное средство лечения пьяниц, наркоманов и самоубийц, причем эффект розготерапии усиливается, если процедуру проделывает человек противоположного пола — мужчина порет женщину, и наоборот. Сообщения об опытах Сперанского наделали много шума в СМИ, информация о них попала даже в Европу. Впрочем, коллеги Сперанского сильно сомневаются в научности его методов и теорий. В числе многого другого профессор верит, что женщины Земли имели сексуальные контакты с инопланетянами. Что же касается распространенных представлений, будто эндорфины являются «гормонами счастья» или «гормонами радости», то они не имеют под собой никаких оснований.

Если оставить в стороне эзотерику и экзотику, придется признать, что этиология привязанности к порке, как и всех остальных парафилий, по-прежнему неясна, а существующие теории остаются спекулятивными и могут рассматри-

ваться в лучшем случае как гипотезы. Психопсихологи считают БДСМ результатом детской сексуальной травмы, психобиологические теории — следствием гормонального воздействия на центральную нервную систему, а поведенческая психология полагает, что эти практики обусловлены ранним детским опытом собственной порки или впечатлениями от наказаний, которым подвергали других детей.

В российском БДСМ-сообществе известна и довольно популярна основанная на комбинации психоаналитической теории детской травмы и психологической теории научения гипотеза американца Криса Дугана, изложенная в его статье «Каковы причины спанкинг-фетиша?» (Dugan, 1996). Дуган не является академическим ученым и не печатался в профессиональных журналах, но его веб-сайт в США хорошо посещаем. По мнению Дугана, необходимой предпосылкой возникновения спанкинг-фетиша является психогенетическая предрасположенность, особого рода нервная чувствительность, проявляющаяся в специфической реакции на шлепки в раннем детстве. В сознании ребенка шлепки обычно вызывают гнев и ненависть по отношению к наказывающему, но поскольку ребенок любит своих родителей, отрицательные эмоции подавляются, а затем находят выход либо путем девиантного, агрессивного поведения по отношению к сверстникам, либо путем фетишизации и эротизации шлепков. Первый вид реакции характерен для импульсивных, экстравертированных детей, второй — для застенчивых интровертов, боящихся потерять расположение родителей. Тайные фантазии этих детей, зачастую связанные с мастурбацией, порождают глубокий комплекс вины, накладывающий отпечаток на их характер.

Сама по себе гипотеза о влиянии детских телесных наказаний на формирование спанкинг-фетишизма кажется правдоподобной, а вывод о нежелательности телесных наказаний — морально и педагогически разумным:

«Я думаю, что желание избежать воспитания своих детей спанкинг-фетишистами — достаточное основание для того, чтобы их не пороть. Это не значит, что один вид сексуальной семиотики имманентно ниже другого. Просто я думаю, что

по крайней мере некоторые формы спанкинг-фетишизма являются прямым результатом травматической репрессии, причиненной детскими порками. Поэтому сказать “Не порите своих детей, потому что вы можете превратить их в фетишистов”, — это сокращенный способ сказать: “Не порите своих детей, потому что это может вызвать неподконтрольные чувства ненависти, которые ваш ребенок будет вынужден подавлять и бороться с ними путем эротизации ваших шлепков, а это, в свою очередь, может сделать его дальнейшую жизнь эмоционально неполноценной, сузив круг доступных ему сексуальных партнеров и заставив его чувствовать вину и стыд за то, что когда он был беспомощен и зависел от вас, ваше жестокое обращение побуждало его вас ненавидеть”. В конечном итоге, речь идет не о предотвращении фетишей, а о предотвращении травмы».

Но с научной точки зрения это всего лишь умозрительная гипотеза.

Неудача постигла в этом вопросе и Мюррея Страуса. В докладе «Телесное наказание детей и проблемы сексуального поведения: результаты четырех исследований» (Straus, 2008) Страус утверждает, что телесные наказания способствуют появлению у детей склонности к а) сексуальному насилию, б) рискованному сексуальному поведению и в) сексуальному мазохизму. Как обычно, главный аргумент Страуса — статистические корреляции.

1. При изучении 14 000 университетских студентов из 32 стран Страус и его сотрудники обнаружили, что 29% мужчин и 21% женщин принуждали другого человека к сексу словесно (настаивая, когда тот не хотел, или угрожая в случае отказа прервать с ним отношения), а 1,7% мужчин и 1,2% женщин прибегали в подобных случаях к физической силе. При этом увеличение на один пункт показателя полученных испытуемыми телесных наказаний коррелировало у мужчин с десяти-, а у женщин с двенадцатипроцентным ростом вербального сексуального насилия. Физическое сексуальное насилие увеличивается еще сильнее: на 33% у поротых мужчин и на 27% у женщин.

2. Связь телесных наказаний с рискованным сексом доказывается двумя исследованиями. В первом, на той же студенческой выборке, выяснилось, что среди студентов, которые хотя бы однажды настаивали на сексе без презервативов, доля сильно поротых вдвое превышает число тех, кого шлепали редко (25% против 12,5). Объектом второго исследования были 440 нью-хэмпширских старшеклассников. Сравнение непоротых детей с теми, которых пороли до тринадцати лет и позже, показало, что вторая группа чаще практикует рискованный секс (например, имеет больше сексуальных партнеров). Страус объясняет это тем, что телесное наказание ослабляет эмоциональную связь ребенка с родителями, что отрицательно сказывается на сексуальной безопасности поротых подростков.

3. 207 студентов из трех колледжей спрашивали, возбуждали ли их когда-либо мазохистские сексуальные образы и имели ли они реальный опыт такого рода. Выяснилось, среди студентов, которых часто телесно наказывали, мазохистский секс возбуждал 75%, а среди вовсе непоротых — лишь 40%. У детей сердечных и любящих родителей мазохистский секс встречается значительно реже, чем у холодных и суровых, но влияние телесных наказаний гораздо сильнее. У детей холодных родителей высокий уровень сексуального мазохизма существует независимо от количества телесных наказаний, последние усиливают его лишь на 12%. Зато в семьях, где царят теплые отношения и уровень мазохизма ниже, независимо от объема телесных наказаний, последние повышают его на целых 48%. Это происходит потому, что порка любящими родителями побуждает ребенка смешивать любовь с насилием, повышая вероятность того, что в дальнейшем насилие станет компонентом его взрослой сексуальности.

Все это, возможно, не лишено интереса, но не учитывает многих других существенных факторов. Склонность поротых детей к сексуальному насилию, даже если пренебречь социально-средовыми и ситуативными факторами, может объясняться их повышенной общей агрессивностью, за ко-

торию их, возможно, чаще наказывали. Рискованный секс может зависеть, с одной стороны, от генетически обусловленной любви к острым ощущениям, а с другой — от характера гендерной социализации и сексуального образования. Число сексуальных партнеров в юности не индикатор неблагополучия, а сложный психологический и культурный показатель, обсуждать его вне гендерного контекста невозможно. Данные Страуса о сексуальном мазохизме противоречат его же данным о сексуальном насилии. Мазохист получает удовольствие от того, что его принуждают, делают объектом сексуальных манипуляций. Таким людям часто свойственна застенчивость. Если телесные наказания порождают как садизм, так и мазохизм, нужно как минимум подумать, от чего зависит это различие. И почему мазохистские, в том числе порочные, фантазии часто возникают у ребенка независимо и до соответствующего личного опыта?

Вспоминая о сексуально-значимых переживаниях своего детства, посетители БДСМ-сайтов, в том числе спанкофилы, рассказывают не только и не столько о родительской порке, сколько о других событиях. Особенно часто в их рассказах фигурируют детские игры.

«У меня это тоже родом из детства... как и у всех, наверное. Сперва, конечно, неосознанно. Любил разглядывать картинки в учебнике по истории, изображавшие связанных рабов. Когда играли на заброшенной стройке в войну, в индейцев и еще бог знает во что — нравилось, когда попадал в плен. Особенно нравился вариант “мальчишки против девчонок”. Когда меня ловили, я обычно пытался вырваться, но не слишком старался, мне нравилось, когда мне заламывали руки за спину, заставляли вставать на колени... Осознанным это желание стало, когда мне было лет 12... ближе к 13. Я в очередной раз попал в плен к девчонкам. Меня привели в штаб — недостроенный дом — и тут одна девочка, блеснув эрудицией, объявила, что пленников всегда пытаются. На вопросы “как?” она молча сунула руку мне в шорты и сжала

кулак. У меня аж дыхание перехватило. Она давила изо всех сил, а я только молча извивался в ее руках. Девчонки жадно глядели на это. Когда она меня отпустила, началось бурное обсуждение. Пытка всем понравилась, но попробовать остальные не решились. В своих ощущениях я разобрался позже, а были они очень для меня новыми и необычными. Во-первых, боль в паху была мне до того момента незнакома — я и не думал, что будет так больно. Во-вторых, я почувствовал себя абсолютно беспомощным. И, в-третьих, мне понравилось. Признаться в этом самому себе было трудно, но потом все мои подростковые сексуальные фантазии крутились вокруг этих незабываемых переживаний».

«В шесть лет, будучи раздетым и связанным (в индейцев, что ли, играли?), ощутил стыд и чудовищное возбуждение, и один из моих органов красноречиво это всем показал, а дальше потихоньку прогрессировало. Думаю, было заложено на генном уровне...»

«Все тематики играли в детстве в войнушку, индейцев. Я всегда сдавалась в плен: после изрядного сопротивления и фраза “ну все, сейчас мы тебя будем пытаться” вызывала просто восторг».

«У меня в детстве тоже были игры. Во время начальной школы... Такая игра была — несколько девочек хватали какого-нибудь мальчика и тащили в комнатку с надписью Ж, чтобы там его закрыть... он естественно отбивался (или делал вид)...

А серьёзно, с осознанием все пришло, когда я лет в 12 откопал в обширной отцовской библиотеке “Историю О” и ещё одну книгу — “Мадам”...»

Интересно посмотреть под этим углом зрения на статистику одного из российских БДСМ-сайтов, посетители которого исключительно спанкофилы. Число их довольно велико, а образовательный уровень, судя по данным про-

веденного ими опроса, очень высок. Из 446 ответивших на этот вопрос 47 человек (10,54%) имеют ученую степень, 145 (32,51%) — высшее техническое и 132 (29,60%) — высшее гуманитарное образование. На сайте их больше всего интересуют (всего ответов 214) личные воспоминания (50,47%) и эротические рассказы (34,58%), на третьем месте, с большим отставанием, стоят труды по психологии (6,07%).

Судя по данным анкеты, в происхождении их спанко-филии родительская порка играла весьма незначительную роль. На вопрос: «Применяли ли родители к вам в детстве телесные наказания?» (447 ответов) — 21,03% ответили: «Никогда». У 19,02% это были единичные случаи, 23,27% наказывали изредка и лишь 13,20% — часто. Систематически пороли 65 человек (14,54%) и 40 человек (8,95%) драли как сидорову козу. Получается, что большинство «спанкеров» стали таковыми не под влиянием порки, а по каким-то другим причинам.

Если бы родительская порка была травматичной, это сказалось бы на отношении ребенка к родителям. Однако 140 человек из 211 (66,35%) поддерживают со своими родителями хорошие отношения. Вариант ответа «Жив один из родителей, мы в хороших отношениях» выбрали 16,59% и ответ «К сожалению, умерли, у нас все было хорошо» — 18 человек (8,53%). Плохие и напряженные отношения с родителями были только у 12 человек.

К телесным наказаниям эти люди относятся положительно. Из 503 респондентов, ответивших на вопрос «Ваше отношение к телесным наказаниям детей?», отрицательные варианты «Категорически не приемлю» и «Это крайняя мера, которую надо избегать» выбрали соответственно 8,75 и 14,71%, нейтральную позицию — 3,78%. Варианты «Телесные наказания иногда могут помочь в воспитании ребенка» выбрали 185 (36,78%) и «Без порки воспитание невозможно» — 181 человек (35,98%). То есть почти 73% — сторонники порки.

В том же ключе оценивают респонденты и собственное прошлое. На вопрос: «Если бы вам пришлось конструиро-

вать свое собственное детство, то вы бы...» — за его смягчение высказался лишь каждый пятый; 13,49% сказали: «Не стал бы применять к себе физические наказания», 6,16% — «Уменьшил бы или свел к минимуму свои порки в детстве». Так как большинство из них в детстве вообще не пороли или пороли редко, в этом нет особой доблести. 66 человек (19,35%) готовы повторить свое прошлое («Оставил бы все как было у меня самого в первый раз»). Большинство (61%) выбрали более жесткий вариант: 44,57% сказали: «Стал бы применять к себе физические наказания», 16,42% — «Сделал бы свое воспитание наиболее жестким».

То, что люди оправдывают свою любимую сексуальную практику, — не удивительно, было бы странно, если бы было иначе. Тем более что самих их пороли редко, они знают только эротическую порку.

Кстати, отсюда вытекает, что для понимания мотивов самых пылких защитников порки, независимо от их пола и возраста, полезно знать не только их ранний детский опыт и религиозные и политические убеждения, но и их нынешние сексуально-эротические пристрастия, особенно воображение. Если бы сексуальное воображение святош можно было вывести на экран, профессиональная порнография померкла бы.

Проблема имеет и свой политический аспект. Как выразился один из авторов этого круга, «порка нам интересна как неотменимая часть нормального жизнеустройства. Солнце встает на востоке, а заходит на западе, Волга впадает в Каспийское море, лошади едят овес, а детей порют за проступки».

Ну а если мир все-таки меняется и порка детей выходит из моды?

Один из самых образованных и литературно одаренных авторов ременного форума в 2003 г. четко сформулировал, применительно к России, взаимосвязь спанкофилии и социального консерватизма:

«Для многих спанкофилия — не столько секс, сколько крайняя степень неприятия системы либеральных ценностей как в окружающем мире, так и в нас самих. Взяв в руки

ремень или розгу — мы так выражаем свой протест. С кем-то или наедине с собой, а может быть, проваливаясь в интернет или просто в свои фантазии, — мы свергаем внутри себя “гнилую либеральную власть”, опутавшую нашу жизнь бесконечными “а что будет, если”. И хоть на полчаса, хоть на час, хоть на десять минут устанавливаем такую маленькую фашистскую диктатуру, при которой все просто и ясно: небо голубое, трава зеленая, а несовершеннолетних за проступки секут. Для чего существует нормальная, всем понятная градация наказаний».

Что значит «нормальная» градация и кто ее определяет? Скрываются ли за данным утверждением характерные установки мужского сайта, особенности российской политической культуры или индивидуальные пристрастия автора? Вряд ли предложенная система ценностей является общей для всех спанкофилов.

Чем бы ни порождался спанкинг-фетишизм, это не подарок. Если желанным партнером по эротическим играм является взрослый, своего или противоположного пола, вопрос сводится к тому, как найти подходящего человека. Учитывая разветвленность данной субкультуры и наличие соответствующих платных услуг, это, вероятно, не так уж трудно. Но если спанкофилия сочетается с педо- или эфебофилией, что бывает нередко, и если для удовлетворения сексуальных потребностей субъекту требуется не виртуальный, а реальный ребенок или подросток, проблема становится трагедией. Такой человек может столкнуться не только с психиатром, но и с правоохранительными органами. Помимо необходимости строго соблюдать юридический возраст согласия, доказать следователю, что ребенок «сам хотел» или хотя бы добровольно согласился быть выпоротым, довольно трудно. Недаром эта субкультура является если не подпольной, то полуподпольной.

Подведем итоги.

1. Одна из самых больших психологических проблем, ассоциирующихся с телесным наказанием, — это то, что оно

способствует возникновению и развитию целого ряда парафилий (садизм, мазохизм, эксгибиционизм).

2. Телесные наказания вызывают сексуально-эротические переживания как у наказующего и наказуемого, так и, если порка является публичной, у зрителей. Эти переживания занимают важное место в любых воспоминаниях и рассказах о порке, а также в научно-медицинской литературе. Некоторые авторы видят главный вред телесного наказания именно в том, что оно оставляет неискоренимые психосексуальные последствия.

3. Общепринятой теории происхождения (этиологии) привязанности к порке (спанкинг-фетишизма) в современной сексологии и психиатрии не существует.

4. Хотя пережитые в детстве телесные наказания, возможно, способствуют появлению такого пристрастия, это зависит от множества конкретных условий и обстоятельств.

5. Зрелище чужих телесных наказаний часто бывает даже более сильным стимулом, чем собственный опыт, эротические фантазии такого рода также возникают до и независимо от него.

6. Детские переживания, с которыми люди ассоциируют происхождение своей парафилии, в большинстве случаев не «травма», а триггер, спусковой крючок, который выводит на поверхность, переводит в сознание субъекта то, что раньше дремало в его подсознании, затем эти переживания закрепляются в мастурбационных фантазиях и становятся неискоренимыми.

7. Возможный психосексуальный эффект телесного наказания зависит не столько от силы наказания, сколько от наличия в нем компонентов, которые могут быть пережиты ребенком как эротические (оголение, связывание и т. п.). Подзатыльник или зуботычина могут быть болезненнее, чем шлепок по голой попе, но во втором случае нежелательные психосексуальные последствия значительно вероятнее, чем в первом.

8. У некоторых людей сексуальные ощущения усиливаются, если телесное наказание происходит вопреки нормам

гендерно-возрастной иерархии — женщина порет мужчину или младший старшего.

9. Телесные наказания нередко изначально бывают или становятся формой сексуального насилия над ребенком. Единственная возможность минимизировать связанные с этим психосексуальные риски — уважать телесную неприкосновенность ребенка.

Эти доводы психологически приемлемы только для такого человека, который в состоянии контролировать свои агрессивные и сексуальные импульсы и рассматривает ребенка не как собственность, а как автономную личность.

Заключение ТАК ВСЕ-ТАКИ — БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ?

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю — «могут», а не «хотят», а не «обязаны».

Януш Корчак
(Корчак Я., 1980)

Сегодня в России, как и во всем мире, широко обсуждается проблема защиты детей от насилия. Один из важнейших аспектов этой проблемы — телесные наказания. ООН и Совет Европы добиваются их законодательного запрещения. Однако эти рекомендации вызывают жаркие споры и разногласия.

В данной книге, опираясь на многочисленные мировые и отечественные антропологические, социологические, исторические, психолого-педагогические, сексологические и иные научные исследования, я пытался представить общую картину телесных наказаний детей как социокультурного явления. Каков их социальный и педагогический смысл, насколько они эффективны и почему вдруг эти почтенные тысячелетние практики вышли из моды? Или только кажется, что вышли?

Вот мои основные выводы.

Телесные наказания — древнейшая и универсальная форма дисциплинирования детей, оценить их функции, смысл и историческую динамику можно лишь в широком социокультурном контексте.

Подобно тому, как образ ребенка — плоть от плоти принятого в обществе образа человека, степень распространённости и интенсивности телесных наказаний детей зависит от принятых в обществе форм дисциплинирования взрослых.

Эволюция отношения к телесным наказаниям и соответствующих педагогических практик содержательно и статистически связана с целым рядом социально-экономических и культурных факторов (социальная сложность, культура насилия, количество социализаторов, неравенство социальных и властных возможностей и т. д.), соотношение которых может быть разным.

Один из главных факторов, от которых зависит распространенность телесных наказаний детей, — религиозные установки и ценности. Разные религии в этом отношении неодинаковы. Одни *предписывают* жесткие телесные наказания как необходимую предпосылку успешного воспитания, другие *допускают* их как крайнюю меру, третьи рекомендуют их *избегать*, но практически они применялись везде.

В архаических и патриархальных обществах телесное наказание было всеобщей и универсальной формой дисциплинирования детей, которая обеспечивала поддержание вертикали власти и межпоколенческую трансмиссию культуры. Древние философы спорили лишь о допустимой мере жестокости наказания и условиях его применения (например, может ли раб-воспитатель пороть свободнорожденного ребенка).

В связи с изменением содержания и усложнением методов социализации детей под влиянием философии гуманизма в начале Нового времени телесные наказания стали подвергаться все более резкой критике, но она касалась больше школы, чем семьи, и скорее обучения, нежели воспитания. Под сомнение ставился не столько сам метод, сколько его эффективность.

Отношение к телесным наказаниям детей производно от того, как в данном обществе принято обращаться с взрослыми. Раб или крепостной не обладал статусом человека, с ним можно было обращаться, как с животным. Дисциплина голода может быть не менее жесткой, чем палочная, но рыночная экономика не позволяет предпринимателю бить своих наемных работников, потому что они лично свободны. Но-

вый социальный контракт постепенно изменяет философию наказания, исключая его наиболее жестокие, унижительные, «бесчеловечные» (обратите внимание на термин) компоненты. Тело, понимаемое какместилище разума и духа, не должно быть средством мучительства и причинения боли. В конце XVIII — начале XIX в. из европейского обихода постепенно уходят публичные пытки и казни. Из средства возмездия и устрашения наказание начинает трактоваться как способ перевоспитания. Постепенно это распространяется и на детей.

Историческая эволюция телесных наказаний в западноевропейской школе, лучше всего прослеживаемая в Великобритании, включала а) смягчение их жестокости, б) появление формальной регламентации наказания, ослабление учительского произвола и в) попытки координации вертикальной учительской власти и горизонтальной власти соучеников, поскольку эти власти конфликтовали друг с другом и действовали разнонаправленно.

К концу XIX — началу XX в. под влиянием макросоциальных факторов и развития самой системы образования, включая появление женского образования и совместных (смешанных) школ, в государственных школах большинства европейских стран телесное наказание маргинализируется или запрещается (в церковных школах оно сохраняется). Семейные отношения оставались вне сферы государственного контроля, за исключением случаев явного и жестокого физического насилия над ребенком. Тем не менее ослабление отцовской власти и постепенная переориентация родительства и семейной дисциплины с авторитарного типа на авторитетный проявляется и в домашнем быту. Одновременно усиливается классовая дифференциация: в рабоче-крестьянских семьях воспитание детей чаще остается авторитарным, основанным на телесных наказаниях, чем в семьях среднего класса, особенно интеллигентских.

После Второй мировой войны на волне общей демократизации мира, в рамках борьбы за права человека, одним из аспектов которых являются «права ребенка», началось международное движение за полный запрет телесных наказаний, достигшее кульминации в начале нового столетия, когда Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) провозгласила Общеввропейский запрет на телесные наказания детей, который законодательно поддержали 27 государств. Эта инициатива официально одобрена и поддержана представителями всех ведущих мировых религий.

Изменение отношения к телесным наказаниям детей не локальное явление. Вторая половина XX в. существенно расширила объем понятия «человеческого», включив в него категории существ, которые раньше туда не относились или относились с оговорками. Крушение мировой колониальной системы не допускает истребления, обращения в рабство, дискриминации и нарушения прав представителей других рас или религий. Гендерная революция подрывает старый принцип господства мужчины над женщиной, делая морально и юридически неприемлемыми любые формы насилия, как бы широко они ни были распространены и почитались «нормальными» в историческом прошлом. Понимание единства мироздания не терпит жестокого обращения с животными, о которых все чаще говорят не только как о пищевом ресурсе и рабочей силе, но и как о братьях наших меньших.

Более динамичное общество требует от человека повышенной самостоятельности в принятии решений, соответствующие качества закладываются в детстве, а жесткое силовое воспитание этому не способствует. Пока школьное обучение концентрировалось на механическом заучивании формальных правил и текстов, ребенка приходилось удерживать в классе силой. Как только зубрежка уступает место «учению с увлечением», телесные наказания становятся неэффективными и контрпродуктивными. Они больше не нужны ни ученику, ни учителю.

Изменился и сам образ ребенка. Детей стали больше ценить. Их воспитание сегодня обходится родителям и обществу значительно дороже, чем раньше. К экономическим соображениям присоединяются демографические: с уменьшением рождаемости в развитых странах детей становится меньше, отсюда — повышение ценности каждого отдельного ребенка, требование индивидуального подхода к нему и т. п.

Радикально меняется характер семейных ценностей. По мере того как некоторые старые экономические и социальные функции семьи отмирают или приобретают подчиненное значение, увеличивается ценность психологической близости между членами семьи, повышается автономия и значимость каждого отдельного члена семьи. В оценке брачно-семейных отношений формальные количественные (например, продолжительность брачного союза) показатели сменяются качественными. На первый план выходит понятие *субъективного благополучия*. Счастливой считается лишь та семья, в которой хорошо всем ее членам. В этих условиях силовые методы воспитания выглядят архаичными.

Опыт Швеции и нескольких других европейских стран, последовавших ее примеру, показывает, что запрет телесных наказаний, если он сочетается с активной разъяснительной работой и экономически подкрепленной конструктивной семейной политикой, находит сочувственный отклик у большинства населения, а изменение бытовых дисциплинарных практик положительно сказывается на условиях жизни детей.

Хотя телесные наказания детей стали в современном мире проблематичными, далеко не все страны и люди поддерживают их законодательный запрет. Внутри каждой страны по этим вопросам идет острая полемика. Нормативные установки и реальные родительские дисциплинарные практики людей сплошь и рядом не совпадают. Они различны не только у населения разных стран, но и в разных социально-экономических и культурных слоях одного и того же общества.

Темп соответствующих изменений зависит не только от степени модернизации каждого конкретного общества, но и от исторических особенностей его традиционной, прежде всего религиозной, культуры. Одними политическими и административными мерами эта инициатива осуществлена быть не может. Механическое копирование чужого опыта может вызвать отторжение и эффект бумеранга.

Любая частная форма дисциплины функционирует и имеет смысл лишь в рамках целостной системы социализации детей, структуры семьи, стиля родительства, которые не могут быть изменены по щучьему веленью. Против юридического запрета телесных наказаний выступают не только религиозные фундаменталисты, защитники авторитарной семьи, но и некоторые либералы, которые опасаются расширения вмешательства государства в частную жизнь. Кроме того, отказ от привычной практики телесных наказаний ставит перед обществом многочисленные новые социально-педагогические и психологические проблемы.

Главная разница между царской Россией и Европой в том, что касается телесных наказаний, коренится не в особенностях нормативной педагогики и способах воспитания детей, которые в то время везде были достаточно жесткими, а в положении взрослых. В крепостнической и деспотической России телесные наказания взрослых мужчин и женщин сохранились значительно дольше, чем в Европе, и были более жестокими и массовыми.

Начавшаяся в XVIII в. постепенная либерализация телесных наказаний имела характер сословных привилегий, которые на основную массу населения не распространялись. Это способствовало укреплению сословных различий, уже ослабевавших к тому времени в Европе.

Помимо юридически «законных» телесных наказаний крепостное право открывало неограниченные возможности для бытового насилия, которое символизировалось как наказание и тормозило формирование личностного самосозна-

ния и чувства собственного достоинства. Такое положение вещей отчасти сохранилось даже после отмены крепостного права вплоть до революции 1905 г., а то и позже. Отношение к телесным наказаниям в России второй половины XIX в. не менее важный социально-политический водораздел, чем отношение к крепостному праву.

Общество, которое допускает и оправдывает телесные наказания взрослых мужчин и женщин, по определению не может осуждать телесные наказания детей. Дети в нем еще более бесправны, чем их родители. Хотя в русском законодательстве XVIII в. появляются некоторые «возрастные» послабления, ни сословные привилегии, ни законодательное ограничение меры телесных наказаний не распространялись на детей автоматически. Церковный канон и народная педагогика считали строгие телесные наказания детей необходимыми и полезными. Такова же была и повседневная практика. Первые протесты против нее начинаются в XVIII в. со ссылками на Руссо и Локка.

Как и в Европе, первые сомнения в правомерности и эффективности телесных наказаний в России касались школы и лишь много лет спустя распространились на родительскую семью.

Судя по мемуарам и другим историческим источникам, телесные наказания в российских учебных заведениях конца XVIII — первой половины XIX в. были не менее, а возможно, даже более массовыми и жестокими, чем в аналогичных европейских учреждениях. Как и в Европе, легальный учительский произвол дополнялся и усугублялся полулегальным произволом соучеников. Частота и интенсивность телесных наказаний зависела от сословного происхождения и социально-экономического положения учащихся (самыми жестокими были церковные школы), типа и индивидуальных особенностей учебного заведения. Особенно жестокой и щедрой на расправу была эпоха Николая I. В отличие от Европы первой половины XIX г., в которой школы обладали достаточно широкой автономией, в России школьная дисциплина была непосредственной частью и продолжени-

ем дисциплины государственной, что делало ее еще более всеобъемлющей и жесткой.

Вопрос об отношении к телесным наказаниям в школе встал особенно остро и приобрел открытое политическое звучание накануне крестьянской реформы 1861 г. Либеральную позицию в этом вопросе, со ссылками на английский опыт (смягчение и строгая регламентация телесных наказаний), занимал Н. И. Пирогов, а радикальную (полный запрет телесных наказаний) — Н. А. Добролюбов. Правящая бюрократия никаких реформ проводить не желала, но в пореформенные годы была вынуждена на них пойти. Сначала при этом возобладала умеренно-либеральная стратегия, а в конце XIX в. гимназии и кадетские корпуса вовсе отказались от телесных наказаний. В сельских и отдаленных школах они сохранились вплоть до 1917 г.

Домашние «телесно-педагогические» практики во второй половине XIX — начале XX в. стали более социально дифференцированными, в зависимости от социального происхождения и уровня образования родителей. В рабоче-крестьянских и купеческих семьях телесное наказание продолжало считаться нормальным и применялось регулярно, но в дворянских и интеллигентских семьях оно постепенно становится скорее исключением, чем правилом. Многое зависело также от культурно-идеологических факторов (уровень религиозности). Восприятие и оценка этих практик самими детьми также дифференцируется.

Величайшую роль в деле гуманизации российского воспитания и в признании телесных наказаний детей морально неприемлемыми сыграла русская классическая литература (Толстой, Достоевский, Чехов, Гарин-Михайловский и др.).

Мальчиков в школе и дома телесно наказывали чаще и интенсивнее, чем девочек. Однако это впечатление может быть не вполне адекватным, потому что, в отличие от полнометражной ритуальной порки, эпизодические телесные наказания (щипки, удары и подзатыльники) зачастую не фиксируются и не обсуждаются.

Продолжая прогрессивные тенденции русской педагогики и литературы, Советский Союз запретил и признал недопустимыми телесные наказания в школе. Для советской педагогики эта позиция всегда оставалась принципиальной. Однако обеспечить реальный контроль за соблюдением этого запрета власть не могла, да и не хотела. Тоталитарный строй невозможен без телесного насилия над личностью, и принятие этого порядка закладывается уже в детстве.

Главными очагами и рассадниками телесных наказаний в советское время были «тотальные институты» типа исправительных и иных закрытых специальных учебных заведений, приютов и детских домов.

Семейное воспитание было дифференцированным и зависело главным образом от усмотрения родителей. Государственные органы вмешивались в родительские дисциплинарные практики лишь в тех случаях, когда последние казались «слишком жестокими», но масштабы и возможности такого вмешательства были ограничены. В рабоче-крестьянских семьях телесные наказания детей, особенно мальчиков, считались нормальными и применялись достаточно широко. Соседи и родственники предпочитали ничего не замечать.

Начавшаяся в 1960-х годах постепенная либерализация советской жизни способствовала артикуляции более критического отношения к телесным наказаниям, отчетливо выраженного в сочинениях таких авторов, как С. Я. Долецкий, С. Л. Соловейчик и А. И. Приставкин, которые оказали заметное влияние на общественное сознание, особенно — городской интеллигенции.

Отношение к телесным наказаниям в постсоветской России отражает и воспроизводит существующую в ней общую идеологическую поляризацию. Судя по результатам массовых опросов, значительная часть населения страны в теории или на практике (это не всегда совпадает) уже не прибегает и/или не хочет прибегать к телесным наказаниям детей, они для нее случайны и пережиточны. Однако есть немало рос-

сиян, для которых эти установки неприемлемы. Идеальный водораздел между ними проходит по той же линии, что и отношение к рыночной экономике, демократии, модернизации и правам человека. Самые значимые факторы здесь — возраст, уровень образования, характер политических взглядов и, в данном случае это особенно важно, личный жизненный опыт. Эти факторы могут переплетаться друг с другом по-разному. Самыми горячими сторонниками телесных наказаний являются православные фундаменталисты и выходцы из семей «силовики».

Степень реального распространения и интенсивности телесных наказаний, как и прямого насилия над детьми, неизвестна. Государственная криминальная статистика в данном вопросе политизирована и недостоверна, а независимые социологические опросы не всегда достаточно репрезентативны и сопоставимы друг с другом.

В последние годы российское государство стало уделять проблемам личной, в том числе телесной и сексуальной, безопасности детей значительно больше внимания. Однако нередко эта деятельность остается имитационной. О «незащищенных детях» вспоминают, когда хотят отвлечь внимание людей от насущных политических и экономических проблем. Теледебаты по этим вопросам часто имеют открыто антизападную направленность и производят впечатление, что главная задача — защитить российских детей от американских усыновителей или финляндских органов опеки.

Хотя вызывающие много эмоций российские споры по этим вопросам внешне похожи на европейские, между ними есть принципиальная разница. Во-первых, от них ничего не зависит, все заранее предрешено властью. Во-вторых, в них практически отсутствует базовая для европейцев категория «прав ребенка», которую традиционализм и религиозный фундаментализм считают подрывной и антисемейной. Вопрос о соотношении «телесного наказания» и «насилия над ребенком» всерьез не обсуждается, а содержательную аргументацию заменяют пропагандистские страшилки, похожие

на те, с помощью которых в конце 1990-х была скомпрометирована и намертво заблокирована идея сексуального образования молодежи.

Учитывая общую социально-политическую ситуацию в России, включая фактическое сращивание церкви и государства, шансы на законодательное запрещение телесных наказаний в нашей стране близки к нулю, «сильная родительская власть» — одна из духовных опор авторитаризма. Однако практическое значение этой полемики, возможно, окажется меньше, чем думают ее участники. На поведенческом и мотивационном уровне все решают не церковно-государственные догмы, а повседневные родительские практики: готовы ли россияне регулярно, в духе «национальной традиции», пороть своих детей? Ответ на этот вопрос даст будущее.

В последние десятилетия в мире проведено множество социологических, психологических и социально-педагогических исследований, оценивающих степень эффективности и побочные последствия телесных наказаний.

За исключением христианских фундаменталистов, базирующих свои суждения на традиции и личном опыте, экспертные оценки телесных наказаний, как правило, отрицательны. Спор идет лишь о том, являются ли *все* телесные наказания вредными, или же существует некая градация, в свете которой *некоторые* телесные наказания (например, шлепки в отличие от ремня или розги) *в некоторых условиях* признаются допустимыми и/или неустраимыми.

Судя по данным эмпирических исследований, телесные наказания в целом не более, а часто менее эффективны, чем другие дисциплинарные средства; они имеют больше возрастных ограничений (даже те, кто признает их допустимыми, возражают против телесного наказания детей младше полутора-двух лет и подростков старше двенадцатитринадцати лет); телесные наказания дают значительно больше нежелательных побочных результатов, чем другие наказания.

Установлены многочисленные статистические корреляции, а иногда и причинная связь между телесными наказаниями ребенка и его агрессивностью, склонностью к насилию и антисоциальному поведению.

Телесные наказания объективно существенно повышают риск причинения ребенку физических травм и часто являются не чем иным, как физическим насилием над ребенком.

Частые и интенсивные телесные наказания отрицательно влияют на психическое состояние и здоровье ребенка, они могут быть основной или сопутствующей причиной депрессии, тревожности и ряда других расстройств, причем не только в детском возрасте, но и во взрослом состоянии.

В современном обществе, когда телесные наказания перестали быть всеобщей обязательной практикой, они могут существенно осложнять и ухудшать взаимоотношения ребенка с родителями и воспитателями. Это особенно касается подростков.

Отрицательное влияние телесных наказаний на учебную успеваемость, когнитивные процессы и умственные способности ребенка возможно, но проблематично.

Вместе с тем, демонизировать телесные наказания, представляя их единственной или главной причиной чуть ли не всех социально-педагогических трудностей и проблем развития ребенка, как делают некоторые западные правозащитники, не следует. Общеизвестно, что влияние на ребенка любых воспитательных воздействий зависит от целой системы опосредований, социальной ситуации развития и т. д.

Наиболее методологически сложные современные исследования показывают, что долгосрочный психологический эффект телесных наказаний зависит не только от их частоты и интенсивности, но и от контекста, точнее — нескольких контекстов:

1. *Личностный контекст* — как ребенок воспринимает пережитое им наказание в свете своих долгосрочных отно-

шений с родителями, учитывая их эмоциональное тепло, заботу и прочие качества;

2. *Соционормативный контекст* — насколько телесные наказания распространены и морально приемлемы в данном социуме и микросреде;

3. *Гендерный контекст* — особенности восприятия телесных наказаний мальчиками и девочками;

4. *Возрастной контекст* — чем старше ребенок, тем негативнее и болезненнее он воспринимает телесные наказания.

Оценить влияние на личность ребенка отдельно взятой дисциплинарной практики, вроде телесного наказания, принципиально невозможно. Ребенка можно ни разу в жизни пальцем не тронуть, но если все время говорить ему, что он туп и ни на что не годен, последствия будут не лучше.

Ключевой момент для социальной педагогики — не частный прием, а то, как он вписывается в конкретный стиль родительства и характерные для данного общества и среды принципы социализации. Авторитетным родителям телесные наказания практически не нужны, а авторитарным родителям они часто оказывают медвежью услугу, хотя бы потому, что по свойствам своего характера эти люди склонны перегибать палку. «Новое отцовство», не признающее телесных наказаний, возникает не потому, что эти мужчины читают резолюции ООН и чтут уголовный кодекс, а потому, что дети для них важны и они не желают превращаться в «наказующую машину», даже если их к тому призывают.

Законодательное запрещение телесных наказаний — важная политическая установка, фокусирующая в себе множество социально-педагогических и философских проблем. Но это лишь начало теоретической рефлексии. «Кризис телесного наказания» лишь одно из проявлений гораздо более емкого кризиса авторитарного воспитания, ответом на который могут быть только позитивные разработки.

Одна из серьезнейших проблем, ассоциирующихся с телесным наказанием, — это то, что оно, предположительно, способствует возникновению и развитию целого ряда психосексуальных трудностей и парафилий (садизм, мазохизм, эксгибиционизм).

Общеизвестно, что телесные наказания, особенно порка, вызывают сильные сексуально-эротические переживания как у наказывающего и наказуемого, так и, если порка является публичной, у зрителей. Такие переживания широко представлены в воспоминаниях и рассказах о порке, а также в научно-медицинской и художественной литературе. Некоторые авторы видят главный вред и опасность телесного наказания именно в том, что оно имеет неискоренимые психосексуальные последствия.

Общепринятой теории происхождения (этиологии) привязанности к порке (спанкинг-фетишизма) в современной сексологии и психиатрии не существует, все предположения остаются гипотетическими. Хотя пережитые в детстве телесные наказания, возможно, способствуют появлению такого пристрастия, это зависит от множества конкретных условий и обстоятельств.

Зрелище чужих телесных наказаний часто бывает даже более сильным стимулом, чем собственный опыт. Эротические фантазии такого рода также возникают до и независимо от него.

Детские переживания, с которыми субъект ассоциирует происхождение своей парафилии, в большинстве случаев не «травма», а триггер, спусковой крючок, который выводит на поверхность, делает достоянием сознания то, что раньше дремало в подсознании субъекта, затем эти переживания закрепляются в мастурбационных фантазиях и становятся неискоренимыми.

Возможный психосексуальный эффект телесного наказания зависит не столько от силы наказания, сколько от наличия в нем компонентов, которые могут быть восприняты и пережиты ребенком как эротические (оголение, связывание и т. п.). Подзатыльник или зуботычина могут быть бо-

лезненнее, чем шлепок по голой попе, но во втором случае нежелательные психосексуальные последствия значительно вероятнее, чем в первом.

Сознаем мы это или нет, телесные наказания нередко изначально бывают или становятся формой сексуального насилия над ребенком. Единственная возможность минимизировать связанные с этим психосексуальные риски — уважать телесную неприкосновенность ребенка.

Все эти доводы приемлемы только для того, кто в состоянии контролировать свои агрессивные и сексуальные импульсы и рассматривает ребенка не как собственность, а как автономную личность.

Из того, что «телесное наказание» при ближайшем рассмотрении оказывается «сексуальной практикой», не вытекает, что ее жертв и адептов нужно демонизировать. Костры инквизиции не сделали воздух Испании чище, сгорали на них не преступники, а жертвы.

Какие выводы вытекают из всего сказанного для конкретных родителей? Если иметь в виду нечто рекомендационно-директивное — никаких. Производство рецептов семейного счастья и личного благополучия — не моя специальность. Но некоторую пищу для ума эта книга, возможно, дает.

Каждый нормальный, психически здоровый родитель желает своему ребенку благополучия. Но не всё в его власти. Если вы живете в развитой культуре насилия, оградить от нее своего ребенка вы не можете. Правда, можно попытаться изменить среду. Я помню, как в позднесоветское время одна моя знакомая супружеская пара с огромными трудностями поменяла отличную квартиру в социально неблагоприятном районе на значительно меньшую в центре Москвы, чтобы избавить свою растущую дочь от опасной среды. Сегодня по аналогичным соображениям многие состоятельные родители отправляют своих детей за рубеж, откуда они уже никогда не вернутся.

Но это не всем доступно, да и не от всех опасностей можно уберечь ребенка перемещением его в пространстве. Родительское влияние на ребенка максимально, пока он маленький. В этом возрасте порка наиболее эффективна, но, к сожалению, ее эффект часто противоречит ожиданию, порождая в ребенке чувство незащищенности, страх и склонность решать все проблемы с помощью силы. Это не фатально, но достаточно вероятно. То же можно сказать и о других телесно-воспитательных эффектах.

Если родитель не будет злоупотреблять беззащитностью ребенка, а попытается влиять на него иначе, возможно, это поможет ребенку выработать ядро самоуважения и привьет ему, нет, не иммунитет, но хотя бы отвращение к насилию. Позже, когда насилие и унижение коснется его (рано или поздно это неизбежно случится), он найдет в себе силы сопротивляться. А может быть, и нет...

Нравится нам это или нет, решение — бить или не бить? — часто принимается не столько на сознательном, сколько на эмоциональном уровне. Благополучный родитель не бьет своего ребенка не потому, что это запрещено законом, или потому, что наука считает это вредным, а просто потому, что ему этого не хочется. Если же у него вдруг возникает такое желание — каждый человек иногда хочет кого-то побить и даже убить, — он сознает, что это его проблема и что, если он поддастся соблазну, ему придется раскаиваться. Не случайно все больше россиян не хотят пороть своих детей, видя в этом признак не силы, а слабости.

Главное отличие современной философии детства от средневековой: *на ребенка никто не имеет права собственности.*

При желании толерантность можно выразить и в религиозных терминах. Ребенок — дар Божий, с которым нужно обращаться бережно. Вы не выбираете и не формируете ребенка, а только передаете ему сначала свои гены, а затем свой жизненный опыт, помогая стать тем, кто он есть.

Социализация — не просто трансмиссия норм и ценностей, знаний, умений и навыков, это не монолог, а диалог, который предполагает взаимность и интерактивность. Если диалог не срабатывает, приходится прибегать к силе. Иногда это помогает. Но по большому счету и в долгосрочной перспективе, это — признак слабости. Современные дети понимают это не хуже своих родителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Августин Блаженный. О Граде Божием. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.
- Азовский А. «Меры неприятного воздействия...» (из истории кадетских корпусов) // Российская кадетская переключка, 2008. № 5 (<http://www.fskk.ru/journal/?aID=184>).
- Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Анненков П. В. Г-н Помяловский // Санкт-Петербургские ведомости. 1863. 5—6 янв. (http://dugward.ru/library/annenkov/annenkov_pomyalovskiy.html).
- Аномальное сексуальное поведение / Под ред. А. А. Ткаченко, Г. Е. Введенского. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
- Аристофан. Комедии. Т. 1. М.: Искусство, 1983.
- Арсеньев К. К. Воспоминания об Училище правоведения, 1849—1855 // Русская старина. 1886. Т. 50. № 4. С. 199—220.
- Аръес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
- Астахов П. В ювенальных технологиях необходимости нет // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 1.
- Афанасьев А. Н. До гимназии и в гимназии // А. Н. Афанасьев. Народ-художник. М.: Сов. Россия, 1986. С. 263—286.
- Ашенбреннер М. Ю. Автобиография. 1925 (<http://narovol.narod.ru/Person/ashenbrennerbio.htm>).
- Баранов А., Марфицин П. Словарь основных уголовно-правовых понятий и терминов. М.: Инфра-М, 2001.

- Безрогов В. Г. Традиции ученичества и институт школы в Древних цивилизациях. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В. С. Овчинского. М.: Инфра-М. 2004.
- Беловранин А., Заостровский А. Уполномоченный по внутренностям // Новая газета. 2009. 25—27 мая. <http://www.kadis.ru/daily/?id=66367>.
- Беловранин А., Заостровский А. Серп и молот ведьм: В стране опять нагнетается всенародная истерика с юридическими последствиями // Новая Газета в Санкт-Петербурге. 2008. №13 (<http://bl-antidot.info/80.html>).
- Берлогов А. Воспитание детей: Экспресс-курс для пап // <http://www.proza.ru/2009/11/23/123>.
- Бишток В. Л. Материалы для истории отмены телесных наказаний в России // Юридический вестник. 1891. Том XI. Кн. III—IV. С. 400—444.
- Блюхер А. Ф. Этические основания и аргументы в теориях правового наказания: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М.: Философский ф-т МГУ, 2009.
- Боголюбов А. П. Записки моряка-художника (К 300-летию Российского Флота) // Волга. 1996. № 2—3 (http://www.centre.smr.ru/win/books/bogolub_zap/1824—1841.htm).
- Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001.
- Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства: В 2 т. Изд. 2-е. Шадринск: Изд-во Шадринского пед. ин-та, 2008.
- Булюбаш Н. Школьные воспоминания // Русский педагогический вестник, 1861. №4. С. 38—41.
- Бунге Н. А., Забугин Н. П. Воспоминания // Столетие Киевской первой гимназии. Т. 3. Ч. 2. Киев: типография С. В. Кульженко, 1911. С. 597—602.
- Бухштаб Б. Я. Сказы о народных праведниках // Вершины: книга о выдающихся произведениях русской литературы / Сост. В. И. Кулешов. М.: Детская литература, 1983.
- Бьерре Й. Затерянный мир Калахари. М.: Мысль, 1964.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере

Владимирской губернии) // Авторы-составители: Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб.: Издательство Европейского Дома, 1993.

Варламов А. Пришвин, или Гений жизни: Биографическое повествование // Октябрь. 2002. № 1—2.

Вересаев В. В. Воспоминания // В. В. Вересаев. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М.: Правда, 1961.

Вересаев В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников // Предисловие Дм. Урнова и Вл. Сайтанова. М.: Московский рабочий, 1984 (http://pushkin.niv.ru/pushkin/bio/veresaev/pushkin-v-zhizni_16.htm).

Верещагин В. В. Детство и отрочество художника В. В. Верещагина. Т. 1. М., 1895.

Верещагин О. Н. Ювенильная трясина // Советская Россия. 2006. 27 июля.

Веселова А. Ю. Воспитательный дом в России и концепция воспитания И. И. Бецкого // Отечественные записки. 2004. № 3.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1960.

Волкова Е. Н. Проблемы насилия над детьми. СПб.: Питер, 2008.

Вопрос дня: Пороть или не пороть детей за двойки? // Комсомольская правда». 2009. 11 февраля.

Вяземский П. А. Из мемуаров 1865 г.: Допотопная или допожарная Москва // Державный сфинкс: Романовы в мемуарах современников. XVII—XX вв. Москва, 1999. С. 405—406.

Галахов А. Д. Записки человека / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В. М. Боковой. М.: НЛО, 1999.

Галенковский П. Воспитание юношества в прошлом: Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях в период 1700—1856. Изд. 2-е. СПб., 1904.

Ге Н. Н. Жизнь художника шестидесятых годов // Северный вестник. 1893. Кн. 3.

Ге Н. Киевская первая гимназия в сороковых годах // Столетие Киевской первой гимназии. Т. 3. Ч. 2. Киев: типография С. В. Кульженко, 1911. С. 597—602.

- Гетманский К., Коньгина Н. С поркой по жизни: В Канаде родители могут бить детей по закону. В России — бьют без закона // Известия. 2004. 2 февраля.
- Грязнов Е. Из школьных воспоминаний бывшего семинариста Вологодской семинарии Евгения Грязнова. Вологда: Типография губернского правления, 1903.
- Данилевский А. В. В. Розанов как литературный тип // Toronto Slavic Quarterly (<http://www.utoronto.ca/tsq/15/danilevsky15.shtml>).
- Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха // Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. Ж. Делёз. З. Фрейд. Работы о мазохизме. М.: РИК «Культура», 1992. С. 189—314.
- Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
- Дерягин Г. Б. Криминальная сексология: Курс лекций для юридических факультетов. М., 2008.
- Джаншиев Г. Из эпохи великих реформ. М.: Территория будущего, 2008 (1892).
- Долгов В. В. Детство в контексте древнерусской культуры XI—XII вв.: Отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 72—85.
- Долецкий С. Я. Синдром опасного обращения [вопросы семейного воспитания] // Учительская газета. 1987. 22, 27 октября.
- Домострой / Сост. В. В. Колесова. М.: Сов. Россия, 1990.
- Дружнин Н. Воспоминания о школьной жизни // Сын Отечества. 1860. № 48.
- Евдокимов С. В. Воспоминания контр-адмирала // Российская детская перекличка. 2008. № 3 (<http://www.fskk.ru/journal/?aID=119>).
- Евринов Н. История телесных наказаний в России. Дополненное статьями, запрещенными старым правительством. Пг., 1917. Репринтное издание. Харьков: Прогресс ЛТД, 1994.
- Жарков А. Я закален бельевой веревкой: Интервью // Семья. 2004. № 41. С. 24.

- Жбанков Д. О телесных наказаниях в начальных школах // Нижегородский сборник. СПб.: издание товарищества «Знание», 1905. С. 167—183.
- Жбанков Д. Н. Изучение вопроса о половой жизни учащихся // Практический врач. 1908. № 27—29. С. 470—474, 486—490, 503—507.
- Жбанков Д. Н., Яковенко Вл. И. Телесные наказания в России в настоящее время. М.: Тип. С. П. Яковлева, 1899.
- Жемчужников Л. От кадетского корпуса к академии художеств // Российская кадетская переключка. 2008. № 5.
- Запашный В. Досье // Комсомольская правда. 2007. 29 августа (<http://www.km.ru/file/index.asp?data=29.08.2007%2018:12:00&archive=on>).
- Записки В. И. Штейнгеля // Мемуары декабристов. Северное общество. М.: МГУ, 1981. С. 147—264.
- Захер-Мазох Л. Венера в мехах // Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. Ж. Делёз. Представление Захер-Мазоха. З. Фрейд. Работы о мазохизме. М.: РИК «Культура», 1992. С. 16—188.
- Здравомыслова О. Насилие в семье и кризис традиционной концепции воспитания // Социальная педагогика. 2005. № 1. С. 123—127.
- Златовратский Н. Н. Воспоминания. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1956.
- Зоркая Н., Леонова А. Семья и воспитание детей: частные изменения или системный сдвиг // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 60—75.
- Зуев Г. Исторические хроники Морского корпуса 1701—1925. М.—СПб.: Центрполиграф, МиМ-Дельта, 2005.
- Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: НЛО, 2005.
- Инструкция о применении поощрений и наказаний в школах. Разработана Управлением начальных и средних школ на основе приказа Народного Комиссариата Просвещения РСФСР N 205 от 21 марта 1944 года «Об укреплении дисциплины в школе» (<http://zt1.narod.ru/nkzn1944.htm>).

- Каменский В. Воспоминания об Александровском кадетском корпусе // Военная быль. 1973. № 124. С. 22—26.
- Книга дворцовых интриг: Евнухи у кормила власти в Китае / Сост. Д. Н. Воскресенский, В. Н. Усов. М.: Наталис, 2002.
- Коллманн Н. Буква Р на правой щеке // Родина. 2006. № 11.
- Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003.
- Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
- Кон И. С. Клубничка на березке. Изд. 3-е. М.: Время, 2010.
- Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции.
- Короленко В. Г. История моего современника // В. Г. Короленко. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1954. С. 129—318.
- Корчак Я. Как любить детей. Минск: Народная osveta, 1980.
- Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Исторические монографии и исследования. Т. 19. СПб., 1887.
- Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1884 (<http://www.hist.msu.ru/ER/Text/kotoshih.htm>).
- Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. М.: Республика, 1996.
- Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966.
- Левинсон К. А. Модернизация и школа в Германии на рубеже XIX и XX вв. // Новое литературное обозрение, 2010. № 105.
- Лесков Н. С. Кадетский монастырь // Н. С. Лесков. Собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1956. С. 47—66.
- Локк Д. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1985—1988.
- Лысова А. В., Истомина А. В. Об измерении родительского поведения по наказанию детей // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 8. С. 87—106.
- Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. 2010. Т. 14. № 1—2.

Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8 т. М.: Педагогика, 1984.

Максименко И. Л. Культурно-бытовой облик учащихся общеобразовательной начальной и средней школы в XIX — начале XX века: Курсовая работа студентки II курса, группы №280 / Научн. рук. проф. Л. В. Беловинский. М.: Моск. ун-т культуры и искусств. Кафедра музееведения, 2003 (<http://referat.resurs.kz/ref/kulturno-bitovoy-oblik-uchaschihsya-nachalnoy-i-sredney-shkoli-xix-nachala-hh-vekov/32/>).

Мертваго Д. Ф. Из записок: Морской кадетский корпус. 1856—1858 // Московская старина. 1918. Т. 406. № 12. С. 45—61.

Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютина (1816—1843 гг.). М.: Студия «ТРИТЭ»; «Российский архив», 1997. С. 82—92.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Михайлова Ю. Д. Традиционная система социализации детей в Японии // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1988.

Можегов В. Народный фронт против наркомафии, или в ожидании Аушвица? // www.polit.ru/analytics/2010/10/18/bychkov.html.

Монтень М. Опыты. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Мнение адмирала Мордвинова о кнуте как орудии наказания // Чтения Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859. IV (<http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum2363/item2367.html>).

Мудрик А. В. Социализация человека: Учебн. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010.

Нанивская В. Т. Система «морального воспитания» в японской школе: автореф. канд. дис. М., 1983.

На ювенальной юстиции поставили крест // <http://slon.ru/articles/86815/>.

Некрасов Н. А. Избр. соч. М.: Худ. лит., 1989.

Никитенко А. В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. М.: Захаров, 2005.

Никитин В. Многострадальные: Очерки быта кантонистов. М.: Воениздат, 2001.

Обнинский П. Н. О правовой защите детей // Журнал Министерства юстиции. 1900. Т. 1. С. 296—309.

Обольянинов В. В. В. В. Розанов — преподаватель в Вельской прогимназии (письмо в редакцию) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 71. С. 267—269 (Цит. по: Данилевский А. В. В. Розанов как литературный тип // Toronto Slavic Quarterly <http://www.utoronto.ca/tsq/15/danilevsky15.shtml>).

Оборин Л. В. Детский фольклор в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского: Дипломная работа студента пятого курса дневного отделения. Научн. рук. А. Б. Мороз. М., 2009 (http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/OL_3.htm).

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. М: Русич, 2003.

Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: НЛЮ, 2007.

Педагогические огорчения Федора Сологуба (<http://content.mail.ru/arch/52060/2354310.html>).

Педагогический арсенал: физические наказания // http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/child_dress/d082025.

Петров Ю. Соловьина песня больше соловья // ЛГ Книжный салон (http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg482002/Tetrad/art11_9.htm).

Платон. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1970—1972.

Позднеев В. А. Семинаристская поэзия XIX — начала XX века // Мужской сборник. Вып. 1. М.: Лабиринт, 2001. С. 197—208.

Познанский А. Петр Чайковский: Биография. В 2 т. СПб.: Вита Нова, 2009.

Покровская А. Ю. История телесных наказаний в русском уголовном праве. 2004 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Article/pokr_isttel.php.

Померанцев И. Музей английского детства, или Я ненавижу сына: Стихи. Проза. Киев: Факт, 1998 (<http://www.svobodanews.ru/content/blog/2285517.html>).

- Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. СПб.: Синодальная типография, 1893.
- Преснякова Л. Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 39—56.
- Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / Под ред. Е. Н. Волковой. СПб.: Питер, 2008.
- Проблемы толерантности в подростковой субкультуре / Под ред. В. С. Собкина. М.: ЦСО РАО, 2003.
- Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в). М.: Ладомир, 1997.
- Пушкин А. С. О народном воспитании // А. С. Пушкин. Собр. соч. 1962.
- Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 1—39. СПб.; Л., 1903—1930.
- Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Политиздат, 1952.
- Развитие русского права второй половины XVII—XVIII вв. / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. М., 1992.
- Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV—XVII вв. М.: Юрист, 1995.
- Розанов В. В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990.
- Рокицкий М. Р. О предотвращении жестокого и безответственного отношения к детям // Права ребенка. 2001. № 1. С. 18.
- Романов Н. Н. «В некоторых частях дерутся...»: Неуставные отношения и побегі военнослужащих беспокоили правительство в царской России сильнее, чем в демократической // Независимая газета. 2003. 26.09.
- Рубец А. И. Воспоминания о Киевской первой гимназии // Столетие Киевской первой гимназии. Т. 3. Ч. 2. Киев: типография С. В. Кульженко, 1911. С. 539—578.
- Рыбалко И. В. «Новые отцы» в современной России: Представления мужчин о родителъстве // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. 2006. № 3. С. 236—241.

- Свешников Н. И. Воспоминания пропадающего человека. М.: НЛО, 1996.
- Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский). Митрополит Филарет о Церкви и государстве. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005.
- Селиванов И. В. Воспоминания о Московском коммерческом училище 1831—1838 годов // Русский вестник. 1861. № 12. С. 728—740.
- Семенова-Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана» // Записки Императорского Российского Географического общества по отделению этнографии. Т. 39. СПб., 1914.
- Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб.: Изд-е книжн. магазина, 1887.
- Скабичевский А. М. Из воспоминаний о пережитом // http://dugward.ru/library/zolot/skabichevskiy_vosp.html. 2001.
- Смирнова А. Суд запретил отцу пороть сына-двоечника, а тот стал учиться еще хуже // Комс. Правда. 2009. 11.02 (<http://www.kp.ru/daily/24242/441209/print/>).
- «Снимай штаны, акселерат!» // Ямская слобода (Тюмень). 2002. № 51(168). 18.12.
- Сокулер З. Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко // Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХТИ, 2001. С. 58—82.
- Соловейчик С. Воспитание по Иванову. М.: Педагогика, 1989.
- Станюкович К. М. Отмена телесных наказаний // К. М. Станюкович. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Правда, 1977.
- Стасов В. В. Училище правоведения сорок лет назад в 1836—1842 // В. В. Стасов. Избр. соч.: В 3 т. М.: 1952. Т. 2.
- Стоюнин В. Я. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1954.
- Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Ч. 1. По изданию 1902 г. // Allpravo.ru. — 2003. (<http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum2363/item2367.html>).
- Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Татищев В. Н. Избр. произведения. Л.: Наука, 1979.

- Тимофеев А. Телесные наказания // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (http://gatchina3000.ru/big/099/99980_brockhaus-efron.htm).
- Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1904.
- Ткаченко А. А. Сексуальные извращения — парафилии. М.: Триада М, 1999.
- Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001.
- Тургенев Н. И. Статья о (временной) приостановке объявления манифеста 19 февраля 1861 г. / Публикация и вступительная статья Т. Головановой // Русская литература. 1961. № 4 (http://az.lib.ru/t/turgenew_n_i/text_0020.shtml).
- Филиппов Н. Устыдимся, взрослые! Исповедь наказанных детей специально для родителей // Семья. 1988. № 3.
- Филиппов Н. Откуда в них эти гены зла? // Семья. 1988. № 4.
- Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации // <http://www.fond-detyam.ru/news/504>.
- Фрейд З. «Ребенка бьют»: к вопросу о происхождении сексуальных извращений (1919) // Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. Ж. Делёз. Представление Захер-Мазоха. З. Фрейд. Работы о мазохизме. Пер. с нем. и франц. М.: РИК «Культура», 1992. С. 317—348.
- Фуко М. Надзирать и наказывать / Пер. с фр. В. Наумовой под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фурманов И. А. Дисциплинирование ребенка: Тактики разрешения родительско-детского конфликта // Психологический журнал. 2008. № 4 (20). С. 74—81.
- Холодная В. Г. Отцовское наказание в воспитании мальчика-подростка у восточных славян в конце XIX — начале XX вв. // Мужской сборник. Вып. 2. М.: Лабиринт, 2004. С. 170—177.
- Цымбал Е. И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия: Учебн. пособие. М.: РБФ НАН, 2007.

- Чайковский И. И. Эпизоды из моей жизни // Исторический вестник. 1913. Т. 81. № 1. С. 73—101; № 2. С. 469—499.
- Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
- Чарская Л. Профанация стыда. СПб.—М.: т-во М. О. Вольф, 1909 (<http://www.diary.ru/~charskaya/p107868863.htm>).
- Чернов Н. Провинциальный Тургенев. М.: Центрполиграф, 2003.
- Чернов Н. М. Дворянские гнезда вокруг Тургенева: Очерки местной культуры и культурной жизни прошлых столетий в провинции. Тула [на тит. л.: Спасское-Лутовиново]: ИПП «Гриф и К», 2003 (www.turgenev.org.ru/e.../brigadir.htm).
- Шаляпин Ф. И. Маска и Душа: Мои сорок лет на театрах. М.: Вагриус, 1997.
- Шишова Т. Наказывать с любовью // Православие.Ru, 26 апреля 2005 г. (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/323.htm>).
- Щепанская Н. Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 115—177.
- Щепкин М. С. Записки. Письма. Современники о Щепкине. М., 1952.
- Энниг Ж.-Л. Краткая история попы. М.: Колибри, 2006.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В., Антонова Е. П. Домашнее насилие над детьми: стратегии объяснения и противодействия // Социологические исследования. 2008. № 1.
- Advocacy. Royal College of Paediatrics and Child Health // <http://www.rcpch.ac.uk/Policy/Advocacy> Retrieved 6 August 2008.
- Albrecht H-J. Gewaltzyklen. Familiaere Gewalt als Ausloeser von Jugend und Erwachsenengewalt // Recht der Jugend und des Bildungswesens (RdJB). 2008. B. 2, S. 126—134.
- Arnold M. Thoughts on Education / Leonard Hugley ed.. London: John Murray, 1912.
- Ascham R. The Schoolmaster. NY: Da Capo Press, 1968.

- Aucoin K. J., Frick P. J., Bodin S. D. Corporal punishment and child adjustment // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2006. Vol. 27. № 6. P. 527—541.
- Ayer A. J. *Replies* // *Perception and Identity* / G. Macdonald, ed. London: Macmillan, 1979.
- Bankart C. P., Bankart B. M. Japanese children's perceptions of their parents // *Sex Roles*. 1985. Vol. 13. P. 679—690.
- Barry H. III. Corporal punishment and other formative experiences associated with violent crimes // *Journal of Psychohistory*. 2007. Vol. 35. № 1.
- Barry H. 3-d, Josephson L., Lauer E., Marshall C. Agents and techniques for child training: Cross-cultural codes 6 // *Ethnology*. 1977. Vol. 16. P. 191—230.
- Baumrind D. Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior // *Genetic Psychology Monographs*. 1967. Vol. 75. № 1. P. 43—88.
- Baumrind D. The discipline controversy revisited // *Family Relations*. 1996. Vol. 45. P. 405—414.
- Baumrind D. Does established knowledge support public policy recommendations enjoining normative physical discipline (PD)? : Paper presented at the Biennial Meeting of the Society for Research in Child Development. Tampa, FL. 2003. April.
- Baumrind D., Larzelere R. E., Cowan P. A. Ordinary physical punishment: Is it harmful? Comment on Gershoff (2002) // *Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128. № 4. P. 580—589.
- Bedau H. A. Punishment // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2010 (<http://plato.stanford.edu/entries/punishment>).
- Benjet C., Kazdin A. E. Spanking children: The controversies, findings, and new directions // *Clinical Psychology Review*. 2003. Vol. 23. P. 197—224.
- Berlin L. J., Malone P. S., Ayoub C. et al. Correlates and consequences of spanking and verbal punishment for low-income white, African American, and Mexican American toddlers // *Child Development*. 2009. Vol. 80. № 5. P. 1403—1420.

- Bremner J. D.* Long-term effects of childhood abuse on brain and neurobiology // *Child Adolesc. Psychiatr. Clin. N. Am.* 2003. Vol. 12. P. 271—292.
- Bugental D. B., Martorell G. A., Barraza V.* The hormonal costs of subtle forms of infant maltreatment // *Horm Behav.* 2003. Vol. 43. № 1. P. 237—244.
- Bussman K. D.* Evaluating the subtle impact of a ban on corporal punishment of children in Germany // *Child Abuse Review.* 2004. Vol. 13. P. 292—311.
- Bussman K. D., Erthal C., Schroth A.* The effect of banning corporal punishment in Europe: a five-nation comparison. Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg, Germany // Manuscript. October 2009.
- Chandos J.* Boys Together. English Public Schools 1800—1864. Yale University Press, 1984.
- Chang I. J., Pettit R. W., Katsurada E.* Where and when to spank: a comparison between U.S. and Japanese college students // *Journal of Family Violence.* 2007. Vol. 21. № 1. P. 281—286.
- Churchill W. S.* My Early Life. London: Odhams Press Ltd., 1941.
- Connolly P. H.* Psychological functioning of bondage/dominance/sado-masochism (BDSM) practitioners // *Journal of Psychology & Human Sexuality.* 2006. Vol. 18. P. 79—120.
- Corporal punishment in Japan: gobsmacking = results // <http://whatjapanthinks.com/2008/07/03/corporal-punishment-in-japan-gobsmacking-results/>.
- Crandall M., Chiu B., Sheehan K.* Injury in the First Year of Life: Risk Factors and Solutions for High-Risk Families // *Journal of Surgical Res.* 2006. Vol. 133. Issue 1. P. 7—10.
- Cross P. A., Matheson K.* Understanding sadomasochism: an empirical examination of four perspectives // *The Journal of Homosexuality.* 2006. Vol. 50. № 2—3. P. 133—166.
- Dayton J. J. D.* Corporal punishment in public schools: The legal and political battle continues // *Education Law Reporter.* 1994. Vol. 89. P. 729—740.
- Deater-Deckard K., Dodge K. A.* Externalizing behavior problems and discipline revisited: Nonlinear effects and variation by culture,

- context, and gender // *Psychological Inquiry*. 1997. Vol. 8. № 3. P. 161—175.
- Deater-Deckard K., Dodge K. A., Bates J. E., Pettit G. S.* Physical discipline among African American and European American mothers: Links to children's externalizing behaviors // *Developmental Psychology*. 1996. Vol. 32. № 6. P. 1065—1072.
- Deater-Deckard K., Lansford J. E., Dodge K. A., Pettit G. S., Bates J. E.* The development of attitudes about physical punishment: an 8-year longitudinal study // *J. Fam. Psychol.* 2003. Vol. 17. P. 351—360.
- De Zoysa P., Newcombe P. A., Rajapakse L.* Corporal punishment in the Sri Lankan context: Psychological outcomes for our children // D. M. Devore (Ed.). *New Developments in Parent-Child Relations* Hauppauge, NY: Nova Science, 2006. P. 1—40.
- Discipline and Punishment of Children: A Rights-Based Review of Laws, Attitudes and Practices in East Asia and the Pacific.* Bangkok: Save the Children Sweden.
- Disgraceful Affair at Hounslow* // http://www.stmgrts.org.uk/archives/2010/01/the_disgraceful_affair_at_hounslow.html.
- Dixon W. E.* 20 studies that shook up child psychology // *Developments: Newsletter of the Society For Research On Child Development*. 2003. Vol. 46. № 1.
- Douglas E. M.* Familial violence socialization in childhood and later life approval of corporal punishment: A cross-cultural perspective // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2006. Vol. 76. № 1. P. 23—30.
- Drey N., Pastoetter J., Pryce A.* Sex-Study 2008 — Sexual Behaviour in Germany. DGSS and City University London in Collaboration with ProSieben. Duesseldorf — London, 2008.
- Dugan C.* The Origins of Spanking Fetish // <http://nospank.net/dugan5.htm>. 1996.
- Durrant J. E.* Law reform and corporal punishment in Sweden: Response to Robert Larzelere, The Christian Institute, and Families First. Winnipeg, Canada: Department of Family Social Sciences. University of Manitoba, 2005.
- Durrant J. E., Janson S.* Law reform, corporal punishment and child abuse: The case of Sweden // *International Review of Victimology*. 2005. Vol. 12. P. 139—158.

- Durrant J. E., Rose-Krasnor L., Broberg A. G.* Physical punishment and maternal beliefs in Sweden and Canada // *Journal of Comparative Family Studies*. 2003. Vol. 34. P. 586—604.
- Durrant J. et al.* Punitive Violence Against Children in Canada // 41E CECW Information Sheet 1. 2006.
- Dussich J. P. J., Maekoya Chie.* Physical child harm and bullying-related behaviors: A comparative Study in Japan, South Africa, and the United States // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2007. Vol. 51. № 5. P. 495—509.
- Ember C. R., Ember M.* War, socialization, and interpersonal violence: A cross-cultural study // *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. P. 620—646.
- Ember C. R., Ember M.* Explaining corporal punishment of children: A cross-cultural study // *American Anthropologist*. 2005. Vol. 107. № 4. P. 609—619.
- Erlanger H. S.* Social class and corporal punishment in child-rearing: A reassessment // *American Sociological Review*. 1974. Vol. 39. № 1. P. 68—85.
- Farrington D. P.* Conduct disorder, aggression, and delinquency // *Handbook of Adolescent Psychology*. Second ed. / Ed. By R. M. Lerner, L. Steinberg. N.Y.: Willey, 2004. P. 626—664.
- Federal Ministry of Justice & Federal Ministry for Family Affairs, Senior Citizens, Women and Youth. Violence in upbringing: An assessment after the introduction of the right to a non-violent upbringing. 2003.
- Fedoroff J. P.* Paraphilic Worlds // *Handbook of Clinical Sexuality for Mental Health Professionals* / S. Levine (Ed). New York: Routledge, 2010. Chapter 23. P. 401—424.
- Fraser N.* The Importance of Being Eton: Inside the World's Most Powerful School. London: Short Books, 2006.
- Fukuzawa R. E., LeTendre G.* Intense Years: How Japanese Adolescents Balance School, Family and Friends. New York, London: Routledge Falme, 2001.
- Fuller J. M.* The science and statistics behind spanking suggest that laws allowing corporal punishment are in the best interests of the child // *Akron Law Review*. 2009. Vol. 42. No. 243

- Gathorne-Hardy J.* The Public School Phenomenon, 597—1977. L.: Hodder and Stoughton, 1977.
- Gershoff E. T.* Corporal punishment by parents and associated child behaviors and experiences: A meta-analytic and theoretical review // *Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128. P. 539—579.
- Gershoff E. T.* More harm than good: A summary of scientific research on the intended and unintended effects of corporal punishment on children // *Law and Contemporary Problems*. 2010. Vol. 73. P. 33—58.
- Gershoff E. T., Grogan-Kaylor A., Lansford J. E., Chang L. et al.* Parent discipline practices in an international sample: Associations with child behaviors and moderation by perceived normativeness // *Child Development*. 2010. Vol. 81. Issue 2. P. 487—502.
- Gibson I.* The English vice. Beating, sex and shame in Victorian England and after. Duckworth, 1978.
- Global Initiative to End All Corporal Punishment of Children // <http://www.endcorporalpunishment.org>.
- Goldfrank E.* Socialization, Personality, and the Structure of Pueblo Society // *American Anthropologist*. 1945. Vol. 47. P. 516—539.
- Goldman J. D. G., Goldman R. J.* Children's Perceptions of Parents and their Roles: A Cross National Study in Australia, England, North America and Sweden // *Sex Roles*. 1983. Vol. 9. P. 791—812.
- Goodman R.* Children of the Japanese State: The Changing Role of Child Protection. Oxford University Press, 2000.
- Goodman R.* Family and Social Policy in Japan: Anthropological Approaches, Cambridge University Press: Cambridge, 2002.
- Grogan-Kaylor A.* Corporal punishment and the growth trajectory of children's antisocial behavior // *Child Maltreat*. 2005. Vol. 10. № 3. P. 283—292.
- Hendry J.* Understanding Japanese Society. 3 ed. London: Routledge, 2003.
- Holden G. W.* Perspectives on the effects of corporal punishment: Comment on Hollowell C. Enforcing performance: Disciplining girls in British co-educational boarding school stories, 1928—58 // *International Research in Children's Literature*. 2008. Vol. 1. P. 125—138.

- Hollowell C.* Enforcing performance: Disciplining girls in British co-educational boarding school stories, 1928—58 // *International Research in Children's Literature*. 2008. Vol. 1. P. 125—138.
- How They Were Taught* / P. H. J. H. Gosden (ed.). Oxford: Basil Blackwell, 1969.
- Hunt D.* Parents and Children in History // *Psychology of Family Life in Early Modern France*. N.Y.: Basic Books, 1970.
- International comparative research on «home education»: survey on children and the family life. Tokyo, Japan Association for Women's Education, 1995.
- International Save the Children Alliance on corporal punishment. April 2003.
- Ishii-Kuntz M. K., Kato K., Tsuchiya M.* Japanese fathers of preschoolers and their involvement in child care // *Journal of Marriage and Family*. 2004. Vol. 66. P. 779—791.
- Japanese fathers become 'Papa Danshi' // CNNGo.com <http://www.cnn.go.com/tokyo/none/papa-danshi-japanese-fathers-who-being-fathers-289399#ixzz0lnwXZBcR>.
- James A., Jencks C., Prout A.* Theorizing Childhood. L.: Polity press, 1999.
- Kacker L., Varadan S., Kumar P.* Study on Child Abuse: India 2007. New Dehli: Ministry of Women and Child Development, 2007.
- Kelly C.* Children's World. Growing Up in Russia, 1890—1991. New Haven-L.: Yale UP, 2007.
- Kessler R.C., McLaughlin K. A. et al.* Childhood adversities and adult psychopathology in the WHO World Mental Health Surveys // *The British Journal of Psychiatry*. 2010. Vol. 197. P. 378—385.
- King N., Butt T., Green L.* Spanking and the corporal punishment of children: the sexual story // *International Journal of Children's Rights*. 2003. Vol. 11. № 2. P. 199—217.
- Kobayashi N., Tanimura M., Shimauchi Y.* Corporal punishment in the schools and homes of Japan, 9th Asian Congress of Pediatrics, Hong Kong, 22—23 March 1997 (<http://www.childresearch.net/RESOURCE/PRESEN/1997/KORNER/CORPO.HTM>).

- Kobayashi-Winata H., Power T. G.* Child rearing and compliance: Japanese and American families in Houston // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1989. Vol. 20. № 4. P. 333—356.
- Krueger R. B.* The DSM diagnostic criteria for sexual sadism // *Archives of Sexual Behavior*. 2010. Vol. 39. P. 325—345, 346—356.
- Lansford J. E.* The special problem of cultural differences in effects of corporal punishment // *Law and Contemporary Problems*. 2010. Vol. 73. P. 89—106.
- Lansford J. E., Chang L., Dodge K. A., Malone P. S. et al.* Cultural normativeness as a moderator of the link between physical discipline and children's adjustment: A comparison of China, India, Italy, Kenya, Philippines, and Thailand // *Child Development*. 2005. Vol. 76. P. 1234—1246.
- Lansford J. E., Criss M. M., Dodge K. A. et al.* Trajectories of physical discipline: early childhood antecedents and developmental outcomes // *Child Dev*. 2009. Vol. 80. № 5. P. 1385—1402.
- Lansford J. E., Deater-Deckard K., Dodge K. A., Bates J. E., Petit G. S.* Ethnic differences in the link between physical discipline and later adolescent externalizing behaviors // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2004. Vol. 45. P. 801—812.
- Lansford J. E., Dodge K. A.* Cultural norms for adult corporal punishment of children and societal rates of endorsement and use of violence corporal punishment and societal violence // *Parenting: Science and Practice*. 2008. Vol. 8. № 3. P. 1—24.
- Larzelere R. E.* Child outcomes of nonabusive and customary physical punishment by parents: An updated literature review // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2000. Vol. 3. № 4. P. 199—221.
- Larzelere R. E., Baumrind D.* Are spanking injunctions scientifically supported? // *Law and Contemporary Problems*. 2010. Vol. 73. P. 57—88.
- Larzelere R. E., Cox R. B. Jr., Smith G. L.* Do nonphysical punishments reduce antisocial behavior more than spanking? A comparison using the strongest previous causal evidence against spanking // *BMC Pediatrics*. 2010. 10:10 (<http://www.biomedcentral.com/1471-2431/10/10>).

- Larzelere R. E., Kuhn B. R.* Comparing child outcomes of physical punishment and alternative disciplinary tactics: a meta-analysis // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2005. Vol. 8. № 1. P. 1—37.
- Lau J. T., Kim J. H., Tsui H. Y., Cheung A., Lau M., Yu A.* The relationship between physical maltreatment and substance use among adolescents: a survey of 95,788 adolescents in Hong Kong // *Journal of Adolescent Health*. 2005. Vol. 37. P. 110—119.
- Les Français et la fessée 2009* // <http://www.tns-sofres.com/points-de-vue/024C9158AD2245C4A02E32CD19282A99.aspx>.
- Levinson D.* Family Violence in Cross-cultural perspective. Newbury Park, CA: Sage, 1989.
- Loseke D. R.* Reply to Murray A. Straus: Readings on “Discipline and Deviance” // *Social Problems*. 1999. Vol. 38. № 2. P. 162—166.
- Lysova A. V.* Corporal Punishment and Depressive Symptoms: The Moderating Effect of Positive Parenting in a Multi-National Perspective and Russia. Presented at the World Society of Victimology's 13th International Symposium on Victimology, on August 23—28, 2009 on Tokiwa University Campus in Mito, Japan.
- Mathurin M. N., Gielen U. P., Lancaster J.* Corporal punishment and personality traits in the children of St. Croix, United States Virgin Islands // *Cross-Cultural Research*. 2006. Vol. 40. № 3. P. 306—324.
- MacMillan H. L., Boyle M. H., Wong M. Y., Duku E. K., Fleming J. E., Walsh C. A.* Slapping and spanking in childhood and its association with lifetime prevalence of psychiatric disorders in a general population sample // *Canadian Medical Association Journal*. 1999. Vol. 161. № 7. P. 805—809 (PMC: 1230651. <http://www.cmaj.ca/cgi/pmidlookup?view=long&pmid=10530296>).
- Mahoney A., Donnelly W. O., Lewis T., Maynard C.* Mother and father self-reports of corporal punishment and severe physical aggression toward clinic-referred youth // *J Clin Child Psychol*. 2000. Vol. 29. № 2. P. 266 —281.
- McLoyd V. C., Smith J.* Physical discipline and behavior problems in African American, European American, and Latino children:

- Emotional support as a moderator // *Journal of Marriage and the Family*. 2002. Vol. 64. Issue 1. P. 40—53.
- Meadows S. O., McLanahan S. S., Brooks-Gunn J.* Parental depression and anxiety and early childhood behavior problems across family types // *J Marriage Fam.* 2007. Vol. 69. № 5. P. 1162—1177.
- Middleton J.* Thomas Hopley and Mid-Victorian attitudes to corporal punishment // *History of Education*. 2005. Vol. 34. № 6. P. 599—615.
- Miethe, Terance D., Hong Lu.* Punishment: A Comparative Historical Perspective. Cambridge University Press, 2005.
- Miller A.* Taibatsu: “corporal punishment” in Japanese socio-cultural context // *Japan Forum*. 2009. Vol. 21. № 2. P. 233—254.
- Moser C., Levit E.* An exploratory-descriptive study of sadomasochistically oriented sample // *Journal of Sex Research*. 1987. Vol. 23. № 3. P. 322—337.
- Musil A.* The Manners and Customs of Rwala Bedouins. N. Y., 1928.
- Nevill R.* Floreat Etona: Anecdotes and Memories of Eton College. London: Macmillan, 1911.
- Noll J. G.* Does childhood sexual abuse set in motion a cycle of violence against women? // *J Interpers Viol.* 2005. № 4. P. 455—462.
- Norwood C.* The English Tradition of Education. L.: John Murray, 1929.
- Paolucci E. O., Violato C.* A meta-analysis of the published research on the affective, cognitive and behavioral effects of corporal punishment // *Journal of Psychology*. 2004. Vol. 138. P. 197—221.
- Petersen L.R., Lee G. R., Ellis G. J.* Social structure, socialization values, and disciplinary techniques: A cross-cultural analysis // *Journal of Marriage and the Family*. 1982. Vol. 44. № 1. P. 131—142.
- Plante R. F.* Sexual spanking, the self, and the construction of deviance // *Journal of Homosexuality*. 2006. Vol. 2/3. P. 59—79.
- Pollard D.* Banning child corporal punishment // *Tulane Law Review*. 2003. Vol. 77. P. 575—657.

Pour ou contre les fessées ? l'enquête de l'Union des Familles en Europe, 2007 // <http://www.uniondesfamilles.org/enquete-fessees.htm>.

Quorstrup J. Childhood as a Social Phenomenon // An Introduction to a Series of National Reports: Eurosocial Reports. Vol. 36. Vienna, 1991.

Raven S. The Old School: A Study in the Oddities of the English Public School System. L.: Hamish Hamilton, 1986.

Richters J., de Visser R. O., Rissel C. E., Grulich A. E., Smith A. M. A. Demographic and psychosocial features of participants in bondage and discipline, "sadoomasochism" or dominance and submission (BDSM): Data from a national survey // Journal of Sexual Medicine. 2008. Vol. 5. P. 1660—1668.

Ripoll-Núñez K J., Rohner R. P. Corporal punishment in cross-cultural perspective: Directions for a research agenda // Cross-Cultural Research. 2006. Vol. 40. P. 220—249.

Rohner R. P. They Love Me, They Love Me Not: A Worldwide Study of the Effects of Parental Acceptance and Rejection. New Haven: HRAF, 1975.

Rohner R. P. The Warmth Dimension. Beverly Hills, CA: Sage, 1986.

Rohner R. P. Physical Punishment Questionnaire. 2001 (Available from Rohner Research Publications, 255 Codfish Falls Road, Storrs, CT 06268)

Rohner R. P. Glossary of significant concepts in parental acceptance rejection theory (PARTheory). Retrieved January 16, 2005 // www.cspar.uconn.edu.

Rohner R. P. Preface // Cross-Cultural Research. 2006. Vol. 40. No. 3. P. 215—219.

Rooksby R. A. C. Swinburne: A Poet's Life. London: Scolar Press, 1997.

Sandnabba N., Santtila P., Nordling N. Sexual behavior and social adaptation among sadoomasochistically oriented males // Journal of Sex Research. Vol. 36. P. 273—282.

Schlack R., Hölling H. Gewalterfahrungen von Kindern und Jugendlichen im subjektiven Selbstbericht. Erste Ergebnisse aus dem Kinder- und

- Jugendgesundheitssurvey (KiGGS). Bundesgesundheitsblatt Gesundheitsforschung Gesundheitsschutz. 2007. B. 50. H. 5/6. S. 819—826.
- Schoebi D., Perrez M.* Bestrafungsverhalten von Erziehungsberechtigten in der Schweiz. Eine vergleichende Analyse des Bestrafungsverhaltens von Erziehungsberechtigten 1990 und 2004. (Forschungsbericht z Hd. Bundesamt fuer Sozialversicherung). Fribourg: Department of Psychology. 2004 // www.rwi.uzh.ch/elt-lst-buechler/famr/kindesschutz/de/pdf/pdf4.pdf.
- Schoolland K.* Shogun's Ghost: The Dark Side of Japanese Education. Greenwood Press, 1990.
- Schrader A. M.* Languages of the Lash: Corporal Punishment and Identity in Imperial Russia. Illinois Univ.Press, 2002.
- Schumann D.* Legislation and liberalization: The debate about corporal punishment in schools in postwar West Germany, 1945—1975 // German History. 2007. Vol. 25. № 2. P. 192—218.
- Shimoda T.* Representations of parenting and gender roles in the Shōshika era: Comparisons of Japanese and English-language parenting magazines // Electronic journal of contemporary japanese studies. 2008. Article 1 (<http://www.japanesestudies.org.uk/articles/2008/Shimoda.html>).
- Shwalb D. W., Nakazawa J., Yamamoto T., Hyun J.-H.* Fathering in Japan, China, and Korea: Changing contexts, images, and roles // The Role of the Father in Child Development. 5th Edition / Michael E. Lamb, ed. N. Y.: Wiley, 2010. P. 341—388.
- Simons D. A., Wurtele S. K.* Relationships between parents' use of corporal punishment and their children's endorsement of spanking and hitting other children // Child Abuse & Neglect. 2010. Vol. 34. Issue 9. P. 639—646.
- Slade E. P., Wissow L. S.* Spanking in early childhood and later behavior problems: A prospective study of infants and young toddlers // Pediatrics. 2004. Vol. 113. P. 1321—1330.
- Smith C., Thornberry T. P.* The relationship between childhood maltreatment and adolescent involvement in delinquency // Criminology. 1995. Vol. 33. P. 451—481.
- Sommerville C. J.* The Rise and Fall of Childhood. Beverly Hills, Calif.: Sage Publication, 1982.

- Steinberg S., Kruckman L., Steinberg S.* Reinventing fatherhood in Japan and Canada // *Social Science and Medicine*. 2000. Vol. 50. № 9. P. 1257—1272.
- Stoller R. J.* Pain and Passion: A Psychoanalyst Explores the World of S & M. NY: Plenum Press, 1991.
- Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England. N. Y.: Harper, 1979.
- Straus M. A.* Spanking and the making of a violent society // *Pediatrics*. 1996. Vol. 98 (4S). P. 837—842.
- Straus M. A.* Beating the Devil out of Them: Corporal Punishment in American Families and Its Effects on Children. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 2001.
- Straus M. A.* Corporal punishment and academic achievement scores of young children: A longitudinal study // *The Primordial Violence: Corporal Punishment by Parents, Cognitive Development, and Crime* / M. A. Straus, ed. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2003.
- Straus M. A.* Corporal punishment of children and sexual behavior problems: Results from four studies. Presented at the American Psychological Association Summit Conference On Violence And Abuse In Interpersonal Relationship, Bethesda, Maryland 28 February 2008.
- Straus M. A.* Differences in corporal punishment by parents in 32 nations and its relation to national differences in IQ. Paper presented at the 14th International Conference On Violence, Abuse And Trauma, Alliant International University, San Diego, California, 25 September, 2009.
- Straus M. A.* Prevalence, societal causes, and trends in corporal punishment by parents in world perspective // *Law and Contemporary Problems*. 2010. Vol. 73. P. 1—30.
- Straus M. A., Paschall M. J.* Corporal punishment by mothers and development of children's cognitive ability: A longitudinal study of two nationally representative age cohorts // *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. 2009. Vol. 18. Issue 5. P. 459—483.
- Straus M. A., Stewart J. H.* Corporal punishment by American parents: National data on prevalence, chronicity, severity, and duration in relation to child and family // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 1999. Vol. 2. P. 55—70.

- Straus M., Sugarman D. B., Giles-Sims J.* Spanking by parents and subsequent antisocial behavior of children // Archives of Pediatric and Adolescent Medicine. 1997. Vol. 151. P. 761—767.
- Swinburne A. C.* Lesbia Brandon. London: The Falcon Press, 1952.
- Tang C. S.-K.* Corporal punishment and physical maltreatment against children: a community study on Chinese parents in Hong Kong // Child Abuse Negl. 2006. Vol. 30. № 8. P. 893—907.
- Taylor C. A., Manganello J. A., Lee S. J., Rice J. C.* Mothers' spanking of 3-year-old children and subsequent risk of children's aggressive behavior // Pediatrics. 2010. Vol. 125. № 5.
- Tomassilli J. C., Golub S. A., Bimbi D. S., Parsons J. T.* Behind closed doors: an exploration of kinky sexual behaviors in urban lesbian and bisexual women // Journal of Sex Research. Sept-Oct, 2009.
- Tomoda A., Suzuki H., Rabi K., Sheu Y. S., Polcari A., Teicher M. H.* Reduced prefrontal cortical gray matter volume in young adults exposed to harsh corporal punishment // Neuroimage. 2009. Vol. 47. Suppl. 2: T 66—71.
- Townsend P.* Time and Change: An Autobiography. London: Methuen, 1979.
- Trunk D.* Child abuse: A summary // Verhaltenstherapie. 2010. Bd. 20. S. 11—18.
- Underhill R. M.* Social Organization of the Papago Indians. New York: Columbia University Press, 1939.
- Wagatsuma H.* Some aspects of the contemporary Japanese family: Once Confucian, Now fatherless? // Daedalus. 1977. Vol. 106. № 2. P. 181—210.
- Wetzels P.* Gewalterfahrungen in der Kindheit. Sexueller Missbrauch, körperliche Misshandlung und deren langfristige Konsequenzen. Baden-Baden, Deutschland: Nomos-Verlag, 1997.
- Zingraff M. T., Leiter J., Myers K. A., Johnson M.* Child maltreatment and youthful problem behavior // Criminology. 1993. Vol. 31. P. 173—202.

Zolotor A. J. Speak softly — and forget the stick: Corporal punishment and child physical Abuse // American Journal of Preventive Medicine. 2008. Vol. 35. P. 364, 368.

World Corporal Punishment Research // <http://www.corpun.com/index.htm>.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Культурная антропология телесных наказаний	16
Что значит «телесное наказание»?	16
Телесные наказания детей	
в культурно-исторической перспективе	29
<i>Телесные наказания в Японии. Интерлюдия</i>	51
Глава 2. Немного истории	60
От религиозного дискурса к педагогическому	60
Англия — классическая страна телесных наказаний	65
Прекрасная Франция	95
Сделано в Германии	100
Шведский эксперимент	106
Телесные наказания — вне закона!	110
Проблема телесных наказаний	
волнует не только европейцев	119
Телесные наказания — серьезная проблема	
для стран Азии	122
Утопия или руководство к действию?	125
Отцовство как вертикаль власти	129

Глава 3. Кого и как пороли в царской России?	133
Сечение взрослых	133
Основы ременной педагогики	173
Телесные наказания в школе	179
Церковные школы.....	179
Кантонисты	189
Гимназии	192
Военно-учебные заведения	201
Училище правоведения	
и Пажеский корпус	211
Восприятие порки	216
Пирогов или Добролюбов?	218
Порка в родительской семье	226
Глава 4. Телесные наказания в советской	
и постсоветской России	269
Советская Россия: закон, теория и практика	269
Повести детства	277
Рассказы современных подростков	280
Порка девочек	283
Советские критики телесных наказаний	287
Дети в постсоветской России	290
В зеркале массовых опросов	295
Споры о телесных наказаниях и правах ребенка	311
Глава 5. Каков эффект телесных наказаний?	323
Школа послушания	323
Телесные наказания, агрессивность	
и склонность к насилию	329
Телесные наказания и здоровье	335
Телесные наказания и взаимоотношения	
с родителями	338
Телесные наказания и умственные способности	339
От идеологии к методологии	346
Возвращаясь к социуму.....	351

Глава 6. Порка как удовольствие	358
Телесные наказания в сексологической перспективе	358
От Руссо до Сологуба	360
Вместо литераторов — психиатры	372
БДСМ и спанкофилия.....	380
 Заключение. Так все-таки — бить или не бить?	 396
 Литература	 413